

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

1

2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
119992, Москва, Ленинские
горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
социологический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.: (495) 939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
<http://soziologi.ru>

*Гарнитура MysIC.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.*

Подписано в печать 04.03.2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

Заведующая редакцией:

А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльнов, Л.Я. Дят-
ченко, С.Г. Ивченков, Н.Р. Исправ-
никова, П.Ф. Кравчук, В.А. Кудряв-
цев, В.Н. Кузнецов, А.И. Куропят-
ник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
И.К. Масалков, Ф.И. Минюшев,
А.П. Михайлов, Л.Н. Панкова,
В.Н. Петров, Н.Я. Полякова,
М.В. Романенко, В.В. Серебрянни-
ков, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов,
Н.Л. Смакотина, И.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин, М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, статистических данных, иной информации. Библиографический список оформляется в соответствии с государственным стандартом (ГОСТ 7.4-95. Издания. Выходные сведения), Все аббревиатуры должны быть пояснены.

Аннотация и ключевые слова к статье на русском и английском языках (до 5 аннотированных предложений и до 10 ключевых слов на каждом языке). Название статьи и ФИО автора также на английском языке.

Авторская справка (если авторов несколько, то авторская справка составляется для каждого из них), в которой указывается: ФИО - полностью; полное название основного места работы; ученая степень и ученое звание; адреса электронной почты.

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Кравченко А.И.* Статика и динамика социального действия 4
- Мусеев О.Х.* Понятия «Пожилое население» и «Стареющее население» в контексте институционального анализа 40
- Синельников А.Б.* Возможна ли полная свобода выбора жизненного пути? 51

К 75-летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- Васацкий Н.А.* Апология Великой Победы. 1941-1945 гг.: Цивилизационный фактор ... 66
- Осташкин В.Н.* Содержание, основные направления и формы деятельности учреждений культуры в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 78

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Володькин П.П., Уманец И.Ф., Лазарев В.А., Панчук Н.Н., Филатова О.А.* Формирование системы онлайн-обучения в Тихоокеанском государственном университете: социологический аспект 93
- Гарнага А.Ф.* Направления современных исследований города и городских пространств 102
- Гончарова Т.А., Грошева Г.В.* Социокультурный портрет современного мемуариста (на примере авторов персональных текстов по истории томских деревень XX в.) 108
- Дроздов Д.И.* Потребности клиента, как ключевой фактор трансформации традиционных бизнес-моделей на современных рынках на примере банковского сектора 118
- Жэн Хуаньхуань, Цзян Суй.* Сравнительный анализ режимов трудоустройства китайских и российских отставников 126
- Игумнов О.А.* Развитие организационного социального капитала: теоретические гипотезы 136
- Кожеников А.М., Масликов В.А.* Современные исследования влияния интернет-коммуникаций на формирование ценностных ориентаций молодежи 149
- Максимов В.В.* Методические проблемы социологического исследования цивилизационной идентификации российской молодежи 159
- Месропян М.Г.* Социологический анализ практики внедрения телемедицины в условиях с ограниченными ресурсами .. 165
- Матюшина Ю.Б., Петров Д.С., Петрова В.Д.* Доходы в бюджете современного российского студента 173
- Рязанцев И.П., Гридина В.В.* Традиции и ценности современного технического вуза 186
- Чернышев В.П., Чернышева Л.Г., Юречко О.В., Бобина О.Н., Мацко А.И.*

Современный спорт как убежище от онтологического страха и конструирование временной лакуны безопасности 196

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Апполонов А.В.* Понятие «religio» в творчестве Марсилио Фичино 202
- Гарипова Н.М.* О смыслах «смысла» и его ипостасях 210
- Пожарский С.Д., Бобер Ж.* Проблемы становления и развития философских исследований категории «Маргинальность» 221
- Музыка О.А., Полов В.В.* Актуальность проблемы формирования инклюзивной культуры: научный дискурс 232
- Равочкин Н.Н.* Включение теории Д. Норта в синтетическую методологию изучения идейной детерминации политико-правовых институциональных преобразований 238
- Роткин Н.В.* Оборонное сознание общества как социально-философская категория ... 248
- Саъдионов М.Т.* Мактубат Имам Раббани и татарский улеме 259
- Сизинцев П.В.* Понятие о личности в философско-социальном наследии русского мыслителя П.Я. Чаадаева 266

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ардашев Р.Г.* Роль прагматического мышления в современных представлениях о нетрадиционных методах лечения 273
- Журавлева И.А.* Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи 279
- Зубова О.Г.* Специфика российского научного дискурса проблемы детского участия 287
- Иванов Р.В.* Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования 301
- Малых С.В.* Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи 312
- Попова М.В.* Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области 317
- Полюшкевич О.А.* Оптимисты и пессимисты в современном мире 328
- Скуденков В.А.* Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России 341
- Тетерин В.В.* Ресурсность высшей школы для социализации личности 345
- Трескин П.А.* Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе 352

Статика и динамика социального действия

Кравченко Альберт Иванович

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenkoai@mail.ru

Классическую теорию социального действия М. Вебера, повлиявшую на становление всей мировой социологии, создал в конце XIX — начале XX в. немецкий социолог Макс Вебер. Именно концепция социального действия послужила основой того, что позже стали именовать понимающей социологией. Понять социальное действие — значит, понять его смысл, мотивы и намерения действующего субъекта. Трудность заключается в том, что подлинное знание мотивов действия принадлежит исключительно действующему субъекту. А социология, стремящаяся понять заложенные в действиях смыслы, использует «понимающий» метод. Для раскрытия смысла действия, как полагает Вебер, должны одновременно использоваться как логические, так и психологические средства познания. С логической точки зрения познание социальных действий должно опираться на особые структуры, обозначаемые Вебером понятием «идеальный тип». С психологической точки зрения — объяснению действия должна предшествовать операция «понимания». По Веберу такие понятия, как, например, «капитализм», «феодализм», «западный город», «протестантизм», «католицизм», «церковь», «секта», «религия», «класс», «эксплуатация» и т. д. представляют собой всего лишь «аналитические конструкции», «идеальные типы». Иногда понимание в веберовском смысле отождествляют с непосредственным субъективным переживанием событий. На самом деле понимание — это не переживание, а рационализация событий и действий, т.е. их реконструкция в сознании исследователя. Сегодня социологам необходимо выйти за рамки устоявшейся схемы социального действия М. Вебера и, обогатив ее новым содержанием, предложить пути и способы ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: социальное действие, М. Вебер, действие, деятельность, мотивы, интерес, экспектации, участие, процесс.

Сущность и структура социального действия

Социология, по Веберу, должна быть «понимающей», ибо поведения людей осмысленны. Но такое понимание не является психологическим. Сам смысл не принадлежит к сфере психического и потому не является предметом изучения психологии. Он — часть **социального действия**, т. е. такого поведения, которое соотносится с поведением других, ориентировано таким соотношением, корректируется и регулируется им. **Структура социального действия** включает два компонента: 1) субъективную мотивацию индивида или группы, вне которой в принципе нельзя говорить ни о каком действии, и 2) ориентацию на других, которую Вебер называет «ожиданием» или «аттитюдом» и без которого действие не является социальным. Хотя Дюркгейм и говорил: общество — абстракция, а индивид — единственная реальность, но у него основным субъектом действия выступает все же общество или коллектив. Отсюда и понятие «коллективное сознание», которому Дюркгейм придавал самостоятельное существование, т. е. считал его таким же реальным существом, как отдельного индивида. Вебер в этом плане решительно расходится с Дюркгеймом, полагая, что реальным действующим лицом может быть не мифическое «коллективное сознание», «государство» или «класс», а конкретный индивид.

В конечном счете, и к философским универсалиям можно подойти

с позиций естествознания. Например, выделив устойчивые, повторяющиеся явления в поведении членов малой группы, мы устанавливаем ее численность, состав, внутреннюю структуру, узнаем кто, кому и как подчиняется. На сходной методике основана не только социометрия, но любая естественнонаучная процедура измерения. Но Вебер полагает, что изучать поведение индивидов нельзя так же, как астроном изучает падение метеоритов или выпадение осадков. Чтобы узнать, почему, например, происходят забастовки и люди выступают против правительства (а с такой ситуацией Вебер столкнулся в одном из первых своих исследований в промышленности), надо спроецировать себя в ситуацию забастовки и изучить ценности, цели, ожидания людей, которые подвигли их к такому действию. Познать же процесс замерзания воды или падения метеоритов изнутри невозможно.

Итак, социология — это исследование действий, ориентированных на поведение других. Так, например, мы осознаем, что значит нацеленное на нас ружье и агрессивное выражение лица человека, держащего его, так как мы сами бывали в подобных ситуациях или хотя бы ставили себя в такие условия. Мы узнаем значение поступка как бы по аналогии с собой. Значение нацеленного ружья может значить намерение индивида что-либо совершить (застрелить нас), либо ничего не совершить. В первом случае **мотив** присутствует, во втором его нет. Но в любом случае мотив имеет субъективное значение. Наблюдая цепочку реальных действий людей, мы должны сконструировать

правдоподобное объяснение их на основе внутренних мотивов. Мотивы мы приписываем благодаря знанию того, что в схожих ситуациях большинство людей поступает так же, ибо руководствуется аналогичными мотивами. Благодаря этому социолог только и может применять статистические методы.

Исходный методологический пункт Вебера можно сформулировать так: человек знает, чего он хочет. Конечно, в действительности человек далеко не всегда знает, чего он хочет. Но все неосознанные поступки Вебер не считает социальными действиями. Социальное действие, подчеркивает Вебер, это довольно узкий сегмент реальности, как бы крайний случай человеческих поступков, или, точнее сказать, «идеальный тип», идеальный случай. Однако социолог должен исходить из такого редкого типа как некоего масштаба, с помощью которого он измеряет все многообразие реальных поступков и отбирает только те, которые подвластны методам социологии. Социальное действие — это любое действие, учитывающее мотивы других людей.

Социология как наука о социальном действии имеет дело не с конкретно переживаемым значением, а с гипотетически типичным или средним значением. Если, например, социолог при многократном наблюдении выяснил статистически повторяющуюся связь двух поступков, то это само по себе еще мало что значит. Такая связь будет значимой с социологической точки зрения, если **доказана** вероятность их связи, т. е. если ученый обосновал, что действие *A* с высокой долей вероятности влечет за собой действие *B* и

между ними существует нечто большее, чем только случайная (статистическая) связь. А это возможно сделать, лишь зная мотивы поведения людей, это знание и подскажет нам, что связь двух событий внутренне обусловлена, вытекает из логики мотивов и смысла, вкладываемого людьми в свои поступки.

Стало быть, социологическое объяснение является не только субъективно значимым, но и фактуально вероятностным. При таком сочетании и возникает причинное объяснение в социологии. Правда, индивид не всегда осознает смысл своих поступков. Это случается, когда он действует под влиянием традиций, коллективных норм и обычаев, либо его поведение аффективно, т. е. детерминировано эмоциями. Кроме того, индивид может не отдавать себе отчета в собственных целях, хотя они существуют, но не осознаются им. Подобные действия Вебер не считает *рациональными* (осмысленными и обладающими целью), а стало быть, *социальными*. Такие действия он выводит за сферу собственно социологии, их должны изучать психология, психоанализ, этнография или другие «науки о духе».

По способу детерминации Вебер выделяет четыре вида социального действия: «Социальное действие, как и любое действие, может быть детерминировано: 1) целе-рационально (zweckrational) – ожиданиями относительно поведения объектов внешней среды и других лиц, а при помощи этих ожиданий рациональной оценкой и учетом как

“условий”, так и средств для достижения рациональных целей; 2) ценностно-рационально (wertrational), т.е. благодаря осознанному убеждению в абсолютной (самой по себе) ценности данной линии поведения, совершенно независимо от результатов и независимо от того, интерпретируется она как этическая, эстетическая, рациональная или какая-либо другая; 3) аффективно (Affectuell) – эмоционально, благодаря аффектам и состоянию эмоций (feeling); 4) традиционно – благодаря установившейся практике»¹.

Такая шкала построена по принципу сравнения всякого действия индивида с целе-рациональным, или правильно-рациональным, как эталоном. **Уровни поведения**, выражающие интенсивность проявления в конкретном акте рациональности, нельзя смешивать с **типами поведения**. Первые различаются количественно, вторые — качественно. Вебер выделяет четыре типа социального действия: 1) **инструментально-рациональное** поведение, когда индивид ориентируется прежде всего на поведение других людей, и эти ориентации или экспектации (предвосхищения) он использует как “средства” или “инструменты” в своей стратегии действий; 2) **ценностно-рациональное**, оно детерминировано нашей верой в религиозные, нравственные и другие ценности, идеалы независимо от того, ведет такое поведение к успеху или нет; 3) **аффективное**, т. е. эмоциональное; 4) **традиционное**². Между ними нет непроходимой границы, у них есть общие элементы, что позволяет ввести и в эту

¹ Weber M. Grundriss der Sozialökonomik. III Abteilung: Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1912. S.12

² Weber M. Economy and Society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. p. 24-25

классификацию псевдоколичественную меру, построенную на степени убывания признака рациональности.

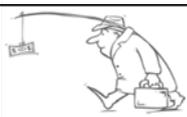
	<i>Ценностно-рациональное действие</i>
	<i>Целе-рациональное действие</i>
	<i>Традиционное действие</i>
	<i>Аффективное действие</i>

Рис. 1. Типология социального действия М. Вебера

Разъясняя свои методологические принципы, Вебер выделяет два вида “значений” социального действия. Термин “значение” относится к реально существующему значению в данном конкретном случае и принадлежит **конкретному лицу**, совершающему какое-то действие, либо он относится к среднему или приблизительному значению, приписываемому данному множеству действующих лиц. Во втором случае этот термин относится к теоретически постигаемому “чистому типу” субъективного значения, приписываемому **гипотетическому лицу** или совокупности лиц, совершающих данный род действий. Но, предупреждает Вебер, наш термин ни в коем случае не должен относиться к какому-либо объективно “правильному” значению или “истинному” в метафизическом смысле слова. Так, например,

в юриспруденции употребляется категория “правильного поведения” с точки зрения соблюдения закона. Однако в социологии и истории как эмпирических науках не должно быть никаких оценок “правильности” поведения с точки зрения закона, морали либо партийности.

Отнюдь не каждое действие, по мнению Вебера, является социальным. К социальному поведению нельзя причислить поведение, ориентированное на неодушевленные объекты. Точно так же религиозное поведение нельзя считать социальным, если его предмет — только созерцание или уединенная молитва. Экономическая деятельность относится к социальному действию лишь в том случае, если берется в расчет поведение кого-то еще, например тех, кто согласится признать право данного индивида некоторым образом контролировать движение товаров или других экономических ценностей. Если говорить более конкретно, то данный индивид совершает социальное действие, если он строит свой потребительский бюджет в зависимости от того, какими могут стать потребности других людей в ближайшем будущем, как они могут измениться. Точно так же и производство ориентируется на будущие потребности людей.

Таким образом, далеко не всякие контакты людей носят у Вебера социальный характер. Они таковы, если сознательно ориентированы на других, т.е. рациональны. Так, столкновение двух велосипедистов является естественным событием, но их попытка избежать аварии, возможных вслед за этим взаимных оскорблений и закончить дело мирным путем должна истолковываться как «соци-

альное действие». Если люди раскрывают зонты, почувствовав приближающийся ливень, их действие, хотя и наступившее у всех одновременно, вовсе не ориентировано на поведение «других». Скорее это однотипная реакция на осадки.

Весьма успешную попытку разобраться в сонме психологических терминов, связанных напрямую с социальным действием, предпринял Р. Руммель¹. В частности, *установкой* (attitude) он предлагает называть цели и намерения, находящиеся на пути к своей реализации. Пример установки – скрытое желание посмотреть телевизор, съесть бутерброд, съездить в Китай, бороться за укрепление мира во всем мире или позаботиться о собственном благополучии. Если установка наращивает свою мощь, то превращается в *интерес*. Таким образом, чей-то интерес – это попросту усилившаяся установка, а установка – его скрытое намерение. В интересе установка разрастается до таких масштабов, что удержать ее в секрете уже невозможно – она прорывается в сферу поведения. Действительно, свои интересы мы не стесняемся заявлять вслух или показывать (ученые говорят: репрезентировать) в своих действиях. Разумеется, мы и установки, т.е. свои желания иногда демонстрируем в своих действиях, например, желание посмотреть телевизор. Но это не обязательно. А вот интерес – обязательное действие, иначе это не интерес. Его можно определить иначе: интерес – это настойчиво заявляющая и требующая своей реализации установка.

Интерес - положительная эмоциональная направленность (установка, ориентация) к чему-либо или к кому-либо. Иногда в основе этой направленности лежит не то чтобы корысть, но четко выраженная прагматическая цель, выгода, желание получить выгоду. Но иногда интерес чисто эмоционален, бескорыстен. В таких случаях говорят о внимании к чему-либо, любопытстве и связанных с ними воодушевлении и оживлении.

Скажем так, установке легче осуществиться в форме интереса, так как у него есть то, что отсутствует в установке. Цели и объект желания в установке могут быть размытыми, четко не формулируемыми, а в интересе цель и объект действия – все как на ладони. Допустим, установка получить образование, поскольку без него уже никакой жизни – ни карьеры тебе, ни уважения со стороны других людей, - очерчивает лишь размытую и очень широкую область приложения будущих усилий. Но конкретно о том, в какой вуз или на какие курсы поступить, какой тип диплома нужен она ничего не говорит. Интерес же, напротив, конкретен и утилитарен. Он заставляет индивида направить свои стопы в такой-то вуз для получения, скажем, степени бакалавра по такой-то дисциплине. Другими словами, интерес – *активная тенденция*, запущенная в действие динамо-машина.

Для того чтобы аморфную установку в утилитарный интерес, надо непременно добавить к ней волевое усилие. Только оно сталкивает нас с дивана, где мы предавались меч-

¹ Rummel R.J. Understanding conflict and war: Vol. 2: The conflict helix. Beverly Hills, California: Sage Publications, 1976

там о получении высшего образования, одеться и перешагнуть барьер ближайшего к дому вуза. Интерес обладает. Согласно Р. Руммелю, двумя параметрами – направлением (установкой на цель) и величиной (силой). Цель индивида – это его актуальное желание. Цель можно мыслить также и как модель предполагаемого результата.

На наш взгляд, структура социального действия включает не два компонента, как это было у М. Вебера, а гораздо больше, что мы попытаемся доказать и показать в ходе дальнейшего анализа материала.

Социальное действие — это поведенческий акт (единица поведения), совершаемый социальным субъектом (представителем социальной группы) в данном месте и в данное время. Такова общая формула социального действия. Здесь есть субъект (представитель какой социальной группы), есть его действие (что именно он делает), есть ориентация на других, мотивация, цель, выбор средств достижения цели. В третьем томе мы приводили схему теоретической модели предмета исследования, в основании которой лежит алгоритм социального действия. Она выглядит так (см. рис.2)

Рис.2. Общая схема социального действия.

Разумеется, схема не полностью воспроизводит составные элементы социального действия. К примеру, на схеме не указаны цели, потребности, интересы, установки и

ожидания. Но тогда цель всестороннего изображения социального действия и не ставилась. Сейчас мы продолжаем начатый в предыдущих томах разговор о личности, социальном действии и мотивах поведения, но уже в ином ракурсе – относительно понятия социализации.

На рис. 2. мы можем рассмотреть такой важный элемент социального действия, такие как субъект, объект, мотивы, средства и результат.

Субъект действия – исходный элемент в структуре социального действия. Он может быть индивидуальным и коллективным, единичным и множественным. В зависимости от своего отношения к предпринимаемому действию и степени участия в нем они ранжируются на три уровня. Общество, большая социальная группа, нация и поколение выступают субъектом действия третьего порядка, государство, организация и малая группа – второго порядка, индивид – первого порядка.

В словаре субъект (от лат. subjectus - лежащий внизу, находящийся в основе) понимается как носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект. На самом деле субъект является не просто носителем, но автором собственных действий, им придуманных, а часто и им же реализуемых. В этом смысле он должен быть самодостаточным. Если источником действия выступает его воля, то он субъект первого порядка. Но если воля из индивидуальной превращается в коллективную, то он превращается в субъекта второго порядка. Если воля, необходимая для выражения и принятия решения, размыта и слабее коллективной воли, то речь идет о

субъекте третьего порядка. Таково общество, которое выражает свою волю в массовых и слабо организованных действиях. Такова же и толпа, аудитория, публика. В отличие от них государство имеет правительство или правителя, которые наделены правами принимать самостоятельное решение и реализовывать его от имени наделившего их правами общества. Общество, народ как бы делегируют право и власть выражать свою волю государственным органам. Наличие небольшого круга лиц, организовано обсуждающих, выражающих, принимающих и реализующих свои собственные решения единит государство, организацию и малую группу. Сюда же относится семья.

Принятие решения о конкретном действии связано с осознанием мотива данного действия, с понятийным моделированием его будущего результата. **Мотив** — это довод в

пользу избираемого действия, осознание его личного смысла. Слово “мотив” в переводе с латинского означает “побуждение” однако не всякое побуждение является мотивом. Побуждениями являются и потребности, и мотивационные состояния и эмоции. Одни из побуждений осознаются, другие не осознаются. Мотив — осознанное побуждение к достижению конкретной цели, это необходимый элемент сознательного, волевого, преднамеренного действия.

Выделенная структура социального действия может сослужить большую пользу при организации социологического исследования, поскольку она составляет остов теоретической модели предмета изучения. В приложении к конкретной жизненной ситуации схема предмета исследования и лежащей в его основе схемы социального действия может выглядеть следующим образом:

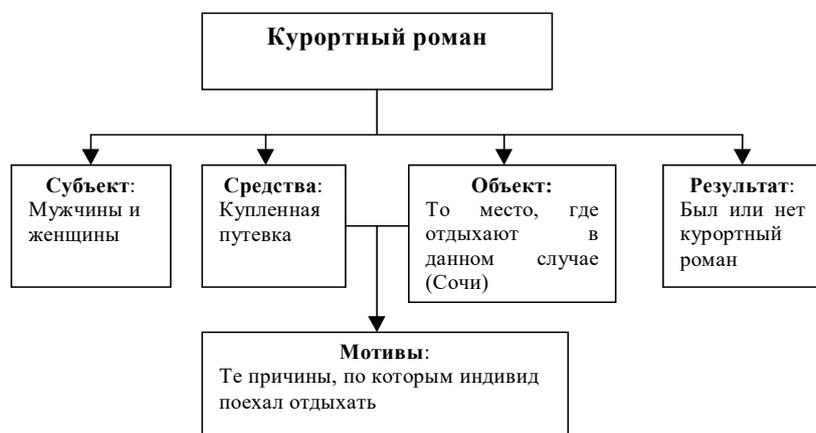

Рис. 3. Теоретическая модель исследования курортного романа.

Чаще всего в качестве субъектов, привожу пример из своей преподавательской практики, студенты выбирали отдыхающих россиян —

мужчин и женщин — среднего возраста со средним достатком. Для того чтобы объект исследования был доступен для изучения, выби-

рались не зарубежные, а отечественные курорты, в частности, г. Сочи. Анализ мотивов и целей курортного поведения по существу предполагает выбор темы или проблемы исследования. Если цель – отдохнуть после трудового года, то детальному анализу подвергаются формы досуговой деятельности и качество предоставляемых курортным учреждением лечебных услуг. Если мотив действия – развлечение на отдыхе, то изучаются такие вопросы, как любовная интрижка, амурные связи и похождения, сексуальные контакты и т.п. Понятие курортного романа может включать и не включать такого рода контакты. Известны многочисленные примеры того, как курортные романы, не имевшие целью сексуальное развлечение, но устроенные субъектом действия как бы для души, затем, по приезду на постоянное место жительства, перерастали в серьезное увлечение, заканчивавшееся расторжением прежнего и заключением нового брака.

Для получения первичной информации студенты предлагали использовать анкетный опрос отдыхающих на месте или по возвращении с отдыха, телефонное интервью того же типа, анализ данных турагентств и бюро путешествий, невключенное наблюдение, рассказы родителей и знакомых

Наблюдая цепочку реальных действий людей (например, забастовку), мы должны сконструировать правдоподобное объяснение на основе внутренних мотивов. Мотивы мы приписываем благодаря знанию того, что в схожих ситуациях

большинство людей поступает точно так же, руководствуясь аналогичными мотивами. Иными словами, познание мотивов должно происходить на почве выяснения социально типичных действий. **Мотив** у Вебера — это комплекс субъективных значений, которые представляются действующему лицу или наблюдателю адекватной основой поведения¹. Если мы интерпретируем ту или иную цепочку действий, сообразуясь лишь с нашим здравым смыслом, нашими стереотипами мышления, то подобную интерпретацию надо считать “*субъективно приемлемой*” (достаточной) либо “корректной”. Но если интерпретация основывается на индуктивных обобщениях, т. е. носит интерсубъективный характер, то ее можно считать “*казуально адекватной*”. Она показывает вероятность того, что данное событие реально произойдет при тех же самых условиях и тем же порядком. Здесь применимы статистические методы, измеряющие степень корреляции событий, или устойчивости связи повторяющихся явлений.

При этом целесообразно разграничивать мотивы и мотивировку действия. **Мотивировка** — рациональное объяснение субъектом причин действия посредством указания на социально приемлемые для него и его референтной группы обстоятельства, побудившие его к выбору. Она отличается от действительных мотивов совершения человеком действия тем, что выступает одной из форм осознания этих мотивов. С помощью мотивировки индивид оправдывает свои поступки,

¹ Weber M. *Economy and Society*. Vol. 1. Berkeley. 1978. p. 11.

приводя их в соответствие с нормативно задаваемыми обществом образцами поведения. Иными словами, он стремится выглядеть как должно – если не в действиях, то на словах. Мотивировка нередко сознательно используется для маскировки действительных мотивов поведения, а это уже непосредственный предмет изучения социологии.

Психологи изучают мотивировку в рамках концепции *каузальной атрибуции* (от лат. *causa* — причина + *attributio* — приписывание). Смысл такого выражения заключается в том, что человек, а это касается каждого из нас, приписывает причины поведения либо внутренним, либо внешним обстоятельствам. Важно то, почему мы это делаем, и почему мы делаем это по-разному. Основоположником исследований атрибутивных процессов считается Ф. Хайдер. Суть предложенной им концепции такова. Человек стремится к формированию непротиворечивой и связной картины мира. В этом процессе у него вырабатывается, по выражению Хайдера, «жизненная психология» как результат попыток объяснить для себя причины поведения другого человека и, прежде всего, вызвавшие его мотивы. Хайдер подчеркивает важность того, объясняем ли мы то или иное явление факторами, локализованными внутри человека или вне его. Например, мы можем объяснить ошибку человека его низкими способностями (внутренняя причина) либо трудностью задачи (внешняя причина).

Характер объяснения в каждом отдельном случае определяется не

только уровнем развития субъекта, его собственными побуждениями, но также и необходимостью сохранить когнитивный баланс. Например, если человек считает, что другой человек относится к нему хорошо, то любой негативный его акт будет «выпадать» из общей картины, в действие вступят психологические силы, стремящиеся восстановить равновесие. Многие положения концепции Хайдера были проверены и подтверждены экспериментально. Сам Хайдер ссылается на эксперимент М. Циллига, проведенный еще в 1928 г. В этом эксперименте две группы детей — популярных и непопулярных — выступали перед своими одноклассниками с гимнастическими упражнениями. Хотя «популярные» специально делали ошибки, а «непопулярные» выступали безошибочно, зрители впоследствии говорили об обратном. Хайдер указывает на этот факт как на пример приписывания (атрибуции) «плохих» качеств «плохим» людям. В своих исследованиях того, как мы интерпретируем окружающий мир, социальные психологи обнаружили обобщенную тенденцию, которую назвали фундаментальной ошибкой атрибуции¹.

Она состоит в преувеличении значения личностных (диспозиционных) факторов в ущерб ситуативным, или «средовым» влияниям. Э. Аронсон в своей книге «Общественное животное»² приводит немало таких примеров. Так, наблюдая человека, который подбирает на улице пустые бутылки, роется в мусорном баке и неряшливо одет,

¹ Степанов С. Толкование поступков (<http://psy.1september.ru>)

² Аронсон Э. Общественное животное: Введение в социальную психологию: Для вузов / Пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1998.

окружающие скорее всего безразлично отвернутся: у них готова субъективная оценка его как плохого человека. В одних случаях она может точно соответствовать действительности, а в других случаях приводит к заблуждению, поскольку мы оцениваем человека, но не обстоятельства, вынудившие его заниматься подобным промыслом. Тогда истинным виновником выступит общество, а не человек. Но поверхностное заключение у нас уже готово и мы неосознанно навешиваем на бедолагу оскорбительный ярлык. Это и есть проявление фундаментальной ошибки атрибуции.

Классик социального интеракционизма Джордж Мид в книге «Философия акта»¹ выделял четыре фазы атомарного акта, составляющего исходную единицу социального действия: импульс, перцепция, манипуляция и консумация:

Импульсивная фаза акта – немедленная реакция человека на внешний раздражитель, который выполняет функцию импульса действия. Импульс можно толковать как общее предрасположение к действию, или установку. На этой фазе происходит осознание потребности.

Перцепция - это избирательное восприятие окружающей среды, в которой могут содержаться средства для удовлетворения потребности. Иначе говоря, восприятие включает в себя не только ответную реакцию на стимул (готовность ответить, или установку), но также ображаемый результат ответа², т.е.

то, к чему может привести в конечном итоге моя реакция или мои действия. А это означает, что на стадии восприятия подключается наше сознание. К примеру, потребитель идет в магазин и ищет товар, который позволит удовлетворить осознанную потребность.

Манипуляция - это практические действия человека с материальными или символическими объектами, позволяющими достичь поставленную цель или удовлетворить насущную потребность. Функция перцепции очень простая – селективировать раздражители внешней среды, отобрать нужные сигналы и построить целостный образ того, как организм будет реально или должен реагировать на поступившие импульсы. Другими словами, перцепция отвечает на вопросы «что есть объект?». Но только на стадии манипуляции человек может ответить на другой, более ложный «как поступать с объектом?»³. на этой фазе активно работает сознание и только ее, в отличие от двух предыдущих, подготовительных, мы имеем право назвать собственно социальным действием. **Реклама** - типичная форма социального воздействия, имеющая целью привлечь внимание другого актора (индивидуального или институционального) с встроенным ожиданием позитивной ответной реакцией. Фирма расхваливает свой продукт, привлекая к себе покупателя

¹ Mead G.H. The Philosophy of the Act / Edited by Charles W. Morris with John M. Brewster, Albert M. Dunham and David Miller. - Chicago: University of Chicago, 1938. p. 3-25.

² Mead G.H. The Philosophy of the Act / Edited by Charles W. Morris with John M. Brewster, Albert M.

Dunham and David Miller. - Chicago: University of Chicago, 1938. p.

³ Mead G.H. The Philosophy of the Act / Edited by Charles W. Morris with John M. Brewster, Albert M. Dunham and David Miller. - Chicago: University of Chicago, 1938. p. 16

лей, надеясь на их позитивную ответную реакцию (пойдут и купят товар).

Консуммация – завершающее действие по удовлетворению потребности. Длительный путь, который прошел объект от первой фазы, на которой он возбудил наш аппетит или обратил на себя наше внимание, послужив импульсом к действию, завершается его поглощением или каким-либо иным употреблением. На долгой дистанции человеческий организм затратил немало сил на достижение цели, восприятие и обработку информации, отбор значимых вариантов, разработку практического плана действий, реализацию этих действий и, возможно, преодоление встретившихся на пути препятствий, иногда весьма непростых. Ему необходимо вознаграждение, причем не только физическое – за счет поступления той пищи и калорий, которые восстанавливают наши силы, но и психологическое – как награда за потраченные усилия и полученное от этого удовлетворение, приятное чувство удовольствия.

Социальное действие удачно завершается для его субъекта и неудачно – для его объекта (если он был поглощен, употреблен, разрушен или еще как-либо перестал существовать). Хотя возможны иные варианты, если речь идет о творческом акте, в процессе которого мы из полуфабриката, скажем глыбы мрамора, создаем законченный шедевр – скульптуру, выставленную на всеобщее обозрение. Особен-

ность же человеческой деятельности заключается в том, что одно социальное действие плавно перетекает в другое, поэтому консуммация – это одновременно финиш и старт социального действия¹. К примеру, покупка – это заключительная фаза акта, началом которого была осознанная потребность (осознание нарушения равновесия) и интерес (осознание способа восстановления равновесия), встреча с товаром и соблазнение им².

В процессе социализации индивида приучают достигать поставленную цель, по достижении которой он получает **вознаграждение**. Одно без другого – цель без вознаграждения – не могут существовать. Почему? Да потому что человек не может существовать, руководствуясь лишь биологическими побуждениями. В биологии нет цели, как нет и вознаграждения. Это искусственно созданные артефакты. Им человек долго обучается в процессе социализации. Большинство окружающих вещей для человека изначально нейтральны. Они не представляют никакой ценности.

Для папуасов, как и для маленьких детей, машина, яхта, ресторан, дорогая одежда не представляют ценности. Ценными они становятся только благодаря социализации. Предмет и человек вначале никак не связаны. Чтобы человек захотел предмет, который не привлекает его своей красотой или не удовлетворяет биологическую потребность, его надо долго учить. В процессе обучения предмет становится объ-

¹ Mead G.H. The Philosophy of the Act / Edited by Charles W. Morris with John M. Brewster, Albert M. Dunham and David Miller. - Chicago: University of Chicago, 1938. p. 24-25.

² Ильин В.И. Поведение потребителей: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2000.

ектом его желаний, целью, ценностью. Достижение предмета приносит ему одновременно удовлетворение и вознаграждение.

В структуре социального действия, на наш взгляд, имеет смысл выделить и другие элементы, а именно:

Источники социального действия - потребности и мотивы, установки, устремленность, нацеленность, заинтересованность

Поощрение социального действия - награды, льготы, одобрение, закрепление

Препятствия к социальному действию: наказание, помешать, увести в сторону, создать трудности или барьеры, обмануть

Участие в социальном действии, шире - в социальной жизни общества. Оно определяется на основе вовлеченности или включенности индивида в совместное действие, которые проявляют себя в самых разных формах - от простого приветствия (рукопожатие, кивок, вербальное обозначение) до сложных видов проявления социальной активности, например, участие в коллективных демонстрациях и акциях протеста.

Простые формы вовлеченности можно именовать социально ситуативными, Они происходят время от времени: приветствие знакомым или соседям, мелкие одалживания (спичек, соли), краткие разговоры на формальные темы, не затрагивающие лично значимые вопросы (о погоде, ценах). Более сложные формы вовлеченности в социальное действие, требующие постоянного участия, кооперации деятельности, распределения функций, выполнения заданий или обязательств, можно именовать структурно обусловленными. Постоянная

работа на предприятии, партийная деятельность в первичной ячейке или представительных органах относится именно к этому разряду.

Промежуточные формы представляют такие виды социальной вовлеченности, которые длятся достаточно короткое время, но структурированы распределением функций и ролей, участие в которых обрачивается приятными или неприятными последствиями для индивида. Участие в социалистических субботниках было кратковременным (полдня), но уклонение от них было чревато неприятностями по службе. Участие в забастовке или демонстрации также продолжается достаточно короткое время, но участие в них может повлечь за собой негативные санкции вплоть до заключения под стражу.

Участие в социальном действии зависит от: а) активности самого индивида, его готовности вмешаться даже тогда, когда его об этом не просят, б) востребованности человека, запроса на него из внешней среды (у нас прекрасные каскадеры, но они не востребованы отечественным кинематографом, поскольку в нем не развиты традиции игрового кино и мало денег).

Таким образом, **формула социального участия** включает следующие компоненты:

Предложение участия - добровольное предложение своих услуг, вмешательство, активность субъекта,

Спрос на участие - запрос со стороны других индивидов, групп, ассоциаций, учреждений на данное социальное действие, услуги

Процесс участия в социальном действии - совокупность отдельных поведенческих акций, скрепленных

определенной последовательностью и логикой, стимулированной потребностями, мотивированное как-либо.

Как и в экономике, при социологическом описании социального действия возможны следующие ситуации:

- Спрос и предложение совпадают
- Спрос и предложение не совпадают, но неясно каков вектор несоответствия
- Спрос превышает предложение
- Предложение превышает спрос
- Под каждую ситуацию подыскать примеры

Социальное действие — это поведенческий акт (единица поведения), совершаемый социальным субъектом (представителем социальной группы) в данном месте и в данное время. Такова общая формула социального действия. Здесь есть субъект (представитель какой социальной группы), есть его действие (что именно он делает), есть ориентация на других, мотивация, цель, выбор средств достижения цели. Уточняющие характеристики: данное место и данное время. Почему нужны уточняющие или ограничивающие характеристики, время и место? Да, потому, что действие может быть очень растянутым во времени. И тогда оно превращается из действия в деятельность или процесс. Если, например, вы каждый день ходите на работу, то ваша работа, взятая в целом, должна интерпретироваться не как поведенческий акт в данное время и в данном месте, а как трудовая деятельность, т.е. совокупность ваших актов, регулярно совершаемых. А мы берем самую маленькую единицу - поведенческий акт, который совершается социальным субъектом, представителем социальной

группы. Под это определение подходит практически любое из выделенных Вебером типов социального действия.

Социальное действие и взаимодействие

Социальное взаимодействие и социальное действие - явления, похожие по содержанию и характеру, но различающиеся по механизму протекания. В социальном действии участвует один индивид, а в социальном взаимодействии - как минимум двое. Отсюда вывод: взаимодействие - двунаправленный процесс обмена действиями между двумя или более индивидами. Стало быть, действие всего лишь однонаправленное взаимодействие.

Что есть в социальном взаимодействии и чего нет в социальном действии? **Механизма обратной связи.** Социальное взаимодействие отличается от действия обратной связью. Действие, исходящее от индивида, может быть направлено и не направлено на другого индивида. Только действие, которое направлено на другого человека (а не на физический объект) и вызывает обратную реакцию, следует квалифицировать как социальное взаимодействие.

Одна из форм взаимодействия — присоединение к точке зрения другого человека или группы людей, а в конечном итоге, стремление стать такими, как и они. Воздействие других людей, «поселившихся» в воображении индивида, т.е. рефлексии типа «Я думаю о том, что думают обо мне другие», известно давно. Еще в 1513 г. Н. Макиавелли сформулировал своеобразный «закон мнений»: «люди

большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства¹. Великий английский философ Джон Локк (1632–1704) сформулировал «закон доброго имени». В трактате «Опыт о человеческом разумении» (1690) он писал: «Законы, к которым люди обычно обращаются, чтобы судить о правильности и неправильности своих действий, бывают, мне кажется, следующих трех родов: 1) законы божественные; 2) законы гражданские; 3) законы общественного мнения, или доброго имени, если можно их так назвать»².

Расширенную версию «закона доброго имени», превратившегося в «закон мнений», предложил Дэвид Юм (1711–1776). В «Трактате о человеческой природе» он писал о том, что даже «людям величайшей рассудительности и ума... бывает очень трудно следовать собственному разуму и собственным склонностям вопреки мнениям их друзей и ежедневных собеседников»³.

Суть закона мнений состоит в том, что каждый индивид находится под пристальным взглядом социального окружения, которое формирует о нем оценочные суждения, судит его с позиции общепринятых норм и ценностей. Любой человек, поскольку он навеки связан со своим окружением и зависит от него, постоянно принимает в расчет эти суждения даже если они не высказаны вслух, но присутствуют лишь в

его воображении. Нам приходится учитывать, что говорят о нас люди, что они, как нам кажется, думают о нас, успевая в то же время поучаствовать в процессе оценивания других людей, своими суждениями достраивая бесконечную цепочку коммуникативного процесса взаимных оценок и суждений. Принимая к сведению мнение других людей о нас, мы вместе с тем редактируем их, подправляя оценку в зависимости от степени нашего доверия источнику суждения, его близости к нам, идейного сходства, объективности позиции, умения здраво судить, быть критичным или пристрастным в своих высказываниях о других людях, наконец, что, возможно, перевешивает все прочее, в зависимости от того, нравится нас его суждение о нас или нет, раздражает оно нас или подбадривает, вооружает на преодоление трудностей или деморализует. Человеческая психика устроена так, что легко пропускает оптимистические оценки и придерживает пессимистические.

В XX веке основоположник символического интеракционизма Джордж Мид (1863–1931) дал этому феномену название «обобщенный другой» и указал истоки его возникновения. Они кроются в особенностях освоения ребенком норм и правил общественной жизни, в ходе которого ему приходится прибегать к помощи посредников, своих первых наставников и социализаторов — «значимых других».

В дальнейшем «обобщенный другой» постоянно уточняется и

¹ Макиавелли Н. Государь. СПб.: Азбука, 2000. С. 101.

² Локк Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1985. Том 1. С. 406.

³ Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: Канон, 1995. Том 2. С. 54–55

трансформируется за счет постоянного внимания индивида к мнениям других. Немецкая исследовательница Элизабет Нозль-Нойман полагает, что каждый человек ведет «статистику мнений», собирая данные из всех доступных ему источников, будь то общение, книги, пресса, телевизор и т. д. Причина кроется в инстинктивном стремлении человека избегать социальной изоляции и потому присоединяться к тем мнениям, которые, как ему кажется («по данным» субъективной статистики), имеют широкий «охват»¹.

Изучению структуры социального взаимодействия много внимания в первом томе своей книги «Система социологии»² уделил П. Сорокин. Вся общественная жизнь у него состоит из взаимодействий индивидов. На отношения взаимодействия распадаются у Сорокина все производственных и кончая религиозными, правовыми и научными отношениями. Структуру "социального взаимодействия" он определял как связь трех элементов: индивидов (минимум - двух), вступающих в акт взаимодействия и этим обуславливающих поведение друг друга, "актов" (или действий их) и "проводников" этих действий. Все акты Сорокин делит на следующие ряды: интенсивные и слабые, мгновенные и продолжительные, сознательные и бессознательные. Каждый акт является, с одной стороны, внутренней реализацией собственной психической жизни, с другой - стимулом, раздражителем, вызывающим

ту или иную реакцию у других лиц. Вся жизнь людей представляет почти сплошной поток социальных акций и психологических реакций³.

Взаимодействие может быть непосредственным и опосредованным (косвенным) социальным действием. Например, акт купли вещи - это непосредственное взаимодействие с продавцом. Здесь социальный характер действия очевиден. Косвенное взаимодействие не столь очевидно. В этом случае вторая сторона может быть не видна, более того, действующий субъект может активно отрицать ее наличие. Удачен пример В.И. Ильина⁴. Девушка, находясь в одиночестве, тщательно покрывает свое лицо косметикой. Является ли такое действие социальным? Она может говорить, что красится, одевается только для себя. При этом она, возможно, говорит это вполне искренне. Однако если посмотреть более внимательно на этот акт, то мы увидим, что ее целью может быть просто выглядеть хорошо, но в чьих глазах? В одиночестве она не носит макияж. Она красится для собственного душевного равновесия, которое достигается посредством сформированного ее внешностью положительного отношения окружающих. Таким образом, этот акт нанесения макияжа в одиночестве является социальным.

Поведение - это серия взаимосвязанных социальных актов. Поведение потребителя включает в себя и осознание собственных потребностей и интересов, и выбор покупки,

¹ Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. М.: Прогресс-Академия, 1996. С. 165-170.

² Сорокин П.А. Система социологии. Т.1-2. М.: Наука 1993; Сорокин П. Система социологии: В 4 т. Сыктывкар: Коминвест, 1991-1998.

³ Подробнее анализ взглядов П.Сорокина см.: Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX-XX вв. М.: Онега, 1995.

⁴ Ильин В.И. Поведение потребителей: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2000.

и торг, и использование купленного, и многократное повторение этого цикла применительно к разным товарам и в разное время.

Поведение потребителя содержит в себе по определению обозначение места действия: рынка товаров и услуг. *Рынок* - это форма социального взаимодействия между продавцом и покупателем. Разновидностью рынка является рынок потребительских товаров и услуг. Здесь действуют продавцы этих товаров и конечные потребители.

Действие - однонаправленное контактное или бесконтактное соприкосновение одного актора с другим, не обязательно предполагающее ответную реакцию.

Воздействие - однонаправленное бесконтактное соприкосновение одного актора с другим, обязательно предполагающее ответную реакцию (физическую или духовную, поведенческую, вербальную или психологическую)

Взаимодействие - двунаправленное контактное или бесконтактное соприкосновение двух акторов, содержащее в себе ожидание ответной реакции.

Действия человека всегда *осмысленны*. Отдельные действия занимают краткое время: забить гвоздь, погладить рубашку, сходить в магазин. Когда они соединяются в цепочку и повторяются из дня в день, мы говорим о деятельности. Однократное посещение магазина - действие, но повторяющееся хождение по магазинам, ставшее чертой образа жизни женщины, ее социальной ролью, это уже деятельность. Отдельные действия - штопка и глажка белья, приготовление пищи, уборка помещений и т.д.

- объединяются в домашнюю деятельность (или работу). И так повсеместно. Занятие, работа, деятельность - это рядоположенные понятия. Человеческое общество развивается благодаря деятельности людей.

Итак, *действие* - единица деятельности. Отдельное *движение* - элемент действия. Движения столь элементарны, что присущи и животным, и людям. Действия и деятельность - только людям. Забить гвоздь - это действие, оно распадается на более мелкие движения (взмах молотка, удар по гвоздю и т.д.). К движениям не применимы цель и потребности, а к действию - применимы.

Действие — процесс взаимодействия с каким-либо предметом, в котором достигается определенная, заранее определенная, цель. В структуре действия могут быть выделены следующие составные части: 1) принятие решения; 2) реализация; 3) контроль и коррекция. При этом в принятии решения происходит увязывание образа ситуации, образа действия, интегральной и дифференциальной программ. Реализация и контроль осуществляются циклически. По прагматическому основанию человеческие действия могут быть разделены на управляющие, исполнительные, утилитарно-приспособительные, перцептивные, мнемические, умственные, коммуникативные действия. В каждом из них происходит использование как усвоенных, так и индивидуально выработанных средств и орудий.

Действие

Движение

Поступок

Акт

Поведение - совокупность движений, актов и действий, человека, которые могут наблюдать другие люди, а именно те, в чьем присутствии они совершаются. Деятельность, в отличие от поведения может быть внутренней (рассудочная деятельность) и внешней. Поведение относится только ко второму. Поведение - внешняя форма проявления деятельности, т.е. оно лишь один из ее аспектов. Поэтому ученые говорят, что поведение может быть только открытым, видимым. Поведение - непосредственно наблюдаемая деятельность. Деятельность - осознанное им "произвольное поведение".

Основными элементами социального поведения выступают: **потребности; мотивация; ожидания** (экспектации). Сравнивая деятельность и поведение, нетрудно заметить разницу. Деятельность включает осознанные цели и планируемые действия. Она совершается ради какого-либо вознаграждения, выполняющего функцию внешнего стимула, например, заработка, гонорара, повышения в должности. Поведение не содержит цель как главный, определяющий элемент. Чаще всего оно не преследует никакой цели. Но в поведении есть намерения и ожидания,

есть потребность и мотивы. В отличие от стимулов, мотивы относятся не к внешним, а к внутренним побудителям.

Единицей поведения является **поступок**. Хотя его считают осознанным, он не имеет цели или намерения. Поступок честного человека естественен и потому произволен. Просто иначе он поступить не мог. При этом человек не ставит цель продемонстрировать другим качества честного человека. В этом смысле у поступка нет цели. Действие на что-то направлено, а поступок нет.

Социальные действия исполняются только социальным субъектом (индивидом как представителем большой социальной группы). Далее, это действие ориентировано на другого человека, т.е. мысленно предполагается его реакция на ваше действие. Вы ведете себя с оглядкой на других людей. Но это мысленное действие еще не реализовалось, поэтому действие, как поведенческий акт, одностороннее.

Если другой человек отвечает на социальное действие таким же действием, то происходит социальное взаимодействие. Социальное взаимодействие предполагает два поведенческих акта: прямой и ответный. Это двусторонний процесс. Он соединяет двух социальных субъектов. При социальном действии ориентация на другого является мысленной, а при взаимодействии - реальной, так как вы получаете ответное действие.

Таким образом, социальное взаимодействие это двусторонний процесс, уже процесс. Социальное взаимодействие предполагает два поведенческих акта: первый - это прямой поведенческий акт и второй - ответный.

Когда вы подаете заявку на проведение демонстрации, вы мысленно предполагаете, как поведет себя полиция: будет бить дубинками или нет? Это социальное действие. Но когда вы вышли на демонстрацию, а полиция на самом деле вступила с вами в «контакт», социальное действие переросло в социальное взаимодействие.

Необходимость дальнейшего развития типологии М. Вебера

Типология социальных действий Вебера вызывает немало размышлений. В ней множество спорных моментов. Большинство из них связано с невозможностью подвести реальные поступки людей исключительно под один вид социального действия. Конечно, для них можно ввести дополнительную нишу - смешанные действия. Но как быть с теми действиями, которые Вебером исключены из реестра изучаемых социологией, но которые, тем не менее, к ней относятся благодаря своей социальной значимости, массовости, последствиям для развития общества?

Как уже сказано, типология социальных действий М. Вебера включает четыре типа: целе-рациональное (другое название: инструментально-рациональное), ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. При этом 1) инструментально-рациональное поведение, когда индивид ориентируется прежде всего на поведение других людей и эти ориентации или экспектации (предвосхищения) использует как «средства», или «инструменты» в своей стратегии действий;

2) ценностно-рациональное поведение, которое детерминировано верой в религиозные, нравственные и другие ценности, идеалы независимо от того, ведет ли это поведение к успеху или нет; 3) традиционное; 4) аффективное, т. е. эмоциональное, поведение¹.

Первый тип — целе-рациональное, или инструментально-рациональное, поведение, которое предполагает свободный и осознанный выбор цели, например, продвижение по службе, покупка товара, деловая встреча. Такое поведение обязательно свободно. Свобода означает отсутствие какого-либо принуждения со стороны коллектива или толпы. Другая характеристика — ориентация на поведение других людей, предвосхищение его, использование такого предвосхищения как «средства» построения собственных действий.

Второй тип — ценностно-рациональное поведение, которое базируется на сознательной ориентации или вере в нравственные или религиозные идеалы. Идеалы стоят выше сиюминутных целей, расчетов, соображений выгоды. Деловой успех отходит на второй план. Человек может даже не интересоваться мнением окружающих: осуждают они его или нет. Он думает только о высших ценностях, например, о спасении души или об исполнении долга. С ними он соизмеряет свои поступки.

Третий тип — традиционное поведение, которое нельзя даже назвать сознательным, ибо в его основе лежит притупленная реакция на привычные раздражители. Она

¹ Weber M. Economy and Society. Vol. I. Berkeley, 1978. P. 24-25.

протекает по однажды принятой схеме. Раздражителями выступают различные табу и запреты, нормы и правила, обычаи и традиции. Они передаются из поколения в поколение. Таков, например, обычай гостеприимства, существующий у всех народов, которому следуют автоматически, в силу привычки вести себя так, а не иначе.

Четвертый тип — аффективное, или реактивное, поведение. Аффект — это душевное волнение, которое перерастает в страсть, сильный душевный порыв. Аффект идет изнутри, под его влиянием человек поступает бессознательно. Будучи кратковременным эмоциональным состоянием, аффективное поведение не ориентировано на

оценку других или сознательный выбор цели. Растерянность перед неожиданностью, душевный подъем и энтузиазм, раздражение на окружающих, подавленное состояние и меланхолия — все это аффективные формы поведения.

Вебер исключил традиционное и аффективное действие из предмета социологии, так как не считал их социальным действием, но включил в него целенаправленное и ценностно-рациональное поведение. На пересечении социологии и психологии находится социальная психология, изучающая два средних типа поведения. Общая структура предмета исследования трех наук изображена на рис. 4.

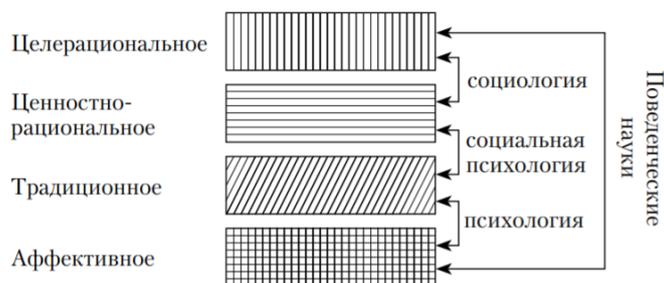

Рис. 4. Типология поведения М. Вебера и предмет поведенческих наук

М. Вебер считал, что не всякое поведение человека может быть предметом исследования социологии. Социолог призван изучать только рациональное поведение, при котором индивид осознает смысл и цели своих поступков, не подчиняясь эмоциям и страстям. У него две формы — целерациональное и ценностно-ориентированное действие. Только их призвана изучать социология.

Получается, что основу предмета изучения социологии составляют целерациональное и цен-

ностно-рациональное действия. Четыре типа социального действия представляют своеобразную шкалу или **континуум**, на верхней ступени которого расположено целерациональное действие, представляющее максимальный интерес для социологии, на нижней — аффективное, к которому социологи, согласно

Веберу, почти не проявляют интереса¹. Здесь целе-рациональное действие выступает своеобразным эталоном, с которым можно сравнивать прочие типы действия людей, выявляя в них степень социологической выраженности. Чем ближе действие к целе-рациональному, тем меньше коэффициент психологического преломления². В самом деле, понятие цели – по своему содержанию и генезису – никогда не было и не будет психологическим, ибо цель, равно как и смысл действия, вынесена из человека в общество. Она там и рождается, хотя произрасти может только внутри нас. Вот почему форма у нее психическая. Цель – это идеальное представление будущего результата действия, умноженное на коэффициент желания или ожидания. Начинка цели – общественная, а обертка – психологическая. У животных нет целе-рациональных действий. А вот аффектов хоть отбавляй. Чем дальше социальное действие от целе-рационального, тем больше в нем а) инстинктивных элементов и б) животного начала. Стало быть, выше коэффициент психологического преломления.

В итоге получим шкалу, построенную на принципе сравнения всякого действия с целе-рациональным. По мере убывания рациональности поступки становятся все менее понятными, цели – ясными, а средства – определенными. У ценностно-рационального действия, в сопоставлении с целе-рациональ-

ным, нет цели, результата, ориентации на успех, но есть мотив, смысл, средства, ориентация на других. У аффективного и традиционного действия нет цели, результата, стремления к успеху, мотива, смысла и ориентации на других. Иначе говоря, два последних типа действия лишены признаков социального действия. В силу этого Вебер считал: только целе- и ценностно-рациональное действие суть социальные действия. Напротив, традиционное и аффективное действия к ним не относятся. Все типы действий расположены снизу вверх по степени возрастания рациональности.

В этой классификации социологи не обратили внимания на следующую ее особенность. Второй, **ценностно-ориентированный**, тип социального действия, если он преобладает в обществе, так вытекает из теории М. Вебера, характеризует высоконравственное состояние людей, распространение в общественном сознании чувства долга, патриотизма, добродетели. Часто или редко подобное случилось в истории человечества – это вопрос, требующий самостоятельного историко-социологического исследования. Возможно, что духовный подъем и массовое распространение соответствующего ему второго типа социального действия происходило в кризисные для той или иной страны периоды, скажем, войну, освободительное движение, религиозные войны, иностранное нападение и т.д. Иначе говоря,

¹ Сразу отметим, что далеко не все социологи согласны с Вебером. К примеру, революционный синдром, покоящийся на аффективном поведении, послужил предметом исследования у многих мыслителей, в том числе у П.Сорокина.

² Ионин Л.Г. Вебер Макс // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А.Грицанов, В.Л.Абушенко, Г.М.Евелькин, Г.Н.Соколова, О.В.Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. с.159.

наивысший духовный подъем общества наблюдался в период его глубочайшего кризиса. Хотя, разумеется, не всякий тип кризиса способен вызвать духовный подъем.

Но что происходит, когда в обществе наибольшее распространение получает первый, целе-ориентированный, тип социального действия. Такой тип характеризует потребительское и стяжательское поведение, распространение в сознании людей меркантильных, чисто денежных приоритетов и целей. Если он становится преобладающим, вытесняя собой все другие типы социального действия, то вправе ли мы говорить о наступлении духовно-нравственного кризиса в обществе? Вся основания так считать имеются.

Известен широкий класс социальных действий, которые возникают на границе между веберовскими типами. К примеру, мы выходим на балкон или на Ленинские горы, смотрим салют и не кричим, пока не кричат все. Мы начинаем кричать, потому, что кричат все. Можно сравнить такое действие с раскрытием зонтика, когда падает дождь или снег? Нет, потому, что это реакция на поведение других. И она сразу же проявляется, как только вы задерживаете дыхание, если кто-то не закричал. Но вы чувствуете этот момент общего подъема, и кричите вместе со всеми, следовательно, здесь есть ориентация на других людей. Относится оно к социальному действию? Конечно. Все закричали, и вы во всеобщем подъеме тоже кричите "ура". Но вы знаете, что часто кричат "ура", не потому, что ему очень радостно, а по привычке, потому, что все кричат. Есть здесь момент традиционности? Конечно. Потому, что мы

знаем, что такова коллективная привычка - радостными возгласами приветствовать салют. И мы стараемся включиться в общую традицию, в общий подъем. В таком поступке соединились элементы двух разных типов - аффективного и традиционного действий. Но это социальное действие, потому что оно ориентировано на "значимых других".

В строгом смысле слова, аффективное действие не подпадает под предмет социологии и относится к предмету психологии. Конечно, оно в значительной степени происходит с оглядкой на значимых других. Например, напился муж, а жена не пускает его в квартиру, но устраивает скандал прямо на лестничной площадке, приговаривая: «Опять напился такой-растакой! Сколько это может продолжаться?»

Почему жена кричит на лестнице, а не в квартире? Она строит свое поведение с ориентацией на других. Она взывает к общественному мнению соседей, которое, как ей кажется, может «устыдить» выпивоху. Что здесь соединилось? В первооснове это чисто эмоциональное действие: доведенная до отчаяния жена уже не может сдерживать эмоций. Однако ее рефлекторное действие автоматически ориентировано на коллективное мнение - на силу традиции. Социальный автоматизм настолько проник в наше сознание, что действует помимо нашей воли.

Эмоции выливаются наружу по поводу социально значимых вещей и явлений. Она знает, что так и все другие реагируют на пьяных мужей, похожее она наблюдала, видимо, в детстве. Возможно, что при оценке ситуации в голове бедной женщины

мелькали и другие варианты своего действия: «А не вызвать ли милицию? Но к чему это выльется? Не сдать ли его в вырезатель? А может на этот раз вовсе развестись с ним?»

Почему женщина не сдает пьяного мужа в милицию? Потому что ей жалко его? Возможно. Но еще более вероятно другое: она не сдаст своего мужа в отрезатель потому, что знает - правильные жены так не делают. Жена поступает так, как предписывается обществом действовать в данной ситуации исполнителю данной социальной роли. Таковы неписанные традиции общества.

Проигрывание различных сценариев - это достаточный признак целе-рационального действия, ибо оно представляет собой подготовку разных вариантов протекания одного события, оценку и взвешивание достоинств и недостатков каждого, выбор наиболее приемлемого в данной ситуации. Стало быть, к элементам аффективного и традиционного действия привлекается элемент целе-рационального. В результате мы получаем сложную мозаику реальных поступков людей.

Отсюда вывод: типология социальных действий М. Вебера позволяет только расчленять реальные поступки на составляющие элементы, четко определить природу каждого, но не больше. В дальнейшем мы обязаны сделать шаг за рамки веберовской теории и синтезировать элементы в целостную картину человеческого поступка, руководствуясь правилом: каждое реальное действие человека представляет собой сложнейший узор, в котором пересекаются, сплетаются элементы всех четырех или не-

скольких веберовских типов поведения.

Даже сквозь нерегулируемый поток эмоций у людей прорывается социально ориентированное действие. Женщина возмущена, но она не сдает мужа в милицию. Почему? Она соблюдает свои ролевые нормы. Она знает, что вызывают милицию не жены, а совсем другая категория людей. Она знает о бесполезности подобного мероприятия, ибо никогда еще милиция не превращала пьяниц в праведников, сажая их в медвырезатель. Эмоции женщины насквозь рационализированы. Когда она начинает кричать на мужа, у нее в голове разворачиваются целые сцены того, что может произойти вслед за тем или иным поступком. Калейдоскоп событий разворачивается с невероятной скоростью - так быстро считают деньги опытные кассиры, даже не вдумываясь в суть происходящего. Решение, как и счет, совершаются интуитивно. Но выбор сделан отнюдь не бездумно. Супруга выбрала наименее затратный, наиболее легкий и безобидный вариант - одернуть пьянчугу у всех на глазах. Ведь завтра, протрезвев, ему в эти глаза смотреть и краснеть. Действие оказалось глубоко продуманным и практически самым оптимальным в подобной ситуации. Можем ли мы после этого утверждать, что женщины - самые не логичные и эмоциональные существа?

Проявление бурных эмоций - это признак не слабости, а силы женщины. И этой силой ее наделило само общество. Женщине разрешается проявлять несдержанность чувств, а мужчине нет. Поэтому когда жена увидела мужа на лестнич-

ной площадке пьяным, она использовала все преимущества представителя данной социальной группы.

Другой пример. В 1920-30-е годы массовый героизм был важнейшей характеристикой социального поведения больших групп людей. Коммунисты намеренно использовали эмоциональный порыв людей в тех ситуациях, где рутинные действия не могли обеспечить скорый успех, в частности, при возведении гигантских строительных объектов в короткие сроки. Воодушевление - это, несомненно, аффективное действие. Но, будучи принято на вооружение большими массами людей, воодушевление приобретает социальную окраску и превращается в предмет исследования социологии. При этом воодушевление достигалось ради определенных нравственных ценностей, например, строительства светлого будущего, установления на земле равенства и справедливости. В таком случае аффективное действие приобретает черты ценностно-рационального либо полностью переходит в данную категорию, оставаясь по содержанию эмоциональным действием. Непросто квалифицировать действия коммунистических вожakov, которые воодушевляли массы с совершенно холодной рационалистической целью - добиться выполнения поставленных партией задач. При этом сами они испытывали не меньшее воодушевление, чем идущие за ними массы людей.

Принято считать, что целе-рациональное действие чаще всего встречается в экономике. Здесь индивид просчитывает все последствия, выгоду и невыгоду от своих действий, сознательно и свободно выбирает подходящие средства для достижения поставленной цели. Экономика

невозможна без целе-рациональных действий. Если нам говорят, что в данном обществе присутствует нецивилизованный рынок, то это может означать, что в общей массе поступков людей преобладают аффективные, традиционные либо ценностно-рациональные действия, но никак не целе-рациональные.

Как ведут себя «новые русские»? Проанализируем их поведение. Несомненно, лейтмотивом их действий выступает обогащение, а это признак целе-рационального поведения. Как идут к богатству на Западе, в цивилизованном обществе? На всем экономя и каждый шаг рассчитывая. Подобный рационализм Вебер называл калькулируемостью (расчетом каждого поступка и его последствий). Без нее нет цивилизованного рынка. На западе даже миллионеры, точнее сказать в первую очередь именно миллионеры, не кичатся своим богатством, экономят на всем и везде. Во главу угла жизненного кредо поставлено целе-рациональное поведение.

А что делают «новые русские», когда у них заводятся деньги? Смысл жизни им представляется в замене хорошего автомобиля на лучший, богатой дачи на еще более роскошную виллу, шикарной женщины на еще более неотразимую. Демонстративное расточительство не имеет под собой никакой целе-рациональной основы. Выбившись из грязи в князи, они стремятся поразить воображение ближних, вызвать у них зависть. Так поступает ребенок, когда ему покупают большую новую машину: он бежит хвалиться ей во двор. Это эмоциональное поведение. Но оказывается, не только эмоциональное. Если вспомнить дореволюционную Россию, то

выбившиеся из крепостных крестьян купцы-натуровики били не только зеркала и кутили с цыганами. Они выражали традиционные ценности, возможно, заложенные где-то в тайниках православной души. Русские купцы редко когда являлись такими скопидомами, накопителями сокровищ. Широта души, растранивание денег - типичная черта поведения в древних вождествах, где бигмены, чтобы повысить свой статус и завоевать одобрение, устраивали публичные пиры, демонстративное поведение переплетается здесь с неразвитостью сознания (аффективность) и глубокой выгодой (демонстративное влияние).

«Новые русские» - вчерашние троешники, выходцы из социальных низов, которым вдруг улыбнулась судьба и они неправедным путем (разбой, рэкет, мошенничество) сумели вдруг обогатиться. Часто это просто необразованная, малограмотная масса, не умеющая подавлять эмоции, раздражение, чванливость, гордыню. Они насквозь эмоциональны. Истинные чувства и намерения им приходилось до поры подавлять, но вот богатство дало им власть и отныне можно не стесняться в средствах выражения своих действий.

Что это - новоприобретенная модель поведения? Но вспомним рядовых советских чиновников. Чем ниже пост, чем мельче сошка, тем круче нрав и больше презрения к людям. Высокопоставленные чины еще умели себя контролировать, но чиновные низы так раздували щеки, что казалось - перед тобой как минимум генерал армии. И они - тоже натуровики. И они выбились в люди

из рабочих и крестьян. И они не прошли настоящей школы воспитания.

На недостатки воспитания, которое закладывалось советской школой, наложились ценности субкультуры - у рэкетиров ценности криминальной субкультуры, у чиновников - бюрократической. Но подчинение нормам и ценностям своей культуры - это несомненный признак традиционного действия.

Таким образом, поведенческий мир «новых русских» - это гремучая смесь трех типов поведения: аффективного, традиционного и целерационального. Не хватает ценностно-рационального. В строгом смысле слова его у «новых русских» нет. Они не являются патриотами, поборниками культурных ценностей, борцами за коммунизм или истинно верующими. Им все равно, какую страну грабить и где проживать криминальные капиталы. У них нет больших ценностей и высоких идеалов. Их ценностный мир слеплен из местнических стереотипов - принципов поведения своей социальной среды: подворотни, дворовой шайки, уголовной братии. Если эта среда придерживается каких-то идеалов и ценностей, то и у «новых русских» они имеются, пусть даже весьма специфические. Можно, конечно, говорить о ценностно-рациональном поведении потому, что у них определенный набор тех идеалов, к которым они стремятся: машина, желательно "Мерседес", отдых на Канарских островах, престижный офис и т.д. Но они не стоят перед собой высоких идеалов.

К непростым ситуациям относится религиозное воодушевление, овладевающее массами людей, идущих за своими лидерами и вы-

полняющие их распоряжения в полной уверенности в том, что они совершают свои действия ради высших нравственных ценностей. И здесь мы видим аффективное по форме, но ценностно-рациональное по содержанию социальное действие.

Безнравственное поведение, по всей видимости, следует относить к социальным актам, хотя они преследуют цели, точнее ценности, которые лежат за сферой социологии

и относятся к компетенции этики. Вандализм молодежи в основе своей есть безнравственное поведение. Но чаще всего это сознательное, целе-рациональное действие, призванное надругаться, попрасть святыни, уважаемые и ценимые народом. Отрицая одни ценности, они утверждают другие. При этом вандализм совершается в крайне аффективной форме.

Целерациональное	Сознательный выбор цели и планомерные действия по ее достижению	↑	Максимально понятное и осмысленное
Ценностно-рациональное	Вера в нравственные ценности и идеалы, стремление их достичь		
Традиционное	Покорность традициям и обычаям, рутинные действия		
Аффективное	Подчинение внутренним страстям и эмоциям		Минимально понятное и осмысленное

Рис. 5. Типы социального действия в порядке убывания их осмысленности.

Нравственные действия, как принято считать, совершаются в **ситуации выбора**. Классический пример приводил, описывая пограничную ситуацию, Сартр: во время оккупации немцами Франции перед юношей стала дилемма: пойти в ряды сопротивления и защищать родину (первая ценность) или остаться дома с больной матерью и попытаться ее спасти (вторая ценность). По такому сценарию разыгрываются большинство этических коллизий, встречающихся в нашей жизни. Выбирать приходится между двумя равновеликими и позитивными ценностями.

Выбор может возникнуть и тогда, когда приходится добро предпочесть злу или наоборот. Для обыч-

ного человека это две равновеликие ценности, но перед человеком глубоко нравственным никакой ситуации выбора нет: он, не задумываясь, придерживается той стороны, где находится добро.

Социальное действие надо понимать в узком и широком значении. В узком значении, где субъектом действия выступает отдельный индивид, изучил М. Вебер. Социальное действие в широком смысле имеет своим субъектом коллектив, за которым институционально закреплено право вмешиваться в общественную жизнь с целью ее исправления к лучшему. Вообще любую социальную практику, призванную улучшить ситуацию, кого-либо исправить, перенаправить, изменить к

лучшему, что-то подреставрировать, надо относить к институциям или социальным практикам социального действия. Молитва - социальная практика, она улучшает состояние духовного мира человека, создание детских интернатов - тоже социальная практика, улучшающая ситуацию, т.е. производящая социально одобряемые действия.

Понимание социального действия в широком смысле - это то новое, что современная социология вносит по сравнению с М. Вебером.

Целе-рациональное действие

Универсальным идеальным типом для самого Вебера выступает понятие «целе-рационального действия». Именно на базе этого понятия строится веберовская трактовка «понимания» как средства познания социальных явлений. Под целе-рациональным поведением Вебер понимает такие действия или такие поведенческие акты, которые совершаются индивидами намеренно, т. е. с осознанно поставленной целью действие, направленное на достижение четко определенных результатов. Действия, имеющие цель, направленные на результат, регулируемые мотивом и совершаемые при сознательном выборе средств для достижения поставленной цели.

Социологический метод познания, полагал Вебер, можно называть «рационалистическим». Социология сортирует все действия по степени проявления в них рациональной компоненты (вспомним шестиуровневую шкалу рациональности), затем отбрасывает все нерациональное и иррациональное, оставляя только узкий сегмент че-

ловеческого поведения — рациональные действия. Поскольку рациональные действия принадлежат существу общественному, обладающему мотивами и ориентирующемуся на поведение других, то всякое рациональное действие, отобранное по указанным критериям, является непременно социальным. Внутри этой категории в особую группу Вебер выделяет экономические действия (они захватывают два первых типа в его типологии, а именно целе- и ценностно-рациональные действия).

Классическим примером целе-рационального действия является экономическое поведение. Предположим, вы берете деньги, идете в магазин и покупаете какую-либо вещь. Здесь есть все: индивид, четкая цель, свободный выбор средств. Вы могли бы купить, а могли бы своровать, но вы руководствовались определенными мотивами, когда выбирали именно этот способ достижения цели и конкретный результат. Другие примеры: вкладываем деньги в сбербанк, чтобы получить проценты; принятие спортсменом допинга; больной выполняет предписание врача; заключение, гражданского или фиктивного брака; ограбление банка или квартиры; поездка за рубеж для изучения иностранного языка; переговоры с целью заключения совместного соглашения; семья решила купить автомобиль; покупка продуктов; чистка ботинок; стирка вещей; устройство на работу; брак по расчету; экономическая или спортивная конкуренция; повышение зарплаты, снижение налогов; фотографирование и коллекционирование; спортивная тренировка.

Стратегически целе-рациональное поведение, как показывает Н.Ф. Наумова¹, стратифицировано, т.е. чем выше позиция индивида в социальной иерархии, тем рациональнее его поведение, а чем меньшим социальным ресурсом обладает человек, тем больший компонент иррациональности присутствует в его поведении. При получении высшего образования результатом действия служит окончание высшего заведения, мотивом - получение престижной работы в будущем, средством - постоянное совершенствование своих знаний и умений. Чтобы поступить в вуз, индивид должен хорошо знать школьные предметы, иметь нужные документы и успешно сдать экзамены. Мотивом поступления в вуз является желание учиться и стать хорошим специалистом в той области, которую он выбрал. Кроме того, успешно окончив вуз, индивид переходит в новую социальную группу интеллигенцию. Д.В. Ольшанским, например, была принята попытка дифференцировать типы социального поведения в соответствии с веберовской классификацией на основе распределения ответов респондентов на вопрос: «Каким Вам представляется наиболее достойное поведение в сегодняшней кризисной ситуации?» К ценностно-рациональному типу поведения Д. Ольшанский отнес желание найти свое место в рыночной экономике²; целе-рациональный тип соответствует варианту ответа «доверие к политике реформ требует активных личных действий

каждого»; аффективный тип предполагает активный протест против проводимых реформ, а стремление больше времени уделять семье соответствует традиционному типу поведения.

Если цель действия - купить автомобиль, то для ее достижения надо накопить капитал, пройти медосмотр, получить различные справки, а потом выбрать магазин с подходящими ценами и марками авто. Мотивы покупки могут быть разные (ради престижа, подработок в вечернее время, перевозок семьи на дачу, поездок на работу или за город), но за ними скрыт еще один важный – желание перейти в новую, более высокую социальную страту, а именно из категории пешеходов в касту автомобилистов.

Составление брачного контракта - тоже целе-рациональное социальное действие. Рациональное потому что, если в случае развода имущество будет распределяться согласно правовым нормам, а не ситуативным пожеланиям, гневу, эгоизму или стремлению отомстить сопернику. Социальным действием надо считать потому, что факт существования такого документа способен в той или иной мере повлиять на отношения в семье, которая, как мы знаем, является одним из социальных институтов.

В свое время М. Вебер предусматривал существование действий, которые не попадают под социальные. Например: на улице идет дождь. Вы выходите на улицу и открываете зонтик. Здесь нет ориен-

¹ Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995, № 2

² Ольшанский Д.В. Социальная адаптация: кто выиграл? Макромеханизм реформ // Экономические реформы в России: социальное измерение. М., 1995. С. 75-83.

тации на других людей, а ваша мотивация обусловлена климатом, но не реакцией и поведением других людей. Такое действие нельзя назвать социальным. В социальном действии должна быть ориентация на других людей, как источник побуждения вашего действия. Можно привести массу других примеров, которые подпадают под определение социального действия, но не подпадают под определение целерационального. Например: кто-то сказал вам обидное слово, вы развернулись и дали пощечину. Вашими действиями руководят эмоции, но не рациональные соображения, не осознанно выбранные средства достижения цели.

Принцип экономии - признак и база целе-рационального действия. Он лежит в основе всех или большинства подобных действий. Его нет в аффективном, ценностно-рациональном и традиционном действии.

Когда мы "срезаем угол", идем к автобусной остановке напрямик через газон, нарушая правила приличия, мы экономим свои усилия. Когда человек залезает в заводскую кассу и грабит ее, он ищет самый короткий путь к деньгам. Гораздо более длинным и трудозатратным было бы просто заработать эту сумму в течение месяца или года. Рэкет - также пример экономии усилий. Безработный, вместо того чтобы искать работу, прилагать усилия к обучению на курсах переквалификации, нападает вечером на прохожего и отбирает деньги. Все двоечники, если у них нет к учебе физических или психических противопоказаний, являются лентяями, старающимися облегчить себе усилия. Использование шпаргалок,

дача взятки преподавателю ради получения оценки в дипломе или на вступительных экзаменах - образцы проявления принципа экономии усилий.

Он лежит в основе как индивидуальных, так и коллективных действий. Госдума РФ 27.06.2001 предупредила Комиссию по реформе русского языка, что ее стремление изменить некоторые правила грамматики, в частности, писать *жы* и *шы*, слова *парашут* и *брошура* так, как слышится, а не так как это до сих пор было принято, недопустимы. Любое вмешательство в культурное достояние нации, в том числе в его главную составляющую, национальный язык, по мнению депутатов, преступны. Какими побуждениями руководствовалась комиссия? Принципом экономии усилий: отныне, по ее мнению, учащимся не надо тратить усилия на запоминание исключений из правил. На самом деле экономия в государственном масштабе могла обернуться огромными расходами - на переписывание миллионов учебников, исправление документов, переподготовку кадров. Указав на это обстоятельство, Госдума пригрозила, что сократит ассигнования на нужды РАН.

Сегодня человеческое общество в целом стоит перед дилеммой - как добиваться возможно высокого уровня жизни при минимальном росте потребности в природных ресурсах. Это основа экономики - глобальной и национальной - как и основа рационального действия.

В обыденном сознании рациональность означает осмысленность, трезвость, здравомыслие, пропорциональность, обоснованность, приспособленность, целесообразность, разумность, удобность,

а также благоразумность, исчисляемость, основательность, правильность, рассудительность, трезвость. Такие критерии люди используют также при оценке управленческих решений и поведения менеджеров, которые могут быть разумными и неразумными, правильными и направляемыми и т.п. Именно поэтому рациональность чаще всего истолковывается как соответствие законам разума - законам логики, методологическим нормам и правилам. Рациональное - это то, что доступно пониманию.

Степень разумности любой созданной человеком системы – научной, управленческой, компьютерной, мыслительной, логической – может быть выражена рядом признаков (критериев, параметров, показателей), в том числе такими, как целесообразность, эффективность, оптимальность, экономность средств для достижения цели, объяснимость на основании причинно-следственных зависимостей, систематичность, успешная предсказуемость, гармоничность и согласованность элементов. Наиболее яркое воплощение они приобрели в известных семи правилах Р.

М. Вебер полагал, что рациональности подчиняется не только наше познание, но также наше сознание, поведение, развитие общества, хозяйственный уклад, культура. Рационализация в разных сферах жизни означает следующее: 1) в экономике и управлении – бухгалтерию и бюрократию; 2) в религии – замену магии и таинств личной ответственностью, возникновение

протестантизма; 3) в юриспруденции – вытеснение прецедентного права дедуктивным; 4) в политике – отход от традиционного и харизматического господства в пользу легального порядка; 5) в морали – акцент на дисциплине и воспитании; 6) в науке – торжество эксперимента и математико-статистических методов; 7) в обществе – распространение государственного контроля и администрирования¹.

Ното есопотіс - экономический человек, т.е. наделенный эгоизмом и стремящийся к накоплению богатства субъект рационального действия. Максимизация прибыли за минимально возможное время при минимальной или оптимальной (опять же разумной) трате сил – формула его поведения. Целе-рациональное действие характеризует потребительское и стяжательское поведение, распространение в сознании людей меркантильных, чисто денежных приоритетов и целей. Так, предприниматель, заботясь о своем бизнесе, анализирует ситуацию, оценивает возможности, строит планы. Генри Форд, создатель теории эффективной заработной платы, заявил в своей библиографической работе «Моя жизнь, мои достижения» следующее: «Цель моя состояла в том, чтобы производить с минимальными затратами материала и человеческой силы и продавать с минимальной прибылью, причем в отношении суммы прибыли я полагался на размер сбыта. Равным образом цель моя в процессе такого производства - уделять внимание максимизации

¹ См.: Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988; Касавич И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. Крит. очерк. М., 1989; Швырев В.С. Рациональность

как ценность культуры: традиция и современность. М.: Прогресс-традиция, 2003; Гайденок П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

заработной платы, иначе говоря, создавать максимальную покупательную способность»¹.

Экономическая деятельность построена на рассудочной рациональности. Рациональная деятельность - это целесообразная деятельность экономических субъектов, направленная на достижение цели и учитывающая заданные ограничения и имеющиеся возможности. Социальная деятельность также строится на разумной рациональности. Предприниматель и менеджер оба стремятся к целе-рациональному действию, но понимают его по-разному: для первого оно заключается в получении максимальной прибыли, для второго – в точном исполнении служебных обязанностей².

Целе-рациональное поведение - это экономическое действие, где есть мотив, ориентация на другого, свобода в выборе средств, цель, готовность действовать, рисковать и взять на себя ответственность. Разумный риск, проявляющий себя и в бизнесе, и в политике, обязательная особенность целе-рационального действия. У разных социальных категорий и разных типов людей обнаружена разная степень сочетания вероятности риска и желания добиться успеха. Кого-то высокий риск остановит на полпути, кому-то лишь пощекочет нервы, придаст остроты ощущения и сподвигнет еще решительнее продвигаться к поставленной цели. Изучением этого вопроса в середине XX века занимался американский психолог Дж. Аткинсон.

В его экспериментах испытуемые, отличающиеся высоким уровнем потребностей в достижении, гордились своими успехами, а испытуемые с низким уровнем потребностей в достижении гордились тем, что им удалось избежать неудач.

Аткинсон предложил две стратегии поведения: стремление добиться успеха при высокой вероятности риска и стремление избежать неудач при таком же уровне риска.

Формула успеха: чем ниже вероятность успеха (то есть чем выше риск), тем выше уровень побуждения к нему в связи с его возрастающей ценностью.

Формула страха: чем ниже вероятность успеха, тем ниже уровень побуждения к нему.

Но существует пороговая величина риска первого уровня.

Рис. 6. Пороговая величина риска целе-рационального поведения первого уровня

Граница или пороговая величина второго уровня касается соотношения вероятностей успеха и провала у предпринимателей

¹ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. Л.: Время, 1924, с. 23.

² Подробнее см.: Кравченко А.И. Концепция капитализма М.Вебера и трудовая мотивация

//Социологические исследования. 1997. № 4; Кравченко А.И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М.: На Воробьевых, 1997.

где 50 % - успех, 50 % - неудача.

Рис. 7. Пороговая величина риска целе-рационального поведения второго уровня у предпринимателей

Предприниматель не берется за дело, если 75% - неопределенность и лишь 25% гарантировано.

Начальные условия для деятельности предпринимателя - благоприятное стечение обстоятельств, то есть то, что находится вне его контроля.

Рис. 8. Пороговая величина риска целе-рационального поведения второго уровня у менеджеров

У менеджера: 75% гарантирована, 25% - неопределенность.

Чем больше гарантированы начальные условия деятельности, тем меньше экономическое награждение (для менеджера); и, наоборот - для предпринимателя. Причем большую часть дохода предприниматель использует для дальнейшего развития производства (примерно 70%). Таким образом, он рискует 70% последующей прибыли.

Риск и рациональность - характерно для экономической деятельности - совмещение несовместимого.

Ориентация на риск возможна там, где есть широкий диапазон свободы действий.

Континуум действий:

минимальная _____ *максимальная*
свобода действий _____ *свобода действий*

Его еще можно соотнести с **континуумом риска:**

минимум риска _____ *максимум риска*

Минимальная свобода действий соответствует минимальному риску, максимальная свобода - максимальному риску. Таким образом, оба континуума одинаково ориентированы.

Теперь рассмотрим обратную ей схему:

Свобода действий *max* _____ *min*
Риск *min* _____ *max*

В данном типе экономики общество при минимальном риске предоставляет максимальную свободу действий и наоборот. При такой схеме может наступить хаос (например, в США это случилось в 1930-е годы).

Это незапланированность экономики. При минимальной свободе действий существует жесткий контроль.

Расшатанная экономика не может превратиться в нечто среднее. Она может перейти лишь в другую крайность. В настоящее время в России - "варварский капитализм" с минимальным риском и максимальной свободой действий). От крайности социализма мы сразу перешли к крайности капитализма. Это является прямым следствием разбалансированности экономики и обще-

ства: “вырожденный социализм” переходит в противоположность - “вырожденный капитализм”.

Там, где высок риск, должна присутствовать максимальная свобода, как при капитализме. При феодализме, наоборот, наблюдается минимальный риск и минимальная свобода действий.

Рис. 9. Соотношение риска и свободы действий при феодализме.

Если вероятность предпринимательского успеха повышается от низшего к среднему уровню, то бизнес становится привлекательным для людей с любой мотивацией к достижению.

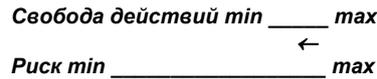
Рис. 10. Привлекательность бизнеса для индивидов с различной мотивацией.

Если вероятность предпринимательского успеха увеличивается от среднего до высшего, то бизнес становится непривлекательным для людей с высокой мотивацией к достижению. Они могут уйти в другую сферу, например, политическую.

Рис. 11. Непривлекательность бизнеса для индивидов с различной мотивацией.

Укрепление законодательной базы предпринимательской деятельности и легитимизация бизнеса ведут к движению к левому полюсу на двух шкалах:

Трудовое действие как образец целе-рационального действия. Разложение его структуры, выбраковка лишних элементов - Тейлор, дать из моих лекций по менеджменту. Эта тема может пойти сюда, а также в главу Экономика и Социальные механизмы. Подключить сюда же анализ рабочего места и др., которые можно интерпретировать также как вид социальных технологий или практик. Анализ работы - единственно удавшийся человечеству прием разложения социального действия на атомы. Другие попытки ему не удавались. Пробовали по своему проанализировать поведение интеракционисты, но получилось очень туманно. Тейлору и его последователям попытка удалась только потому, что без трудового действия не поднять производительность, не получить денег. По-нятно, что на его эксперименты не скупилась выделять денег, а все прочие попытки разложения действия, в том числе микросоциология, оставались любительскими бесплатными попытками.

Кредо известного деятеля НОТ 1920-х годов П.М. Керженцева можно выразить следующими словами: Анализируя, например, работу косца, плотника, кузнеца, мы выделяем три основных момента. Прежде всего, надлежит установить

те элементы, из которых складывается работа. Во-вторых, определить, в какой последовательности, временной и пространственной, эти элементы располагаются. Наконец, в-третьих, надлежит установить, в чем заключается и чем определяется связь элементов между собой. Аналитическая работа по такой трехчленной элементарной формуле может быть чрезвычайно полезна. По существу даже изучение всякой организации может быть осуществлено согласно такой упрощенной формуле¹.

Прекрасный образец целе-рационального действия дал У. Шекспир в «Юлии Цезаре». Древнеримский трибун Флавий, встретив толпу граждан, спрашивает их предводителя - сапожника: «Что же не работаешь сегодня дома? Зачем людей по улицам водишь?» На что тот ему отвечает: «Затем, сударь, чтобы они поизносили свою обувь, а я получил бы побольше работы»². Хотя большинство граждан собрались, конечно же, для иной цели: посмотреть Цезаря и порадоваться его триумфу. Иначе говоря, мотив их действий преимущественно эффективный - выражение своего восторга. Тем не менее, сапожник параллельно ей преследует свою собственную, чисто прагматическую цель. Читатель чувствует, что в словах сапожника больше юмора, нежели серьезной выгоды, но за не-серьезной формой вполне может скрываться серьезное намерение.

Дэниел Канеман, ставший Нобелевским лауреатом по экономике в 2002 г., всю свою жизнь посвятил

опровержению главного тезиса экономической теории – о рациональности человеческого поведения. Дав ему премию, экономисты фактически извинились за то, что последние 300 лет морочили людям голову. Действительно, современная экономическая наука основана на постулате, сформулированном еще в XVIII веке философом-утилитаристом Иеремией Бентамом. Он утверждал, что человек непрерывно занят подсчетом своей выгоды, т.е. пытается вычислить наиболее выгодный для себя тип поведения, взвешивая все альтернативы и последствия своего решения. Большинство людей, которым удается преуспеть в жизни, блюдают собственные интересы и ведут себя рационально³.

Правда, у рационалистической модели есть серьезный недостаток: для принятия разумного решения индивиду требуется доступ ко всей информации и неограниченное время для ее обработки. Обычно ни того ни другого у нас нет: мы не только не располагаем полной информацией, но часто умудряемся игнорировать даже те сведения, которые нам доступны. А может быть переформулировать саму проблему и вместо того, чтобы утверждать, будто люди ведут себя рационально, выяснить, как они на самом деле поступают?

Около 20 лет назад американские психологи Эймос Тверски и Дэниел Канеман провели ряд экспериментов, в ходе которых доказали, что люди гораздо чувствительнее к потерям, чем к приобретениям:

¹ Керженцев П.М. Принципы организации. М.: Экономика. 1968. С.125.

² Шекспир У. Полн. собр. соч. в восьми томах. Т.5 М., 1959 С. 222

³ Фенько А. Человек безумный // Коммерсантъ-Власть, 2003. № 41

боль от потери 20 долл. переживается острее, чем радость от их получения. Человек по-разному оценивает предмет в зависимости от того, дают ему этот предмет или отбирают. Если человеку дарят кружку, он оценивает ее для себя ниже, чем когда у него эту же кружку в конце эксперимента отбирают. Дарят-то чужое, а отбирают твое. Другими словами, человек меньше склонен рисковать уже имеющимся, нежели тем, что в перспективе может приобрести¹.

Принимая решение, мы обстоятельно взвешиваем все за и против, но столбик с минусами всегда будет весомее, чем столбик с плюсами. Поэтому для нас важна не столько объективная информация, сколько формулировка альтернатив². Еще больше сложностей у людей возникает с учетом вероятности событий. Оказалось, человек нелинейно относится к вероятностям, он склонен недооценивать маленькие вероятности и переоценивать большие. Желание человека рисковать меняется не плавно вслед за ростом или падением кривой вероятности, а скачкообразно³.

Выяснилось, что люди предпочитают игнорировать информацию о вероятности и судить о других людях в соответствии с собственными стереотипами. Способ судить об объекте, сравнивая его с неким типичным представителем и пренебрегая другой важной информацией, Канеман и его соавтор назвали "эвристикой репрезентативности". Эта эвристика, то есть мгновенный, интуитивный способ

принятия решения, заставляет нас рассуждать вопреки всякой логике.

Люди склонны судить о единичных событиях так, как будто имеют дело с большими выборками. Канеман и Тверски назвали эту особенность "психологическим законом малых чисел". В соответствии с этим законом очень часто поступают люди, играющие в азартные игры со случайным исходом. Проиграв один раз, человек рассуждает так: "По теории вероятностей, в следующую раз я должен выиграть". Но никакая теория вероятностей этого не утверждает. Она лишь утверждает, что если бросать монету бесконечное число раз, в половине случаев выпадет орел, а в половине – решка. А что выпадет в данную конкретную минуту, не знает никто.

Другое следствие закона малых чисел – мы видим закономерности там, где их нет. Канеман и Тверски показали, что в тех видах деятельности, где велика роль случайности, мы обычно чувствуем себя наказанными за поощрение других и поощренными за их наказание. Действительно, похвалив агента за успехи, менеджер раскается, когда дела у агента пойдут хуже. А, отругав за неудачи, через некоторое время убедится, что был прав, так как его результаты вернутся к среднему уровню. Этому "мудрому" правилу часто следуют школьные учителя и воспитатели, по опыту зная, что, если ученик получает одни пятерки, рано или поздно он на чем-нибудь срежется. А тот, кто учится на двойки, вполне может иногда полу-

¹ Никонов А. Теория неожиданной бесполезности (www.ropnet.ru)

² Фенько А. Человек безумный // Коммерсантъ-Власть, 2003. № 41

³ Никонов А. Теория неожиданной бесполезности (www.ropnet.ru)

чить и более высокую оценку. Придерживаясь правила: "Вовремя отругать отстающего и не перехвалить отличника", – они почти всегда убеждаются в своей правоте¹.

Обнаружился так называемый эффект Эсберга. Он заключается в том, что человек склонен доверять себе, а тем, кого считает экспертом. Наряду с ним был открыт эффект обращения предпочтений: для себя индивид выбирает игру с наименьшим выигрышем, но и наименьшим риском, другим отдает игру с наибольшей ставкой, но и наибольшим риском. Основываясь на новых данных, Канеман и его коллеги создали теорию перспектив, которая обобщила большую часть человеческих аномалий. То есть была придумана теория, альтернативная теории ожидаемой полезности. Теория перспектив учитывала нелинейность человеческого отношения к вероятностям, разное отношение человека к рискам при получении подарков и потерям своего имущества, недоверие к своим знаниям. Оказалось, что все человеческое несовершенство, все человеческие иллюзии подчиняются определенным законам².

Таким образом, эксперименты Д. Канемана и Э. Тверски опровергают экономический постулат о том, что люди способны на рациональные суждения и рациональные поступки. Своими исследованиями экономисты лишь подтвердили то, о чем давно предупреждали психологи: люди ведут себя не столько в соответствии с расчетом собственной выгоды, сколько под влиянием эмоций, страхов, воспоминаний, стереотипов и предрассудков. Принцип

рациональности, как и многие другие понятия экономической теории, описывает не то, что есть на самом деле, а некую идеальную модель. Раньше экономисты абстрагировались от таких вещей, как эмоции, национальные обычаи, привычки, стереотипы. Но сегодня им приходится считаться с новыми реалиями. Хотя и с опозданием, экономисты стали изучать иррациональное поведение человека.

Социологическую теорию экономического действия можно считать логическим продолжением веберовской теории социального действия и одновременно - теоретико-методологическим преддверием его социологии капитализма. Социология экономического действия рассматривается в главе "Социологические категории экономического действия" книги "Экономика и общество". Во многих отношениях она является ключевой для правильного понимания всей веберовской социологии.

В первом параграфе главы "Социологические категории экономического действия", который называется "Понятие экономического действия", М. Вебер указывает на то, что "действие может именоваться "экономически ориентированным" постольку, поскольку, в соответствии с его субъективным значением, оно касается удовлетворения потребности в "выгоде" (Nutzleistungen). "Экономическое действие" (Wirtschaften) - это мирный способ контроля над ресурсами со стороны актора, который в своих главных побуждениях ориентирован на экономические цели. "Рациональное экономическое действие"

¹ Фенько А. Человек безумный // Коммерсантъ-Власть, 2003. № 41

² Никонов А. Теория неожиданной бесполезности (www.ropnet.ru)

предполагает рациональную инструментальность, которая проявляется в такой ориентации, т.е. четкого планирования. Мы будем называть автокефальное экономическое действие “экономикой” (Wirtschaft), а организованную систему непрерывного экономического действия - “экономическим учреждением” (Wirtschaftsbetrieb)¹.

Statics and dynamics of social action

Kravchenko A.I.

MSU

The classical theory of social action by M. Weber, which influenced the formation of the whole world sociology, was created in the late XIX - early XX centuries. German sociologist Max Weber. It was the concept of social action that served as the basis for what later came to be called understanding sociology. To understand social action means to understand its meaning, motives and intentions of the acting subject. The difficulty lies in the fact that genuine knowledge of the motives of action belongs exclusively to the acting entity. And sociology, which seeks to understand the meanings of actions, uses the “understanding” method. To reveal the

meaning of action, as Weber believes, both logical and psychological means of cognition must be used simultaneously. From a logical point of view, the knowledge of social actions should be based on special structures designated by Weber by the concept of “ideal type”. From a psychological point of view, the explanation of the action must be preceded by the operation of “understanding”. According to Weber, such concepts as, for example, “capitalism”, “feudalism”, “western city”, “Protestantism”, “Catholicism”, “church”, “sect”, “religion”, “class”, “exploitation” and etc. are just “analytical constructions”, “ideal types”. Sometimes understanding in the Weberian sense is equated with a direct subjective experience of events. In fact, understanding is not an experience, but a rationalization of events and actions, i.e. their reconstruction in the mind of the researcher. Today, sociologists need to go beyond the established pattern of social action of M. Weber and, enriching it with new content, to offer ways and means of its further development.

Key words: social action, M. Weber, action, activity, motives, interest, projection, participation, process.

¹ Weber M. Economy and Society. Vol. 1. P.63.

Понятия «Пожилое население» и «Стареющее население» в контексте институционального анализа

Мусеве Одри Халенья,
аспирант Московский государственный педагогический университет, amuseve@mail.ru

Нынешняя глобальная демографическая тенденция старения населения имеет серьезные последствия для отдельных лиц и учреждений. Однако в социальных науках недостаточно изучены организационные и институциональные аспекты старения населения. Рассматривая случай Кении, эта статья восполняет существующий пробел в исследованиях, применяя основанный на неoinституционализме анализ к "пожилому" населению и "стареющему" населению, и институту социальной защиты пожилого населения, а также и рассмотрим, как эти, получают свое институциональное оформление. Установлено, что перед лицом новой парадигмы «активной старости» различные учреждения приспособляются к растущим потребностям «стареющего» населения. Важным выводом является то, что институциональная реформа в системе социальной защиты пожилого населения необходима для приспособления к изменениям в демографической структуре кенийского населения.

Ключевые слова: «пожилое» население, «стареющее» население, Кения, социальная защита, неoinституционализм, институт

1. Введение

Население мира быстро стареет из-за снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Старение населения наиболее распространено в Европе, но догоняет другие континенты. Это привело к беспрецедентному вниманию политиков к "пожилому" и "стареющему" населению. Крайне важно понять потребности этой группы; как эти потребности удовлетворяются; и; как это формирует институты. Это имеет решающее значение для разработки политики и укрепления институтов в целях удовлетворения меняющихся потребностей населения. Социальная защита стала важнейшим инструментом снижения рисков старения населения, и многие страны уделяют ей приоритетное внимание. Поэтому при изучении "пожилых людей" и "стареющего населения" необходимо уделять особое внимание вопросам социальной защиты. В отличие от классического институционализма, неoinституционализм предоставляет более широкие возможности для изучения институтов. Применение данного подхода в данной статье позволяет рассмотреть "пожилое" население и "стареющее"

население и их Институт социальной защиты в различных измерениях в контексте современного мира.

Рассматривая "пожилое" население и "стареющее" население под углом зрения нового институционализма, эта статья опирается на случай Кении. Кения привержена делу социальной защиты своего населения, однако крайне важно, чтобы правительство направило больше усилий на социальную защиту пожилых людей, поскольку они по-прежнему являются весьма уязвимой группой населения в стране. Эта статья организована следующим образом: в следующем разделе дается обзор старения населения в Кении. Далее мы исследуем социально-демографические характеристики "пожилых" и "стареющих" людей и их место в современных институтах; далее мы исследуем институциональную сферу социальной защиты пожилых людей и определяем институциональных субъектов. Наконец, в статье применен новый институционалистский подход к институту социальной защиты пожилого населения.

2. Растущее стареющее население Республики Кения

В данной статье рассматривается случай Кении, учитывая нынешнюю насущную потребность Кении в обеспечении благосостояния своего пожилого населения. Абсолютный размер пожилых людей значительно увеличился с 1969 года. К 2009 году общая численность населения Кении составляла 38,6 млн. человек. Из них 1 929 767 человек были в возрасте 60 лет и старше, что составляет примерно 5 процентов от общей численности

населения (что является одним из самых высоких показателей в Африке). Число лиц в возрасте 60 лет и старше более чем утроилось с 1969 года, когда это число составило 589 952 человека. По прогнозам, к 2050 году численность населения в возрасте 60 лет и старше составит около 9 процентов от общей численности населения [15].

Несмотря на ощутимые последствия этой демографической тенденции старения, Кения по-прежнему не имеет всеобъемлющего видения о благосостоянии своих пожилых людей. Проведенные в Кении в 2016/15 и 2005/06 годах комплексные обследования бюджетов домашних хозяйств показали, что уровень бедности среди пожилых людей Кении является самым высоким по сравнению с другими возрастными группами. Слабая социальная защита и пенсионное обеспечение, высокий уровень бедности и ослабление традиционных структур поддержки семьи указывают на то, что социально-экономические условия в Кении плохо приспособлены для решения проблем, связанных со старением населения [13].

Тот факт, что во многих политиках и программах пожилые люди в Кении занимают второстепенное положение, свидетельствует о недостатке исследований в области их благополучия. Применение институционального анализа в случае Кении может помочь выявить необходимость перестройки институциональных механизмов или укрепления институционального потенциала существующих учреждений в целях повышения эффективности деятельности учреждений, ориентированных на смягчение негативных

последствий старения населения среди пожилых людей и населения в целом.

3. Социально-демографические характеристики "пожилого" и "стареющего" населения и их влияние на институты

Нет единого мнения относительно того, что такое старость. Эта концепция, как правило, основывается на представлениях о способности сохранять самообеспеченность и экономическую активность. Несмотря на это, крайне важно деинституционализировать понятия "пожилое" и "стареющее" населения, населения пенсионного возраста и населения "третьего возраста" в контексте социально-демографических и правовых реалий современного мира.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, люди в возрасте от 60 до 75 лет считаются "пожилыми"; возрастной диапазон от 75 до 90 лет характеризуется как старость, а люди старше 90 лет считаются долгожителями [5]. Третий возраст считается периодом между выходом на пенсию и началом возрастных физических, эмоциональных и когнитивных ограничений, и это может быть в возрасте от 65 до 80 лет и старше. С другой стороны, пенсионный возраст в разных странах отличается, но колеблется от 55 до 67 лет. Общая продолжительность жизни в Кении составляет 66,7 лет [20]. Пожилыми людьми в Кении обычно считаются лица в возрасте не менее 60 или 65 лет; в настоящее время пенсионный возраст установлен на уровне 60 лет.

"Пожилое" и "стареющее" населения характеризуется резким снижением уровня материального обеспечения по сравнению с более

молодыми слоями населения. При прекращении активного участия на рынке труда пожилые люди могут испытывать чувство отчужденности, покинутости и ненужности, что приводит к социальной напряженности и увеличению числа психосоматических заболеваний [4]. Стало важным, чтобы пожилые люди сохраняли максимальную социальную активность, хорошее здоровье, мобильность и общую трудоспособность в течение многих лет. Это связано с новым пониманием старения как длительной, активной и продуктивной фазы современной жизни; пониманием, которое обусловлено различными факторами. Во-первых, достижения медицины способствуют здоровью и долголетию. Кроме того, чтобы свести к минимуму риск сокращения рынков труда из-за старения населения, пожилые люди должны поддерживать высокую социальную активность и продолжать работать.

С учетом того, что пожилые люди представляют собой значительный сегмент населения, который, как ожидается, также внесет значительный социальный и экономический вклад в современном мире; различные учреждения продолжают перестраиваться для размещения пожилых людей, с тем чтобы они оставались активными членами общества. Таким же образом произошел сдвиг парадигмы в институтах и международной практике: от старой парадигмы "ухода" к новой парадигме "активности и развития" пожилого населения [2].

Новая парадигма «активной старости» становится неотъемлемой частью общей концепции «общества равных возможностей», стремительно распространяющейся по

всему миру. Он выступает за образ жизни, который позволяет сохранить психическое и физическое здоровье за счет увеличения физической активности, здоровых привычек питания и когнитивного функционирования [16, с. 2]. В направлении "активной старости" уникальные потребности современного пожилого населения продолжают формировать различные институты и привели к появлению различных программ, специально предназначенных для пожилых людей. Повышение пенсионного возраста и социальная защита пожилого населения также стали актуальными мировыми тенденциями на сегодняшний день. Это является результатом знаний об изменениях в демографической структуре и понимания парадигмы старения со стороны правительства и различных поставщиков услуг. В Кении, например, начиная с 2009 года правительство повысило пенсионный возраст с 55 до 60 лет. Это позволит пожилым людям дольше оставаться на активной работе.

В большинстве стран существуют возрастные условия, связанные с социальными пособиями, предназначенными для пожилых людей, даже для других групп. Например, в Кении только пожилые люди в возрасте не менее 70 лет имеют право на получение всеобщей социальной пенсии по программе «Inua Jamii senior citizens' scheme» [12, с. 1]. Таким образом, законодательное закрепление возрастных предпочтений в программах социальной защиты позволяет зарегистрировать институционализацию «пожилое» население и «стареющее» население, рассматривая эту группу как особую социальную

группу с особыми потребностями, экономическими характеристиками, показателями социально-правовой защищенности и уровнем благосостояния.

Наконец, анализируя существующие системы государственной и негосударственной социальной поддержки в различных странах, можно говорить об институциональном оформлении следующих возрастных категорий граждан: населения предпенсионного возраста, «пожилое» население, и «стареющее» население. Каждый из этих сегментов населения имеет различные потребности, экономические возможности и экономическое поведение. Для людей предпенсионного возраста и работающих пенсионеров наиболее важными являются такие социальные гарантии, как сохранение рабочих мест, налоговые льготы, гарантии медицинского обслуживания, что позволяет им повысить свой уровень благосостояния. С другой стороны, для пожилого населения актуализируется весь спектр социальных потребностей, связанных с поддержанием социальной активности, физического здоровья, досуга и покупательной способности, а для стареющего населения ведущую роль играют гарантии социальной помощи: повышение уровня пенсионных выплат, и реализация права на уход [7].

4. Институт социальной защиты "пожилого" населения и "стареющего" населения

Чтобы противостоять рискам, связанным со старением населения, страны в настоящее время вкладывают больше средств в социальную защиту своих пожилых

людей. Сидорович и др. определенную социальную защиты - это деятельность государственных и негосударственных органов и организаций по осуществлению экономических, правовых, организационных мер, которые направлены на предупреждение или смягчение негативных последствий для человека и его семьи при наступлении определенных социально значимых обстоятельств (в том числе социальных рисков), а также сохранение приемлемого уровня их материального и социального благополучия [6, с. 290].

Структура социальной защиты организована таким образом, что она обслуживает различные социальные группы, в том числе социальную группу пожилых людей. К основным формам социальной защиты относятся социальное страхование, социальная помощь и социальные услуги [1, с. 37]. В Кении меры социальной защиты, определенные национальной политикой социальной защиты Кении, принимают три основные формы: социальная помощь; социальное обеспечение; и медицинское страхование.

Государственные и негосударственные институты участвуют в реализации социальной защиты в современном обществе. Как основной институт социальной защиты, влияние (роль) государства в его социальной сфере должно быть определяющим и заметным для его граждан [1 с. 31]. Государство и государственные учреждения создают и осуществляют социальную политику и законодательство, которые обычно оказывают влияние на различные социальные группы и обеспечивают социальное обеспечение

этих групп. К негосударственным институтам социальной защиты относятся, в частности, национальные и международные неправительственные организации, двусторонние доноры, коммерческие организации, высшие учебные заведения, профсоюзы, благотворительные союзы, церковь, средства массовой информации, предприятия, исследователи социальной политики, специалисты по социальной работе и гражданское общество [1; 3]. Они способствуют осуществлению социальной политики посредством программ и мероприятий, направленных на поддержку благосостояния различных социальных групп.

В качестве основного института социальной защиты доброжелательность и приверженность кенийского государства социальной защите пожилого населения проявляется в осуществлении в 2009 году национальной политики Кении в отношении старения и пожилых людей, а также в увеличении объема ассигнований из национального бюджета на социальную защиту пожилых людей. С 2004 года правительство осуществляет денежные переводы в рамках мер социальной защиты, направленных на повышение благосостояния уязвимых групп населения. Одним из таких денежных переводов является программа «Old Persons Cash Transfer Programme» - денежные переводы для пожилых людей - осуществляемая в 2006 году и предназначенная для крайне бедных (непенсионных и безработных) пожилых людей в возрасте не менее 65 лет. В 2018 году правительство запустило программу «Inua Jamii senior citizens' scheme». Это социальная пенсия без отчислений (финансируемая за

счет налогов), которая обеспечивает всеобщее пенсионное обеспечение всем гражданам Кении по достижении ими 70 лет. Бенефициары программы имеют право на получение 2000 Кенийских Шиллингов (19,7 долл. США) в месяц, которые выплачиваются раз в два месяца через активный банковский счет. В настоящее время около 702 000 пожилых людей охвачены этой программой. В первый год осуществления этой программы правительство потратило приблизительно 12,8 млрд. Кенийских Шиллингов [12, с. 1-3].

Эти две программы денежных переводов являются единственными программами социальной помощи, не предусматривающими взносов, конкретно предназначенными для пожилых людей в стране. Другими программами социальной защиты пожилых людей являются Национальный Фонд социального обеспечения - это Национальная пенсионная система в рамках социального обеспечения, и Национальный фонд больничного страхования – это медицинская система в рамках медицинского страхования [14, с. 6]. Тем не менее, они представляют собой систему взносов, и поэтому исключают большинство пожилых людей с ограниченными финансовыми возможностями. В то время как еще рано определять эффективность «Inua Jamii senior citizens' scheme», бенефициары денежных переводов в исследовании Вайнгартнер и др. сообщили, что небольшой размер и неравномерность в доставке денежных переводов не позволяют им делать какие-либо значительные инвестиции, кроме непосредственного потребления и домашнего использования [19, с. 115].

Приверженность негосударственных субъектов социальной защите пожилых людей в Кении проявляется в их усилиях по расширению прав и возможностей пожилых людей и удовлетворению их потребностей посредством развития знаний и навыков; расширения экономических прав и возможностей; поощрения прав человека в целях решения проблемы социальной изоляции; создания специальных социальных служб, служб здравоохранения, оказания чрезвычайной помощи и оказания гуманитарной помощи; обучения грамоте взрослых; и развития сельских районов. К таким негосударственным субъектам относятся, среди прочего «USAID-Kenya», «One Acre Fund», местные финансовые учреждения, такие как «Equity Bank», и Католическая Церковь.

Организация «HelpAge International, Kenya», является одной из ключевых неправительственных организаций, которая уделяет особое внимание проблемам старения и социальной защиты пожилых людей в Кении. Они сотрудничают с правительством; Организацией Объединенных Наций, национальными и международными учреждениями занимающимися вопросами социальной защиты; и на низовом уровне с ассоциациями пожилых людей, в целях обеспечения благосостояния пожилых людей. Одним из основных результатов деятельности «HelpAge International, Kenya» является ее вклад в принятие всеобщей системы социального пенсионного обеспечения «Inua Jamii senior citizens' scheme».

5. Институты социальной защиты пожилых людей в контексте нового институционализма

Применение нового институционального подхода к институту социальной защиты пожилых людей имеет важное значение для установления его функциональных и эволюционных аспектов, а также действующих на него сил. Это позволяет сделать важные выводы для укрепления этого института с учетом его возросшей значимости в XXI веке. Новый институционализм опирается на классический институционализм, но в отличие от классического институционализма он рассматривает институты в более широком контексте. В данном разделе мы сначала рассмотрим развитие, структурные и функциональные аспекты Института социальной защиты пожилого населения. Затем мы исследуем этот институт на основе трех основных тем неинституционализма, включая познание и социальное конструирование институтов; институты, государства и рынки; и историю, власть и изменения.

Что квалифицирует социальную защиту как институт? Сначала мы можем сосредоточиться на структуре; как и другие институты, система социальной защиты имеет определенную структуру. Буданова, Коноплин и Гори подтверждают, что структура системы социальной защиты включает социальную защиту различных социальных групп, таких как занятые, неработающие (дети, пожилые, инвалиды), семья (многодетная, неполная семья), временно безработные и граждане, временно изолированные от общества [1, с. 33-34]. Таким образом, можно изучать только структурный и организационный аспект институтов социальной защиты "пожилого" населения и "стареющего" населения.

Как и другие социальные институты, система социальной защиты характеризуется целями, достигаемыми коллективными действиями членов; иерархия среди команды учреждения; разделением труда; средствами контроля и регулирования деятельности учреждения; и принципами, которые делают ее системой. Функционирование системы социальной защиты пожилого населения основывается на различных документах, регулирующих отношения в институциональной среде. В Кении социальная защита пожилого населения регулируется Конституцией, такими стратегиями, как национальная политика Кении в отношении старения и пожилых людей, Видение 2030 года, и различные международные декларации и договоры в области прав человека [14, с. 3].

Социальные институты имеют явные и скрытые функции. Аналогичным образом институт социальной защиты пожилых людей выполняет универсальные и специфические функции, которые позволяют пожилым людям удовлетворять свои потребности в социальной защите. Многие проблемы, с которыми сталкиваются пожилые люди, требуют разнообразных решений. Межотраслевое и межинституциональное взаимодействие, объединяющее множество субъектов, выполняющих взаимосвязанные функции в институте социальной защиты, позволяет удовлетворять разнообразные потребности пожилых людей. Деятельность различных субъектов, направленная на социальную защиту пожилых людей, в совокупности способствует развитию института социальной защиты пожилых людей в рамках более широкого Института социальной защиты.

При рассмотрении Института социальной защиты, основанного на новом институционализме, важной темой становится познание и социальное конструирование институтов. Новый институциональный подход рассматривает нормы и правила, созданные человеком в качестве строительных блоков институтов. Таким образом, общие убеждения и познания играют определенную роль в институциональном строительстве [10, с. 6]. Модели социальной защиты Запада формируют современные институты социальной защиты во всем мире. Африканские страны подвергаются давлению со стороны транснациональных субъектов с целью принятия иностранных моделей социальной защиты, таких как денежные переводы, которые широко используются в Латинской Америке [8, с. 3]. Возникает вопрос о том, будут ли формы социальной защиты тяготеть к структурному изоморфизму.

Вторая тема нового институционализма - взаимодействие институтов, государств и рынков. В новом институционализме существует представление о том, что поскольку рынки являются институтами, на них влияют управление и рыночные силы. По словам Пауэлла, "институциональные процессы помогают формировать саму структуру экономических механизмов" [17, с. 187]. Начинают появляться дискуссии о "рынках" социальной защиты и приватизации социальной защиты [9, с. 8]. Растет внимание общественности к рыночным формам социальной защиты, о чем свидетельствует распространение в Кении частных систем страхования и частных услуг по уходу. Хотя это дает пожилым

людям определенную степень контроля и выбора, которые могут себе это позволить, это также приводит к неравенству в социальной защите в форме неравных прав на приобретение услуг социальной защиты. Поскольку в настоящее время считается, что рынки порождают различные формы организации социальной защиты, можем ли мы утверждать, что "рынки" социальной защиты работают против тенденции к структурному изоморфизму в социальной защите в современном мире?

Хотя государство несет основную ответственность за обеспечение социальной защиты населения, оно сотрудничает с негосударственными субъектами в целях обеспечения социальной защиты пожилых людей. В Кении, помимо заметных усилий Организации «HelpAge International, Kenya» по социальной защите пожилых людей, правительство сотрудничает с местным банком «Equity Bank» и поручило ему осуществлять денежные переводы получателям программы «Inua Jamii senior citizens' scheme», которые обязаны иметь активный банковский счет в этом банковском учреждении [19, с. 7]. Таким образом, координация деятельности различных организаций в более широкой области социальной защиты указывает на важность взаимодополняющего взаимодействия для достижения общей цели.

Последняя тема в новом институционализме - отношения между историей, властью и изменениями. Чтобы понять институциональные изменения в сфере социальной защиты, нам необходимо прежде всего понять роль власти в обще-

стве. Это подводит нас к политическому измерению социального институционального строительства в сфере социальной защиты. По словам Хикки, связи между социальной защитой и политикой являются многомерными и разнонаправленными. Хикки рассматривает политических акторов и учреждения, политико-институциональные особенности и социально-экономические силы среди ключевых аспектов политики, которые формируют социальную защиту в Африке [11, с. 2].

Иногда программы социального обеспечения используются в качестве политического инструмента для повышения выживаемости правящего режима. В Кении бывший президент «Даниэль мой» выборочно распределял продовольственную помощь для обеспечения своего режима у власти, отказывая в ней некоторым наиболее уязвимым группам и районам [18, с. 4]. Кроме того, политический класс Кении на протяжении более чем одного десятилетия сопротивлялся предложенной системе социального медицинского страхования, которая в качестве средства обеспечения всеобщего медицинского обслуживания обеспечила бы бедным людям доступ к бесплатному медицинскому обслуживанию. Неспособность законопроекта Национального Фонда социального медицинского страхования получить президентскую поддержку вполне объяснима в свете озабоченности многочисленных политических заинтересованных сторон, которую правящий режим тогда не мог рискнуть оттолкнуть [18, с. 18]. Существующая в настоящее время в стране система медицинского страхования

представляет собой систему взносов, таким образом лишает малоимущих (особенно пожилых людей, которые составляют большинство малоимущих в стране) доступа к медицинскому обслуживанию.

История занимает центральное место в процессе институционального развития. Институт социальной защиты имеет долгую историю, начиная с возникновения и кончая упадком "государств всеобщего благосостояния", и смещением акцента в социальной защите с помощи на безопасность, а теперь и на потенциал развития. В Африке неформальные формы социальной защиты (обеспечиваемые расширенными семьями и общинами) существовали на протяжении веков [8, с. 13]. Например, несмотря на то, что в настоящее время укореняется институционализированный уход за пожилыми людьми, не менее популярным остается уход на дому со стороны семей. Хотя неформальные формы социальной защиты по-прежнему широко распространены в Кении, новые формальные формы социальной защиты, такие как денежные переводы (осуществляемые правительствами и учреждениями-донорами), занимают центральное место, и в настоящее время большое внимание уделяется роли формальных моделей социальной защиты.

6. Заключение

Утверждается, что "пожилое" население и "стареющее" население являются критическим сегментом мирового населения, учитывая демографические структурные изменения, ведущие к глобальному старению населения. Изучение дан-

ной социальной группы и ее Института социальной защиты в новых условиях институционализма и в контексте современных условий расширяет понимание динамики Института социальной защиты. Это также помогает нам определить необходимость перестройки институциональных механизмов или укрепления институционального потенциала существующих учреждений для повышения эффективности работы учреждений социальной защиты, ориентированных на пожилых людей.

В Кении по-прежнему существуют пробелы в системе социальной защиты. Программы социальной защиты, ориентированные на пожилых людей, минимальны и недостаточно охвачены. Большинство из них представляют собой систему взносов, и денежные переводы являются "скудными". Учитывая растущее старение населения в Кении и высокую распространенность нищеты среди пожилых людей, мы можем лишь сделать вывод о том, что существует неудовлетворенная потребность в социальной защите среди "пожилых" и "стареющих" людей в Кении. Поэтому необходимы дополнительные исследования для разработки институциональных и политических стратегий, которые могут быть приняты для содействия благосостоянию пожилых людей. Институциональная реформа в стране необходима для учета изменений в демографической структуре.

Литература

1. Буданова, М.А., Коноплин Ю. С., Горин А.Е. Становление системы государственного социально-ориентированного управления рисками в современном трансформирующемся российском обществе. – М.: «Спутник», 2013. – 109 с.
2. Григорьева, И. А. Смена парадигмы в понимании старения // Социологические исследования. - № 11. – 2016. – С. 154-155.
3. Маргулян Я. А. Социальная политика: учебник. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. - 236 с.
4. Першина, Л. А. Возрастная психология: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2004. – 256 с.
5. Пономарева, Н. Н. Процесс демографического старения: сущность, особенности и последствия в странах мира // Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета». - № 6 (16). - 2013. – [Электронный ресурс]. – режим доступа: www.vestnik.nspu.ru. – Проверено: 16.06.2019.
6. Сидорович, А. В и др. Формирование системы социальной защиты населения. Национальные проекты//Основы национальной экономики: Учеб. Пособие.; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.; Дело и Сервис, 2009. – С. 288-306.
7. Соловьев, А. К. Социальные последствия повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2019. – 3 №. – С. 23 – 31.
8. Devereux Stephen. Informal and Formal Social Protection Systems in Sub-Saharan Africa / Getu Melese. – Kampala: Fountain Publishers. 2013. – P. 302.
9. Gilbert, Neil. Social welfare trends in western societies: Privatisation and the challenge to

social work. Arbor – 2015, - Vol 191, No.771. P.1-30.

10. Heinz-Dieter Meyer. and Brian Rowan. The New Institutionalism in Education. New York: SUNY Press. 2012. – P.234.

11. Hickey Samuel. Conceptualising the Politics of Social Protection in Africa. The University of Manchester. BWPI Working Paper 4. 2007 – P.17.

12. International Labour Organisation. Inua Jamii Senior Citizens' Scheme. 2019. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.developmentpathways.co.uk/wp-content/uploads/2019/05/Inua-Jamii-Country-Brief-1.pdf> Проверено 19-10.2019.

13. Kenya National Bureau of Statistics. Basic Report- 2015/16 Kenya Integrated Household Budget Survey. - 2018.

14. Mathiu Philemon and Mathiu Elosy. Social Protection for the Elderly as a Development Strategy: A Case Study of Kenya's Old Persons Cash Transfers Programme. Paper presented at the III International Conference of IESE on 'Mozambique: Accumulation and Transformation in a Context of International Crisis', Maputo, 4–5 September. 2012. - P.24.

15. National Council for Population and Development. Kenya Population Situation Analysis. 2013.

16. Paul Constanca. Active ageing: An empirical approach to the WHO model / Ribeiro Oscar, Teixeira Laetitia / Current gerontology and geriatrics research. 2012. Vol 2012, P. 1-10.

17. Powell, Walter. Expanding the scope of institutional analysis. Pp. 183-203 in The New Institutionalism in Organizational Analysis, Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio, eds.

Chicago: University of Chicago Press. 1991. – P.486.

18. Wanyama Fredrick. and McCord Anna. The politics of scaling up social protection in Kenya. United Nations University World Institute for Development Economics Research. WIDER Working Paper. Vol, 114. – 2017 – P.27.

19. Weingärtner Lena. Linking financial and social protection services for resilience in Kenya / Ulrichs Martina, Costella Cecilia, Kohnstamm Sarah, Nyukuri Elvin. The BRACED Knowledge Manager. Working Paper. 2019. - P.136.

20. World Health Organisation. Countries: Kenya. 2018. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.who.int/countries/ken/en/> Проверено 19-10.2019.

The concepts of “elderly population” and “aging population” in the context of institutional analysis

Museve A.Kh.

Moscow State Pedagogical University

The current global demographic trend of population ageing has major implications for individuals, and institutions. In the social sciences, however there is a dearth of research on the organizational and institutional dimensions of population ageing. Drawing on the case of Kenya, this article fills the existing research gap by applying a neo-institutionalism-based analysis to the 'elderly' population and 'ageing' population, and the institution of social protection of the elderly population. and considers how these receive their institutional form. It is established that in the face of the new paradigm of 'active old age' different institutions are adapting to the evolving needs of an 'ageing' population. A major conclusion is that institutional reform in the social protection system of the elderly population is necessary for the accommodation of changes in the demographic structure of the Kenyan population.

Key Words: 'elderly population', 'ageing population', Kenya, social protection, neo-institutionalism, institution.

References

1. Budanova, M.A., Konoplin Yu.S., Gorin A.E. Formation of a system of state socially-

- oriented risk management in a modern transforming Russian society. - M.: "Sputnik", 2013. - 109 p.
2. Grigoryeva, I. A. Paradigm shift in understanding aging // Sociological studies. - No. 11. - 2016. - S. 154-155.
 3. Margulyan Ya. A. Social policy: a textbook. - St. Petersburg: Publishing House St. Petersburg University of Management and Economics, 2011. - 236 p.
 4. Pershina, L. A. Age psychology: Textbook for universities. - M.: Academic Project, 2004. - 256 p.
 5. Ponomareva, N. N. The process of demographic aging: the essence, features and consequences in the countries of the world // Electronic journal "Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University". - No. 6 (16). - 2013. - [Electronic resource]. - access mode: www.vestnik.nspu.ru. - Checked: 06/16/2019.
 6. Sidorovich, A. In et al. Formation of a system of social protection of the population. National projects // Fundamentals of national economics: Textbook. Allowance.; Moscow State University M.V. Lomonosov. - M.; Business and Service, 2009. -- S. 288-306.
 7. Soloviev, A. K. Social consequences of raising the retirement age // Sociological studies. 2019. -- 3 No. - S. 23 - 31.
 8. Devereux Stephen. Informal and Formal Social Protection Systems in Sub-Saharan Africa / Getu Melese. - Kampala: Fountain Publishers. 2013. -- P. 302.
 9. Gilbert, Neil. Social welfare trends in western societies: Privatization and the challenge to social work. Arbor - 2015, - Vol 191, No.771. P.1-30.
 10. Heinz-Dieter Meyer. and Brian Rowan. The New Institutionalism in Education. New York: SUNY Press. 2012. - P.234.
 11. Hickey Samuel. Conceptualising the Politics of Social Protection in Africa. The University of Manchester. BWPI Working Paper 4. 2007 - P.17.
 12. International Labor Organization. Inua Jamii Senior Citizens 'Scheme. 2019. [Electronic resource]. - access mode: <https://www.developmentpathways.co.uk/wp-content/uploads/2019/05/Inua-Jamii-Country-Brief-1.pdf> Checked 10/19/2019.
 13. Kenya National Bureau of Statistics. Basic Report- 2015/16 Kenya Integrated Household Budget Survey. - 2018.
 14. Mathiu Philemon and Mathiu Elosy. Social Protection for the Elderly as a Development Strategy: A Case Study of Kenya's Old Persons Cash Transfers Program. Paper presented at the III International Conference of IESE on 'Mozambique: Accumulation and Transformation in a Context of International Crisis', Maputo, 4–5 September. 2012. - P.24.
 15. National Council for Population and Development. Kenya Population Situation Analysis. 2013.
 16. Paul Constanca. Active ageing: An empirical approach to the WHO model / Ribeiro Oscar, Teixeira Laetitia / Current gerontology and geriatrics research. 2012. Vol 2012, P. 1-10.
 17. Powell, Walter. Expanding the scope of institutional analysis. Pp. 183-203 in The New Institutionalism in Organizational Analysis, Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio, eds. Chicago: University of Chicago Press. 1991. -- P.486.
 18. Wanyama Fredrick. and McCord Anna. The politics of scaling up social protection in Kenya. United Nations University World Institute for Development Economics Research. WIDER Working Paper. Vol, 114. - 2017 - P.27.
 19. Weingärtner Lena. Linking financial and social protection services for resilience in Kenya / Ulrichs Martina, Costella Cecilia, Kohnstamm Sarah, Nyukuri Elvin. The BRACED Knowledge Manager. Working Paper. 2019. -- P.136.
 20. World Health Organization. Countries: Kenya. 2018. [Electronic resource]. - access mode: <https://www.who.int/countries/ken/en/> Checked 10/19/2019.

Возможна ли полная свобода выбора жизненного пути?

Синельников Александр Борисович

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова. sinalexander@yandex.ru

Традиционные неформальные социальные нормы требовали, чтобы все здоровые мужчины и женщины (кроме монахов, монахинь и католических священников) рано или поздно вступали в брак и имели детей. Отношение общества к «старым холостякам», «старым девам» и бездетным супругам было негативным: окружающие считали, что жизнь этих людей сложилась неудачно. С демографической точки зрения такие нормы необходимы для выживания общества. Но с демократической точки зрения такие нормы принуждают к созданию семьи людей, которые этого не желают, т.е. нарушают права личности. Согласно популярной теории «второго демографического перехода» в наиболее развитых странах, которые уже прошли этот переход, люди получили право на выбор: вступать или не вступать в брак, иметь или не иметь детей. С точки зрения сторонников теории второго демографического перехода демократический критерий свободы выбора жизненного пути важнее демографических последствий этой свободы, которая приводит к увеличению числа бездетных людей, к снижению рождаемости, к естественной убыли и вымиранию населения. По мнению автора, такие последствия неизбежны. Однако даже и после второго демографического перехода, который, согласно этой теории, должен произойти во всем мире, не может быть полной свободы выбора. Право некоторых людей на неограниченный выбор противоречит правам и интересам других людей.

Ключевые слова: социальные нормы, жизненный путь, естественная семья, брак, развод, бездетность, одиночество, выживание общества

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

На формирование потребности индивида в семье и детях влияют социальные нормы. В прошлом они требовали, чтобы все здоровые мужчины и женщины, кроме принявших церковный или монашеский обет безбрачия, вступали в брак и имели детей. Расторжение брака допускалось лишь из-за доказанных нарушений супружеской верности и других правил семейной жизни. «Старые холостяки», «старые девы», бездетные пары, матери с внебрачными детьми и разведенные (особенно женщины) рассматривались как вольные или невольные нарушители социальных норм. Окружающие смотрели на них с сожалением, или даже с презрением, в зависимости от ситуации. По мнению А.Г. Вишневого, эти нормы лишали людей права на выбор жизненного пути [6. С. 45]. Но они обеспечивали выживание общества.

В 1980-х годах демографы Рон Лестеже (Лестэг) в Бельгии и Дирк ван де Каа в Голландии разработали теорию «второго демографического перехода» [16; 18], сторонником которой стал и А.Г. Вишневский. Второй переход ведет к плюрализму норм семейной жизни [6. С. 202-218]. Это означает, что в странах, прошедших «второй демографический переход», можно создавать бездетную или неполную семью, разводиться по любой причине, которую инициатор развода считает уважительной, жить вместе без регистрации, часто менять супругов и партнеров, либо вообще ни с кем не поддерживать длительных

отношений, рожать вне брака либо навсегда оставаться в одиночестве, т.е. выбирать любой жизненный путь и не осуждаться за это окружающими. Традиционные «естественные семьи» (т.е. супруги с несколькими детьми) теряют свои социально-нормативные преимущества, превращаются в меньшинство и не могут компенсировать малодетность и бездетность многочисленных мужчин и женщин, создавших семьи прочих типов или вообще не имеющих семьи. Это неизбежно приводит к естественной убыли населения – депопуляции.

Однако для тех демографов, которые придерживаются этой теории, главным критерием оценки демографической ситуации являются не демографические показатели (уровень рождаемости и замещения поколений, рост или убыль населения, пропорция между числом браков и разводов и т.п.), а демократический критерий свободы личности, т.е. право создавать или не создавать семью, сохранять или разрушать ее, иметь или не иметь детей. Но если большинство людей, не желая осложнять жизнь заботой о супругах и детях и в чем-либо поступаться своими личными интересами ради членов семьи, выберут безбрачие и(или) бездетность, то общество погибнет.

Не только массовая бездетность, но и массовая малодетность означает неполное замещение поколений и депопуляцию даже при самом низком уровне смертности. Главное различие между кризисной и прогрессивной парадигмами состоит в оценке изменений в социальном институте семьи.

В кризисной парадигме эти изменения считаются негативными. В самом ее названии присутствует слово

«кризис», имеющее негативную коннотацию. По мнению А.И. Антонова, В.А. Борисова, В.М. Медкова, В.Н. Архангельского и других сторонников этой парадигмы, социальный институт семьи претерпевает кризис, который проявляется прежде всего в падении рождаемости ниже уровня простого замещения поколений. Это неизбежно приводит к депопуляции и старению возрастной структуры населения. Для современного этапа снижения рождаемости характерна не только массовая малодетность (подавляющее большинство семей имеют лишь одного или двух детей), но и высокая частота добровольной бездетности, которая постепенно становится социально приемлемой. Другие проявления кризиса семьи – это высокий уровень разводимости и массовый отказ от регистрации браков, на смену которым приходят сожительства, которые, как и разводы (в том числе и в семьях с детьми), считаются в современном обществе нормальными явлениями.

Прогрессивная же парадигма оценивает все изменения в семейно-демографическом поведении людей главным образом на основании критерия *прав личности*. Но данный критерий является *демократическим*, а не *демографическим*. Если оценивать деятельность больниц не по тому, какой процент больных выздоравливает, насколько удается снизить уровень инвалидности и летальности (смертности) среди них, а также уменьшить частоту различных осложнений, а по тому, какие «права личности» предоставляются пациентам, (например, разрешается ли больным воспалением легких, которым очень хочется погулять, выхо-

дять на двор в при 20-градусном морозе), то последствия будут трагическими.

Можно ли считать настоящими врачами тех докторов, которые вместо того, чтобы ставить правильные диагнозы и успешно лечить пациентов, потворствуют прихотям больных, чтобы не ущемлять «прав личности» последних? В настоящей (т.е. не шарлатанской) медицине, которая ставит себе целью избавить больных от их недугов, а не от их денежных сбережений, такое положение дел можно представить себе лишь умозрительно. В демографии же, к сожалению, эта ситуация типична. Но **можно ли считать настоящими демографами ученых, оценивающих демографическую ситуацию по недемографическим критериям?**

Сторонники прогрессистской парадигмы утверждают, что институт семьи переживает не кризис, а «модернизацию», которая является закономерным следствием общественного прогресса. Они считают, что при всех своих «издержках» (низкая рождаемость, убыль населения, рост числа разводов, высокая доля неполных семей) эта модернизация носит в целом прогрессивный и позитивный характер, поскольку обеспечивает свободу выбора любого жизненного пути. Исходя из такой логики, в число прав личности входит и право на самоубийство. Но и без этого подобное понимание прав личности ведет к демографическому самоубийству общества, то есть, к вымиранию в результате депопуляции.

Среди российских сторонников теории второго демографического перехода первое место принадле-

жит А.Г. Вишневскому. Он высказывал мысли, близкие к ее основным постулатам, даже тогда, когда сама эта теория еще не была разработана, но ее основополагающая идея о преимуществах демографической свободы перед «несвободой» уже висела в воздухе.

В своей книге «Демографическая революция», первое издание которой вышло в свет в 1974 г., Вишневский писал: «Социальный контроль рождаемости приобретает теперь форму ее внутрисемейного регулирования, с макроуровня, на котором он осуществлялся всегда (одинаковые для всех, общеобязательные нормы демографического поведения) он переходит на микроуровень, на уровень семьи. Человек осознает, а общество признает за ним право самому решать, сколько и когда иметь детей, свое поведение в этой области он соотносит не с унаследованным от общества неизменным образцом, а со своими жизненными обстоятельствами». [7. С. 136].

В другой своей книге «Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее», опубликованной в 1982 г., Вишневский поставил качественный недемографический критерий свободы выбора выше количественного демографического критерия последствий этого свободного выбора: «Обобщая все изменения, связанные с переходом от традиционного к современному типу рождаемости, можно сказать: для разграничения обоих типов наибольшее значение имеет не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рожденных ею детей и время их рождения суть ре-

зультат ее (или обоих супругов) сознательно принятого решения. Решение это не предопределяется нормативно, как прежде, а есть следствие ценностно ориентированного рационального выбора демографических целей и средств их достижения. Оно складывается в поисковом процессе, в непрерывном сопоставлении демографических целей и ценностей с другими социальными целями и ценностями, равно как и с биологическими, экономическими, нравственными и прочими возможностями...Возможность такого поведения... возникла в результате расширения области демографической свободы» [5. С. 184].

В доиндустриальном обществе социальные нормы обязывали всех здоровых женщин, кроме монахинь, выходить замуж и рожать детей. «Старые девы» и бездетные супруги считались неполноценными. По мнению Вишневого: «Ни в коем случае не следует идеализировать этот автоматизм действия культурных норм. Он был неразрывно связан с полным попранием прав отдельной личности, а точнее - с отсутствием представления о существовании таких прав, особенно у женщин» [7. С. 106].

Но могли ли люди испытывать морально-психологический дискомфорт из-за того, что давление общественного мнения нарушало их личные права, если они не знали о том, что должны иметь такие права?

Человечество существует до сих пор потому, что до недавнего времени общество не давало женщинам (да и мужчинам) полную свободу выбора между браком и безбрачием, детностью и бездетностью. А когда такая свобода появи-

лась, то многие жители тех «переходных» стран и регионов, где второй демографический переход уже состоялся, стали отказываться и от вступления в законный брак, и от рождения детей, чтобы не отягощать себя семейными обязанностями. В России, во всей Европе в целом, в Японии и некоторых других странах уже имеет место естественная убыль населения. Если рождаемость не повысится до уровня простого замещения поколений, то и во многих других странах, в том числе в Китае и США, депопуляция начнется в ближайшие десятилетия. Согласно нижнему (в отношении рождаемости) варианту демографического прогноза ООН, составленного в 2017 г., уже после 2054 г. станет сокращаться численность населения всего земного шара. А.Г. Вишневоцкий считает более правдоподобным средний вариант прогноза, который предсказывает, что рост населения Земли не полностью остановится даже к 2100 г. [6. С. 297]. Однако рождаемость падает быстрее, чем это ожидалось по более ранним прогнозам ООН.

Если в прошлом рождаемость снижалась главным образом за счет уменьшения числа вторых, третьих и последующих рождений, то в последние десятилетия, в том числе и в нашей стране, стало сокращаться также и число первенцев. Это означает рост частоты бездетности, в том числе и среди женщин, уже вышедших из репродуктивного возраста.

Доля никогда не рожавших среди женщин 1968 года рождения составляет в Италии 19,8%, в Швейцарии – 20,9%, в Германии даже 23,1%. В России этот показатель для того же поколения существенно меньше –

7,9%, но тенденция к росту тоже существует. Среди наших соотечественниц 1940 года рождения, которые по возрасту годились в матери поколению 1968 г. рождения, бездетными остались только 6,4%. [17. С. 37].

Ситуация в странах, где одна из четырех или пяти женщин к концу репродуктивного возраста остается бездетной, по демографическим критериям оценивается негативно, тем более, тогда, когда это не компенсируется такой же или более значительной долей многодетных. Но с демократической точки зрения большая доля бездетных означает, что общество проявляет к ним толерантность и не обязывает каждую женщину родить хотя бы одного ребенка, если сама женщина этого не желает.

Отношение к добровольной бездетности и масштабы самой бездетности, правда, не только добровольной, можно изучать по материалам Европейского социального исследования (European Social Survey – ESS). ESS – это академический проект, целью которого является попытка описать и объяснить взаимосвязь между изменениями, которые сегодня происходят в социальных институтах Европы, и установками, верованиями и ценностями, а также поведением различных групп населения. Инфраструктура проекта финансируется Европейским научным фондом, а конкретная реализация обеспечивается научными фондами и институтами в каждой из стран-участниц. По результатам исследования можно судить о том, насколько далеко зашел процесс общеевропейской интеграции в каждой из стран-участниц. Исследование повторяется каждые два года.

Первый раунд был проведен в 2002 г., последний (на данный момент), девятый раунд – в 2018 г. Россия приняла участие с 2006 г. (3-й раунд) по 2018 г. (9-й раунд). Многие страны – участницы проекта ESS пропустили некоторые раунды. Общее число анкет в каждой стране за один раунд – от 700 до 3000, в том числе в России – около 2500. Анкеты заполнялись методом интервьюирования. Подробная информация об этом исследовании на английском языке есть на сайте: www.europeansocialsurvey.org. На территории Российской Федерации исследование проводилось Институтом сравнительных социальных исследований (www.cessi.ru). С анкетой на русском языке можно познакомиться на сайте www.ess-ru.ru. Координатор проекта от российской стороны – А.В. Андреевкова. База данных ESS на английском языке опубликована на сайте: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview> и доступна для всех зарегистрированных пользователей с возможностью построения таблиц в программе SPSS в режиме он-лайн даже если на компьютере пользователя этой программы нет – она есть на самом сайте. База данных на русском языке опубликована на сайте <http://ess-ru.ru>. Эту базу данных также можно использовать для построения таблиц и графиков после регистрации на сайте. В анкетах 3-го и 9-го раунда ESS были вопросы как об отношении респондентов к добровольной бездетности, так и о том, имели ли они детей.

По данным третьего раунда международного сравнительного Европейского социального исследования ESS (European Social Survey – ESS), проведенного в 2006 г., в 10 странах

Западной Европы, вместе взятых, (Австрия, Бельгия, Швейцария, Германия, Финляндия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды и Норвегия) только 18% опрошенных осуждали людей, которые решили никогда не иметь детей, а остальные 82% относились к ним нейтрально или даже позитивно. Ситуация в России диаметрально противоположная: 82% осуждали добровольную бездетность и лишь 18% не осуждали, т.е. относились к ней нейтрально (15%) либо даже одобряли ее (3%) [13. С. 14-15]. По данным девятого раунда ESS, проведенного в 2018 г., уровень толерантности по отношению к добровольной бездетности в этих 10 странах повысился еще на 6%, с 82% до 88%. Впрочем, значительное повышение было практически невозможным, поскольку уже в 2006 г. этот уровень толерантности был чрезвычайно высок. В России же за эти 12 лет процент респондентов, не осуждающих добровольную бездетность, увеличился с 18% до 32%, т.е. почти в два раза.

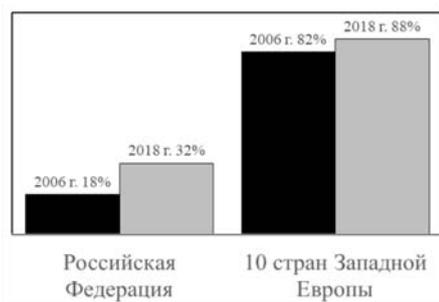

Рисунок 1. Доля респондентов, не осуждающих добровольную бездетность¹, % к числу ответивших на соответствующий вопрос)

¹ Рассчитано по базе микроданных Европейского социального исследования 2006 и 2018 гг.
² Рассчитано по базе микроданных Европейского социального исследования 2018 г.

Рисунок 2. Доля лиц, никогда не имевших детей, в % к числу мужчин и женщин данного возраста, вместе взятых.²

Данные опросов ВЦИОМ, проведенных в 1989 и 2014 гг. также свидетельствуют о том, что в России повышается степень толерантности по отношению к людям, которые предпочитают жить в одиночестве, т.е. отказываются не только иметь детей, но и вступать в брак [3].³

Т.А. Гурко анализируя данные своих опросов, сделала вывод о том, что: «Обязательность рождения детей в браке как социальная норма, обусловленная в значительной мере традициями сельского образа жизни и стимулированная социальной политикой советского времени, постепенно уходит из российской культуры» [8. С. 59]. По ее мнению – это позитивная тенденция.

Демографы и социологи, которые являются приверженцами кризисной парадигмы и считают данную тенденцию негативной, на основании данных своих исследований тоже приходят к выводу о том, что бездетность все чаще рассматривается в российском обществе как нормальное явление.

А.И. Антонов с 1976 по 2016 гг. провел ряд социологических исследова-

³ Брак в России: вчера и сегодня. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2807. 03 апреля 2015 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=6> (дата обращения 03.12.2019).

дований с использованием методики семантического дифференциала и установил, что «...изменения всех семейно-детных ориентаций связаны с сокращением семантической дистанции [СД] между положительным объектом ДЕТИ и отрицательным эталоном 0 ДЕТЕЙ. Величина СД между ними в 1976г. равнялась 14.39 в 2000г. - 8.60, в 2015г. - 8.40 и в 2016 г. - 6.69! (при максимальном различии 21.0 для 13 применявшихся шкал в 1976 г. и 15.0 для 6 шкал в остальных опросах). ... Это значит, что в семантическом пространстве вышеназванные эталоны двинулись навстречу друг другу, постепенно сближаясь. Чем меньше дистанция между ними, тем меньше позитивная валентность «детей» и негативная – «бездетности». В контексте шкалирования это значит, что ДЕТИ как позитивный объект получавшие в 1976 г. по семи градациям шкалы больше условно позитивных баллов в последующем стали получать больше умеренных и нейтральных баллов. Объект ДЕТИ, тяготевший к положительной части шкалы (теплое, активное, светлое и т.д.), таким образом, стал удаляться от него. При этом профиль объекта «0 детей», смещённый в прошлом в негативную часть шкалы, в 2000-2016 гг. стал двигаться к позитивному полюсу» [10. С. 128-129].

Однако толерантное отношение к людям, предпочитающим создавать семью без детей или вообще не иметь семьи, не означает, что каждый человек имеет свободный и социально приемлемый выбор на любой вариант устройства личной и семейной жизни. В России позитивное или нейтральное отношение к бездетности часто сочетается с

негативным отношением к многодетности.

Данные опроса почти тысячи многодетных родителей, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством А.И. Антонова в 2007-2009 гг., показали, что отцы и матери, имеющие четырех, пятерых и более детей, нередко воспринимаются в обществе как безответственные люди, которые «плодят нищету», т.е. создают большие семьи, не обеспечивая нормальных условий жизни своим сыновьям и дочерям. [15. С. 357-366].

К сходным выводам пришла и Е.О. Смолева на основании данных опросов населения Северо-Западного федерального округа, проведенных Вологодским научным центром РАН в 2016–2017 гг., и материалов качественного исследования (фокус-групп с многодетными родителями, интервью с экспертами). Она установила, что многодетные родители нередко сталкиваются с негативным отношением к себе, в том числе и потому, что окружающие считают их социальными иждивенцами, получающими льготы и пособия за счет остальных граждан. Многодетные родители часто испытывают чувство социальной эксклюзии, т.е. считают себя изгоями [14].

Эти выводы представляются логичными. С демографической точки зрения, чем больше становится бездетных и вообще бессемейных людей, тем больше требуется многодетных родителей для предотвращения убыли населения. Но такое равновесие возможно лишь как тематическая абстракция. Два полюса на шкале «семейность-одиночество», т.е. семейно-многодетный

и одиночно-холостяцкий образ жизни не могут быть в равной степени социально приемлемыми.

Даже малообразованные люди часто понимают: для того, чтобы ввести или увеличить пособия для каких-то групп населения, надо повысить прямые или косвенные налоги, которые платят люди, не входящие в эти группы. Они негативно относятся к тем, кто получает эти пособия, т.е. живет за их счет.

Общество не может одинаково относиться к бездетным и многодетным. Если в народе считается, что быть многодетным – нормально, то быть бездетным – это отклонение от нормы. И наоборот, если добровольная бездетность рассматривается как нечто совершенно нормальное, то отклонением от нормы считается многодетность. В таких обществах она признается допустимой лишь для весьма обеспеченных семей. Однако большинство многодетных семей имеет низкие среднедушевые доходы. В России, как и во многих других странах, многодетные семьи оказываются за чертой бедности значительно чаще, чем семьи без детей или с одним либо двумя детьми. Как правило, многодетные отцы зарабатывают не больше, чем мужчины того же возраста, имеющие одного или двух детей. Матери в многодетных семьях обычно не работают, пока младший из детей не пойдет в детский сад. Когда эти матери выходят на работу, то из-за потери квалификации в связи с длительными перерывами в трудовой деятельности, большинство из них зарабатывают немного и основными кормильцами семей остаются отцы. Число иждивенцев (т.е. детей и женщин, не имеющих заработков) в расчете на

одного кормильца в многодетных семьях значительно больше, а среднедушевые доходы – меньше, чем в малодетных и бездетных семьях. В благоприятном материальном положении находятся только те многодетные семьи, главы которых – богатые люди. Но богатых людей мало и лишь немногие из них имеют семьи с большим числом детей. Как правило, богатые люди признают социальные нормы малодетности, господствующие в обществе в целом. Исследование, на данные которого ссылается Е.О. Смолева, охватило 3101 респондентов, в том числе 353 многодетных матерей. В анкете был вопрос о самооценке своего материального положения по шкале от: «денег не хватает на повседневные затраты» до «практически ни в чем себе не отказываем». Но последний вариант ответа выбрало настолько малое число респондентов с тремя и более детьми, что эти данные оказались невозможно анализировать [14. С. 122].

В странах Западной Европы доля семей с тремя и более детьми больше, чем в России, где такие семьи имеют статус многодетных и пользуются соответствующими льготами. Но и в этих странах чем больше детей в семье, тем ниже, при прочих равных условиях, доход в расчете на одного члена семьи. Среди бедных семей многодетные составляют значительно больший процент, чем среди всех семей вообще. А чем беднее родители, тем больше они опасаются того, что ювенальная юстиция (которая на Западе обладает огромными полномочиями и действует почти бесконтрольно) может отобрать у них детей под предлогом, что для детей не

обеспечен необходимый (по критериям той же юстиции) жизненный уровень. На нашу страну оказывается сильное давление со стороны международных организаций с целью превратить российские органы опеки и попечительства в некое подобие западной ювенальной юстиции с соответствующими полномочиями и аналогичными критериями для изъятия детей из семей. Это весьма беспокоит многих родителей, особенно многодетных, большинство из которых очень бедны и опасаются, что ювенальная юстиция может отобрать у них детей из-за невозможности создать детям приемлемые условия жизни. В западных странах такое случается нередко, особенно в отношении многодетных семей.

Детей отбирают у родителей и по другим поводам. Например из-за того, что дети, которым это советуют в школах и даже в детских садах, звонят в органы ювенальной юстиции и жалуются на то, что родители дурно с ними обращаются, т.е. требуют готовиться к урокам в школе (это считается «психологическим насилием») и(или) дают слишком мало денег на карманные расходы, либо требуют отчета на что потрачены деньги (это рассматривается как «экономическое насилие»). Звонят и соседи, которые услышали детский крик из ближайшего дома и решили, что родители бьют детей, т.е. применяют «физическое насилие» [9].

Реагируя на подобные обращения, сотрудники ювенальной юстиции исходят из негласного принципа

«презумпции виновности родителей». Это причиняет родителям серьезные неприятности, вплоть до изъятия детей из семьи. Когда женщины жалуются на мужей или сожителей, европейская и американская полиция обычно руководствуется принципом «презумпции виновности мужчин», т.е. принимает эти жалобы на веру без доказательств. Это грозит мужчинам выселением из собственных домов или квартир ради безопасности их жен и детей. В ноябре 2019 г. был опубликован разработанный в Совете Федерации РФ проект закона о профилактике семейно-бытового насилия, предусматривающий подобные санкции в отношении лиц, которые будут признаны опасными для других членов семьи.¹

Второй демографический переход привел не к свободе выбора любых вариантов семейного и демографического поведения, а к силовому вмешательству государства в личную и семейную жизнь людей. Со времен французской революции «свободное» демократическое общество руководствуется принципом «свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого». Семейное и демографическое поведение людей всегда касается их отношений с другими людьми, т.е. не может быть полностью свободным. Например, право одного из супругов расторгнуть брак без вины и без согласия другого супруга противоречит праву последнего на семейную жизнь (правил которой он не нарушал) и праву детей жить в полной семье с обоими родителями. Право людей на

¹ Федеральный закон «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (проект). URL: [http://council.gov.ru/me-](http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEF-KLUlq7JAARUS.pdf)

[dia/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEF-KLUlq7JAARUS.pdf](http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEF-KLUlq7JAARUS.pdf) (дата обращения 03.12.2019).

бездетность означает, что когда они состарятся, то будут требовать помощи и ухода за собой со стороны посторонних людей. Эти люди не обязаны заботиться о чужих стариках, которые в свое время не заботились ни о них, ни о ком-либо другом. Право мигрантов поселиться в стране без согласия большинства ее граждан противоречит праву последних не испытывать неудобств от наплыва пришельцев, многие из которых не признают принцип «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Вместо того, чтобы интегрироваться в местный социум, они, как пишет Вишневецкий, создают «эмигрантские анклав» в развитых странах, нередко представляющие собой слепки с тех обществ, из которых они вышли» [1. С. 304].

Власти демократического Евросоюза не раз пытались принудительно направить часть африканских и азиатских иммигрантов в страны Восточной Европы. При этом игнорировались протесты властей и широких масс населения этих стран, а также нежелание самих иммигрантов селиться там, где трудно найти хорошо оплачиваемую работу и нельзя рассчитывать на большие социальные пособия. Эта политика не имеет ничего общего с теорией третьего демографического, т.е. миграционного перехода, согласно которой масштабы международной миграции увеличиваются, что невозможно без свободы выбора страны, где мигранты желают поселиться. Существующие в США и в европейских странах ограничения права мигрантов на воссоединение семей, т.е. на «перетаскивание родственников» несовместимы с теорией второго

демографического перехода, согласно которой люди должны иметь полную свободу выбора в вопросах личной и семейной жизни.

Такая свобода невозможна. В любом обществе формальные и неформальные социальные нормы регулируют поведение индивидов. Если какие-то нормы отменяются, вместо них всегда появляются другие. В эпоху второго демографического перехода социальные нормы семейного и демографического поведения не только могут дать людям полную свободу выбора, но и не обеспечивают обществу элементарного выживания. Второй демографический переход – это путь в тупик. Однако само собой общество не свернет с этого пути, поскольку он вполне устраивает большинство людей. Выходом из тупика должна стать демографическая политика, направленная на формирование позитивных социальных норм поведения людей в личной и семейной жизни.

Среди людей, не осуждающих добровольную бездетность, многие сами имеют детей, но считают, что если кто-то не хочет их иметь, то это его личное дело. Однако в тех «прогрессивных» странах, где подавляющее большинство жителей толерантно относятся к добровольной бездетности, процент бездетных среди мужчин и женщин, вышедших из репродуктивного возраста, в два-три раза выше, чем в России и в других странах, где общественное мнение не столь благосклонно к «чайлдфри».

Сторонники прогрессистской парадигмы, на которой основана теория второго демографического перехода, считают, что депопуляция

решает экологические и экономические проблемы, избавляя нашу планету от «излишков» населения, для которого, по их мнению, не хватает природных ресурсов [4. С. 23-24]. При этом подразумевается, что после уменьшения населения мира до «оптимума», рассчитанного экологами или экономистами, его численность должна стабилизироваться.

Даже при очень низкой детской смертности стабилизация возможна при условии, что каждые 100 женщин родят за всю жизнь не менее 210 детей.¹ Начиная с первых лет XXI века, более половины населения мира проживает в странах, где уровень рождаемости не обеспечивал даже простого замещения поколений [6. С. 289]. Россия – одна из этих стран. В остальных странах рождаемость выше, но она повсеместно снижается. Согласно теории второго демографического перехода, все страны рано или поздно тоже пройдут этот переход, т.е. депопуляция (естественная убыль населения) охватит весь мир.

Этот переход ведет к крайнему индивидуализму и эгоизму. Люди все реже соглашаются заботиться о членах семьи, а таких забот больше всего в естественных семьях, где существует полный комплект семейных связей: - супружество, родительство, родство между братьями и сестрами. Каждая из этих связей означает обязанности в отношении других членов семьи. Неужели люди вновь возьмут на себя это

«бремя», когда численность населения сократится до «оптимума»? А если не возьмут, то депопуляция будет продолжаться вплоть до полного вымирания.

Избавление мира от «излишков» населения путем депопуляции не похоже на избавление фирмы, оказавшейся на грани банкротства, от «излишних» работников путем сокращения штатов. Сокращение штатов – это разовая акция, а уменьшение населения из-за депопуляции – это непрерывный процесс, которому не видно конца. Это напоминает фирму, работники которой сами увольняются в массовом порядке и мало кто приходит им на смену.

Чтобы фирма не закрылась, ее руководство должно улучшить условия труда, повысить уровень его оплаты, поднять престиж своей фирмы и сделать ее конкурентоспособной по сравнению с другими фирмами. Чтобы население страны не сокращалось, государство должно материально и морально поддерживать мерами семейно-демографической политики полные семьи, состоящие из законных супругов с несколькими детьми [11. С. 108-109]. Следует предоставлять им все больше и больше льгот и пособий, а также сделать с помощью СМИ их образ жизни в глазах общественного мнения более престижным, чем образ жизни людей, избравших для себя иной жизненный путь, хотя кто-то и считает этот путь

¹ Критическое значение этого показателя для замужних женщин, способных иметь детей, составляет не 210:100 (как для всех женщин вообще), а примерно 250-260:100, что означает, что 50-60% и более из числа последних имеют не менее трех детей. Чем больше женщин

останется незамужними и бездетными, тем выше окажется необходимое для простого замещения поколений среднее число детей на 100 супружеских пар, имеющих хотя бы одного ребенка). См. [12. С. 27-28].

позитивным, прогрессивным и неизбежным в современных условиях.

Дискуссия по той или иной проблеме продуктивна, если ее участники принадлежат к одной парадигме, т.е. признают существование проблемы и необходимость ее решения. Они могут спорить о том, какой способ решения проблемы наиболее эффективен, но при этом оценивают проблемную ситуацию по одним и тем же критериям.

Если же одни участники дискуссии отдают предпочтение демографическим критериям, а другие – демократическим, то сама дискуссия превращается в «диалог глухих». Однако сторонники прогрессивной парадигмы используют и демографическую аргументацию, утверждая, что меры по стимулированию рождаемости в России не дали никаких значимых результатов [1]. Оппоненты отвечают им убедительными демографическими контраргументами [2]. Следует использовать также и демократические контраргументы, чтобы показать людям, еще не определившимся с парадигмой, что свобода выбора жизненного пути, якобы принесенная вторым демографическим переходом, – это просто миф.

Литература

1. Андреев Е.М., Захаров С.В. Микрореперись - 2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // *Демоскоп Weekly*. 2017. № 711-712. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php> (дата обращения 12.12.2019).
2. *Архангельский В. Н., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В., Шульгин*

С.Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43-50. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_3/Arkhangelsky.pdf (дата обращения 12.12.2019).

3. Брак в России: вчера и сегодня. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2807. 3 апреля 2015 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=6> (дата обращения 03.12.2019).

4. Вишневский А. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // *Демографическое обозрение*. – 2014. Т.1, № 1. С. 6-33. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1825/2548> (дата обращения 12.12.2019).

5. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика. 1982. –287 с.

6. Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 368 с. (Учебники Высшей школы экономики). doi:10.17323/978-5-7598-1706-2.

7. Вишневский А.Г. Демографическая революция. Второе издание // Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. Т.1. Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. С. 3-214. (впервые опубликовано в 1974 г.).

8. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. – М.: Центр общечеловеческих ценностей. – 164 с. URL: <https://www.isras.ru/files/File/publ/gur>

ko_2003.pdf (дата обращения 12.12.2019).

9. Проблема инокультурной ювенальной юстиции в современной России / Сулакшин С.С., Деева М.В., Бачурина Д.В. и др. – М.: Научный эксперт, 2012. – 143 с.

10. Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования: монография / А.И. Антонов, А.Б. Синельников, Е.Н. Новоселова [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 540 с.

11. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715 (дата обращения 12.12.2019).

12. Синельников А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // *Народонаселение*. 2019. № 2. С. 26–39. URL: http://www.isespras.ru/images/narodonaselenie/2019_2.pdf (дата обращения 12.12.2019).

13. Синельников А.Б. Могут ли иммигранты и их потомки стать большинством в России и Западной Европе? // *Социология*. 2012. № 4. С. 3–18. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/d99/%E2%84%964-2012.pdf> (дата обращения 12.12.2019).

14. Смолева Е.О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 2. С. 116–137. URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/6389/6322> (дата обращения 12.12.2019).

15. Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе / Отв. ред. А. И. Антонов. — М.: КДУ, 2009. — 380 с.

16. Lesthaeghe R. A century of demographic and cultural change in

Western Europe: An exploration of underlying dimensions // *Population and Development Review*. 1983. Vol. 9 (3). P. 411–435;

17. Sobotka T. (2017). Childlessness in Europe: reconstruction long-term trends among women born in 1900–1972 // *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences* / M. Kreyenfeld, D. Konietzka, eds. Springer Open: P. 17–56. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-44667-7.pdf> (Accessed 12 Dec. 2019).

18. Van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. 42(1): 1–59.

Is complete freedom of choice of life path possible?

Sinelnikov A.B.
MSU

Traditional informal social norms required all healthy men and women (except monks, nuns, and Catholic priests) to marry and have children sooner or later. From a demographic point of view, such norms are necessary for the survival of society. But from a democratic point of view, these norms violate the rights of the individual. According to the popular theory of the "second demographic transition" in the most developed countries that have already passed this transition, people have the right to choose: to marry or not to marry, to have or not to have children. By the viewpoint of supporters of the theory of the second demographic transition, the democratic criterion of freedom of choice of life is more important than the demographic consequences of this freedom, which leads to an increase in the number of childless people, to a decrease in the birth rate, to a natural decline and extinction of the population. According to the author, such consequences are inevitable. However, even after the second demographic transition, which, according to this theory, should occur throughout the world, there can be no complete freedom of choice. The right of some people to unlimited choice is contrary to the rights and interests of others. For example, the right of one spouse to

dissolve a marriage without fault and without the consent of the other spouse is contrary to the latter's right to family life (the rules of which he did not violate) and the right of children to live in a full family with both biological parents. The disappearance of traditional social norms does not give people the freedom to choose a life path, but completes the life path of human society.

Keywords: natural family, social norms, path of life, marriage, divorce, childlessness, loneliness, survival of society

References

1. Andreev E.M., Zakharov S.V. Microcensus 2015 calls into question the effectiveness of measures to stimulate fertility // Demoscope Weekly. 2017. No. 711-712. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/itema01.php> (accessed 12.12.2019).
2. Arkhangelsky V.N., Zinkina Yu.V., Korotaev A.V., Shulgin S.G. Modern fertility trends in Russia and the impact of state support measures // Sociological studies. 2017. No. 3. P. 43-50. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_3/Arkhangelsky.pdf (accessed 12.12.2019).
3. Marriage in Russia: yesterday and today. VTsIOM press release No. 2807. April 3, 2015. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=6> (accessed December 3, 2019).
4. Vishnevsky A. Demographic revolution changes the reproductive strategy of the form homo sapiens // Demographic Review. - 2014.V.1, No. 1. S. 6-33. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1825/2548> (accessed 12.12.2019).
5. Vishnevsky A.G. Reproduction of the population and society: History, modernity, a look into the future. M.: Finance and statistics. 1982. -287 p.
6. Vishnevsky A.G. Demographic History and Demographic Theory: Lecture Course. M.: Publishing. House of the Higher School of Economics, 2019. -- 368 p. (Textbooks of the Higher School of Economics). doi: 10.17323/978-5-7598-1706-2.
7. Vishnevsky A.G. Demographic revolution. Second edition // Vishnevsky A.G. Selected Demographic Works. T.1. Demographic theory and demographic history. M.: Nauka, 2005.S. 3-214. (first published in 1974).
8. Gurko T.A. Parenthood: sociological aspects. - M.: Center for universal values. - 164 p. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/gurko_2003.pdf (accessed 12.12.2019).
9. The problem of foreign cultural juvenile justice in modern Russia / Sulakshin SS, Deeva MV, Bachurina DV et al. - M.: Scientific expert, 2012. - 143 p.
10. Family-child lifestyle: the results of sociological and demographic research: monograph / A.I. Antonov, A.B. Sinelnikov, E.N. Novoselova [et al.]. - M.: INFRA-M, 2018. -- 540 p.
11. Sinelnikov A.B. Family and marriage: crisis or modernization? // Sociological journal. 2018. Volume 24. No. 1. P. 95–113. DOI: 10.19181 / socjour.2018.24.1.5715 (accessed 12.12.2019).
12. Sinelnikov A.B. Transformation of marriage and fertility in Russia // Population. 2019. No. 2. P. 26–39. URL: http://www.isespras.ru/images/narodonaselenie/2019_2.pdf (accessed 12.12.2019).
13. Sinelnikov A.B. Can immigrants and their descendants become a majority in Russia and Western Europe? // Sociology. 2012. No. 4. P. 3-18. URL: <http://soziologi.ru/upload/iblock/d99/%E2%84%964-2012.pdf> (accessed 12.12.2019).
14. Smoleva E.O. Large families in the region: mechanisms of exclusion and stereotypes // Sociological Journal. 2019.Vol. 25. No. 2. P. 116–137. URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/6389/6322> (accessed 12.12.2019).
15. Family studies. Volume 2. A million opinions about the family and about yourself / Otv. ed. A.I. Antonov. - M.: KDU, 2009. -- 380 s.
16. Lesthaeghe R. A century of demographic and cultural change in Western Europe: An exploration of underlying dimensions // Population and Development Review. 1983. Vol. 9 (3). P. 411-435;
17. Sobotka T. (2017). Childlessness in Europe: reconstruction long-term trends among women born in 1900-1972 // Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences / M. Kreyenfeld, D. Konietzka, eds. Springer Open: P. 17-56. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-44667-7.pdf> (Accessed 12 Dec. 2019).
18. Van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // Population Bulletin. 1987. 42 (1): 1–59.

Апология Великой Победы. 1941-1945 гг.: Цивилизационный фактор

Васецкий Николай Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. NAVASECKIY@yandex.ru

Великая Победа рассматривается с позиций её влияния на формирование ценностей и смыслов Восточно-христианской православной цивилизации, показывается неразрывная связь этапов её развития от исторической России к Советской и Российской формам единой цивилизации, раскрывается цивилизационный иммунитет народов-победителей и прежде всего – русского суперэтнуса как ядра и этнодоминанты современного общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Россия, победа, цивилизационный фактор, суперэтнос, современное общество

1.Наследие

В жизни не каждого народа мира и не каждой мировой цивилизации есть событие, которое безусловно и наглядно предопределяло бы их прошлое, настоящее и ближайшее будущее. В жизни русского народа, а в XXI веке можно с определённой уверенностью говорить, что и в жизни всего российского народа, как и в 1150-летней жизни Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации, такое событие есть. Это – Великая Победа в Отечественной войне 1941-1945 годов.

Разгром фашистского нашествия на наше Отечество в Европе с последующей ликвидацией японского милитаризма в Азии предопределили итоги Второй мировой войны (1939-1945) и весь послевоенный период всемирной истории.

Не открытие союзниками СССР в войне с фашизмом второго фронта в Нормандии (1944), не эпопея английской экспедиционной армии в Северной Африке против генерала Вермахта Эрвина Роммеля (1942), ни даже так называемые движения сопротивления оккупантам в ряде европейских стран и другие реальные, но так и не ставшие по определению глобально-историческими событиями явления, вычертили доминанту цивилизационной конфигурации современного мира.

Эта конфигурация была документально зафиксирована на Потсдамской конференции (1945) держав-союзниц (СССР, США, Великобритании) и определила мировой

порядок во второй половине XX столетия, вплоть до развала СССР в 1991 году. Определяет, как показывает исторический и современный опыт, мировое устройство и в XXI веке.

В так называемые лихие 1990-е годы добровольный уход России как великой державы с мировой арены и установившееся однополярное господство Западно-христианской цивилизации (ЗХЦ) во главе с её генеративно-политическим центром (ГПЦ) США привели к глубокому кризису всей системы мирового развития.

Пошатнулась цивилизационная конфигурация мировой блоковой безопасности. Расстроилась её основа - международное право. Перестала работать стратегия сдержек и противовесов Потсдамской мировой политической системы. Надломился баланс сил и интересов. Заработали вхолостую институты мирового глобального управления – ООН, СБ, МВФ, ВТО и др. Возникла парадоксальная ситуация – институты есть, а глобального управления нет. Поставлены под вопрос и остальные механизмы мирного сосуществования мировых цивилизаций.

По сути обвалилась система коллективной дипломатии. Перестали проводиться крупные международные конференции типа Хельсинской 1975 года, подтвердившей итоги Великой Победы, признав вслед за Потсдамской конференцией нерушимыми послевоенные границы на европейском континенте.

В XXI веке на пике однополярного мирового устройства международные отношения сузились до работы ряда интеграционных комплексов (АТЭС, G-20, БРИКС, ШОС)

и региональных форумов (Давос, Мюнхенская конференция по безопасности, Санкт-Петербургский экономический форум и др.). Преобладают двухсторонние контакты. Становится приоритетной телефонная дипломатия и общение на уровне органов национальных разведок.

На фоне съёживания международных отношений и их ухода с открытых площадок в тень, пыльным цветом расцвели закулисные организации типа Бильдербергского клуба, масонских структур, разного рода этнических и сепаратистских конгрессов. Утвердился в качестве актора мировой политики международный терроризм в лице сети своих организаций разбросанных по всему миру.

На Западе вошла в моду и стала особенно популярной концепция американского социолога С.Хантингтона (1927-2008) о неизбежном столкновении мировых цивилизаций. Сначала Западно-христианской с Восточно-исламской, а затем и с остальными мировыми цивилизациями (1).

Отражением и следствием практического воплощения этой цивилизационной концепции оказались бомбардировки НАТО Югославии как

Южного сегмента Восточно-христианской православной цивилизации (1990). За нападением на Югославию последовала серия военных действий против ряда стран Восточно-исламской цивилизации (ВИЦ). Убийство иранского генерала Сулеймани (2020) – последняя по времени акция в ряду этой контрцивилизационной серии Западно-христианской цивилизации.

Этой акции предшествовали - оккупация армиями США и стран

НАТО Афганистана (2001-2014); вторжение США и их союзников в Ирак и казнь иракского суннитского лидера С.Хусейна (2003); разгром США, Францией и Англией Ливии и обезглавливание лидера ливийской революции М.Каддафи (2011); провоцирование так называемых цветных революций в странах Северной Африки (2011); попытки военного свержения режима алавитов Б.Асада в Сирии с его последующей физической ликвидацией (2015) и др.

Экономическим выражением роста напряжённости между мировыми цивилизациями стала санкционная война Запада и Севера против Востока и Юга. Сначала западные этногеополитики ополчились против Российской Федерации. Практически ежегодно, начиная с 2007 года после так называемой Мюнхенской речи президента России В.В.Путина, в которой содержался призыв к благоразумию и уважению прав всех государств и народов (2), коллективный Запад принимает против российской экономики одно за другим ограничение, разворачивает политику санкций (от лат. *sanctio* - строжайшее постановление запрета на какие-либо действия).

Одновременно последовали экономические репрессии против Китая как одного из генеративно-политических центров Восточно-буддийской цивилизации (ВБЦ). Ширится санкционная война против Ирана как ГПЦ шиитского сегмента Восточно-Исламской цивилизации. В январе, как было сказано, добавился элемент терроризма – убийство генерала Сулеймани. Не церемонятся даже со «своими» - введена экономическая блокада Вене-

суэлы как части латиноамериканского сегмента Западно-христианской цивилизации.

Двойные стандарты, махровый протекционизм, торговые запреты, информационные репрессии и прочий набор так называемых мирных средств сопровождения современных гибридных войн набирают со стороны ЗХЦ и её вдохновителя США всё большие обороты и масштабы.

Единственной страной, которая как и в 1930-1940-х годах встала на пути эскалации гибридных войн современности и международного разбоя со стороны Западно-христианской цивилизации, оказалась экономически обновлённая и политически по-новому мотивированная постельцинская Российская Федерация.

С избранием президентом страны В.В.Путина (2000) страна обрела новые внешнеполитические ориентиры. Вступила на путь безусловной защиты своего суверенитета, ценностей и смыслов Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации. Путеводной звездой в этом цивилизационном Преображении России и её деятельности на мировой арене, безусловно, является следование и развитие наследия Великой Победы.

2. Воюющая цивилизация

Великая Победа подтвердила едва ли важнейшую закономерность исторического развития Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации. Её цивилизационная идентификация или по-русски – самоопределение происходило как правило не в мирное

время, а в лихие годы войны и военных конфликтов.

Замечательный русский мыслитель И.А.Ильин в речи «О России» пришёл к таким неутешительным, но и одновременно судьбоносным для Российской цивилизации выводам:

«Из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить, но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность; не как счастье и справедливость добыть, а как врага или несчастье изгнать; и ещё: как бы в погоне за «облегчением» и «счастьем» не развязать всеобщую губительную смуту...» (3).

Война как работа. Именно в ходе войн славянские племена на Великой Русской Равнине переплавились в великий русский суперэтнос. Это была гигантская работа. Вспомните легендарного капитана Тушина из романа Л.Н.Толстого «Война и мир» (4). Военную страду капитан воспринимал не иначе как тяжкий крестьянский труд. Именно такое отношение к войне, такое её восприятие помогало русским выдерживать тяготы войны и одновременно не стать заложниками военной психопатологии, не скатиться в яму потери человеческого лица.

В этой работе по военной переплавке этнических общностей принимали участие десятки поколений. Войны вели не только на суше, не только армия, флот, авиация, но и пограничники, ополчение, партизаны, разведчики, контрразведчики, подпольщики, боевые группы, дипломаты. Словом, все специальности и сословия. Получается, что чуть ли не поголовно - всё русское

(русское) население от мала до велика и независимо от пола.

В социологии истории России сложилось целое социально-философское и цивилизационное учение - война как форма жизни русского народогенеза. Это означает что:

1) русский народ превратился в народ-воитель и как правило - в народ-победитель;

2) в войнах русским народом создавалась и оттачивалась централизованная государственность;

3) в ратных битвах русский народ уничтожал всечеловеческое зло на разных этапах всемирной истории: последствия татаро-монгольского ига, наполеоновские орды, немецко-фашистских нелюдей, японских милитаристов, а в наши дни – международных террористов разных мастей и оттенков;

4) русский народ по праву завоевал самое обширное в мире геополитическое пространство для своей жизни и жизни всех народов, которые связали свои судьбы с судьбой русского народа.

Это при том, что война отвлекает огромную массу наиболее дееспособного населения от созидательного труда. Изменяет численный и качественный состав общества. Деформирует хозяйство страны. Уродует морально-правовые отношения. Ведёт к падению уровня образования, науки и культуры. Ухудшает состояние здоровья людей.

Только в Великой Отечественной войне страна потеряла до 30 миллионов человек. Были разрушены 1710 городов, 70 тыс. сёл и деревень. Уничтожено 32 тыс. промышленных предприятий. Советская цивилизация лишилась более 30 процентов материально-техни-

ческого богатства. Война задержала развитие общества на 10-15 лет. А по подсчётам западных экспертов – на 50-60 лет.

3. Межцивилизационные войны

Великая Победа ещё раз наглядно показала, что бремя войны, которое выпало на долю Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации усугублялось ещё и тем, что оно подрывало наш цивилизационный иммунитет.

В биологии иммунитетом называется способность организма защищаться от действий всевозможных веществ и организмов, которые способствуют разрушению клеточной системы и тканей здорового организма. Это ведёт к изменению функциональной способности организма нормально жить и развиваться.

Цивилизационный иммунитет означает способность цивилизации противостоять внешним и внутренним агрессиям со стороны чуждых ей ценностей и смыслов. Ослабление цивилизационного иммунитета чревато разрушением матрицы цивилизации, её постепенной деградацией с последующим растворением в недрах цивилизаций-агрессоров против её иммунитета.

Все войны, в которых участвовала Россия, были войнами межцивилизационными. В ходе них, как правило, ставился под вопрос не просто иммунитет Российской цивилизации. А решалась проблема её существования в целом.

Первой межцивилизационной войной в Европе стала немецкая экспансия, так называемый *Drang nach Osten* – движение немецких саксов (не путать с их этническими родственниками англо-саксами) на

Восток, через Прибалтику, Новгород и Псков (XI в.). Саксы насильно перекрещивали славянское население из православной в католическую веру, ассимилировали его с последующим распространением рыцарских орденов. По сути это был геноцид против восточного славянства.

Одним из таких цивилизационных преступлений немецких саксов стало практически полное уничтожение интеллектуальной части чешского народа в ходе так называемых гуситских войн (1419-1434). Результатом этого уничтожения явилось перекрашивание мировоззрения чехов со славянского на романо-германское.

Вторая серия – войны Речи Посполитой (1569-1795) против Московского царства (1547-1721) и украинского православного казачества (Тарас Бульба). Вместо того, чтобы наряду с Москвой стать вторым генеративно-политическим центром Восточно-христианской цивилизации Польша, подстрекаемая Ватиканом, решила «перекрестить» Московскую католичество. Закончилась эта попытка политическим самоуничтожением самой Речи Посполитой в результате её третьего раздела между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией в конце XVIII столетия.

Третий акт межцивилизационных войн – войны России и Польши против североевропейского гегемона Западно-европейской цивилизации - протестантской Шведской империи (Карл XI). Тогда Россия с боями прорубила себе «окно в Европу» (1570-1809).

Четвёртый ряд войн – войны России против лютеранской Пруссии в XVIII-XIX вв. Самая известная среди них Семилетняя война

(1756-1763). Завершилась взятием Берлина Русской армией.

Пятая череда войн приблизившая человечество к типологии мировых войн – нашествие близкого по своим убеждениям к масонству Наполеона в 1812 г., его полный разгром и взятие Русской армией Парижа в 1813-1814 гг.

Шестой ряд военных конфликтов – Крымская война (1854-1856) против России «коллективного Запада» в лице 14 европейских государств в союзе с тогдашним ГПЦ Восточно-исламской цивилизации Османской империей. Фактически прообраз Первой мировой войны (1914-1918).

Седьмой ряд – втягивание в войну против России Восточно-буддийской цивилизации в лице технически вооружённой и политически мотивированной Западом языческой по мировоззрению и агрессивной по поведению синтоистской Японской империи - русско-японская война (1904-1905).

Затем - следствие революционных событий в России 1905-1917 гг., также во многом спровоцированных её западными союзниками, Гражданская война (1918-1922), в которой решалось быть или не быть России как православной цивилизации. Именно - православной.

Цивилизационный иммунитет не зависит от политических взглядов конкретных правителей. Государственный атеизм Советской власти, хотя и нанёс немалый ущерб православию, в особенности Русской Православной Церкви, не смог изменить цивилизационный иммунитет России. Как только был снят обруч государственного вмешательства в религиозные убеждения русских и россиян, так тут же произошло мгновенное возрождение православия в нашей стране.

Кульминация тысячелетних походов против Российской цивилизации - Великая Отечественная война (1941-1945). Целью этой войны ставилась задача физической ликвидации русско-славянского, еврейско-иудейского и других не похожих на немецко-саксонскую этничность народов Европы.

Холодная война Запада против СССР (1945-1991), объявленная вчерашними союзниками в войне против фашистской Германии, – премьер-министром Великобритании У. Черчиллем (1874-1965, к моменту произнесения речи оказавшегося уже в отставке) и президентом США Гарри Трумэном (1884-1972) в Фултонском колледже в 1946 г.

Цель - помешать победоносному развитию Советской цивилизации. И, надо сказать, что действительно помешали. Да так, что была ликвидирована Советская цивилизация. Причём, руками тех, кто её создавал. Ну, или их идейно-политическими предшественниками – правящей верхушкой КПСС во главе с М.С.Горбачёвым и Б.Н.Ельциным (1931-2007).

4. Исторический опыт

Исторический опыт всех этих межцивилизационных войн зафиксировал ряд их отличительных признаков и особенностей. Среди них:

1) Сугубо сознательный со стороны агрессоров, без каких-либо скидок на случайность выбора целей и средств войн, их причинно-следственный ряд и предмет нападения. Все войны начались после того как оказался территориально и государственно разделенным весь Европейский континент. Запад пытался отвоевать у Российской цивилизации для себя жизненное пространство;

2) Со стороны агрессоров войны носили наступательный и по сути провокационный характер, ставили перед собой демонстративно захватнические цели. Эти войны уже по тем временам недвусмысленно осуждались так называемой гуманистической Европой Нового времени. Её идейным родоначальником принято считать голландца Гуго Гроция (1583-1645). Будучи изгнанным из родного отечества за призывы к миротворческой деятельности Гроций издал в Париже (1825) знаменитую книгу «О праве войны и мира». Положила начало международному праву (5).

3) Межцивилизационные войны приобретали тотальный и исключительно идейно-политический подтекст. Их целью являлась установка Древнего Рима – Карфаген должен быть разрушен. Что в условиях Европы означало бы ликвидацию Восточно-христианской православной цивилизации. Включение её частей в состав Западно-христианской цивилизации. Но не на равноправных, а на служебных ролях, в качестве услуги Запада. Примерно так как это произошло с русской эмиграцией после Октябрьской революции 1917 г. А в наши дни – со странами Восточной Европы принятыми в Евросоюз.

4) Идеологическим оружием межцивилизационных войн в разные эпохи и в разных вариантах служили ценностно-смысловые ориентации Западно-христианской, Восточно-исламской, Восточно-буддийской цивилизаций.

Экспансия Запада сопровождалась навязыванием Восточно-христианской православной цивилизации:

а) католицизма и протестантизма;

б) неоязыческого иррационализма или проще говоря фашизма;

в) так называемого социализма с человеческим лицом;

г) глобализма; а в наши дни – ещё и транснационального гуманизма.

5. Армейский фактор

Великая Победа продемонстрировала превосходство Красной (Советской) армии и способов ведения военных действий всей Советской цивилизации как исторической формы и разновидности Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации.

В Великой Отечественной войне и в целом во Второй мировой войне (1939-1945) столкнулись три самые мощные в мире и самые боеспособные на тот период всемирной истории армии. Они представляли три разные мировые цивилизации и отражали три модели цивилизационных ценностей и смыслов жизни.

Агрессивную, колониальную по своей сути миссию Западно-христианской цивилизации олицетворял германский Вермахт. От нем. Wehrmacht: wehr – оружие, оборона, сопротивление + macht = войско, сила, власть. Так исторически в немецко-саксонских странах обозначались вооружённые силы. С 1935 по 1945 г. Вермахт был армией национал-социалистической Германии. Его численность в разные годы составляла от 1 до 10 миллионов человек.

Если сегодня у кого-то возникают сомнения в общецивилизационном представительстве Запада именно Вермахтом, а не скажем армиями

так называемых западных демократий, напомним, что к нему прикнули армиифашистских режимов Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и других стран. А также восточные легионы Франции, Испании, Голландии и прочие добровольческие соединения со всей Европы.

В числе таких добровольцев оказалась, например, Украинская повстанческая армия (создана в 1942 г.). Это её сегодня власти Киева представляют в виде образца национально-освободительной борьбы украинства против русского засилья.

Восточно-буддийскую цивилизацию олицетворяло её дальневосточное крыло - Японская империя. Она хотя и относится к буддийской цивилизации, но скорее чисто формально, по причине влияния буддизма на в целом языческое мировоззрение синтоизма составляющего цивилизационную матрицу Японии.

Её ударным звеном стала Квантунская армия. Создана в 1931 г. на Квантунском пятачке юго-западной оконечности Ляодунского полуострова. На нём развёртывался главный театр военных действий в русско-японской войне 1904-1905 гг. (Знаменитый Порт-Артур).

Право на создание Квантунской армии Япония получила по условиям Портсмутского мирного договора 1905 г. Кабальный для России договор. Мы потеряли Курилы и Южный Сахалин. Переговоры велись в США доверенным лицом императора Николая 11, бывшим председателем правительства России С.Ю.Витте (1849-1915) и стали в его политический биографии, а заодно и в биографии Николая 11, одной из самых постыдных страниц.

Последствия этого договора до сих пор составляют предмет бодания Японии с Российской Федерацией.

Квантунская армия учреждалась с благословения Запада как символ антирусской стратегии императорской Японии во всём азиатском регионе. Её численность в разное время до роспуска в 1945 г. составляла от 100 тыс. до 1,5 миллионов человек. И надо сказать, что эта армия, несмотря на её поражения в боях при озере Хасан (1938) и на Халкин-Голе (1939), доставила СССР немало трудностей и проблем.

Советскому руководству приходилось держать на Дальнем Востоке в боевой готовности почти миллионный воинский контингент. А его ой как не хватало в боях с фашистским Вермахтом на западных рубежах нашей Родины.

Восточно-христианскую православную цивилизацию представляла Советская армия. Создана 25 февраля 1946 года. Явилась воспреемницей рабоче-крестьянской Красной Армии, сформированной 15 января 1918 г.

Сегодня многие (особенно почему-то в Израиле) делают акцент на том, что войну выиграла именно Красная, а не Советская Армия. Может потому что одним из создателей Красной Армии оказался еврей Л.Д. Троцкий (1879-1940)? Так я должен разочаровать израильских евреев. Троцкий категорически отрицал свою еврейскую этническую самоидентификацию. Всегда и везде, до самой своей насильственной смерти, объявлял себя «пролетарским интернационалистом».

Заявления о противопоставлении Красной Армии Советской Армии носят откровенно спекулятивный и безответственный характер.

Тем самым как бы хотят дистанцировать Великую Победу от Советской цивилизации и принизить значение советского фактора в разгроме врага. На наш взгляд, такого рода терминологические увёртки носят лукавый, чтобы не сказать откровенно фальшивый характер.

Они из разряда попыток противопоставления этапов развития истории Восточно-христианской православной цивилизации. Войну начала и одержала в ней Великую Победу Красная Армия. Но за годы войны Красная Армия действительно превратилась из рабоче-крестьянской по классовому составу в армию всего советского народа, ставшего доминантной силой и основой всей Восточно-христианской православной цивилизации.

И еврейский контингент из числа советского народа никто и никогда не исключал. Также как никто и никогда не ставил в России под сомнение участие десятков тысяч евреев в рядах Красной Советской армии. По подсчётам писателя И.Г. Эренбурга (1891-1967) на фронтах Великой Отечественной войны евреев полегло до 200 тыс. человек. Численность евреев в СССР тогда составляла до 4 миллионов человек. Женщины и дети – до 3 миллионов. Среди взрослых – получается, что погиб каждый пятый советский еврей. Вот такая статистика участия евреев в Советской Армии (6).

Численность Советской (Красной) армии в разное время составляла от 3 до 11 миллионов человек. Армия была упразднена в 1991 г. после развала СССР. Её преемницей является Российская армия или по официальным документам – Вооружённые силы Российской Федерации (учреждены 7 мая 1992 г).

На основе международно-правового принципа континуитета государства или по-русски – продолжательства государства Российская Федерация является продолжателем СССР, в том числе и в вопросах обладания всем советским оружием массового уничтожения. Соответственно юридически Российская армия становится продолжателем Советской армии.

6. Уроки Победы

Исторические уроки военного столкновения цивилизаций в XX столетии состоят в том, что боеспособность армии проявляется не только и не столько в количественных показателях её живой силы и материальной обеспеченности вооружениями, сколько прежде всего - в способности и умении армии воевать, готовности её личного состава рисковать собственной жизнью ради достижения победы над врагами своей Родины.

Слагаемыми Великой Победы, которые унаследовала и Российская армия, стали:

- 1) точное знание советским солдатом за что и против кого он воевал – за свою страну, за собственный народ, за его культуру, за общую свободу и безопасность;
- 2) война не была выбором властей СССР, она оказалась вынужденным средством после того как оказались тщетными все использованные другие возможности по предотвращению войны;
- 3) Советская армия понимала, что страной-агрессором первым напавшим на СССР стала фашистская Германия;
- 4) после зверств фашистских агрессоров уже на начальном этапе войны в народ пришло осознание

того, что это не просто война за территориально-пространственный передел мира, а что это война на уничтожение Советской цивилизации. Потому война и получила название Великой Отечественной по аналогии с наполеоновским нашествием 1812 г.;

5) полнейшая ясность того, что верховное командование Советской армии не использовало войну в политических целях как средство доказательства остальному миру нашей силы и боеспособности;

4) готовность идти до конца в достижении поставленных целей по разгрому агрессора. Отсюда знаменитый лозунг Великой Отечественной войны; «Наше дело правое. Победа будет за нами» (7).

В этих идейно-политических и социальных компонентах восприятия войны Советской армии не было равных в Великой Отечественной войне. Именно эти компоненты отражали базовые ценности и смыслы Советской цивилизации как исторической части Восточно-христианской православной цивилизации.

Эта цивилизация никогда не ставила перед собой захватнические цели. Не выдвигала территориальных претензий. Не искала слабых, чтобы доказать свою силу. Основной рефрен жизненных постулатов ВХПЦ был и по-прежнему остаётся неизменным:

1) собирание земель и народов общей исторической судьбы вокруг единого этногеополитического центра – Киева, Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Москвы;

2) защита интересов Родины от посягательств враждебных сил;

3) взаимопонимание и по возможности выстраивание дружеских

отношений с соседними цивилизациями.

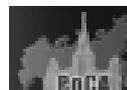
В наши дни во всякого рода рейтингах сильнейших армий мира Российской армии как правило отводится второе после армии США место. Все эти рейтинги опираются на размеры военных бюджетов, количественные показатели в живой силе и материальной оснащённости армий.

Военный бюджет армии США превосходит бюджет Российской армии в 10 раз – 700 миллиардов долларов у США против 70 у нас (2019). Но, на наш взгляд, все эти абстрактные сопоставления боеспособности армий мира, носят откровенно спекулятивный и пропагандистский по существу характер. Специалистам хорошо известно, что сила армии определяется не только её оснащением, а победными акциями на полях сражений.

Удалённость от соприкосновения с противником, способность нанесения ракетно-бомбовых и прочих дистанционных ударов по противостоящей стороне, что демонстрируют армии США и НАТО в последнее время, не может заменить главного предназначения военного противоборства – контактного боя.

Пока ещё никому не удалось опровергнуть основополагающий вывод военного теоретика всех времён и народов Карла фон Клаузевица (1780-1831): противник не является поверженным до тех пор, пока на его территорию не ступила нога солдата-победителя.

Кстати Клаузевиц служил в 1812-1814 годах в Русской армии. Своим сочинением «О войне» произвёл переворот в теории и основах военной науки. Напомним некоторые из его ключевых соображений: «Бой – это

единственный эффективный способ ведения войны; его цель – уничтожение вражеских сил как средство прекращения конфликта...Победа заключается не просто в захвате поля сражения, а в физическом и моральном сокрушении вражеских сил противника» (8). (См. Карл фон Клаузевиц. Цитаты известных личностей, 16.06.2019).

После Второй мировой войны армии США и НАТО не одержали ни одной сколько-нибудь значимой военной победы. Везде, где участвовали их бойцы, результаты оказывались либо половинчатыми, либо вообще неблагоприятными для решения конечных задач войны.

Опыт современной Российской армии качественно иного свойства. Он отмечен:

марш-броском на Приштину (Косово) и захватом аэропорта «Слатина» (1999);

операцией по принуждению к миру на территории Грузии и непризнанных республик Абхазии и Южной Осетии (2008);

разгромом боевиков во Второй Чеченской войне (1999-2009);

военной операцией в Сирии по уничтожению армий Исламского государства (2015-2016).

Эти и другие показатели свидетельствуют о преодолении Российской армией:

так называемого афганского синдрома;

последствий бездумного вывода группы войск из стран Восточной Европы;

коммерческого раздела имущества Советской армии после развала СССР;

гнусного морального и материального унижения личного состава армии в лихие 90-е годы;

циничного приближения НАТО к границам Российской Федерации в нарушение всех достигнутых договорённостей и испытания на прочность армейского боевого духа разного рода натовскими провокациями.

С 2018 года к боевым достижениям Российской армии добавилась солидная материально-техническая часть. Президент В.В.Путин доложил и показал по монитору Федеральному Собранию Российской Федерации последние военно-технические разработки. Шесть видов новых вооружений во всех сферах Земли не только значительно опередили аналогичные виды оружия в армиях США и НАТО, но составили надёжный щит по защите рубежей Родины от непрошенных агрессоров (9).

Литература

1. С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М. АСТ, 2001.

2. Мюнхенская речь Президента Российской Федерации В.В.Путина, - Kremlin.ru

3. Ильин И.А. Собр. Соч. Т. 6. М. 1996, с. 22.

4. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1-2, М. Эксмо. 2018.

5. Жириновский В.В., Васецкий Н.А. Политико-правовое учение Гуго Гроция, - в кн. Современная история политических и правовых учений. М. Изд-во СГУ, 2013, с. 138-140.

6. Эренбург И.Г. Чёрная книга. М. Изд-во Corpus, 2019.

7. См. Андрей Раевский. Воевать лучше русских никто не может. Почему Российская армия крепче армии США, - Свободная пресса, 23.01.2019.

8. См. Карл фон Клаузевиц. Цитаты известных личностей, 16.06.2019.

9. В.В.Путин. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, - Kremlin/ru, - 10 февраля 2007 года.

**Apology of the Great Victory. 1941-1945:
Civilization factor**

Vasetskiy N.A.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The Great Victory is considered from the standpoint of its influence on the formation of the values and meanings of East Christian Orthodox civilization, the inextricable connection of the stages of its development from historical Russia to the Soviet and Russian forms of a unified civilization is shown, the civilizational immunity of the victorious peoples, and above all, the Russian superethnos as the core and ethnic dominants of modern society.

Keywords: World War II, Russia, victory, civilization factor, superethnos, modern society

References

- 1.S. Huntington. Clash of civilizations. M. AST, 2001.
2. Munich speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin, - Kremlin.ru
3. Ilyin I.A. Sobr. Op. T. 6.M. 1996, p. 22.
4. Tolstoy L.N. War and Peace. T. 1-2, M. Eksmo. 2018.
5. Zhirinovskiy V.V., Vasetskiy N.A. Political and legal doctrine of Hugo Grotius, - in the book. The modern history of political and legal doctrines. M. Publishing House of SSU, 2013, p. 138-140.
6. Erenburg I.G. Black book. M. Corpus Publishing House, 2019.
7. See Andrey Raevskiy. Nobody can fight better than Russians. Why the Russian army is stronger than the US army - Free press, 01/23/2019.
8. See Carl von Clausewitz. Quotes of famous personalities, 06.16.2019.
- 9.V.V. Putin. Speech and discussion at the Munich Conference on Security Policy, - Kremlin / ru, - February 10, 2007.

Содержание, основные направления и формы деятельности учреждений культуры в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Осташкин Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Психологии, социологии, государственного и муниципального управления» Гуманитарного института РУТ (МИИТ), ostashkin.valeriy@mail.ru

В статье рассматриваются лишь некоторые аспекты деятельности учреждений культуры в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., которая носила многосторонний и многогранный характер. Это часть той политической работы, которую организовывали и проводили командиры, штабы, политорганы, партийные и комсомольские организации с целью разъяснения характера и целей войны, разоблачение сущности фашизма, освещение хода войны, ознакомление с международным и внутренним положением Советского Союза, пропаганда героических подвигов на фронте и в тылу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, политико-просветительная работа в РККА и РККФ, культурно-просветительная работа в армии и на флоте, культурно-досуговая работа в Советских Вооруженных Силах и Вооруженных Силах Российской Федерации.

Народы Содружества Независимых Государств и вместе с ними вся мировая прогрессивная общественность готовятся торжественно отметить 75-ю годовщину Победы советского народа над гитлеровской Германией и её союзниками в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Особенностью нынешней подготовки к 75-летию Победы являются чрезвычайное обострение международной обстановки и усиление холодной войны Запада против России. Многолетний антисоветизм западной пропаганды сегодня перерос в злобную русофобию, началось прямое экономическое давление, психологическая обработка российского населения и использованием прозападных сил в самой России.

В последние годы на Западе усиленно навязывается общественному мнению психологическая установка о том, что якобы Советский Союз такой же агрессор, как и Германия, и несет равную ответственность за развязывание второй мировой войны. Якобы "Сговор Сталина с Гитлером в августе 1939 г. развязал вторую мировую войну". Сейчас, в преддверии 75-летия Победы советского народа над гитле-

ровской Германией и её союзниками, в Польше, Латвии, Литве, Эстонии, на Украине и других странах бывшего социалистического содружества идет снос памятников советским воинам, павшим за их освобождение. Верхом наглости и цинизма стало заявление лидера правой польской партии "Право и справедливость" Ярослава Качиньского, что Германия и Россия должны заплатить Польше компенсацию за ущерб, нанесенный во время Второй мировой войны. В Госдуме и Совете Федерации РФ назвали подобные требования безнравственными, напомнив политику, что советский народ понес огромные потери, освобождая Польшу от нацизма, а после войны вкладывал средства в восстановление страны.

Сегодня развернута работа по выполнению "Государственной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы", объявленная Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493. Предыдущие три такие Программы дали некоторые результаты, но сейчас необходимы новые материалы, аргументы об источниках победы над гитлеризмом. Среди них достойное место могут занять знания о деятельности учреждений культуры в годы войны т.к. она стали непосредственными участниками огромной идеологической работы, направленной против немецко-фашистских захватчиков.

Великая Отечественная война затронула все стороны общественной жизни, в том числе и культурно-просветительную работу, которая стала важным фактором в достиже-

нии победы. К началу войны уже существовала разветвленная система культурно-просветительного обслуживания населения и войск. В стране этими вопросами занимался Наркомпрос (Народный комиссариат просвещения), а в армии – Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Главное политическое управление Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

В начальный период войны основным содержанием работы учреждений культуры (домов культуры, клубов, библиотек, музеев, изб-читален) было разъяснение характера и целей войны, разоблачение сущности фашизма, освещение хода войны, ознакомление с международным и внутренним положением Советского Союза, пропаганда героических подвигов на фронте и в тылу. Несмотря на все трудности военного времени, значительно расширилась сфера деятельности работников культуры. Культурно-просветительная работа выходила за привычные рамки учреждений культуры и проводилась на переднем крае, в цехах, в бомбоубежищах, на станциях метро, в агитпунктах вокзалов, на платформах железнодорожных станций, в госпиталях, на призывных пунктах, практически во всех местах массового скопления населения.

Война диктовала свои условия проведения культурно-просветительной работы, в связи с чем как на фронте, так и в тылу изменялся режим работы учреждений культуры. Проводилась групповая и индивидуальная работа с населением и военнослужащими в перерывах между боями или между сменами на

заводах. Основными направлениями работы учреждений культуры в тылу стали агитация и пропаганда, проведение широкой справочной работы, развитие художественной самодеятельности, организация отдыха в условиях тяжелого физического труда.

С 29 июня 1941 г. ежедневно по всем радиостанциям СССР в 19 часов 15 минут транслировалась пятнадцатиминутная передача «Слушай фронт». Сводки Совинформбюро широко использовались работниками культпросветучреждений для разъяснительной работы среди гражданского населения. Культработники шли на передовую, в цеха, в поля и там проводили разъяснительную работу, читку газет. Особой любовью у народа пользовались писатели-фронтовики Н. Тихонов, К. Симонов, М. Шолохов, И. Эренбург и др.

С началом войны возрос тираж центральных газет и журналов для отправки на фронт. В конце 1941 г. в армии было три центральные газеты (в Сухопутных войсках – «Красная звезда», в Военно-Морском Флоте – «Красный флот», в Военно-Воздушных Силах – «Красный сокол»), 13 фронтовых и 60 армейских газет общим тиражом 3 195 000 экз.

Большую культурно-просветительную работу проводили музеи. Первая выставка, посвященная войне, начала свою работу в Центральном доме Красной Армии 29 июня 1941 г., после первых семи дней войны, а 3 августа 1941 г. состоялась первая выставка трофеев Красной Армии. Государственный исторический музей в 1941 г. организовал 38 выставок-передвижек в рабочих клубах и красных уголках предприятий. Музейные сотрудники

Свердловска в 1941–1942 гг. провели 180 лекций, на которых присутствовало более 200 тыс. человек.

Героическим делом работников культуры было спасение культурных ценностей, исторических, художественных и литературных памятников. Работники библиотек, картинных галерей и музеев, рискуя жизнью, организовывали их эвакуацию. Работая днем и ночью, они отбирали, тщательно упаковывали и отправляли в глубокий тыл все, что представляло ценность. Так были вывезены почти полностью экспозиции ряда музеев, около 700 тыс. единиц фондов рукописей и книг Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, свыше 18 тыс. экспонатов Третьяковской галереи. Шла огромная и кропотливая работа по спасению и эвакуации памятников культуры Ростова, Киева, Севастополя и других городов. Даже в блокадном Ленинграде спасение культурных ценностей Петергофа, Царского Села, Эрмитажа стало делом государственной важности. Бесценные произведения искусства закапывались в землю. Так, многотонная пятиметровая бронзовая статуя Екатерины Великой была осторожно закопана в саду, а после снятия блокады благополучно водружена на место.

С началом войны резко сократилось количество средств, выделяемых на культурно-просветительную работу. Во второй половине 1941 г. число гражданских клубных учреждений и библиотек сократилось наполовину, так как большинство этих зданий стали базой для военных госпиталей, жильем для эвакуированного населения. В начальный период войны наблюдался значительный отток профессиональных работников культуры на фронт,

в действующую армию, что негативным образом сказывалось на качестве организации культурно-просветительной работы в тылу.

Качественная перестройка жизни страны под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!» нашла свое отражение в приказе Наркомпроса РСФСР «О работе политико-просветительных учреждений в военное время». Деятельность каждого гражданского учреждения культуры была подчинена мобилизации людей на защиту Родины и решению насущных народнохозяйственных задач военного времени. С июля 1941 г. Наркомпрос дал указания отделам народного образования об обслуживании гражданскими библиотеками военных госпиталей, агитпунктов и местных частей ополчения. При многих клубных учреждениях и ряде библиотек были созданы агитационные коллективы, развернувшие большую агитационную и массово-политическую работу среди различных категорий трудящихся. Так, например, в 325 агитационных коллективах, созданных при избах-читальнях Алтайского края, систематическую массовую разъяснительную работу вели 5160 агитаторов. Клубы, избы-читальни, дома культуры и библиотеки становились боевыми центрами политической агитации.

Работники и актив клубов, библиотек и музеев разъясняли трудящимся характер, цели и задачи Великой Отечественной войны, основные вопросы политики Советского государства, меры Советского правительства, Государственного Комитета Оборона, направленные на укрепление обороноспособности

страны. Центральное место в агитационно-массовой работе культурно-просветительных учреждений занимала политическая информация, являвшаяся сердцевинной политической агитации военного времени.

Особое место в мобилизации усилий тружеников села на разгром врага занимали избы-читальни. Они были самыми распространенными клубными учреждениями сельской местности. К началу войны удельный вес изб-читален по отношению ко всем клубам системы Наркомпроса РСФСР составил 96,5 %. Эти учреждения культуры были превращены в центры идейной жизни деревни. Наряду с живым словом большое значение в военное время приобрела политическая наглядная агитация. Она являлась доходчивой формой политической работы среди широких слоев населения города и деревни, оперативно отражала события внутренней и международной жизни. Огромная заслуга в широком развитии наглядной пропаганды принадлежит советским художникам. В военное время большое развитие получила графика и прежде всего ее агитационные формы.

Громадную силу воздействия на массы имело изобразительное искусство. Организовывались выставки, стенды, монтажи. Работники культурно-просветительных учреждений широко использовали плакаты, лозунги, газетные и журнальные карикатуры и другие произведения изобразительного искусства в лекциях, докладах, политических информациях и беседах с трудящимися. В клубах, библиотеках и музеях оформлялись витрины, доски, щиты под названием «На фронтах

Отечественной войны», «В последний час» и др.

Значительное место занимала справочная работа. Для населения при домах культуры, клубах, избачитальнях, библиотеках были созданы справочные столы, «уголки справок», в которых имелась большая справочная литература, географические карты с обозначением линии фронта. Активное участие в этой работе принимали квалифицированные специалисты. Каждый гражданин мог получить обстоятельный ответ на вопросы о международном положении, внутренней жизни страны, положении на фронтах. Посетителям оказывалась помощь в написании заявлений, жалоб, писем в действующую армию. В клубах часто проводились вечера вопросов и ответов, вывешивались стенды с различной информацией.

В условиях войны значительно повысилась роль музеев в политическом воспитании масс. Перестройка музеев сопровождалась изменением экспозиции за счет усиления их связи с требованиями военной жизни и широкой организации внемузейной деятельности. Днем и ночью не прекращалась работа по спасению музейных ценностей. Музейные фонды были эвакуированы из пятнадцати областей, двух краев и двух автономных республик. Из сорока одного пункта были вывезены фонды 66 музеев.

В сложнейших условиях быстрого наступления фашистских войск проходила эвакуация книжных фондов из прифронтовых районов. Днем и ночью не прекращался самоотверженный труд библиотекарей по спасению книг. В две очереди в июле и ноябре 1941 г. из библиотеки имени В. И. Ленина было

эвакуировано в тыл около 700 000 книг. Тематическая работа по сбору и эвакуации фондов была проведена Государственной публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В июле 1941 г. из Ленинграда были эвакуированы в город Мелекесс 2634 ящика с рукописями и ценнейшими книжными фондами. Благодаря заботам государства, героическим усилиям библиотекарей были спасены величайшие книжные богатства, входящие в сокровищницу нашей национальной и мировой культуры.

Библиотеки развернули военное просвещение среди тружеников города и села, способствовали выполнению военно-оборонных задач, укрепляли единство фронта и тыла. Агитационно-пропагандистская и массово-политическая работа, проводимая библиотеками, помогала в мобилизации духовных и физических сил народа для борьбы с врагом. Центральное место в работе библиотек заняла политинформация.

Большой популярностью среди читателей и населения пользовались такие формы агитационно-массовой работы, как громкие читки, беседы, доклады, лекции, консультации. Библиотеки развернули большую работу в этом направлении. Библиотекари читали сводки Совинформбюро, рассказывали о боевых эпизодах, помогали трудящимся изо дня в день следить за происходящими событиями, яснее понять ход Великой Отечественной войны, лучше выполнять свои гражданские обязанности, разоблачали всякие ложные слухи.

Читальные залы многих областных, городских и районных библиотек превратились в лектории. Библиотеки своими многочисленными

массовыми мероприятиями охватывали большое число людей. Так, мероприятия, проведенные библиотеками Москвы, в 1943 г. посетили 307 тыс. 402 человека, а 1944 г. – 1 млн. 130 тыс. человек. Одной из важнейших областей массовой работы библиотек была организация выставок, тематика которых была очень разнообразной и охватывала различные области науки, культуры, общественно-политической жизни страны, военные и производственные вопросы. Количество читающих было велико, несмотря на тяжелое военное время. В дни войны изменился состав читателей. В библиотеки пришли женщины, подростки, работающие на производстве, увеличилось число военнослужащих, специалистов, агитаторов, политработников. Изменились и интересы читателей. Война вызвала огромный спрос на антифашистскую литературу. Особенно резко возрос спрос на книги по военному, военно-инженерному делу, по противовоздушной и противохимической обороне, по изучению отдельных видов вооружения, медицине, книги о русских полководцах, героях Гражданской войны. Резко возрос спрос на сельскохозяйственную литературу, публицистические статьи, очерки, стихи.

Библиотечные работники перенесли центр своей деятельности на предприятия, полевые станы, в бомбоубежища, воинские части, в госпитали, на мобилизационные пункты, на вокзалы, в части народного ополчения. Там они проводили беседы, организовывали чтение интересных газетных и журнальных статей; оформляли книжные выставки, стенды на актуальные темы.

Приближение книги к населению потребовало широкого развертывания сети передвижек. Передвижки создавались на предприятиях, в колхозах, госпиталях, воинских частях, на призывных пунктах, в домоуправлениях, в общежитиях. Так, например, самоотверженную работу вел коллектив сотрудников Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Библиотека лишилась освещения, отопления, из строя вышел водопровод, но ее сотрудники продолжали работу, развертывали выставки в госпиталях, воинских частях, на пунктах военного обучения.

Продвигая в массы литературу, знания и идеи, направленные на борьбу с немецким фашизмом, библиотекари помогали народу побеждать врага. В годы войны особое значение приобрела справочно-библиографическая работа. Библиотеки давали ответы на различные запросы, касающиеся важнейших проблем военного времени. Значительную справочную работу вели университетские библиотеки различных областных центров, обслуживая эвакуированные в тыл научные учреждения, вузы и предприятия, а также районные и сельские библиотеки. Библиотекари являлись инициаторами и организаторами многих добрых дел среди читателей: в помощь Красной Армии собирали и отправляли на фронт теплые вещи, продовольствие, регулярно сдавали свою кровь раненым бойцам, вели обширную переписку с солдатами, матросами и командирами Красной Армии и Красного Флота, что повышало их моральную стойкость и боевой дух.

С огромной любовью трудились библиотекари в госпиталях, отда-

вая этому делу все свои силы и свободное время. Они выступали в качестве пламенных агитаторов и советчиков, вдумчивых педагогов и пропагандистов, часто круглосуточно дежурили у постелей раненых, являлись надежными помощниками врачей, когда одними медицинскими средствами было трудно вырывать человека у смерти.

Библиотечные работники организовывали с бойцами и командирами изучение немецкого, английского и французского языков, помогали повышать грамотность тем воинам, которые в этом нуждались. Во многих госпиталях для выздоравливающих инвалидов Великой Отечественной войны библиотекари создавали кружки по счетному делу, переплетные кружки и оказывали помощь в освоении новых профессий. Привлекая широкий читательский актив, библиотекари чинили белье для госпиталей, к каждому празднику преподносили подарки раненым.

Библиотечные работники с самого начала войны проявили себя преданными патриотами своей Родины. Это в огромной мере содействовало тому, что роль библиотек в решении важных вопросов, их авторитет среди широких масс с первых военных дней значительно повысились.

В годы Великой Отечественной войны на ослабевал интерес красноармейцев и краснофлотцев к профессиональному высокому искусству. 3 июля 1941 г. было принято решение начать работу по созданию оборонного и антифашистского репертуара. Необходимо подчеркнуть, что вместе с Красной Армией и Красным Флотом артисты профессионалы и любители прошли весь путь войны.

Ставились "Русские люди" К.Симонова, "Парень из нашего города", "Жди меня", комедии А.Н.Островского, "Недоросль" Фонвизина, "Женитьба Фигаро" Бомарше, оперы "Евгений Онегин", "Борис Годунов".

Свыше 40 тысяч деятелей искусства побывали на фронтах за годы Великой Отечественной войны. В их числе были выдающиеся артисты И.Москвин, М.Жаров, И. Ильинский, А.Тарасова, А.Яблочкина, М.Царев, Н.Черкасов, Е.Гоголева.

Для выезда в Действующую армию и на флот создавались фронтовые театры. По сути, фронтовые театры переняли традиции передвижных театров, созданных ещё в Красной Армии в период гражданской войны. Первым фронтовым театром был театр "Искра", сформированный из актеров Театра имени Ленинского комсомола - они были добровольцами народного ополчения. Затем были созданы фронтовые филиалы Малого театра и театра имени Евг.Вахтангова, комсомольский театр ГИТИСа.

За годы войны в составе театров значилось около 40 тысяч человек. Не было такого места, куда они не приезжали на представление. На чем только они не передвигались: сани-розвальни, автобусы, грузовики, самолеты, пароходы, торпедные катера.

С первых же дней Великой Отечественной войны, не смотря на крайне сложную обстановку, усилиями политорганов Действующей армии были созданы небольшие концертные бригады, живые газеты, драматические коллективы, которые выезжали на фронт и выступали перед бойцами со стихами А.Суркова, К. Симонова, А. Твардовского, С. Маршака; отрывками из

рассказов, очерков, публицистических статей, печатавшихся в газетах и журналах (Л. Толстого, М. Шолохова, А. Чехова, М. Твена и др.). Значительное место в репертуаре самодеятельных коллективов занимало чтение отрывков из произведений Н. Островского «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей», А. Твардовского «Василий Теркин». Неотъемлемой частью выступлений самодеятельных коллективов были водевили, драматические отрывки из пьес русской и зарубежной классики.

Пожалуй, по мнению автора, самым любимым музыкальным направлением в годы Великой Отечественной войны, стала лирическая песня. Их пела вся страна: "Вечер на рейде" В.Соловьева-Седого, "Темная ночь" Н.Богословского, "Священная война" А.Александрова, "В лесу прифронтовом" М.Блантера, "Огонек", "В землянке", "Катюша" и др.

Первой песней, написанной в годы Великой Отечественной войны была "Священная война" - настоящий гимн советского народа в войне против немецко-фашистских захватчиков. Через два дня с начала войны, 24 июня 1941 г. в газетах "Красная звезда" и "Известия" было опубликовано стихотворение Василия Лебедева-Кумача "Священная война". Уже на следующий день композитор А.В.Александров написал к ней музыку. Ещё через день она была исполнена Ансамблем песни и пляски Красной Армии на Белорусском вокзале Москвы при проводах бойцов на фронт. Среди исполнителей особо необходимо подчеркнуть ту любовь, которую проявляли бойцы к народным певицам Л.Руслановой, Кл.Шульженко,

которые своим творчеством олицетворяли тех женщин - матерей, жен и дочерей, которых защищали солдаты и матросы, офицеры и генералы на Действующем фронте.

В репертуаре вокальных и хоровых коллективов преобладали русские народные песни, песни, созданные в годы Великой Отечественной войны. Коллективы самодеятельности выступали как в клубах и воинских частях, так и на вокзальных агитпунктах, в госпиталях, цехах заводов, подшефных колхозах, залах дворцов и домов культуры. Боевые стихи, патриотические песни, вдохновенные рассказы о героических подвигах фронтовиков, скетчи и интермедии, райки и сценки, разоблачающие звериную сущность гитлеризма и призывающие к беспощадной борьбе с врагом, вдохновляли советских людей на ратные подвиги и героический труд во имя разгрома врага. Интересы защиты страны требовали быстрой мобилизации труженников тыла на выполнение фронтовых заказов, государственных планов. Этим целям были подчинены выступления самодеятельных коллективов, в программах которых значительное место занимала производственная тематика. Агитбригады строили свои выступления на местном материале, хлестко бичевали людей, недобросовестно относящихся к труду, способствовали повышению авторитета представителей советской власти.

В работе армейских учреждений культуры изменилась ее организационная и содержательная сторона. На базе окружных и гарнизонных домов Красной Армии была создана сеть передвижных культурно-просветительных учреждений (в 1941 г.

– во фронтах, с февраля 1942 г. – в корпусах и армиях). В дивизиях, бригадах, отдельных полках стали работать войсковые походные клубы с необходимым набором технических средств пропаганды (киноаппарат, библиотечка, периодическая печать, музыкальные инструменты, игры). В полках 33-й армии Западного фронта впервые заработали клубы-землянки, а в подразделениях переднего края – агитземлянки.

Советские художники по своему участвовали в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. В течение войны было организовано много выставок. Среди них две все-союзные "Великая Отечественная война" и "Героический фронт и тыл" и двенадцать республиканских.

Великая Отечественная война определила, наиболее массовым видом наглядной агитации были плакаты. За годы войны издательства выпустили более 800 названий военных плакатов общим тиражом 34 млн экз.

Большой популярностью пользовались такие плакаты, как «Родина-мать зовет!» (художник И. Тоидзе), «Воин Красной Армии, спаси!» (художник В. Корецкий), «Бей насмерть!» и «Клянемся мстить гитлеровским захватчикам!» (художник Н. Жуков), плакаты В. Климашнева и многие другие. Особенно массовое распространение получил плакат В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!». Тираж его составил 14 млн экз. Он висел всюду, включая кабины самолетов и каюты кораблей.

Клубы и дома Красной Армии выпускали «Окна сатиры», «Окна бойца», оформляли передвижные выставки картин, рисунков, плакатов. Дом Красной Армии Брянского

фронта в январе–апреле 1943 г. организовал выставки на темы «Жизнь и деятельность В. И. Ленина», «Героический путь Красной Армии», «Изучай оружие врага».

Силами дома Красной Армии Центрального фронта и армейских домов Красной Армии, клубами частей и соединений было подготовлено большое количество фотовитрин и выставок, плакатов и рисунков на темы «Воин, отомсти!», «Зверские преступления немецких захватчиков над пленными красноармейцами» и др. Во многих городах и населенных пунктах были вывешены на видных местах щиты – плакаты с материалами, рассказывающими о преступлениях, совершаемых фашистскими захватчиками. На одном из щитов, оборудованном работниками дома Красной Армии 48-й армии Центрального фронта, сообщалось: «Здесь была д. Прудки, но немецкие фашисты превратили ее в пепел. 190 жителей расстреляны и повешены фашистскими людоедами. 120 девушек и молодых ребят гитлеровцы угнали на каторгу в Германию. Боец! Такую расправу фашистские звери готовят всем, кто томится под их властью. Отомсти за кровь своих братьев и сестер... Будь беспощадным и грозным судьей!»

Показ фактов зверств гитлеровцев, разъяснение задач воинов средствами наглядной агитации оказывало на них огромное мобилизующее воздействие.

Расширялась практика использования передвижных культурно-просветительных учреждений, апробированная в годы Гражданской войны. С началом наступления в действующей армии налаживается работа по использованию передвижных агитационных центров.

С февраля 1942 г. начинают создаваться агитпоезда при политуправлениях фронтов, а с марта 1943 г. стал работать агитпоезд Главного политического управления. С марта 1943 г. в штат домов Красной Армии были введены агитмашины (агитповозки, агитсани). Устройство их было несложным. На автомобиле (телеге) устанавливался фургон со щитами, на которых размещались материалы наглядной агитации, сгруппированные по определенным темам, например: «Герои Великой Отечественной войны», «Все для фронта, все для победы», «Зверства немецко-фашистских оккупантов», «Уголок юмора» и т. д. В агитмашине имелись патефон, баян, книги, брошюры, политическая карта мира, свежие газеты, журналы, конверты, а также бумага для писем. К фургону был прибит ящик для красноармейской почты. Внутри фургона был оборудован столик, на котором солдат мог написать письмо. В экипаж агитмашины входили водитель-кинорадиомеханик, лектор – старший машины, небольшая концертная группа. С лета 1943 г. стали создаваться агиткатера. Практика использования передвижных агитационных пунктов включала в себя даже создание агитационных эскадрилий. Зачастую вместе с передвижными агитационными пунктами работали агитационно-художественные бригады, создаваемые армейскими учреждениями культуры, гражданскими домами культуры и театрами.

Огромную работу осуществляли центральные армейские учреждения культуры. Центральный дом Красной Армии направил два своих оркестра с концертами на фронт. Центральный театр Красной Армии

создал три концертные группы. Краснознаменный ансамбль песни и пляски под руководством А. В. Александрова организовал четыре концертные бригады. Художники студии военных художников им. М. Б. Грекова занимались созданием наглядной агитации, работали в Действующей армии и отправляли передвижные художественные выставки на фронт.

В армиях и на фронтах по решению военных советов создавались красноармейские ансамбли песни и пляски, а в дивизиях – агитационно-художественные бригады. С 1942 г. в состав каждой армии входили армейские ансамбли песни и пляски. Окружные драматические театры приграничных округов с началом войны были преобразованы во фронтовые драмтеатры, которые кроме постановки спектаклей занимались культурным обслуживанием войск в составе концертных бригад.

Наибольшим успехом у фронтовиков пользовались кинопоказы. Деятелями кино в годы Великой Отечественной войны были выпущены около 500 киножурналов и 34 полнометражных фильма. За время войны состоялось более шести миллионов киносеансов. Самыми популярными фильмами на фронте были "Два бойца" Л.Лукова, "Секретарь райкома" И.Пырьева, "Парень из нашего города" А.Столпера, "Нашествие" А.Рома, «Они защищали Родину», «Зоя» Л.Арнштама, «Радуга» М.Донского, «Чапаев» братьев Г. и С.Васильевых, «Мы из Кронштадта» Е.Дзигана, «Народные мстители» В.Беляева, «Валерий Чкалов» М.Калатозова. Перед сеансом зачастую проводились политбеседы.

Для руководства культурно-просветительной работой на фронт

направлялись самые подготовленные кадры из числа учителей школ, преподавателей вузов, ученых-обществоведов. Так, на Волховском фронте в домах культуры Красной Армии служили полковник Чагин – профессор, доктор философских наук, капитан Базанов – кандидат исторических наук, поэт Всеволод Рождественский, другие образованные и талантливые люди.

Первые в стране фронтовые бригады самодеятельных артистов дворца культуры Московского автозавода (директор Л. А. Хайло) и Московского дома культуры им. Горького (директор В. В. Симбуховский) стали действовать уже в 1941 г. Особое внимание в их программах уделялось произведениям малых форм: коротким сценкам, стихам, песням, частушкам. Из классических произведений использовались главным образом те, в которых отражалось героическое прошлое русского народа. Фронтовые концертные бригады были сформированы из артистов Малого, Государственного театров, театра им. Е. Вахтангова. Артисты В. Пашенная, В. Рыжова, И. Москвин, А. Тарасова, В. Качалов, певицы Л. Русланова, К. Шульженко провели тысячи выступлений в тылу и на фронте. В партизанских отрядах также создавалась своя художественная самодеятельность. Искусство помогало патриотическому воспитанию народа, подъему его морального духа.

В 1943–1944 гг. был проведен Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности, в котором участвовало 500 тыс. человек. В репертуаре сельских коллективов были частушки, любимые народные песни, такие как «Катюша», «Вечер

на рейде» В. Захарова, «В лесу прифронтовом» Б. Мокроусова, «Землянка» К. Листова и др. А в 1945 г. был организован второй Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности, в нем участвовало около 900 тыс. человек. С успехом прошли смотры в областях, находившихся ранее под оккупацией: Брянской, Курской, Ленинградской, Новгородской, Псковской и др.

Война нанесла большой ущерб учреждениям культуры. На оккупированной территории гитлеровцы варварски уничтожили и разграбили 427 музеев, 44 тыс. зданий театров, клубов и других учреждений культуры. Пострадали книжные фонды библиотек. Только в массовых библиотеках страны было расхищено и уничтожено 100 млн. книг.

О том, насколько за годы войны изменилась сеть учреждений культуры, можно судить по следующим цифрам. С 1941 по 1945 г. количество дворцов, домов культуры, клубов сократилось с 118 до 95 тыс.; массовых библиотек – с 95,4 до 47,44 тыс.; единиц книжного фонда – с 185 до 109 млн экз. книг; музеев – с 991 до 787; киноустановок – с 28 тыс. до 14,5 тыс. (табл. 1.1). Но по мере освобождения территорий от немецкой оккупации в стране развертывалась работа по восстановлению объектов культуры, причем она часто осуществлялась по инициативе самого населения.

В ноябре 1944 г. СНК РСФСР принял Постановление «О мерах по улучшению работы изб-читален, сельских клубов и районных домов культуры».

Предусматривались меры по восстановлению закрывшихся в годы войны учреждений культуры. Ставилась задача иметь в каждом сельском Совете клуб, в

каждом районном центре – дом культуры. Постановлением СНК в феврале 1945 г. был создан Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР. Такие же комитеты создавались в союзных республиках. В автономных республиках были образованы управления по делам культурно-просветительных учреждений, а на местах – отделы культурно-просветительных учреждений при исполкомах местных Советов. Все это улучшало государственное руководство системой культурных учреждений. Одной из главных задач государственных органов являлось обеспечение работ по восстановлению учреждений культуры. Предстояло также расширить сеть средних и высших учебных заведений, готовящих кадры для клубов, библиотек, музеев и других учреждений культуры.

Таблица 1
Сеть учреждений культуры в 1941 и 1945 гг.

Учреждения культуры	1941 г.	1945 г.
Дома, дворцы культуры и клубы	118 032	94 437
Массовые библиотеки	95 401 (185 млн экз.)	47 440 (100 млн экз.)
Музеи	991	787
Киноустановки	28 000	14 479

При проведении культурно-просветительной работы в разные периоды войны использовались разные методы. В табл. 1.2 приведены наиболее популярные формы и методы культурно-просветительной работы в различные периоды Великой Отечественной войны.

Таблица 2
Формы и методы культурно-просветительной работы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Формы и методы культурно-просветительной работы	До войны	На фронте			В тылу
		начало	середина	конец	
Лекции	+	+	+	+	+
Доклады	+	+	+	+	+
Тематические вечера	+	-	-	+	+
Читательские конференции	+	-	-	-	+
Вечера вопросов и ответов	+	-	-	-	+
Литературные суды	+	-	-	-	-
Диспуты	+	-	-	-	-
Вечера техники	+	-	-	-	-
Атеистические вечера	+	-	-	-	-
Экскурсии	+	-	-	-	+
Кинофестивали	+	-	+	+	+
Встречи	+	+	+	+	+
Концерты	+	+	+	+	+
Другие формы	+				

В ходе такой работы решались следующие основные задачи: разъяснение справедливого характера войны советского народа против гитлеровской Германии, воспитание патриотизма и высоких морально-

политических качеств, разоблачение агрессивных целей захватчиков и их реакционной человеконенавистнической идеологии, показ кровавых злодеяний, чинимых на временно оккупированной территории, сплочение воинов разных национальностей.

По мере изгнания с советской земли фашистских захватчиков все шире разворачивалась идейно-воспитательная и культурно-просветительная работа в районах, освобожденных от врага. Цель ее состояла в мобилизации трудящихся на ликвидацию тяжелых последствий фашистской оккупации, в организации всенародной помощи фронту, Красной Армии. Активное участие в решении этих задач принимали армейские культурно-просветительные учреждения.

Еще гремела артиллерийская канонада, а на площадях и улицах освобожденных городов и сел проводились митинги, организовывались радиопередачи, оформлялись газетные витрины, расклеивались плакаты, демонстрировались кинофильмы, выступали коллективы художественной самодеятельности, читались лекции, проводились беседы.

В 1943 г. только клуб 388-й стрелковой дивизии организовал в 52 населенных пунктах Смоленской области 94 киносеанса, 140 концертов художественной самодеятельности для населения, распространил 700 брошюр, 1 200 журналов, свыше 10 тыс. газет и листовок. Лекторы дома Красной Армии 2-го Белорусского фронта в августе–октябре 1944 г. провели более 200 бесед и докладов, которые прослушали свыше 70 тыс. жителей освобожденных сел и городов.

Вместо заключения. Годы Великой Отечественной войны доказали жизненную силу культурно-просветительных учреждений. Они стали дополнительным оружием в борьбе с врагом. Война потребовала от работников культуры большой оперативности, гибкости в работе, использования новых форм и методов работы с людьми. Простота, доходчивость, эмоциональность и наглядность – вот тот идеал, к которому стремились работники учреждений культуры при организации своей деятельности в военные годы. Опыт, накопленный учреждениями культуры в годы Великой Отечественной войны, до сих пор имеет непреходящее значение.

Литература

1. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 года № 549.
2. Большая Российская энциклопедия: 30 т. Т. "Россия". - М.: Большая Российская энциклопедия, 2004.
3. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. - М., 1985.
4. Памяти павших. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. 2-е издание. Председатель объединенной редакции Сорокин А.И. - М., 2005.
5. Сталин И.В. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг. Изд. 5-е. - М., 1947.
6. Великая Победа над фашизмом (Вклад братских народов союзных республик СССР в завоевание Победы в Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). - М., 2015.

7. Наша Победа. Цифры и факты. Материалы в помощь ветеранскому активу. - М., 2017.

8. Обострение борьбы с фальсификаторами истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов на современном этапе. Материалы научно-практической конференции. - М.: Издательство ООО "РИТМ", 2017.

9. Информационный сборник. В помощь ветеранскому активу к 75-летию Великой Победы. - М., 2019.

10. Вайсеров К.И., Осташкин В.Н. Социально-культурная деятельность: учебник. - М.: Моск. гор. ун-т управления Правительства Москвы, 2009.

11. Куманев Г.А. Подвиг и подлог. Изд. 3-е, испр. и доп. - М., 2007.

12. Мазурицкий М.П. Массовые учреждения культуры в период Великой Отечественной войны. - М., 1992.

13. Осташкин В.Н. Культурно-документальная работа в русской армии второй половине XIX века: дисс. ... д-ра ист. наук. - М., 1997.

14. Осташкин В.Н. История социально-культурной деятельности. Часть II (1917-2013 гг.): учеб. пособие. - М.: Моск. гор. ун-т управления Правительства Москвы, 2014.

15. Савченко А.М. Введение в историю культурно-просветительной работы в СССР. - М., 1988.

16. Ярошенко Н.Н. История и методология теории социально-культурной деятельности: учебник. - М.: МГУКИ, 2013.

Content, main directions and forms of activity of cultural institutions in the years the Great patriotic war of 1941-1945

Ostashkin V.N.

RUT (MIIT)

The article considers only some aspects of the activities of cultural institutions during the great Patriotic war of 1941-1945, which had

a multi-sided and multi-faceted nature. This is part of the political work that commanders, staffs, political organizations, party and Komsomol organizations organized and carried out in order to explain the nature and goals of the war, expose the essence of fascism, cover the course of the war, familiarize themselves with the international and internal situation of the Soviet Union, and promote heroic deeds at the front and in the rear.

Keywords: the Great Patriotic war, political and educational work in the red army and the red cross, cultural and educational work in the army and Navy, cultural and leisure work in the Soviet Armed Forces and the Armed Forces of the Russian Federation.

References

1. About the Commission under the President of the Russian Federation on counteraction an attempt to falsify history to the detriment of Russia's interests. Decree of the President of the Russian Federation of May 15, 2009 No. 549. The Central Archive of the Ministry of Defense of the USSR.
2. The Great Russian Encyclopedia: 30 t. T. "Russia" .- М.: The Great Russian Encyclopedia, 2004.
3. The Great Patriotic War of 1941-1945. Encyclopedia.-М., 1985. CPSU on the Armed Forces of the Soviet Union: Documents 1917-1981.- М., 1981.
4. In memory of the fallen. The Great Patriotic War of 1941-1945 2nd edition. Chairman of the Joint Editorial Sorokin A.I. - М., 2005.
5. Stalin I.V. The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945 Edition 5th. - М., 1947.
6. The Great Victory over fascism (Contribution of the fraternal peoples of the Union republics of the USSR to the victory in the Great Patriotic War of 1941-1945) .- М., 2015.
7. Our Victory. Figures and facts. Materials to help the veteran asset. -М., 2017.
8. Aggravation of the fight against falsifiers of the history of the Great Patriotic War of 1941-1945 at the present stage. Materials of the scientific and practical conference .- М.: Publishing house LLC "RITM", 2017.
9. Information collection. To help the veteran asset to the 75th anniversary of the Great Victory. - М., 2019.
10. Vaysero K.I., Ostashkin V.N. Socio-cultural activity: a textbook. - М.: Moscow City University of Management of the Government of Moscow, 2009.
11. Kumanev G.A. Feat and forgery. 3rd ed. and add.- М., 2007.

12. Mazuritsky M.P. Mass cultural institutions during the Great Patriotic War.-M., 1992.
13. Ostashkin V.N. Cultural and leisure work in the Russian army in the second half of the 19th century: Diss. ... Dr. History. - M., 1997.
14. Ostashkin V.N. The history of socio-cultural activities. Part II (1917-2013): textbook. allowance. - M.: Moscow City University of Management of the Government of Moscow, 2014.
15. Savchenko A.M. Introduction to the history of cultural and educational work in the USSR. - M., 1988.
16. Yaroshenko N.N. History and methodology of the theory of socio-cultural activity: textbook.-M.: MGUKI. 2013.

Формирование системы онлайн-обучения в Тихоокеанском государственном университете: социологический аспект

Володькин Павел Павлович
профессор, доктор технических наук, заведующий кафедрой «Эксплуатация автомобильного транспорта», Тихоокеанский государственный университет, 004167@pnu.edu.ru

Уманец Ирина Фаритовна
доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой «Иностранных языков» Педагогического института, Тихоокеанский государственный университет, 000089@pnu.edu.ru

Лазарев Владимир Александрович
кандидат технических наук, доцент кафедры «Эксплуатация автомобильного транспорта», Тихоокеанский государственный университет, 000136@pnu.edu.ru

Панчук Наталья Николаевна
доцент, заведующий кафедрой «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет, panch-03@inbox.ru

Филатова Ольга Александровна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы, кредит и бухгалтерский учет» Института экономики и управления, Тихоокеанский государственный университет, 003388@pnu.edu.ru

В настоящее время создание системы электронного обучения становится особенно актуальным, так как именно эта система может наиболее адекватно и гибко реагировать на потребности общества и обеспечить реализацию конституционного права на образование каждого гражданина страны. Система ЭО соответствует логике развития системы образования и общества в целом, где во главу угла ставятся потребности каждого отдельного человека. Такая система разработана и внедряется в Тихоокеанском государственном университете. В ходе исследования результатов ЭО проведен социологический опрос, выявивший мнение студентов и преподавателей о сильных и слабых сторонах системы.

Ключевые слова: система электронного обучения, онлайн-обучение, Тихоокеанский государственный университет.

Для экономики Российской Федерации нужны кадры, способные решать современные задачи «цифровизации». Для подготовки таких кадров необходимо систему образования и профессиональной подготовки привести в соответствующее состояние: внедрять в учебной деятельности цифровые инструменты, включать их в информационную среду. Для граждан необходимо обеспечить возможность обучения по индивидуальному учебному плану. Это должно быть доступно в течение всей жизни в любое время и в любом месте.

Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» направлен на решение части этих задач. Развитие российского цифрового образовательного пространства – цель проекта. Необходимо расширение возможностей непрерывного образования, системного повышения качества этого образования для всех категорий граждан. Для достижения этой цели выбран путь широкого внедрения онлайн-обучения, в том числе, массовых открытых онлайн-курсов – обучающих курсов с интерактивным участием и открытым доступом через Интернет.

Результаты исследований касательно эффективности онлайн-образования неоднозначны. Электронное обучение обладает рядом несомненных преимуществ, но свои недостатки у него тоже есть, как,

впрочем, и у традиционного способа обучения. Самое важное, что благодаря онлайн-образованию, студенты курсов могут эффективно, удобно и довольно дешево учиться.

Электронное образование, обладая такими преимуществами как эффективность, гибкость, модульность и параллельность, отвечает требованиям современной жизни.

Но было бы неверно считать, что электронное обучение не имеет никаких дефектов. Можно считать дефектами онлайн обучении следующие:

- ограничение контактов;
- значительные расходы, связанные с внедрением системы ЭО;
- необходимость правильной мотивацию к обучению;
- дистанционное образование предполагает только письменную основу обучения и студент не всегда может достаточно грамотно, излагать полученные знания в устной форме.

Недостатки есть, но они не доминируют над преимуществами. Кроме того, преимущества и недостатки этого метода следует всегда рассматривать в каждом конкретном случае, не отделяя от конкретных людей и их конкретных потребностей.

Несомненно, онлайн обучение особенно важно для эффективного образования людей с ограниченными возможностями. Для них зачастую это единственно возможный способ получить образование. У таких людей довольно сильны мотиваторы, такие как, возможность иметь определенную занятость, быть полезными обществу.

Тихоокеанский государственный университет неуклонно наращивает внедрение элементов электронного

образования: созданы и реализуются отдельные электронные курсы для дисциплин в рамках электронной информационно-образовательной среды университета, как по основным образовательным программам, так и в системе дополнительного профессионального образования.

С целью изучения возможности и необходимости организации и внедрения системы онлайн обучения в ТОГУ было проведено анкетирование ППС и студентов. При этом онлайн обучение рассматривается, как новая образовательная парадигма, где стратегия электронного обучения отражает современные методики, новые ИКТ, мобильные технологии, открытые онлайн курсы.

Ориентировочное количество ППС в университете около 700 человек. Контингент обучающихся составляет более 12 тысяч человек.

Анкетирование проводилось выборочно. Минимальный объем выборки (n), обеспечивающий её достаточную репрезентативность по доле в генеральной совокупности, определялся по формуле [1, с. 56]:

$$n = \frac{t^2 \cdot N \cdot \omega \cdot (1 - \omega)}{\Delta^2 \cdot N + t^2 \cdot \omega \cdot (1 - \omega)}$$

где N – объем генеральной совокупности; Δ – предельно допустимая ошибка репрезентативности выборки; t – кратность ошибки репрезентативности выборки; $\omega \cdot (1 - \omega)$ – максимальная величина дисперсии доли, если частота ω даже приблизительно не известна, равна 0,25.

Объем репрезентативной выборки составил 228 человек из

числа ППС и 372 человек – обучающихся. В анкетировании приняли участие 236 человек ППС и 618 обучающихся.

Анализ результатов анкетирования по части наиболее актуальных вопросов представлен на рис. 1 – 5.

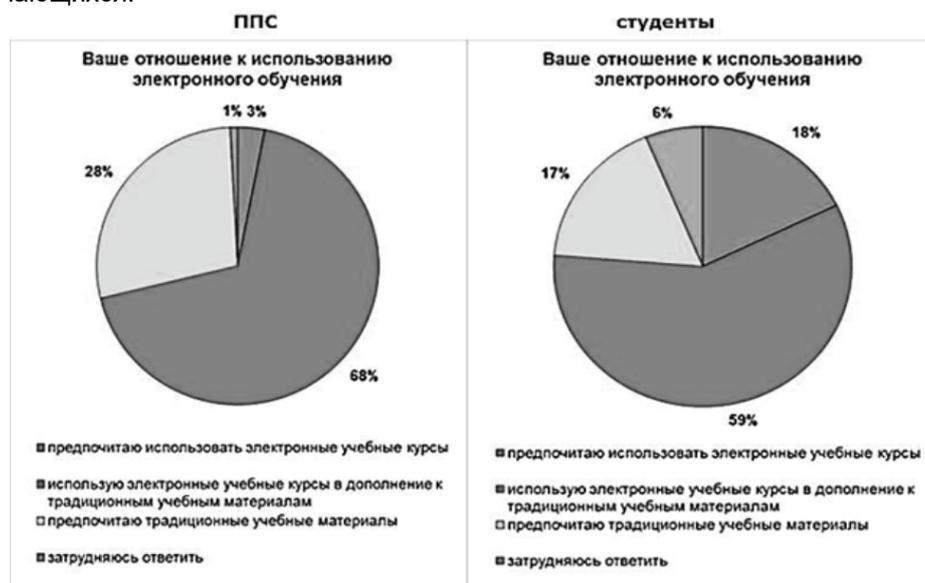

Рис.1. Отношение к использованию электронного обучения

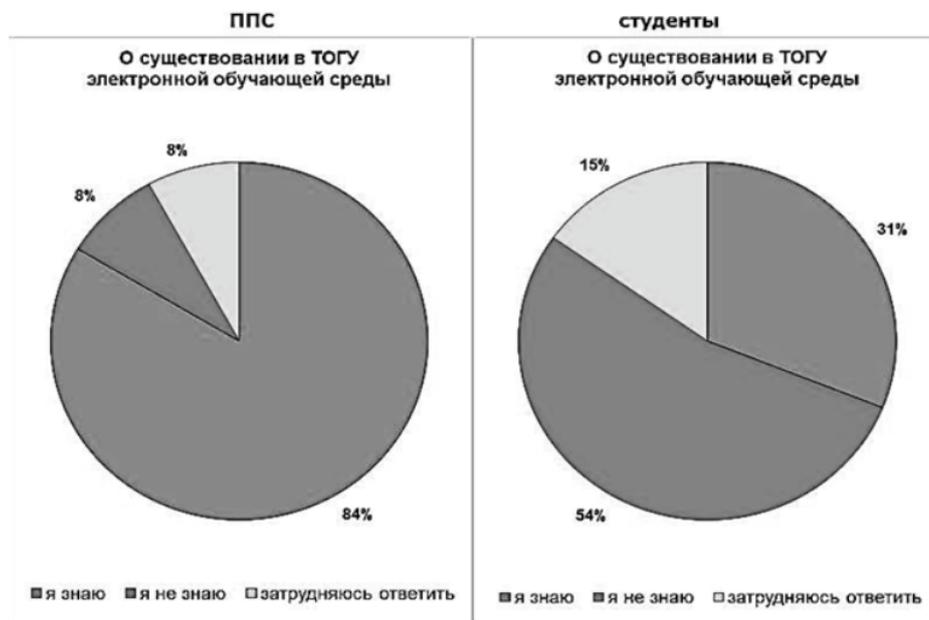

Рис.2. Осведомленность о существовании в ТОГУ электронной информационно-обучающей среды

Большинство преподавателей (72%) предпочитает использовать электронные учебные курсы или использует их в дополнение к традиционным учебным материалам. Около трети преподавателей (28%) предпочитают традиционные учебные материалы.

Среди студентов за использование электронного обучения, как дополнение к традиционным учебным материалам проголосовало большинство (59%), число «защитников» и «противников» электронных учебных курсов разделились соответственно на 18% и 17%.

О необходимости использования электронных курсов лишь в качестве источника теоретического материала по отдельным дисциплинам 69% студентов ответили положительно. Меньшая часть студентов (20%) считает необходимым традиционное обучение.

Значительное большинство преподавателей (84%) знают о существовании в ТОГУ электронной обучающей среды. Причем четверть опрошиваемых преподавателей (25%) являются авторами электронных учебных курсов, (17%) являются их соавторами. Еще около четверти опрошиваемых (27%) используют материалы других преподавателей. Остальные (31%) используют массовые открытые онлайн курсы.

Опечалили ответы студентов на вопрос о наличии в ТОГУ электронной обучающей среды. Только 31% опрошенных знает о ее существовании, а 54% ничего не знает о существовании ЭИОС. Еще 15% затруднились ответить на этот вопрос, следовательно, не имеют однозначного представления о вопросе.

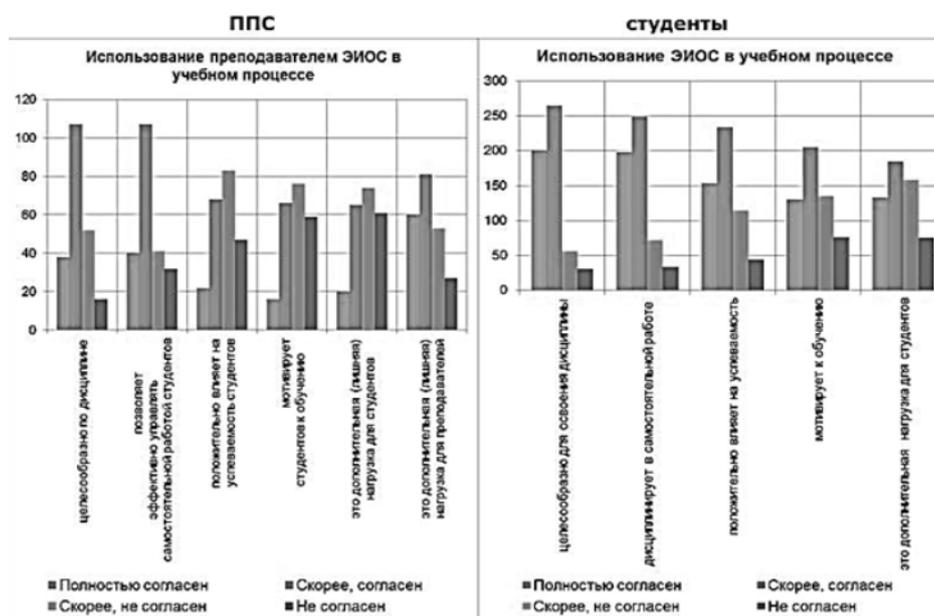

Рис. 3. Анализ использования в ТОГУ электронной информационно-обучающей среды

Большинство респондентов ППС считают, что электронные курсы целесообразны по дисциплине и позволяют эффективно управлять самостоятельной работой студентов (68%, 66,8%). Меньшая часть преподавателей считает, что ЭОИС положительно влияет на успеваемость студентов и мотивирует их к самообучению (40%, 37,7%), но электронные курсы это дополнительная нагрузка для преподавателя (38,6%) и для студента (64,1%).

Значительное большинство респондентов (91,8%) считает, что электронные курсы дают возможность постоянного доступа к учебным материалам и заданиям. Около половины преподавателей считают, что использование студентами ЭОИС происходит осознанно, позволяет чувствовать себя свободно в общении на форумах, раскрывать

свои коммуникативные навыки (49,1%; 43,6%). Также около половины респондентов считают, что ЭОИС является дополнительной нагрузкой для студентов и вызывает сопротивление и неприятие при выполнении определенных видов заданий (46,8%; 47,2%).

Большинство студентов полностью или скорее согласны с целесообразностью использования ЭОИС в учебном процессе. С тем, что ЭОИС в учебном процессе целесообразно для освоения дисциплины, дисциплинирует в самостоятельной работе (способствует самоорганизации и самоконтролю), положительно влияет на успеваемость, согласно более половины респондентов. Относительно того, что ЭОИС мотивирует к обучению и это дополнительная (лишняя) нагрузка для студентов, мнения разделились.

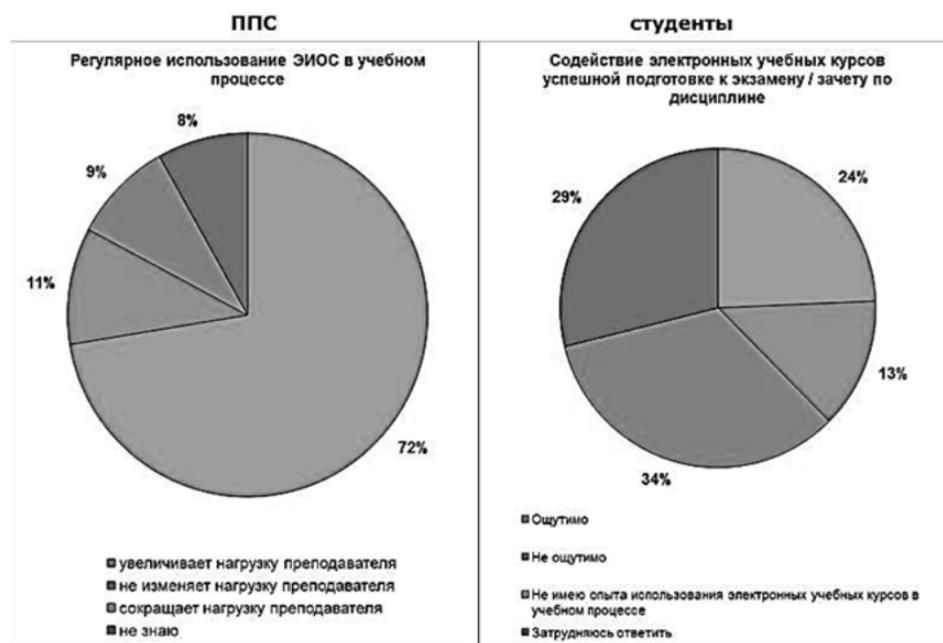

Рис.4. Электронная информационно-обучающая среда в процессе обучения

По мнению значительного большинства респондентов ППС (72%) использование ЭИОС увеличивает нагрузку преподавателя. Остальные преподаватели считают, что нагрузка в данном случае не поменяется или уменьшится (11%; 9%) или затрудняются ответить (8%). Анализ данного вопроса показывает, что значительное большинство преподавателей не до конца осознает роль ЭИОС в учебном процессе, которая призвана оптимизировать учебную нагрузку. Преподаватели предпочитают использовать традиционный подход, даже работая в ЭИОС. Большинство не стремится к онлайн взаимодействию со студентами [2].

В среднем больше половины преподавателей (52%) столкнулись с различными трудностями в процессе использования ЭИОС, что говорит о ее недостаточной технической готовности и недостатке ИКТ компетенций преподавателей (например, неумением работать в LMS-Moodle).

Для 24% студентов содействие электронных учебных курсов достаточно ощутимо для успешной подготовки к экзамену (зачету), однако 34% не имеют опыта использования электронных учебных ресурсов, а 29% затрудняющихся ответить, можно с уверенностью отнести к категории не имеющих опыта использования электронных ресурсов.

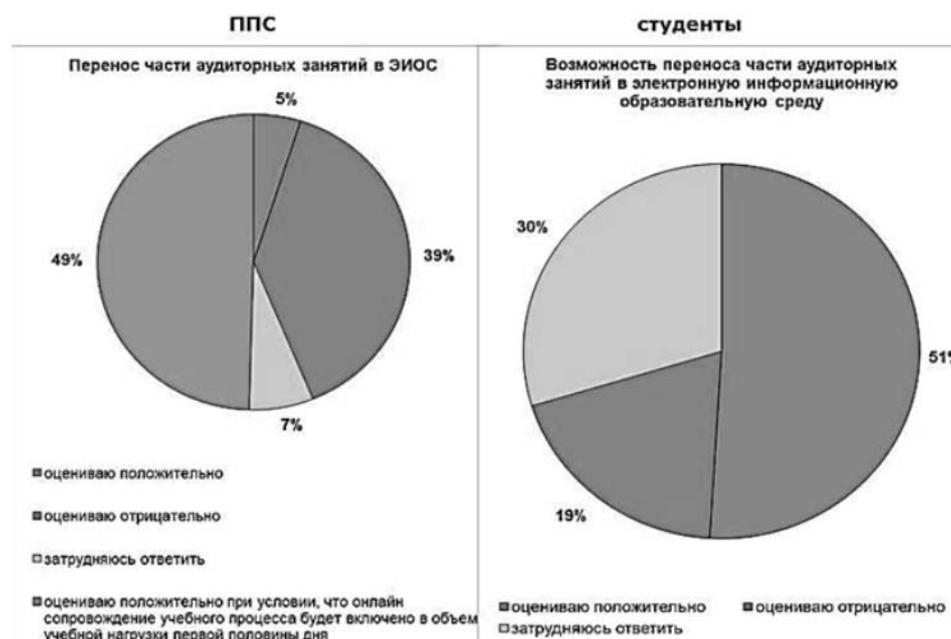

Рис. 5. Анализ возможности изменения организации учебного процесса

Почти половина опрошиваемых ППС (49%) положительно отнеслась к переносу занятий в ЭИОС при условии, что онлайн сопровождение бу-

дет включено в объем нагрузки первой половины дня и только (5%) оценивают перенос занятий в ЭИОС положительно. Две пятых преподавателей (39%) оценивают данную возможность отрицательно. Исходя из анализа данного вопроса, можно сделать вывод, что эффективное внедрение ЭОИС в учебный процесс должно проходить без ущерба для объема учебной нагрузки преподавателей [3].

Среди студентов 51% респондентов считают возможным перенос части занятий в ЭОИС. 19% не согласны с переносом, а 30% не определились во мнении.

Что касается предложений ППС по организации учебного процесса в формате электронного обучения, то 73,1% преподавателей предлагают организовывать учебный процесс в формате электронного обучения по желанию преподавателя, не обязывая его разрабатывать ЭУК, так как не по всем дисциплинам возможно онлайн обучение, 40,4% предлагают четко регламентировать количество оплачиваемых часов аудиторных занятий и занятий, проведенных в ЭИОС по каждой дисциплине, 42,2% – оперативно решать вопрос с доступом к сети Интернет в общежитиях, в учебных аудиториях [4].

При внесении своих предложений относительно организации учебного процесса в ЭИОС, большинство студентов хотят, чтобы им была предоставлена возможность выбирать курсы дополнительно не по специальности или профилю подготовки. Большинство студентов полностью устраивает возможность постоянного доступа к учебным материалам в ЭИОС и они полностью или частично осознают необходи-

мость использования ЭУК в учебном процессе, одновременно считая, что это дополнительная учебная нагрузка [5, с. 42–45]. Относительно полного отказа от аудиторных занятий, мнение большинства студентов – «не согласен».

Таким образом, анализ анкетирования ППС и студентов университета позволяет сделать следующие **выводы:**

1. Онлайн обучение не должно заменять очное или заочное обучение, а должно дополнять его с целью углубления и расширения предусмотренных программой знаний, обеспечивая эффективное взаимодействие преподавателя и студента, несмотря на физическое разделение в пространстве.

2. Необходимо в учебные планы ввести вид учебной нагрузки (онлайн сопровождение учебного процесса), объем которой будет входить в 900 часов первой половины дня, что позволит ППС работать дистанционно без ущерба для внеурочного времени. По данному виду нагрузки можно ввести регламент документального отчета. Подобная система работы позволит магистрантам / студентам очной и заочной форм обучения учиться без отрыва от производства без задолженностей и отчисления, а ППС отслеживать работу обучаемых в онлайн-режиме в рабочее время.

3. Поскольку материалы, размещаемые преподавателями на сайте, могут в течение длительного периода времени использоваться учебным заведением для получения экономических выгод, то необходимо решать вопрос о защите авторских прав создателей курса и выплате авторских вознаграждений.

4. Необходимо создание курсов по повышению квалификации ППС по дополнительной профессиональной программе «Разработка и сопровождение электронных учебных курсов».

Мероприятия по организации обучения с использованием онлайн-курсов:

1) Необходимо выявить потребности, побуждающие университет использовать онлайн-курсы при обучении студентов по образовательным программам высшего образования.

2) Определить цель и задачи использования онлайн-курсов.

3) Проанализировать препятствия, с которыми может встретиться университет и определить возможные способы их устранения.

4) Организовать предварительную работу перед началом использования онлайн-курсов в университете.

5) Проанализировать учебные планы образовательных программ на предмет необходимости корректировки при использовании онлайн-курсов.

6) Заключить сетевые договоры с университетами-создателями онлайн-курсов.

7) Разработать систему эффективного контроля процесса обучения студентов на онлайн-курсах.

В настоящее время создание системы электронного обучения становится особенно актуальным, так как именно эта система может наиболее адекватно и гибко реагировать на потребности общества и обеспечить реализацию конституционного права на образование каждого гражданина страны. Система ЭО соответствует логике развития системы образования и обще-

ства в целом, где во главу угла ставятся потребности каждого отдельного человека.

Методической особенностью электронного обучения является то, что усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных учебными программами, осуществляется не в традиционных формах обучения (лекция, уроки, семинары и т.д.), а путем самостоятельной работы обучаемого с помощью различных средств – носителей информации. В центре процесса ЭО находится не преподавание, а учение, то есть самостоятельная познавательная деятельность обучаемого по овладению знаниями, умениями и навыками. При этом обучающийся должен не только владеть навыками работы с компьютером, но и способами работы с учебной информацией, с которой он встречается в процессе дистанционного обучения.

Литература

1. Практикум по общей теории статистики: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / М. Р. Ефимова, О. И. Ганченко, Е. В. Петрова – М.: Финансы и статистика, 2004. – 336 с.

2. Современная цифровая образовательная среда в современной школе. [Электронный ресурс] – Электрон. Дан. – Режим доступа: <https://infourok.ru/vistuplenie-na-pedagogicheskom-sovete-shkoli-s-dokladom-na-temu-sovremennaya-cifrovaya-obrazovatel'naya-sreda-v-sovremennoy-shkol-3604380.html/> (дата обращения 19.01.2020).

3. Среднее профессиональное образование Уральского региона в условиях активного государственного реформирования: состояние,

перспективы развития IX региональная научно-практическая конференция. [Электронный ресурс] – Электрон. Дан. – Режим доступа: http://ugkp.ru/sites/default/files/sbornik_9_npk_may_2019_god.pdf (дата обращения 19.01.2020).

4. Характерные черты дистанционного обучения. Информационный портал. [Электронный ресурс] – Электрон. Дан. – Режим доступа: <http://distance-learning.ru/db/el/4E87DBA48C3F6762C32571D9003AB8DF/doc.html> (дата обращения 19.01.2020).

5. Ярулин И. Ф., Гарнага А. Ф. Особенности взаимодействия населения города Хабаровска с городской средой // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 40–50. DOI: 10.14530/reg.2019.1.40

Creating an on-line learning system at Pacific national university
Volodkin P.P., Umanets I.F., Lazarev V.A., Panchuk N.N., Filatova O.A.

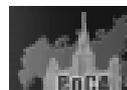
Pacific National University

Currently, the creation of an on-line learning system is becoming particularly relevant, since this system will mostly adequately and flexibly respond to the needs of society and ensure the implementation of the constitutional right to education of every citizen of the country. The on-line learning system corresponds to the logic of developing the education system and the society in general, the needs of each individual being put at the top. This system has been developed and is being implemented at Pacific National University. While examining the results of the E-learning a sociological questionnaire has revealed the strong and weak sides of the system.

Keywords: e-learning system, online learning, Pacific National University.

References

1. Workshop on the general theory of statistics: textbook. allowance. 2nd ed., Revised. and add. / M.R. Efimova, O. I. Ganchenko, E. V. Petrova - M.: Finance and Statistics, 2004. - 336 p.
2. Modern digital educational environment in a modern school. [Electronic resource] - Electron. Dan. - Access mode: <https://infourok.ru/vistuplenie-na-pedagogicheskom-sovete-shkoli-s-dokladom-na-temu-sovremennaya-cifrovaya-obrazovatel'naya-sreda-v-sovremennoy-shkol-3604380.html> (date appeals on 01/19/2020).
3. Secondary vocational education in the Ural region in the context of active state reform: state, development prospects IX regional scientific and practical conference. [Electronic resource] - Electron. Dan. - Access mode: http://ugkp.ru/sites/default/files/sbornik_9_npk_may_2019_god.pdf (accessed 1/19/2020).
4. Characteristics of distance learning. Informational portal. [Electronic resource] - Electron. Dan. - Access mode: <http://distance-learning.ru/db/el/4E87DBA48C3F6762C32571D9003AB8DF/doc.html> (accessed January 19, 2020).
5. Yarulin I. F., Garnaga A. F. Features of the interaction of the population of the city of Khabarovsk with the urban environment // Regional Studies. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 40–50. DOI: 10.14530 / reg.2019.1.40

Направления современных исследований города и городских пространств

Гарнага Анастасия Филипповна, аспирант кафедры «Социология, политология и регионоведение» Института социально-политических технологий и коммуникаций, старший преподаватель кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет, neklyudova.anastasiya.90@mail.ru

Статья содержит обзор современных направлений в области исследований города и городских пространств. Сегодня архитекторы, географы, экономисты, социологи фокусируются на разных городских социальных процессах. Они и лежат в основе формирующихся научных направлений. Среди таковых рассмотрены наиболее яркие – «неолиберальный урбанизм», организация мегасобытий, джентрификация городского пространства.

Наряду с вышеприведенными процессами в современных исследованиях города также отмечается смещение фокуса исследований с традиционного изучения физического городского пространства, его процессов и взаимодействия частей в сторону изучения ментальности этого пространства, особенностей его восприятия и моделирования горожанами. Современная наука пополняется трудами, предметом исследования которых выступает перцепция пространств города и ее взаимодействие с различными параметрами городского сообщества.

В таком процессе важными факторами становятся практики горожан, реализуемые на постоянной или циклической основе в процессе взаимодействия с городским пространством. В фокусе исследований оказываются процессы перемещения, проживания, формирования семиотических и памятных городских мест. Рассматриваются некоторые их визуальные аспекты.

Ключевые слова: «неолиберальный урбанизм», мегасобытия, городская среда, джентрификация, городское пространство.

В последние десятилетия основные направления исследований города фокусируются на разных городских социальных процессах [1, с. 78–123]. Они взаимозависимо протекают в городах, при этом могут противоречить друг другу. Город в этом случае можно описать как совокупность социальных процессов, в нем происходящих.

Такие процессы характеризуются другими социальными и экономическими явлениями, такими как капитализация городского пространства, осуществление мегасобытий и крупных проектов в сфере инфраструктуры, внутригородская мобильность горожан, социально-пространственная поляризация и другие. В зависимости от характера этих явлений разделяются разные направления современного изучения города.

1. «Неолиберальный урбанизм». Среди таких направлений «неолиберальный урбанизм». Л. Болтански и Э. Кьяпелло [2, с.230] отмечают, что современные города все больше охватываются влиянием «нового духа капитализма» – включаются в глобальные экономические связи и, вместе с тем, участвуют в процессе конкуренции за привлечение инвестиций, рабочей силы, туристов и других ресурсов с городами на мировой арене. В науке формируется новое видение,

постулирующее преимущество рыночных факторов по отношению к интересам горожан в развитии городских пространств и городов в целом – «неолиберальный урбанизм» [3, с. 195-212].

В России новое видение отражает тенденцию городов к капитализации своих территорий и отношений. При этом стимулом городского развития считается потребление [4, с. 229-247], в том числе и культурное потребление [5, с. 35]. Оно не может быть равноценным на всех территориях города, поэтому порождает пространственные неравенства. Особенно важными в социологическом аспекте являются такие неравенства, которые приводят к неравномерному распределению ресурсов от коммерческого использования территорий города не в пользу горожан [6, с. 170], так как именно такие процессы приводят к росту социальной напряженности и даже протестных настроений жителей городов.

2. «Мегасобытия» как фактор развития городского пространства. Процессы «неолиберального урбанизма» порождают другое характерное для современного города направление – интенцию на организацию мегасобытий, таких как спортивные чемпионаты, Олимпиады, международные саммиты и прочие. Крупномасштабные мероприятия и подготовка к ним ведет к привлечению больших материальных ресурсов, капиталов- и трудовложений для создания новых городских объектов и инфраструктур: дорог, мостов, стадионов, аэропортов, общественных комплексов и пространств. Подготовка к мегасобытиям зачастую сопровождается обоснованием за-

трат перспективным развитием города и его капитала, возможностью повысить уровень комфорта городской среды и инфраструктуры для самих горожан [7]. Однако, на практике за такой риторикой зачастую скрыта рациональность заинтересованных сторон, в качестве затрат на организацию мегасобытия получающих инструмент легитимации своего капитала, причем как экономического, так и политического. Финансовые выгоды элит при этом не поддержаны интересами горожан.

В российских городах подготовка к мегасобытиям спортивной направленности, к примеру, может становиться предметом конфликта между властями и горожанами, сопровождающимся оппозиционными высказываниями и критикой в адрес элит и властей [8]. Огромный рост прибылей конкретных лиц и предприятий, обусловленный влиянием мегасобытия, обуславливает недовольство горожан и обоснование такого роста патронажно-клиентарными отношениями бизнеса и властей, называемыми В. В. Галиндабаевой «неопатриальной машиной роста и присвоения государственной собственности» [9, с. 130]. О. Чепурная также отмечает в процессе организации мегасобытий «слияние дискурсов политической и бизнес-элит». Исследователи мегасобытий в России в большинстве своем отмечают дискриминацию общественного мнения горожан и часто приводят случаи недовольства «слабых» публик, к примеру, из-за несправедливой компенсации изъятой собственности горожан для сноса на участках нового строительства [10, с. 106–131], недовольства горожан сокращением зеленых насаждений или жестоким отловом и травлей

бродячих животных на этапах подготовки к мегасобытиям [11, с. 156-174].

Существует и другое следствие мегасобытия для городского пространства. Из-за неучета потребностей горожан и сложностей организации прогнозируемого властями туристического потока новые пространства и комплексы инфраструктуры могут простаивать, не становиться актуальными для общества и, в перспективе, имеют риск деградировать, приходить в упадок. Таким примером служат открытые общественные пространства и небольшие предприятия, размещенные вокруг комплекса «Ростов-арены» в Ростове-на-Дону. Ярко выраженного общественного недовольства не возникло, так как застройка осуществлялась на пустующей, практически нетронутой территории левого берега Дона, для связи берегов был построен новый презентабельный мост, совмещающий автомобильное и пешеходное движение. Само здание Ростов-арены не очень активно используется для различных мероприятий, иногда для проведения межгородских и российских спортивных матчей, в темное время суток служит цилиндрической электронной плоскостью для размещения рекламы, хорошо воспринимаемой с правого застроенного берега Дона. Впрочем, даже эта рекламная плоскость включается не каждую ночь – предположительно, в целях экономии энергоресурсов. Организованные же парки, скверы, сады, спортивные и детские площадки, пешеходные и велосипедные дорожки большей частью пустуют даже в дни проведения мероприятий. Пассажирские панорамные лифты, встроенные в

конструкцию нового моста, включаются только на время проведения матчей, большую же часть времени выключены и закрыты. В целом жители Ростова не высказывают недовольства по поводу организации новых пространств в связи с мегасобытием, но и не считают их полезными для города.

3. Джентрификация городского пространства. Другой процесс, характерный для современных российских городов и изучаемый социологами, архитекторами, географами – джентрификация городских пространств, сопряженная с девелопментом зданий и территорий посредством инвестиций и последующей фиксацией капитала бизнес-элит. Ученые выделяют два основных типа рассматриваемого процесса:

– «культурная джентрификация» – реновация, к примеру, пришедших в упадок в постсоветский период промышленных зданий для использования в области культуры и искусства. Примеры такого городского процесса известны прежде всего в Москве [12, с. 280], Санкт-Петербурге (из последних реноваций в Санкт-Петербурге известна «Новая Голландия», строительство общественного пространства этого объекта на текущий момент продолжается), Екатеринбурге [13, с. 14];

– «резидентная» джентрификация – апроприация городских пространств экономическими элитами, сопровождающаяся искусственной сменой социального состава «резидентов» – собственников недвижимости в джентрифицируемом районе на представителей богатых и влиятельных групп. Преимущественно процесс «резидентной» джентрификации характерен для

центров столичных и крупных городов: Москвы, Санкт-Петербурга [14, с. 76–9] и других.

Заключение. Сегодня город является предметом исследований самых разных областей науки. Архитекторы, географы, экономисты, социологи фокусируются на разных городских социальных процессах. Среди таковых – «неолиберальный урбанизм», организация мегасобытий, джентрификация городского пространства.

Наряду с вышеприведенными процессами в современных исследованиях города также отмечается смещение фокуса исследований с традиционного изучения физического городского пространства, его процессов и взаимодействия частей в сторону изучения ментальности этого пространства, особенностей его восприятия и моделирования горожанами. Современная наука пополняется трудами, предметом исследования которых выступает перцепция пространств города и ее взаимодействие с различными параметрами городского сообщества [15, с. 67-81].

В таком процессе важными факторами становятся практики горожан, реализуемые на постоянной или циклической основе в процессе взаимодействия с городским пространством. В фокусе исследований оказываются процессы перемещения, проживания, формирования семиотических и памятных городских мест. Рассматриваются некоторые их визуальные аспекты.

Литература

1. Социальное пространство большого города / Под ред. Г. В.

Еремичевой. СПб.: СИ РАН филиал ФНИСЦ РАН, 2018. С. 392

2. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 974

3. Golubchikov O., Badyina A. Conquering the inner-city: Urban redevelopment and gentrification in Moscow // *The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe*. New York: Physica-Verlag HD, 2006. P. 195–212

4. Golubchikov O. Urban planning in Russia: towards the market // *European Planning Studies*. 2004. Vol. 12. P. 229–247

5. Вильковский М. Б. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. С. 590

6. Kolosov V., Vendina O., O'Loughlin, J. Moscow as an emergent world city: international links, business developments, and the entrepreneurial city // *Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. P. 170–196

7. Мюллер М. Парадоксальный спектакль: общественное мнение и Олимпиада в Сочи // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 2(88). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/m13.html> (дата обращения: 12.02.2019)

8. Макарычев А. Российские олимпийские дискурсы: эффекты унификации и многообразия // *Неприкосновенный запас*, 2013, 2(88). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3426> (дата обращения: 13.09.2019).

9. Галиндабаева В. В. Мегасобытия в постсоветских городах: неопатримониальные машины роста и присвоение государственной собственности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. № 5. С. 126–140

10. Карбаинов Н. И. Как изымают собственность в олимпийских сто-

лицах: олимпиада в Сочи в сравнительной перспективе // Мир России: социология, этнология. 2013а. № 22(1). С. 106–131

11. Галиндабаева В. В. Почему барс Юни не любит бездомных собак? // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. вып. «Спортивные мегасобытия в политике, обществе и культуре». 2013. № 5. С. 156–174

12. Макарова К. Постиндустриализм, джентрификация и трансформация городского пространства в современной Москве // Неприкосновенный запас. 2010. № 2(70). С. 279–296

13. Ваньке А., Полухина Е. Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2018. № 3. С. 4–34

14. Vorobyev D., Campbell T., Anti-viruses and underground monuments: resisting catastrophic urbanism in Saint Petersburg // Mute. 2008. Vol. 2(8). P. 76–97

15. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО «Вариант», 2009. С. 67–81

Directions of modern research of the city and urban spaces

Garnaga A.F.

Pacific National University

In recent decades, the main research areas of the city have focused on different urban social processes. They are interdependent, occur in cities, at the same time can conflict with each other. In this case, the city can be described as a set of social processes that occur in it.

Such processes are characterized by other social and economic phenomena, such as the capitalization of urban space, the

implementation of mega-events and major infrastructure projects, intra-urban mobility of citizens, socio-spatial polarization, and others. Depending on the nature of these phenomena, different directions of modern study of the city are divided.

In science, a new vision is being formed that postulates the advantage of market factors in relation to the interests of citizens in the development of urban spaces and cities in general – "neoliberal urbanism". In Russia, the new vision reflects the tendency of cities to capitalize on their territories and relationships. At the same time, consumption, including cultural consumption, is considered an incentive for urban development. The processes of "neoliberal urbanism" give rise to another characteristic of the modern city – the intention to organize mega-events, such as sports Championships, Olympiads, international summits, and others. Another process that is typical for modern Russian cities and is studied by sociologists, architects, and geographers is the gentrification of urban spaces, which involves the development of buildings and territories through investment and subsequent fixing of the capital of business elites. Along with the above-mentioned processes, modern urban studies also show a shift in the focus of research from the traditional study of physical urban space, its processes and interaction of parts to the study of the mentality of this space, the features of its perception and modeling by citizens. Modern science is supplemented by works that focus on the perception of city spaces and its interaction with various parameters of the urban community. In this process, citizens' practices that are implemented on a permanent or cyclical basis in the process of interacting with the urban space become important factors. The research focuses on the processes of moving, living, and forming semiotic and memorable urban places. Some of their visual aspects are considered.

Keywords: "neoliberal urbanism", mega-events, urban environment, gentrification, urban space.

References

1. The social space of the big city / Ed. G.V. Eremicheva. SPb.: SI RAS branch of the Federal Scientific and Technical Center of the Russian Academy of Sciences, 2018. S. 392
2. Boltanski L., Chiapello E. The new spirit of capitalism. M.: New Literary Review, 2011. S. 974

3. Golubchikov O., Badyina A. Conquering the inner – city: Urban redevelopment and gentrification in Moscow // *The Urban Mosaic of Post – Socialist Europe*. New York: Physica – Verlag HD, 2006. P. 195–212
4. Golubchikov O. Urban planning in Russia: towards the market // *European Planning Studies*. 2004. Vol. 12. R. 229–247
5. Wilkovsky MB *The Sociology of Architecture*. M.: Russian Avant-Garde Foundation, 2010. S. 590
6. Kolosov V., Vendina O., O'Loughlin, J. Moscow as an emergent world city: international links, business developments, and the entrepreneurial city // *Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. R. 170–196
7. Muller M. Paradoxical performance: public opinion and the Olympics in Sochi // *The untouchable reserve*. 2013. No. 2 (88). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/m13.html> (accessed date: 02/12/2019)
8. Makarychev A. Russian Olympic discourses: the effects of unification and diversity // *The untouchable reserve*, 2013, 2 (88). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3426> (accessed September 13, 2019).
9. Galindabaeva V. V. Megacities in post-Soviet cities: neopatrimonial growth machines and the appropriation of state property // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2014. No 5. P. 126–140
10. Karbainov N. I. How property is seized in Olympic capitals: the Olympic Games in Sochi in a comparative perspective // *World of Russia: sociology, ethnology*. 2013a. No. 22 (1). S. 106–131
11. Galindabaeva V. V. Why does a leopard not like stray dogs? // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Specialist. issue "Sports mega-events in politics, society and culture." 2013. No. 5. P. 156–174
12. Makarova K. Post-industrialism, gentrification and the transformation of urban space in modern Moscow // *The untouchable reserve*. 2010. No. 2 (70). S. 279–296
13. Vanke A., Polukhina E. Territorial identity in industrial areas: cultural practices of factory workers and contemporary artists // *Laboratorium. Journal of Social Research*. 2018. No. 3. P. 4–34
14. Vorobyev D., Campbell T., Anti – viruses and underground monuments: resisting catastrophic urbanism in Saint Petersburg // *Mute*. 2008. Vol. 2 (8). R. 76–97
15. Semenova V. Mapping of urban space: the main approaches to visual analysis // *Visual anthropology: urban memory cards*. M.: Variant LLC, 2009. S. 67–81

Социокультурный портрет современного мемуариста (на примере авторов персональных текстов по истории томских деревень XX в.)

Гончарова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Томский государственный педагогический университет, gta.76@mail.ru

Грошева Галина Васильевна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Томский государственный педагогический университет; Национальный исследовательский Томский государственный университет, кафедра антропологии и этнологии, groshevagv@mail.ru

В работе выявляются основные черты социокультурного портрета автора мемуарных текстов по этнической истории деревень томского региона, создавших свои произведения в последней четверти XX – начале XXI в. На основе анализа биографических сведений дана характеристика «сельского» мемуариста по следующим параметрам: возраст, место рождения, принадлежность к группе сибирского населения, образование, профессия, наличие «писательского» опыта.

Ключевые слова: социокультурный портрет, мемуаристы, воспоминания, история деревень, Томская область.

Исследования мемуарных текстов стали неотъемлемой частью современных социальных и гуманитарных наук. Воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий на основе личных впечатлений, становятся ценным материалом для изучения различных аспектов жизни общества в его социально-политическом или культурном измерении. При изучении нарративных текстов специалисты неизбежно обращаются к биографическим сведениям об их авторах. Это обращение, прежде всего, продиктовано необходимостью внутренней критики источника, поиском ответа на вопрос об объективности излагаемых в нем сведений. Однако личность самого мемуариста, как правило, остается малоизученной. Кто он, автор персональных текстов? Каков «социокультурный портрет» современного мемуариста? Кто эти люди из «безмолвствующего большинства», решившие поведать нам о себе, своей семье, деревне?

Изучение персональных текстов как источников по этнической истории томских деревень спровоцировало интерес непосредственно к создателям мемуарных произведений, в которых так тонко отразились разные грани региональной истории. Не претендуя на выявление

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Этническая история томских деревень в XX в. сквозь призму персональных текстов местных жителей», № 18-49-700002.

комплексного социокультурного портрета мемуариста исследуемой группы текстов, в рамках статьи предполагается дать общую характеристику персоналий по следующим параметрам: возраст, место рождения, принадлежность к группе сибирского населения, образование, профессия, наличие так называемого «писательского» опыта.

В центре внимания оказались жители региона, создавшие свои произведения в последней четверти XX – начале XXI в., в которых в той или иной степени содержатся сведения об этнической истории томских деревень. Эти мемуарные тексты условно можно разделить на (авто)биографические нарративы, семейные истории и истории сел. Четкую грань провести между ними сложно: за семейной историей часто видна история деревни, а воспоминания о деревне наполнены сведениями об отдельных семьях и автобиографическими сюжетами [1, с. 115].

Назовем авторов наиболее заметных произведений. Уроженцем украинского села Чесноки (Бороковка) Асиновского района Томской области А.А. Малиновским была написана семейная история «Быль о родных» [2]. Жительница пос. Тимофеевка Тегульдетского района Томской области Е.Р. Харина, в 1930-е гг. сосланная ребёнком вместе с родителями в Сибирь, сочинила «поэму» о выселении в Сибирь и об обустройстве на новом месте [3]. Стоит отметить, что вышеназванные произведения имеют стихотворную форму. Ф.А. Юбин в своих воспоминаниях описал историю белорусских деревень в Первомайском районе от их основания в начале XX в. и до середины 1970-х

гг. [4]. Историю о детстве, деревенской жизни, школьных и студенческих годах поведала о своем «Автобиографическом очерке» Н.М. Бабуль [5]. В сочинении уроженца д. Пристань Каргасокского района Томской области И.К. Голещихина «Нарымские были» повествуется о родословной автора, истории его семьи, о жизни коренного и пришлого населения деревень Нарымского края [6]. История родной деревни Вороно-Пашня Асиновского района представлена в воспоминаниях Н.И. Михайлиной [7].

Прежде всего, стоит отметить, что создание социокультурного портрета автора-мемуариста значительно осложняет ограниченность биографических сведений о создателях персональных текстов, в большинстве своем уже ушедших из жизни. О некоторых из них информация не сохранилась ни у родственников, ни в официальных документах. По сути, основную часть данных о таких авторах удалось почерпнуть из самих мемуарных текстов. Для опубликованных произведений характерным является размещение на титульном листе издания кратких биографических сведений, например, таких как дата рождения, ключевые вехи трудовой биографии, общественное и государственное признание в виде наград и званий. Наиболее информативными, в силу жанра, оказались (авто)биографические нарративы. Однако содержащиеся в воспоминаниях биографические данные в полной мере не раскрывают личность мемуариста. Для получения дополнительной информации были проведены интервью с родственниками авторов, привлека-

лись материалы из средств массовой информации, а также размещенные в социальных группах в сети Интернет. В целом для создания коллективного портрета использовались сведения об авторах более двадцати персональных текстов, однако интересующие данные по каждому из них представлены весьма неравномерно.

Важной характеристикой социокультурного портрета является возраст мемуариста, создававшего свое произведение. Поиск этих сведений затруднен в связи с частым отсутствием информации о дате рождения авторов воспоминаний и времени создания воспоминаний. Несмотря на то, что мемуарный текст от замысла и до последней точки является персональным творчеством автора, он иногда упускает один из важных моментов – датировку своего творения. Проблема с определением времени написания воспоминаний (без авторской датировки) остается при работе, как с неопубликованными, так и с опубликованными текстами. Год публикации произведения, как правило, напрямую не свидетельствует о времени его создания [1, с. 110].

Даже при наличии сведений о дате рождения создателя мемуаров и авторской датировки текста остается только догадываться сколько времени ушло на обдумывание идеи произведения, размышления о его содержании, сборе и записи жизненных наблюдений, без которых невозможно появление столь оригинальных текстов. Так, И.К. Голещихин в интервью областной газете отметил, что «всегда был любознательным, подмечал интересное в жизни, прислушивался к лю-

дям, запоминал рассказы окружающих. И уже давно задумал когда-нибудь написать свою книгу» [8, с. 13].

Некоторые тексты стали результатом работы нескольких поколений, и их подготовка заняла не одно десятилетие. Так, воспоминания о роде Фокиных первым начал собирать Н.А. Фокин (1920-2009 гг.). К 1986 г. он составил схему родословной династии Фокиных. После его смерти дело продолжила племянница – В.М. Перебоева. На основе собранных данных она написала семейную историю, опубликованную в 2017 г. на сайте «Сибиряки вольные и невольные» [9].

Можно предположить, что сам процесс написания многих текстов занимал не один год, поскольку объем некоторых произведений весьма значителен – до 200-300 и более страниц [6; 10; 11].

Учитывая вышесказанное, рассуждения о возрасте авторов-мемуаристов приобретают некоторую условность. Тем не менее, попытаемся исходя из сведений о дате рождения и времени появления произведений определить их возраст. Согласно имеющимся данным, Е.Р. Харина создала свое произведение в 65-66 лет. Примерно в таком же возрасте появились мемуары у Ф.А. Юбина (за 65 лет), В.А. Веретено (66 лет), Н. Михайлиной (67 лет). Ближе к 70-ми годам написали воспоминания Р.М. Винокурова (68 лет) и В.И. Макуха (69 лет). Перешагнув 70-летний рубеж, взялись за перо В.К. Михалева (примерно 71 год), С.Х. Ситдикова (72 года), Н.М. Бабуль (72 года). В более зрелом возрасте доверили свои воспоминания бумаге А.А. Селевич (75 лет), И.К. Голещихин (76 лет),

А.В. Подсевных – (76 лет), Г.И. Игнатов (77 лет), Н.С. Сутулов (77 лет).

Как отмечают специалисты, мемуаротворческие интенции прежде всего связаны с возрастными особенностями. Как правило, преобладание ориентации на прошлое характерно для пожилого возраста (в среднем, старше 60 лет). Связано это не только с объективными процессами старения, но и с переносом акцента в деятельности личности на сохранение достигнутого. Пожилой человек обращён в прошлое, прожитое приобретает для него абсолютную значимость, процесс воспоминаний становится ценным сам по себе [См.: 12, с. 302].

Особое ощущение возраста в период написания мемуаров передают и сами авторы. «*А теперь дедушками стали*» [2, с. 23] – подчеркнул свой возраст в семейном повествовании А.А. Малиновский (сведений о времени создания его текста пока обнаружить не удалось). Возможно, выход на пенсию и появление свободного времени подтолкнули многих авторов взяться за написание воспоминаний, поделиться тем, что обдумывалось долгие годы.

За редким исключением рассматриваемые персоналии являлись уроженцами томских деревень. У большинства из них вся жизнь была связана с малой родиной, или, по крайней мере, с близлежащими населёнными пунктами. Основная часть покинувших родную деревню переехала в Томск и Северск, хотя среди новых мест жительства встречается и Москва.

Вне зависимости от жанра произведения авторы считают необходимым указать, к какой группе сибир-

ского населения по времени переселения они сами или их семья относятся – старожилам, переселенцам, спецпоселенцам. Иногда социальный статус или этническая принадлежность подчеркивались уже в названии нарративов: «Мои предки – вольные сибиряки» [13], «Судьбы белорусских семей Ярошевичей и Попко в Томской области» [14]. Причастность к старожильческой среде часто обозначается особой укорененностью в Сибири. Так, Н. Михайлина вспоминает своего деда, «осевшего на Вороно-Пашенских землях с незапамятных времен» [7, с. 39]. Для потомков пореформенных переселенцев характерно указание на места выхода предков и их этническую принадлежность. Довольно типично выглядит такой пример: «Мои дедушка и бабушка по отцовской линии, Макуха Павел и Матрена, в 1897 году одними из первых приехали в Сибирь из д. Сохачи Черниговской губернии» [13].

Стоит отметить, что среди авторов, родившихся в 1910-1920-е гг., встречаются жители однонациональных поселений, довольно распространённых в тот период в границах современной Томской области. Они выросли в среде бытования элементов традиционной культуры, национального языка, имели возможность посещать национальные школы. Так, А.А. Малиновский был уроженцем украинского села Чесноки (Бороковка) Асиновского района, а его родители были первопоселенцами. В 1930 г. там была открыта школа с преподаванием на украинском языке. Жителями белорусских деревень Ломовицк-1 и Петровск Первомайского района являлись Н.М. Бабуль, А.А. Селевич,

Ф.А. Юбин. В 1920-е гг. в этих деревнях действовали школы с преподаванием на белорусском языке.

Среди создателей исследуемых мемуарных текстов двое являются потомками спецпоселенцев. Как отмечалось выше, в начале 1930-х гг. в 8-летнем возрасте Е.Р. Харина с родителями была сослана в Сибирь в спецпоселок Тимофеевка. В.А. Веретено (1949 г.) родился в спецпоселке Захарково (Первомайский район) в семье спецпоселенца из Молдавии и мордвинки – спецпоселенки из Красноярского края, также сосланных в начале 1930-х гг.

Уровень образования у рассматриваемых авторов-мемуаристов варьирует от 7 классов школьного обучения до высшего образования и наличия кандидатской степени.

Трудовые биографии авторов персональных текстов весьма разнообразны. Приведем несколько наглядных примеров.

Представителем сельской интеллигенции являлся Ф.А. Юбин (1914-1987 гг.). Всю свою жизнь он посвятил педагогической деятельности. Долгие годы работал учителем, а потом и директором школ в д. Петровск, с. Зимовское, с. Ломовицк I Первомайского района Томской области.

А.А. Малиновский (1919-? гг.) после окончания школы Александр Андреевич учился в Асино и Томске. Работал учителем в Казанке, примерно в середине 1940-х гг. уехал в Москву.

А.А. Селевич (1919-? гг.) до войны окончил бухгалтерскую школу в Новосибирске. Всю жизнь проработал ревизором в Райпотребсоюзе с. Первомайское Первомайского района Томской области.

Достойный трудовой путь прошла Е.Р. Харина (1925-1995 гг.). Окончила 7 классов школы. Работала счетоводом в д. Красная горка, заведующей почтовым отделением в пос. Покровский Яр, д. Четь-Конторка Тегульдетского района.

Среди авторов встречаются специалисты сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, ветврачи, инженеры-механики и др.). Так, Н.М. Бабуль (1928-2014 гг.) в 1948 г. окончила Томский зооветтехникум, в 1953 г. – Новосибирский сельскохозяйственный институт. После окончания института работала в Новосибирской области, потом вернулась на родину в Первомайский район. В 1976 г. была назначена главным зоотехником управления сельского хозяйства Первомайского района.

Некоторые авторы прошли все этапы колхозной жизни от рядовых работников до руководящего состава. С разнорабочего начал свой трудовой путь в колхозе Г.И. Игнатов (1928-2011 гг.), в 1945 г. стал председателем сельского совета д. Цыганово Асиновского района. Позже он работал в лесной промышленности. До ухода на пенсию в 1989 г. был председателем райкома профсоюзов.

Н.С. Сутулов (1931 г.) окончил 7 классов школы, работал бухгалтером в колхозе им. Сталина Федораевского сельского совета, инструктором Шегарского райкома КПСС, секретарем парткома колхоза, управляющим Михайловской фермы совхоза «Россия». Был главным зоотехником колхоза «Гигант», председателем колхоза им. 50-летия Октября. В 1969 г. заочно окончил Омский сельскохозяйственный институт.

В.А. Веретено (1949 г.) родился в пос. Захарково Первомайского района Томской области. В 1969 г. окончил Томский машиностроительный техникум и получил специальность техник-технолог холодной обработки металлов. В 1972 г. переехал в Новосибирск, где 17 лет проработал на заводе им. Чкалова, прошел путь от мастера до начальника крупного цеха. В 1989 г. одержал победу на выборах директора швейной фабрики «Северянка». Окончил Высшую школу управления им. Шверника. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию, получив степень кандидата технических наук.

Среди тех, кто покинул малую родину и перебрался в город встречаются работники общепита, торговли, коммунальных служб, управленцы.

Осмысление социокультурных характеристик коллективного портрета сельского мемуариста невозможно без обращения к так называемому «писательскому» опыту. Большинство из рассматриваемых авторов написали по одному произведению. Однако есть и исключения. Из-под пера И.К. Голещихина буквально одна за другой вышли две книги воспоминаний: в 2015 г. – «Нарымские были», в 2017 г. – «Это было недавно». Н.С. Сутулов является автором нескольких произведений: «Воспоминание», «Судьба», «Они сражались за Родину», «Прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего» [15].

Богатый писательский опыт у рассматриваемых в статье создателей мемуарных текстов скорее исключение. Так, например, автором воспоминаний о селе Цыганово Зырянского района является Г.И. Игнатов – биограф писателя Георгия

Маркова, – много лет занимавшийся краеведением. На его счету более 250 заметок, краеведческих статей, очерков о жизни и творчестве писателей и художников [16].

Однако опыт краеведческой работы, увлечение поэзией, в более скромных масштабах по сравнению с творческой деятельностью Г.И. Игнатова, встречается и у других авторов. Долгие годы изучением родной деревни Ломовицк занимался А.А. Селевич. Его усилиями была составлена карта расположения ломовицких хуторов, а также «Списки исчезнувших деревень Первомайского района». Все эти материалы хранятся в Первомайском районном краеведческом музее [17, с. 134]. Как вспоминают родственники, он обладал отличной памятью, по натуре был хорошим рассказчиком [18].

Занятие поэзией стало неотъемлемой частью жизни Н. Михайлиной, написавшей воспоминания о родном селе Вороно-Пашня Асиновского района Томской области. В предисловии к своей книге она поделилась: «Вышла замуж, родила сына и дочь, и ... писала стихи. Работала, служила людям, и ... писала стихи. Ушла на пенсию: дом, муж, дети, внуки, собаки, кошка... Много друзей, любимых друзей, сестры, родственников много – всех люблю, и ... пишу стихи. (...) А недавно попробовала себя и в прозе – что получилось, почитаете, сами рассудите» [7, с. 5-6.].

Известно, что некоторые авторы не посвящали своих близких в процесс написания. Так, сын Е.Р. Харин, Василий Иванович Харин вспоминает: «Написала, а потом говорит: "Почитайте!". Втихаря писала» [18]. В других случаях родственники

знали о создании мемуарных текстов. Брат А.А. Селевича, Виктор Антонович Селевич рассказал, что тот делился с ним написанным, читал ему [18].

Для некоторых авторов создание персонального текста стало продолжением общественной работы по сохранению памяти о своих предках и малой родине. Так, усилиями уроженца пос. Захарково В.А. Веретено в память о родителях и всех жителях деревни в 2012 г. был установлен поклонный крест. Массивный пятиметровый крест с надписью: «Спаси и сохрани» стоит на въезде в пос. Улу-Юл, а второй – у пос. Захарково. В 2013 г. был установлен и памятный камень с надписью «Эта дорога когда-то вела в поселок Захарково, основанный спецпереселенцами в 1930 г. Путник, остановись! Вспомни тех, кто когда-то родился, жил, учился, работал в поселке Захарково. Поклонись их памяти!». В 2015 г. появился документальный фильм о пос. Захарково, а затем и книга «Жили были в Захарково» [19].

Осмысление так называемого «писательского опыта» у рассматриваемых авторов показывает, насколько разными были причины, побудившие людей поведать историю своей жизни, семьи, родной деревни. Для мемуаристов, которые были свидетелями трагических событий, например, раскулачивания и выселения, воспоминания о травматическом опыте – это способ преодоления его последствий, связанный с социальной, поколенческой идентичностью [20, с. 26]. Для сельской интеллигенции советского периода написание мемуаров можно считать своего рода продолжением их просветительской деятельности

на селе. Для людей, занимающихся краеведческой работой, творчеством, общественной деятельностью, создание персонального текста стало новым этапом их личной самореализации.

Итак, мы видим сколь сложна и многогранна личность авторов, оставивших воспоминания об истории томских деревень XX в. Все они являются уроженцами и жителями тех мест, о которых ведут повествование. Мемуарные тексты были написаны ими в уже пожилом возрасте.

Среди создателей мемуарных текстов – представители различных переселенческих потоков (потомки старожилов, пореформенных переселенцев и дети спецпоселенцев). Очевидно, что мотивы, взявших за перо сельских мемуаристов различаются в зависимости от истории «вхождения» их семьи в сибирский социум. Для детей спецпоселенцев написание воспоминаний может трактоваться как опыт преодоления прошлого.

Авторы воспоминаний – это люди с разной трудовой биографией: рядовые работники, сельская интеллигенция, советская сельская номенклатура. Некоторые из них, долгие годы отдавшие работе, заслужили высокое общественное признание, государственные награды и почетные звания. В творческом багаже основной части авторов один мемуарный текст, хотя некоторые из них до написания воспоминаний могли активно заниматься краеведческой работой и творческой деятельностью.

Поиск биографических данных об авторах мемуарных текстов по истории томских деревень еще раз показал, что сведения о конкретных

людях могут потеряться. Однако созданные ими произведения становятся не только частью семейного наследия, но и источником формирования и поддержания коллективной культурно-исторической памяти населения томского региона.

Литература

1. Гончарова Т.А. Грошева Г.В. Персональные тексты жителей деревень Томской области последней четверти XX – начала XXI в. в дискурсе этнической истории: общая характеристика и систематизация // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 2(47). 2019. Том 9. С. 107-119.
2. Малиновский А.А. Быль о родных // Личный архив Т.А. Гончаровой. 24 с.
3. Харина Е.Р. [Без названия] // Семейный архив В.И. Харина. 12 л.
4. Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны и педагогического труда Юбина Флегонта Афанасьевича // Первомайский районный краеведческий музей. [б.н.]. 157 с.
5. Бабуль Н.М. Автобиографический очерк // Муниципальный архив администрации Первомайского района Томской области. Ф. 91. Оп. 1. Д 3. 20 л.
6. Голещихин И.К. «Нарымские были». –Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2015. 274 с.
7. Михайлина Н. Дорога домой: книжка о родном селе Вороно-Пашня. Томск: [б.и.], 2016. 60 с.
8. Чайковская О. Написать свою судьбу... // Губернские новости. 2016. № 1 (125). С. 13.
9. Фокин Н.А., Перебоева В.М. О роде Фокиных. 2017 [Электронный ресурс] // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. – URL: <https://сибиряки.онлайн/documents/fokiny/> (дата обращения: 18.10.2018).
10. Веретено В.А. Жили были в Захарково. Новосибирск: Приобские ведомости, 2015. 352 с.
11. Селевич А.А. Марьянины внуки: биографическая повесть. Томск: [б.и.], 2003. 338 с.
12. Казакова Е.А. Некоторые аспекты внутренней критики источников мемуарного характера в биографических исследованиях // Документ в системе социальных коммуникаций: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Томск, 25–26 октября 2007 г.). Томск: Томский государственный университет, 2008. С. 301-305.
13. Макуха В.И. Мои предки – вольные сибиряки. 2015 [Электронный ресурс] // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. – URL: <https://сибиряки.онлайн/documents/moi-predki-volnye-sibiryaki/> (дата обращения: 15.12.2019)
14. Чураева В. Судьбы белорусских семей Ярошевичей и Попко в Томской области. 2016 [Электронный ресурс] // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. – URL: <https://сибиряки.онлайн/documents/sudby-belorusskih-semej-yaroshevichej-i-popko-v-tomskoj-oblasti/> (дата обращения: 18.10.2018).
15. «Прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего...» [Электронный ресурс] // Новости. Шегарская межпоселенческая централизованная библиотечная система. – URL: <https://sheg>

biblio.tom.muzkult.ru/news/17456935 (дата обращения: 22.12.2019).

16. Игнатов Г.И. Далекое и близкое. Очерки. Воспоминания. Асино: ОАО «Издательство Асиновское», 2005. 223 с.

17. Савченко Е.Ю. Фонды муниципальных и музейных архивов для изучения белорусов Томской области / Е. Ю. Савченко // IV Всероссийский фестиваль науки: XVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». 21–25 апреля 2014 г.: в 5 т. Томск: Издательство ТГПУ, 2014. Т. IV : История. Философия. Культурология. Социальные науки. Ч. 1: История. Культурология. С. 131–135.

18. Полевые материалы Г.В. Грошевой, 2019 г.

19. Василий Веретено: «Тот, кто забывает историю, не имеет будущего» [Электронный ресурс] // Освоение заброшенных деревень. Общее дело. – URL: https://vk.com/wall-78559590_95297 (дата обращения: 22.12.2019).

20. Разумова И.А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. С. 14–28.

Socio-cultural portrait of a modern memoir writer (on the example of authors of personal texts about the history of Tomsk villages in the twentieth century)

Goncharova T.A., Grosheva G.V.

Tomsk State Pedagogical University

The paper reveals the main features of the socio-cultural portrait of a writer of memoirs on the ethnic history of villages in Tomsk region. These writers created their works in the last quarter of the 20th and beginning of the 21st century. Based on the analysis of biographical information, a characteristic of the "rural" memoir writer is given according to the following parameters: age, place of birth, affiliation to the Siberian population,

education, profession, and the presence of "writing" experience.

Keywords: socio-cultural portrait, memoir writers, memories, history of villages, Tomsk region.

References

1. Goncharova T.A. Grosheva G.V. Personal texts of residents of the villages of the Tomsk region of the last quarter of the XX - beginning of the XXI century. in the discourse of ethnic history: a general description and systematization // Questions of national and federal relations. Issue 2 (47). 2019. Vol. 9. P. 107-119.
2. Malinovsky A.A. The Story of Relatives // T.A. Personal Archive Goncharova. 24 sec
3. Harina E.R. [Untitled] // V.I. Family Archive Harina. 12 l
4. Memoirs of a veteran of the Great Patriotic War and pedagogical work of Yubin Flegont Afanasevich // Pervomaisky Regional Museum of Local Lore. [bn]. 157 p.
5. Babul N.M. Autobiographical essay // Municipal archive of the administration of Pervomaisky district of Tomsk region. F. 91. Op. 1. D 3. 20 liters.
6. Goleshikhin I.K. "Narymsky were." –Tomsk: Ivan Fedorov Publishing House, 2015. 274 p.
7. Mikhaylina N. The way home: a book about the native village of Vorono Pashnya. Tomsk: [b.i.], 2016. 60 p.
8. Tchaikovskiy O. Write your fate ... // Provincial news. 2016. No. 1 (125). S. 13.
9. Fokin N.A., Pereboeva V.M. About the Fokins. 2017 [Electronic resource] // Siberians free and involuntary: site of the memorial project. - URL: <https://sibiryaki.online/documents/fokiny/> (accessed: 10/18/2018).
10. Vereteno V.A. We lived in Zakharkovo. Novosibirsk: Priobskie Vedomosti, 2015. 352 s.
11. Selevich A.A. Marjan grandchildren: a biographical story. Tomsk: [b.i.], 2003. 338 s.
12. Kazakova E.A. Some aspects of internal criticism of memoir-based sources in biographical research // Document in the system of social communications: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (Tomsk, October 25–26, 2007). Tomsk: Tomsk State University, 2008. S. 301-305.
13. Makukha V.I. My ancestors are free Siberians. 2015 [Electronic resource] // Siberians free and involuntary: site of the memorial project. - URL: <https://sibiryaki.online/documents/fokiny/>

- [//sibiryaki.online/documents/moi-predki-volnye-sibiryaki/](https://sibiryaki.online/documents/moi-predki-volnye-sibiryaki/) (accessed: 12/15/2019)
14. Churaev V. The fate of the Belarusian families of Yaroshevichi and Popko in the Tomsk region. 2016 [Electronic resource] // Siberians free and involuntary: site of the memorial project. - URL: <https://sibiryaki.online/documents/sudby-belorusskih-semej-yaroshevichej-i-popko-v-tomskoj-oblasti/> (accessed 10/18/2018).
 15. "The past, stored in memory, is part of the present ..." [Electronic resource] // News. Shegar inter-settlement centralized library system. - URL: <https://sheg-biblio.tom.muzkult.ru/news/17456935> (accessed: 12/22/2019).
 16. Ignatov G.I. Far and near. Essays. Memories. Asino: Asinovskoye Publishing House OJSC, 2005.223 s.
 17. Savchenko E.Yu. Funds of municipal and museum archives for the study of Belarusians of the Tomsk Region / E. Yu. Savchenko // IV All-Russian Festival of Science: XVIII International Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists "Science and Education". April 21–25, 2014: in 5 volumes. Tomsk: Publishing House of TSPU, 2014. T. IV: History. Philosophy. Culturology. Social sciences. Part 1: History. Culturology. S. 131–135.
 18. Field materials G.V. Grosheva, 2019
 19. Vasily Vereteno: "He who forgets history has no future" [Electronic resource] // Development of abandoned villages. Common cause. - URL: https://vk.com/wall-78559590_95297 (accessed: 12/22/2019).
 20. Razumova I.A. Family factor of integration of the historical community of special settlers // Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2018.S. 14–28.

Потребности клиента, как ключевой фактор трансформации традиционных бизнес-моделей на современных рынках на примере банковского сектора

Дроздов Дмитрий Игоревич,
аспирант, кафедра социологии организаций
и менеджмента, МГУ им. М.В. Ломоносова,
c4_vts@mail.ru

Современный рынок банковских услуг в России отличается высокой динамичностью экономических и технологических процессов. В связи с этим меняется и поведение потребителей банковских услуг. Современный потребитель хочет получать любую услугу дистанционно и таким способом, каким ему удобно. Соответственно банкам, долгое время бывшим традиционными архаичными бюрократическими организациями, пришлось менять свое поведение на рынке, выходя в Интернет. Глобализация рынков и стремительное развитие технологий усилили рыночную власть потребителей и обострили конкуренцию на банковском рынке, заставив банки коренным образом изменить свои бизнес-модели, подстроив их под изменившихся потребителей.

Ключевые слова: потребительский опыт, клиентоориентированность, цифровизация, управление изменениями в организации, конкурентоспособность, бизнес-процесс.

Тема клиентского опыта и пути клиента является относительно новой для российского бизнеса. Начав развиваться в своем современном виде относительно недавно, в начале девяностых годов, российский бизнес уже прошел некоторые эволюционные этапы и сегодня можно сказать, что в России сложилась рыночная экономика. Потребители также приобрели рыночную власть во многих отраслях бизнеса и могут влиять на предложение тех или иных товаров. Данный факт, а также то, что постоянно развивающаяся цифровая эпоха дает клиентам больше возможностей выбора и предопределяет их ожидания, позволяет утверждать, что уже сегодня от того, насколько хорошо бизнес культивирует положительные эмоциональные связи с клиентами, будет зависеть его успех на рынке.

Клиенты в последние годы были готовы предоставить компаниям доступ к большому количеству данных о себе. Чтобы установить правильную эмоциональную связь, компании должны глубоко понимать и сопереживать клиентам, а также уметь распознавать и соотносить их мотивы, потребности, желания, поведение и намерения. В то же

время быстрый рост сегмента онлайн-коммерции значительно увеличил их рыночную власть и уменьшил затраты на переход к конкурентам. Как результат, клиенты ожидают, что бренды действительно знают их и то, что они любят и не любят. Как только они почувствуют, что организация не учитывает их желания и потребности и не прислушивается к их мнению, они быстро уйдут к конкурентам. Почти каждый клиент сталкивался с плохой персонализацией. Поэтому, когда потребитель чувствует, что организация слушает, слышит и понимает его, он, вероятно, вернется к ней еще не раз.

Рэймонд Джоабар, исполнительный вице-президент платежной системы American Express, утверждает, что «все больше компаний понимают, что забота о клиентах – это не просто правильная вещь; она также имеет большой бизнес-смысл. Семь из десяти американских потребителей говорят, что они потратили больше денег только для того, чтобы вести бизнес с компанией, которая предоставляет отличный сервис». В этом отношении в России ситуация уже не сильно отличается от США и можно с уверенностью утверждать, что в ближайшие годы потребители будут единодушны в своих приоритетах.

Нынешнее состояние клиентского опыта в организациях обусловлено как изменениями в работе специалистов по клиентскому опыту, так и в росте важности их роли в организации и успешности бизнеса. Рентабельность инвестиций даже при незначительном увеличении ключевых показателей клиентского опыта (CSI – Customer Satisfaction Index и NPS – Net

Promoter Score) продолжает оставаться значительной.

CSI – индекс удовлетворенности потребителей. Ключевой вопрос, на который помогает ответить этот показатель – насколько довольны организацией клиенты? CSI измеряется ежеквартально для «точек контакта» — офисов обслуживания, контакт-центра и каналов продаж – и также позволяет оценить уровень удовлетворенности и лояльности клиентов по 10-балльной шкале. Ключевые параметры, которые анализируются в рамках исследования – оценка работы сотрудника, удобство процессов обслуживания, уровень предоставляемых продуктов и услуг, оценку работы систем и офисов.

NPS – индекс клиентской лояльности. Он измеряется ежеквартально (реже ежемесячно) и показывает, насколько клиенты готовы рекомендовать услуги и продукты организации по 10-балльной шкале. На NPS влияет абсолютно все, с чем сталкивается клиент в процессе обслуживания. При этом клиенты, поставившие оценку от 0 до 6 считаются критиками, 7, 8 – нейтралами и 9, 10 – промоутерами организации. Итоговый индекс NPS высчитывается по следующей формуле: $NPS = \% \text{ промоутеров} - \% \text{ критиков}$. Также возможно отдельно считать NPS, сегментируя клиентов по различным признакам: возрасту, городу проживания, «точкам контакта», типу продукта, которым пользуется клиент...

Для крупного розничного продавца улучшение на 1 пункт может привести к дополнительному увеличению дохода на 244 миллиона долларов, в то время как снижение показателя клиентского опыта может

столь же резко сократить выручку и прибыль. Исследование показало, что счастливые клиенты платят больше за те же продукты и услуги. При этом 56% потребителей признают, что они всегда открыты для тестирования новых брендов, продуктов и услуг. Это число составляло всего 39% всего за 10 лет тому назад. Не говоря уже о том, что приобретение нового клиента обходится на 500% дороже, чем сохранение текущего. [1]

Согласно недавнему исследованию ForresterResearch [2], 86 процентов респондентов считают опыт работы с клиентами стратегическим приоритетом. В пятилетнем исследовании, сравнивавшем показатели потребительского опыта с производительностью акций, была выявлена 70-процентная разница между лидерами и отстающими.

Поскольку ожидания клиентов так сильно изменились и появились новые цифровые технологии, организациям необходимо менять свою структуру. Старые классические принципы устройства бюрократической организации больше не позволят организации быть конкурентоспособной. Поэтому сегодня каждая компания пытается построить более глубокие отношения со своими клиентами. Каждому подразделению организации нужно иметь то единое представление о клиенте, чтобы при взаимодействии с этим клиентом, будь то онлайн, по телефону или лицом к лицу, вы знали, кто они и что им нравится. Привлечение всех к совместной работе, достижению общих целей и согласованию показателей успеха в рамках новых принципов работы организации неизбежно приводит к радикальным изменениям отдельных

лиц, групп, команд и, как следствие, всей организации. Управление изменениями может помочь компаниям контролировать потенциальное сопротивление таких изменений.

К примеру, в партнерстве между подразделениями маркетинга и продаж нужно убедиться, что у организации есть прозрачность и видимость того, что каждый из них делает на пути к общей цели. Например, раньше у команд продаж всегда было ощущение, что маркетинг непрозрачен и инвестиции в них неочевидны. Сегодня философия многих успешных компаний полностью трансформировалась, поскольку они поняли, что деятельность внутри должна быть полностью прозрачной и показывать инвестиции, которые они делают по сегментам, регионам и даже по отдельным маркетинговым кампаниям. В этой связи интересен пример компании StanleyBlack&Decker, которая традиционно являлась компанией, производящей инструменты. И изначально можно подумать, что это настолько традиционная и узкоспециализированная отрасль бизнеса, что в ней крайне тяжело обеспечить большую ценность для клиентов. Однако они создали специальную кнопку SOS прямо в гаечном ключе. К примеру, когда клиенты забывают заблокировать панель инструментов, она предупреждает вас через мобильное приложение. Таким образом, то, что раньше было одноразовым опытом, когда вы продавали продукт, становится постоянным взаимодействием с клиентом через использование им этого продукта.

Реальные и длительные изменения происходят только тогда, когда

сотрудники меняют свое мышление, убеждения и привычки. Хотя может быть легко признать необходимость изменений, воплощение их на практике – гораздо более сложная задача.

Люди, по своей природе, устойчивы к изменениям. Сопротивление принимает различные формы: нежелание осваивать новую систему, несогласие с управленческими решениями и неготовность принимать меняющиеся требования к работе. Это основная причина провала инициатив предприятий.

Неопределенность может расти, когда руководство нанимает консалтинговые организации для поддержки изменений. Секретность и отсутствие коммуникации еще больше способствуют распространению слухов внутри организации, поскольку сотрудники начинают опасаться, когда чувствуют, что руководство скрывает от них информацию.

Наиболее известная модель управления изменениями была разработана Джоном Коттером, который создал модель восьми-ступенчатых изменений.

1. Создать атмосферу срочности (изучив рыночную ситуацию, конкурентные позиции компании; выявив и проанализировав реальные и потенциальные кризисы, благоприятные возможности).

2. Сформировать влиятельные команды реформаторов (объединив усилия влиятельных сотрудников, агентов перемен; поощряя деятельность участников сформированной команды).

3. Создать видение будущего, которое наступит в результате изменений (создавая образ желаемого будущего с целью повышения активности

сотрудников; разработав стратегию достижения видения).

4. Информирование сотрудников (используя доступность изложения, метафоры, аналогии, примеры моделей нового поведения команды реформаторов).

5. Устранение преград для превращения нового видения в жизнь (устраняя блокирующие новое поведение препятствия; изменяя структуры и обязанности, противоречащие новому видению; поощряя творческий подход и готовность рисковать).

6. Спланировать и достичь первых результатов (планируя обязательные первые шаги; вознаграждая и пропагандируя первые успехи, которые будут мотивировать сотрудников).

7. Закрепить первые достижения и расширить преобразования (создавая атмосферу доверия к новым подходам; проводя кадровые перестановки; распространяя успешный опыт по всей организации).

8. Фиксация изменений (формализуя правила поведения; выстраивая взаимосвязь между результатами и вознаграждениями; создавая условия развития для новых качеств сотрудников).

Реальные и длительные изменения происходят только тогда, когда сотрудники меняют свое мышление, убеждения и привычки. Хотя может быть легко признать необходимость изменений, воплощение их на практике - это совершенно другая история.

Люди, по своей природе, устойчивы к изменениям. Сопротивление принимает различные формы: нежелание осваивать новую систему, несогласие с управленческими решениями и неопределенность в отношении меняющихся требований к

работе, в том числе и к безопасности работы. Это основные причины провала инициатив предприятий. Неопределенность может расти еще больше, когда руководство нанимает внешних "экспертов" в виде консалтинговых компаний для поддержки программы изменений в организации. Секретность и отсутствие коммуникаций с рядовыми сотрудниками еще больше способствуют инакомыслию, поскольку сотрудники психологически начинают бояться руководства, скрывающего информацию.

Наиболее явно за последние годы изменения, связанные с клиентским опытом видны по банковскому сектору. Интересен пример крупнейшего в Юго-Восточной Азии банка DBS, который начал цифровую трансформацию в конце 2013 года. Для улучшения процессов в банке использовали программу PIE (Process Improvement Event). Методология программы предусматривала ряд четко определенных шагов: оценку текущего состояния, выявление потерь, определение желаемого будущего состояния, выработку плана действий, подготовку документации и анализ.

Тем не менее, многие члены правления банка из клиентских подразделений считали мероприятия PIE головной болью операционных подразделений: в этих процессных мероприятиях делался акцент на повышении эффективности, и поэтому, по их мнению, ими должны были заниматься сотрудники операционного департамента. Также опасения вызывал тот факт, что методология PIE навязывала проектным группам подход «изнутри-наружу»: проектная группа сначала анализировала текущий внутренний процесс, а затем обдумывала способы

его совершенствования для повышения качества обслуживания клиентов. Этому подходу, по их мнению, были присущи серьезные ограничения, учитывая, что поведение и ожидания клиентов в современном мире меняются очень быстро.

Поэтому департамент операционной деятельности и технологий взялся за проработку клиентских путей. Схемы цикла взаимодействия с клиентами, акцентировавшие понимание поведения, потребностей и эмоций клиентов, должны были помочь определить масштаб клиентской проблемы и, отталкиваясь от этого, спроектировать новый процесс, который был бы для клиента более удобным. Так основным понятием концепции стало не «совершенствование процессов», а «клиентоориентированность». Это помогло изменить отношение к программе в банке: была устранена разобщенность функциональных подразделений, и уже никто не считал, что процессы – это обязанность операционного департамента, а клиенты – прерогатива бизнес-подразделений.

Также важным фактором сохранения конкурентоспособности на банковском рынке сегодня является цифровизация продуктов и услуг. Цифровые технологии влияют на все аспекты жизни: из-за цифровизации коренным образом меняется и бизнес-среда. Благодаря цифровизации компании меняют способы взаимодействия с клиентами, предложения им товаров и услуг; это, в свою очередь, повышает эффективность и ведет к дальнейшим инновациям. Чтобы сохранить конкурентоспособность, компаниям приходится радикально меняться. Авторы доклада «Цифровая трансформация

ция» для Всемирного экономического форума отзываются по этому поводу так: «Стать цифровым предприятием – это не просто вложиться в самые современные цифровые технологии. Компаниям также придется искать новые бизнес-модели, коренным образом переосмысливать принципы своей работы, по-новому привлекать и удерживать сотрудников, необходимых для работы в цифровой эре, и взглянуть другими глазами на то, как измеряется успех бизнеса».

Цифровая революция затронула все уровни банковской отрасли. Запросы клиентов растут, клиенты меняют свои предпочтения по способам связи с банками и по потреблению банковских услуг. С новыми цифровыми технологиями у банков появились новые возможности кардинальной перестройки бизнес-моделей, создания цифровых платформ для клиентов, вывода новых продуктов. [3]

В данной области показателен пример банка ING. В марте 2017 года президенту ING Group Ральфу Хамерсу предстояло решить, как преодолеть множество проблем, связанных с цифровизацией. Для понимания будущего ING и банковского сектора в целом необходимо было осмыслить 2 цифры:

1) В 2016 году 98% контактов банка с розничными клиентами осуществлялось через цифровые каналы;

2) За 2016 год интенсивность использования мобильных каналов клиентами – физическими лицами выросла более чем на 50%. [4]

Понимая все это, Хамерс в начале 2017 года объявил, что с целью дальнейшего улучшения сервиса и ускорения роста банк вложит

в продолжение своей цифровой трансформации 800 миллионов евро. Главной угрозой для банка являлось продолжение цифровой революции, так как ING столкнулся с растущей конкуренцией со стороны новых для банковского рынка финтех-компаний. Также, после финансового кризиса 2008 года отношение к финансовому сектору в целом ухудшилось, а государственное регулирование ужесточилось.

Трансформация в ING и решение выделить на цифровизацию 800 миллионов евро преследовали одну цель: улучшить обслуживание клиентов с помощью комплексной цифровой платформы, способной удовлетворить все их финансовые потребности и дать им инструмент, облегчающий финансовое планирование и принятие финансовых решений. Например, в 2016 году в Испании был запущен бесплатный сервис «Мой финансовый советчик». Он помогал клиентам создавать персональные сберегательные, инвестиционные и пенсионные планы. В Польше ING выпустила приложение потребительского кредитования с глубокой аналитикой, благодаря которой заявку от клиента банка на кредит можно было рассмотреть за несколько минут. Такие же инструменты банк разработал для клиентов в Бельгии, Франции и Нидерландах. Не менее интенсивно шла трансформация и в корпоративном блоке банка, расширявшем сферу применения цифровой бизнес-платформы «InsideBusiness» - единой точки доступа ко всем финансовым операциям корпоративного клиента.

Таким образом среди всех направлений цифровой трансформации в ING выделялось 3:

1) Повышение удовлетворенности клиентов от работы с банковским приложением с учетом их новых привычек и потребностей. Хамерс был убежден: где бы ни был человек, банк всегда должен быть рядом.

2) Взаимодействие с финтех-организациями. Хамерс считал, что банку не уйти от противостояния с этими новыми конкурентами, но при этом у них можно многому научиться: в частности, более удобному и простому для клиента решению личных финансовых вопросов.

3) Определение роли новых технологий и инноваций в будущем банка. Поскольку понятие банковского обслуживания сегодня уходит от людей, которые знают все о конкретном продукте, к технологии. Один банк отличается от другого тем, насколько доволен клиент. И это важно потому, что сегодня удовлетворенность клиента абсолютно «цифровая»: все должно быть быстро и легко, а информация должна предоставляться в реальном времени. Нынешний клиент хочет мгновенного решения своего вопроса, он к этому уже привык. Это ему дают современные цифровые гиганты, такие как Facebook или Яндекс – мгновенную удовлетворенность.

Тема пути клиента и клиентского опыта сегодня является основной почти для всех современных организаций. Также важно отметить, что сегодня в каждом из 10 крупнейших банков России есть подразделение, отвечающее за потребительский опыт и предоставление первоклассного сервиса клиентам. Сохранить

доверие клиентов, улучшить предоставляемый им сервис и продукты – сегодня такие или подобные им цели являются первыми в стратегии каждого крупного банка.^{1,2} Даже такой традиционный рынок, как банковский, за последние десятилетия, вследствие развития цифровых технологий, давших гораздо больше власти потребителю, подвергся серьезной трансформации и банки начинают инвестировать огромные суммы в улучшение клиентского опыта и изменение бизнес-процессов для предоставления лучшего сервиса клиентам. И главным фактором, обеспечивающим конкурентное преимущество на банковском рынке сегодня, является уже не столько конкретный продукт или услуга, сколько уровень сервиса и, соответственно, качество опыта клиента.

Литература

1. Light On The Horizon: The State Of Customer Experience Quality. Forrester Research Inc., 2019 – URL: https://go.forrester.com/cx-index-2019/?utm_source=forrester_pros&utm_medium=web&utm_campaign=cxindex19&utm_content=button (дата обращения: 20.01.2020).

2. <https://www.go.forrester.com> (дата обращения: 21.01.2020).

3. Digital Transformation of Industries. Demystifying Digital and Securing \$100 Trillion for Society and Industry by 2025, 2016 – URL: <https://reports.weforum.org/digital-transformation/wp-content/blogs.dir/94/mp/files/pages/files/wef1601-digitaltransformation->

¹ https://www.vtb.ru/-/media/Files/aktsioneram-investoram/raskrytie-informatsii/godovoi-otchet/VTB_AR2018_RUS_06

² <https://2018.report-sberbank.ru/>

1401.pdf (дата обращения 13.01.2020)

4. <https://www.ing.com/web/file?uid=85dd95ab-b69f-43da-9d04-4e2d54e53c6a&owner=b03bc017-e0db-4b5d-abbf-003b12934429&contentid=42780> (дата обращения: 20.01.2020)

5. European private banking: An inescapable call for action – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/european-private-banking-an-inescapable-call-for-action> (дата обращения: 15.01.2020).

6. D. Court, D. Elzinga, S. Mulder, O. Jørgen Vetvik “The consumer decision journey” – URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/marketing-and-sales/our-insights/the-consumer-decision-journey> (дата обращения: 21.01.2020).

7. Бабышев В. Ю., Огунлана Айоделе Олударе «Клиентоориентированность банков в современных условиях» // Векторы благополучия: экономика и социум. 2018. №4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kliento-orientirovannost-bankov-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 21.01.2020).

Customer needs as a key factor in the transformation of traditional business models on today's markets: banking industry examples

Drozdov D.I.

Lomonosov Moscow State University

The modern banking services market in Russia is highly dynamic in economic and technological processes. In this regard, the behavior of banking services consumers is changing. A modern consumer wants to receive any service remotely and in a way that is convenient for him. Accordingly, banks, long time former traditional archaic bureaucratic organizations, had to change

their behavior in the market by going online. Globalization of markets and the rapid development of technology have strengthened the market power of consumers and have intensified competition in the banking market, forcing banks fundamentally change their business models, adjusting them to changing consumers.

Key words: customer experience, customer focus, digitalization, change management, competitiveness, business process.

References

1. Light On The Horizon: The State Of Customer Experience Quality. Forrester Research Inc., 2019 - URL: https://go.forrester.com/cx-index-2019/?utm_source=forrester_pros&utm_medium=web&utm_campaign=cxindex19&utm_content=button (accessed: 01.20.2020).
2. <https://www.go.forrester.com> (accessed: 01/21/2020).
3. Digital Transformation of Industries. Demystifying Digital and Securing \$ 100 Trillion for Society and Industry by 2025, 2016 - URL: <https://reports.weforum.org/digital-transformation/wp-content/blogs.dir/94/mp/files/pages/files/wef1601-digitaltransformation-1401.pdf> (accessed date 01/13/2020)
4. <https://www.ing.com/web/file?uid=85dd95ab-b69f-43da-9d04-4e2d54e53c6a&owner=b03bc017-e0db-4b5d-abbf-003b12934429&contentid=42780> (accessed: 01.20.2020)
5. European private banking: An inescapable call for action - URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/european-private-banking-an-inescapable-call-for-action> (Date of appeal: 01/15/2020).
6. D. Court, D. Elzinga, S. Mulder, O. Jørgen Vetvik “The consumer decision journey” - URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/marketing-and-sales/our-insights/the-consumer-decision-journey> (accessed: 01/21/2020).
7. Babyshev V. Yu., Ogunlana Ayodele Oludare, “Client orientation of banks in modern conditions” // Well-being vectors: economics and society. 2018. No4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kliento-orientirovannost-bankov-v-sovremennyh-usloviyah> (accessed: 01.21.2020).

Сравнительный анализ режимов трудоустройства китайских и российских отставников

Жэн Хуаньхуань,
аспирант Цзянсуский педагогический университет, 15162269651@mail.ru

Цзян Суй,
аспирант, Цзянсуский педагогический университет, 15162269651@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы режимов трудоустройства китайских и российских отставных военнослужащих, отмечаются особенности роли органов государственной власти Российской Федерации и Китайской Народной Республики в регулировании рынка труда путем обеспечения занятости отставных военных через организацию их профессиональной переподготовки и обучения по различным направлениям профессиональной деятельности, которые наиболее востребованы отраслями экономики двух стран. Исследуется деятельность российских и китайских органов государственной власти на территории своих стран, которые берут на себя основную функцию обеспечения трудоустройства отставных военных, связанную с удовлетворением потребностей рынка труда. Анализируются Государственные программы КНР и РФ, направленные на решение вопросов занятости отставных военнослужащих, которые активно поддерживают коммерческие предприятия в обеих странах и в которые активно включаются социально ответственные общественные организации, рассматривая их на всех уровнях общества.

Ключевые слова: трудоустройство демобилизованных или уволенных в запас военнослужащих; системы обслуживания демобилизованных военнослужащих; центры социально-профессиональной адаптации и переподготовки граждан, уволенных с военной службы.

В Российской Федерации насчитывается свыше 31 млн человек резервистов, которые представлены в лице демобилизованных или уволенных в запас военнослужащих. В Китайской Народной Республике их число превышает 208 млн человек. Занятость отставных военнослужащих представляет для обеих стран не только важную экономическую, но и значимую социальную проблему. Экономики России и Китая сегодня развиваются по рыночному пути, где мотором экономического роста государств является коммерческий сектор.

Централизованной государственной политикой и в Китае, и в России определяется современное состояние развития системы социального обеспечения, связанного с вопросами трудоустройства демобилизованных или уволенных в запас военнослужащих. Так, политика занятости КНР развивается в нескольких направлениях, но одно из них: реализации «социальной работы» о военнослужащих, связано с решением вопросов трудоустройства через создание новых рабочих мест, направленных на формирование условий позволяющих отставным военным повышать свой уровень жизни и развития [1]. Министерство обороны КНР регулирует проблемы жилищного обеспечения, проблемы получения прожиточного минимума, проблемы пенсионного

и медицинского обеспечения офицеров, уволенных в запас и членов их семей. Содействие в трудоустройстве отставных китайских военных, законодательно имеющих особые права, регламентирует отдельно Статья 14. Глава II. Трудового кодекса КНР [2].

Правительства КНР и РФ на территории своих стран создают единый механизм социального обеспечения для всех без исключения граждан и в том числе для отставных военных [3]. В Китайской Народной Республике и в Российской Федерации вопросы развития системы социального обеспечения, связанного с обеспечением трудоустройства демобилизованных или уволенных в запас военнослужащих решаются с помощью трехстороннего механизма, основными элементами которого выступают непосредственно субъекты социальной деятельности: представители органов государственной власти, руководство коммерческих предприятий и руководители и члены общественных организаций.

Российские и китайские органы государственной власти на территории своих стран берут на себя основную функцию обеспечения трудоустройства отставных военных, связанную с удовлетворением потребностей рынка труда. Государственные программы, направленные на решение вопросов занятости отставных военнослужащих, активно поддерживают коммерческие предприятия в обеих странах. В решение вопросов трудоустройства бывших военнослужащих активно включаются социально ответственные общественные организации, рассматривая их на всех уровнях общества.

Конституция как основополагающий документ в Российской Федерации содержит в себе реальные взаимосвязи и направленность государства на обеспечение достойной жизни и развития каждого индивида [4]. Так, в 54 субъектах Российской Федерации с целью обеспечения трудоустройства отставных военнослужащих созданы Центры социально-профессиональной адаптации и переподготовки граждан, уволенных с военной службы. Эти институциональные элементы обеспечения безопасности жизнедеятельности человека опираются на постановление Правительства РФ от 15 октября 2001 г. №729 «О государственной программе «Социальная адаптация военнослужащих, подлежащих увольнению из Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, и членов их семей»» и на положения приказа Министра обороны РФ от 19 марта 2001 г. № 115, а также на другие руководящие документы, указания и распоряжения органов государственной власти.

В Китайской Народной Республике только 26 февраля 2019 года на основании указания генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина с целью претворения в жизнь решения ЦК КПК КНР был создан Государственный центр обслуживания демобилизованных военнослужащих, расположенный в Пекине [5]. Центр функционирует в качестве важной составной части общей системы обслуживания демобилизованных военнослужащих Китая, оказывая поддержку отставным военным в вопросах трудоустройства и начала предпринимательской деятельности. Органы государствен-

ной власти КНР планируют на провинциальном, городском и уездном уровнях в ближайшем будущем создать центры обслуживания демобилизованных военнослужащих, а деревни, поселки и волости будут охвачены пунктами обслуживания отставных военных. В качестве примера трудоустройства демобилизованных военнослужащих можно привести частную инициативу Правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, которое в 2020 г. планирует создать более 2,7 млн рабочих мест для жителей региона (в 2019 г. было создано более 2,87 млн рабочих мест) [6]. Для достижения цели власти региона организуют проведение профессиональной подготовки бывших военнослужащих.

При проведении сравнительного анализа режимов трудоустройства китайских и российских военных отставников, следует отметить, что в России Центры социально-профессиональной адаптации и переподготовки граждан, уволенных с военной службы, были созданы на 18-ть лет раньше, чем в Китае в связи с реформированием Вооруженных Сил и дальнейшим сокращением их численности. Однако, общим для обеих стран является институциональный характер реализации государственной социальной политики по вопросу организации профессиональной переподготовки и обучения демобилизованных военнослужащих различным направлениям профессиональной деятельности с целью обеспечения их дальнейшего трудоустройства. Органы государственной власти РФ и КНР организуют работу через консультирование, профориентацию, повышение квалификации и переподготовку

бывших военнослужащих по социально востребованным на рынке труда специальностям, гарантирующим обеспечение занятости и трудоустройство демобилизованным или уволенным в запас военным.

Численность населения Китая в рабочих возрастах, придает проблеме трудоустройства демобилизованных или уволенных в запас военнослужащих необычайную остроту, масштабность и напряженность, так как в 2020 году его доля составляет более 65%, что, является определяющим фактором для политики занятости[7]. Китайские ветераны и военные пенсионеры провели в 2016 году более 50 демонстраций, которые для китайских властей стали уже рутинным явлением. Отставные китайские военные выходят на демонстрации, так как, по их словам, после увольнения со службы, которой они отдали много лет, они не могут найти работу, некоторые уже около 10 лет, так что им нужно в том числе трудоустройство[8].

До начала рыночных реформ (1978 г.) пополнение рабочей силы в городах Китая почти целиком осуществлялось за счет выпускников средних и высших учебных заведений и демобилизованных и перепрофилирующихся военнослужащих [9]. В условиях плановой экономики Китая работа отставным военным предоставлялась главным образом правительственными организациями и предприятиями. Например, 40% высшего руководящего состава из числа 500 крупнейших китайских компаний имели опыт службы в вооруженных силах. Более трети руководителей высшего звена из числа компаний меньшего размера прошли через структуры

НОАК. Около 60% топ-менеджеров, представленных компаниями из Гуанчжоу, Шэньчжэня и Гонконга являются выходцами из армейской среды.

В процессе углубления экономической реформы нестабильность рыночных каналов и отсутствие официальной системы трудоустройства, по которым отставными военными осуществляются поиски работы, показали слабость и несовершенство государственной и общественной поддержки занятости военнослужащих. В настоящее время армия КНР перестала быть источником кадров для компаний [10]. Теперь важную роль в процессе поиска работы и трудоустройства китайских отставных военнослужащих играет связь с родственниками и друзьями, которую можно объяснить традиционной культурой Китая и его общественной структурой, основой которых является семья.

В Российской Федерации имеется большая нехватка населения в рабочих возрастах, и потому проблема трудоустройства демобилизованных или уволенных в запас военнослужащих здесь не стоит так остро, как в КНР. В Российской Федерации насчитывается более двух миллионов ветеранов военной службы, многие из которых не вышли из трудоспособного возраста. Это образованные, дисциплинированные, работоспособные, ответственные, и умеющие четко организовывать рабочий процесс люди. У них большой опыт работы на руководящих постах. Такой кадровый резерв имеет значительный трудовой потенциал. Однако только 10% уволенных в запас российских офицеров работают по профильным и

близким к профильным специальностям, а на должностях, соответствующих уровню их образования, трудятся чуть более трети из них. Например, Великобритания, Норвегия и США оплачивают из средств государственного бюджета (до ухода в запас) подготовку офицеров к гражданской жизни. В КНР и Российской Федерации трудоустройством бывших военнослужащих в основном занимаются общественные организации [11].

Многие уволенные с военной службы специалисты имеют очень высокий уровень в области рыночного спроса – им нужна помощь одного вида. Другие же обладают высокопрофессиональными знаниями и навыками не в унифицированной, а то и совсем в нераспространенной отрасли деятельности – им необходимо содействие в совершенно другом формате. Наиболее привлекательными вакансиями для военнослужащих Российской Федерации после их увольнения в запас являются следующие, см. рис.1. [12].

Проблемы трудоустройства – особый вопрос социальной жизни офицеров запаса и демобилизованных военнослужащих. Так, сертификаты на обучение в гражданских вузах, предусмотренные приказом МО РФ, выдаются ограниченному кругу лиц.

В Российской Федерации с целью обеспечения трудоустройства действует Программа переподготовки и обеспечения занятости военнослужащих (офицеров, прапорщиков, мичманов), подлежащих увольнению в запас или в отставку, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в местах их компактного проживания. Контроль за выполнением Программы

возлагается на Министерство труда и социального развития Российской Федерации. Основными исполнителями Программы являются Минобороны РФ, Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации, а также Российский союз промышленников и Всероссийский центр переподготовки офицеров, увольняемых в запас [13]. Данная Программа реали-

зуется в рамках Концепции развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года, которая предусматривает профессиональную переподготовку и обучение уволенных с военной службы офицеров по 60-ти различным направлениям профессиональной деятельности в целях их социально-профессиональной адаптации.

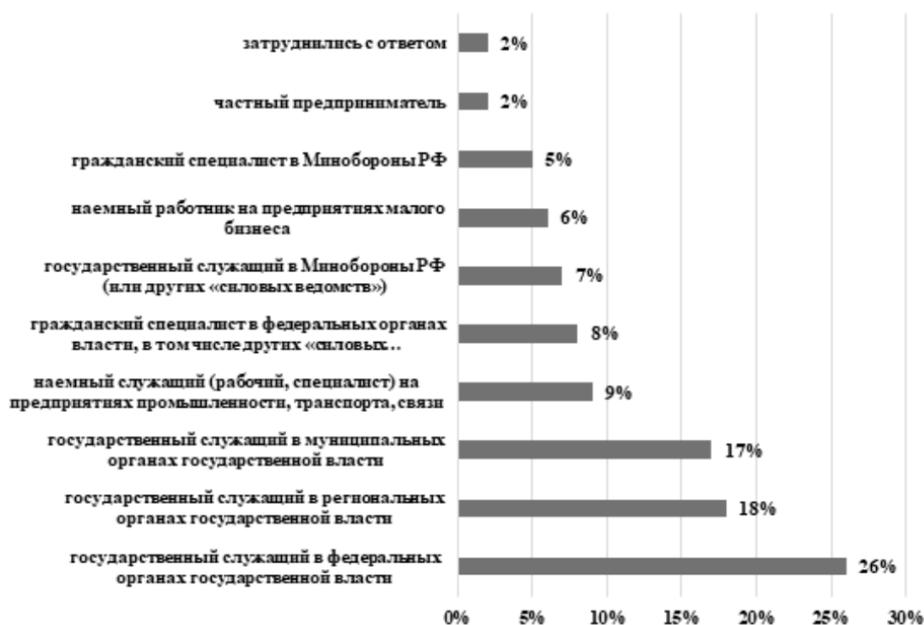

Рис 1. Вакансии для отставных военнослужащих

В 2020 году в 23 военные образовательные организации высшего образования Минобороны России на основании требований приказа № 630 от 21 октября 2015 г. «О порядке и условиях профессиональной переподготовки по одной из гражданских специальностей отдельных категорий военнослужащих – граждан Российской Федерации, проходящих во-

енную службу по контракту» и приказа № 325 от 10 июня 2019 г. № «О военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны Российской Федерации, осуществляющих профессиональную переподготовку военнослужащих по одной из гражданских специальностей», организован набор по широкому спектру специальностей в

группы профессиональной переподготовки увольняемых военнослужащих [14].

Государственная программа, предоставляющая возможность военнослужащим пройти переподготовку и «получить» гражданскую специальность перед увольнением из рядов российской армии, стартовала в качестве эксперимента в 2009 году. Полученные результаты подтвердили правильность выбранного направления работы в сфере снижения социальной напряженности и подготовки квалифицированных кадров для экономики страны. Подавляющее большинство отставных Российские военные, прошедшие переобучение по государственной программе (как показывают проводимые опросы [15]) в подавляющем большинстве удовлетворены выбором гражданской профессии, полученными знаниями и качеством преподавания. В дальнейшем свыше 2/3 военнослужащих, прошедших переобучение, будут повышать свою гражданскую квалификацию [16].

Особое внимание руководства КНР направлено на систему социального обеспечения НОАК (Народно-освободительной армии Китая) [17]. Эту область деятельности регламентирует закон КНР «Об обороне», закон КНР «О воинской обязанности», закон КНР «О прохождении действительной военной службы в вооруженных силах КНР», закон КНР «О прохождении службы офицерским составом вооруженных сил КНР», закон КНР «Об офицерах запаса», закон КНР «О народной вооруженной милиции», закон КНР «О страховании военнослужащих», постановление Государственного и Центрального военного со-

вета (ЦВС) КНР «О социальных гарантиях и компенсациях военнослужащим» [19]. Система социального обеспечения НОАК включает такие направления, как: организация денежного довольствия, организация обеспечения жильем по линии ипотечного кредитования на льготных условиях, организация социального страхования, организация медицинского обеспечения, организация предоставления отдыха, разработка социальной политики в отношении семей военнослужащих, организация пенсионного обеспечения, организация трудоустройства уволенных военнослужащих, организация безопасности военной службы, организация спортивных и культурных мероприятий, организация информационного обеспечения, организация торговли и быта военнослужащих [21].

Если увольняемый в запас офицер не воспользовался ипотечной программой, то государство при покупке офицером квартиры выплачивает ежемесячно до момента выхода его на пенсию установленную фиксированную сумму в виде денежного пособия.

Общее руководство трудоустройством офицеров, которые увольняются из рядов НОАК осуществляет комиссия при Госсовете КНР. Органы власти на местах, созданные при правительствах провинций и автономных районов Китая несут ответственность за предоставление информации об имеющихся рабочих вакансиях командованию частей НОАК, и функционируя в тесном взаимодействии с командованием военных округов всех категорий, организуют для увольняемых военнослужащих профессиональное обучение и подго-

товку рабочих мест. Офицеры, уволенные с командных должностей дивизионного и полкового звена, как правило занимают руководящие посты в местных органах управления и на крупных госпредприятиях, а военным пенсионерам с учетом их должностного разряда предлагаются места работы. Следует отметить, что бывшим военнослужащим при наличии гражданских претендентов на занятие рабочих вакансий отдается предпочтение. Если же военный пенсионер решил заняться частной предпринимательской деятельностью, то ему оказывают содействие в выдаче кредитов и ссуд, а также оказывают помощь в предоставлении лицензионных и налоговых льгот. Этой деятельностью занимаются органы местного управления.

Рынок труда заставляет российское и китайское общество, органы власти обеих государств создавать соответствующую систему, которая организовала бы решение проблем в сфере содействия занятости и трудоустройства отставных военных, тем самым балансируя общественные отношения и снимая социальную напряженность на основе механизмов высшего порядка, которые способны нейтрализовать его разрушительные силы. Занятость является основным источником заработка, социальной защищенности и материального благополучия человека и призвана способствовать развитию производства и росту экономики [24].

Литература

1. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 Си Цзиньпин: Доклад

на 19м Национальном съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm (дата обращения: 26.01.2020).

2. Приказ председателя КНР №28 ТРУДОВОЙ КОДЕКС КНР принят 5 июля 1994 года на 8 сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 8 созыва, вступил в силу 1 января 1995 года. Председатель КНР Цзян Цзэминь 5 июля 1994 г.

3. ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА Conference Paper (PDF Available) November 2016 with 88 Reads. URL: https://www.researchgate.net/publication/329701103_OSOBENNOSTI_KITAJSKOJ_KONCEPCII_PRAV_CELOVEKA (дата обращения: 26.01.2020).

4. Конституция Российской Федерации // Веб-сайт: Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения: 26.01.2020).

5. В Китае официально создан Государственный центр обслуживания демобилизованных военнослужащих. Агентство Синьхуа 2019-02-26 14:51:15. URL: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20190226/253868.html> (дата обращения: 26.01.2020).

6. В Синьцзяне создадут 2,7 млн рабочих мест. Пекин, 21.01.2020 12:00/ChinaPRO.ru/. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/19770/> (дата обращения: 26.01.2020).

7. Синь Чжунго 50 нянь силе фаньсин баогао чжи шиба: цзэе гуймо бу дуань кода, цзегоу чжубуюхуа (Серия аналитических докладов к 50-летию основания КНР: за-

тность населения непрерывно расширяется, структура занятости постоянно улучшается). URL: http://www.stats.gov.cn/tjfx/xzgwsnxlfxbg/t20020605_21435.htm (дата обращения: 26.01.2020).

8. В Китае бастуют отставные военные Хуанг Ки. URL: <https://life.ru/p/915984> (дата обращения: 26.01.2020).

9. Ли Чжун, Чэнь Ин. Обзор точек зрения относительно мер по решению проблем занятости в Китае. Сборник № 2. — Пекин, 2018.

10. Чжан Цзяньхуа. Погоны под пиджаком: как военные заняли командные высоты в бизнесе Китая URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5d43facd9a7947ec09cc5397> (дата обращения: 26.01.2020).

11. Бизнесмен запаса: отставных военных офицеров ждут в школе, полиции и муниципалитетах Ульяна Вылегжанина Российская Бизнес-газета - Карьера и менеджмент № 25(807). URL: <https://rg.ru/2011/07/26/zapas.html> (дата обращения: 26.01.2020).

12. Трудоустройство военнослужащих после увольнения в запас. URL: http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=10370953@cmsArticle (дата обращения: 26.01.2020).

13. Институт финансов экономики и права офицеров запаса. URL: http://ifepoz.ru/?page_id=106 (дата обращения: 26.01.2020).

14. Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://recrut.mil.ru/career/soldiering/relieving.htm> (дата обращения: 26.01.2020).

15. Увольняемым с военной службы. URL:

https://ens.mil.ru/education/document_s/more.htm?id=12241755@egNPA (дата обращения: 26.01.2020).

16. Переподготовка военнослужащих запаса. URL: <https://clubtk.ru/chto-nuzhno-znat-operepodgotovke-voennosluzhashchikh-zapasa> (дата обращения: 26.01.2020).

17.习近平：真抓实干坚定实施军民融合发展战略开创新时代军民融合深度发展新局面 Си Цзиньпин: приступить к реализации стратегии гражданской и военной интеграции. Открыть новую эру в гражданско-военной интеграции. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-03/02/c_1122478435.htm (дата обращения: 26.01.2020).

18.中共中央印发《深化党和国家机构改革方案》 Государственный совет КНР опубликовал Уведомление государственного совета КНР «План углубления реформ партии и государственных органов». URL: http://www.xinhuanet.com/zgjx/2018-03/21/c_137054755_7.htm (дата обращения: 26.01.2020).

19.中国的军事战略（2015年） Китайская военная стратегия (2015 год). URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/201505/26/content_4617812.htm (дата обращения: 26.01.2020).

20. 2010年中国的国防 Белая книга по обороне Китая 2010 год. URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/201103/31/content_4617810.htm (дата обращения: 26.01.2020).

21.中共中央印发《深化党和国家机构改革方案》 Центральный комитет Коммунистической партии Китая «План углубления реформ партии и государственных структур». URL:

http://www.xinhuanet.com/2018-03/21/c_1122570517.htm (дата обращения: 26.01.2020).

22. «“十三五”科技军民融合发展专项规划》热点问题权威解读 interpretations of important issues of the 13th five-year plan on the unification of scientific and technical civilian and military development and military development. URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/201708/23/content_4789748.htm (дата обращения: 26.01.2020).

23. 钟国安. 以习近平总书记总体国家安全观为指引谱写国家安全新篇章 Чжун Гоань: Написание новой главы национальной безопасности. Руководствуясь общей концепцией национальной безопасности Генерального секретаря Си Цзиньпина. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/201704/15/c_1120788993.htm (дата обращения: 26.01.2020).

24. Красова, Е.В. Проблемы рынка труда в условиях интенсивной трудовой миграции как угроза внутренней стабильности Китая / Е.В. Красова, Л. Цао, Ц. Сюй // Национальная безопасность. Nota bene. – 2017. – № 6. – С. 11–20.

A comparative analysis of the resettlement system of chinese and russian veterans
Ren Huanhuan, Jiang Sui,

Jiangsu Normal University

The article discusses the problems of employment regimes of Chinese and Russian retired military personnel, notes the features of the role of state authorities of the Russian Federation and the People's Republic of China in regulating the labor market by ensuring the employment of retired military personnel through the organization of their professional retraining and training in various areas of professional activity that are most in demand by industries economies of two countries. The article examines the activities of Russian and Chinese government bodies on the territory of their countries, which take on the main function of providing employment for

retired military personnel related to meeting the needs of the labor market. The government programs of the PRC and the Russian Federation are analyzed, aimed at resolving the issues of employment of retired military personnel who actively support commercial enterprises in both countries and in which socially responsible public organizations are actively involved, considering them at all levels of society.

Key words: employment of demobilized or dismissed military personnel; service systems for demobilized military personnel; centers for social and professional adaptation and retraining of citizens discharged from military service.

References

1. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 Xi Jinping: Report at the 19th National Congress of the Chinese Communist Party. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm (accessed: 01/26/2020).
2. Order of the Chairman of the PRC No. 28 The LABOR CODE OF THE PRC was adopted on July 5, 1994 at the 8th session of the Standing Committee of the All-China Assembly of People's Representatives of the 8th convocation, entered into force on January 1, 1995. Chinese President Jiang Zemin July 5, 1994
3. FEATURES OF THE CHINESE CONCEPT OF HUMAN RIGHTS Conference Paper (PDF Available) November 2016 with 88 Reads. URL: https://www.researchgate.net/publication/329701103_OSObENNOSTI_KITAJSKOJ_KONCEPCII_PRAV_CELOVEKA (accessed: 01/26/2020).
4. The Constitution of the Russian Federation // Website: Constitution of the Russian Federation. URL: <http://constitution.garant.ru/> (accessed: 01/26/2020).
5. In China, the State Service Center for Demobilized Military Personnel has been officially established. Xinhua News Agency 2019-02-26 14:51:15. URL: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20190226/253868.html> (accessed: 01/26/2020).
6. Xinjiang will create 2.7 million jobs. Beijing, 01/21/2020 12:00 p.m. / ChinaPRO.ru /. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/19770/> (accessed: 01/26/2020).

7. Xin Zhongguo 50 nyan-force fanning baogao ji shiba: jee guimo bu duan koda, jiegou jubu yuhua (Series of analytical reports on the 50th anniversary of the founding of the PRC: employment is constantly expanding, the employment structure is constantly improving). URL: http://www.stats.gov.cn/tjfx/xzgwsnxlfxbg/t20020605_21435.htm (accessed: 01/26/2020).
8. In China, retired military Huang Ki are on strike. URL: <https://life.ru/p/915984> (accessed date: 01/26/2020).
9. Li Zhong, Chen Ying. Overview of perspectives on measures to address China's employment problems. Collection No. 2. - Beijing, 2018.
10. Zhang Jianhua. Shoulder straps: how the military took commanding heights in China's business. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5d43facd9a7947ec09cc5397> (accessed: 01/26/2020).
11. Stock businessman: retired military officers await at school, police and municipalities Ulyana Vylegzhanina Russian Business Newspaper - Career and Management No. 25 (807). URL: <https://rg.ru/2011/07/26/zapas.html> (accessed date: 01/26/2020).
12. Employment of military personnel after discharge to the reserve. URL: http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=10370953@cmsArticle (accessed: 01/26/2020).
13. Institute of Finance Economics and the law of reserve officers. URL: http://ifepoz.ru/?page_id=106 (date of access: 01/26/2020).
14. The Ministry of Defense of the Russian Federation. URL: <https://recrut.mil.ru/career/soldiering/relieving.htm> (accessed: 01/26/2020).
15. Dismissed from military service. URL: <https://ens.mil.ru/education/documents/more.htm?id=12241755@egNPA> (accessed date: 01/26/2020).
16. Retraining of reserve personnel. URL: <https://clubtk.ru/chto-nuzhno-znat-operepodgotovke-voennosluzhashchik-zapasa> (accessed: 01/26/2020).
17. 习近平：真抓实干 坚定实施军民融合发展战略 开创新时代军民融合深度发展新局面 Xi Jinping: embark on a civilian and military integration strategy. Open a new era in civil-military integration. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-03/02/c_1122478435.htm (accessed: 01/26/2020).
18. 中共中央印发《深化党和国家机构改革方案》 The State Council of the PRC has published the Notice of the State Council of the PRC "Plan for Deepening the Reforms of the Party and State Bodies". URL: http://www.xinhuanet.com/zgjx/2018-03/21/c_137054755_7.htm (accessed: 01/26/2020).
19. 中国的军事战略（2015年） Chinese military strategy (2015). URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2015-05/26/content_4617812.htm (accessed: 01/26/2020).
20. 2010年中国的国防 China White Paper 2010. URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2011-03/31/content_4617810.htm (accessed: 01/26/2020).
21. 中共中央印发《深化党和国家机构改革方案》 The Central Committee of the Communist Party of China "Plan for Deepening Reforms of the Party and State Structures." URL: http://www.xinhuanet.com/2018-03/21/c_1122570517.htm (accessed: 01/26/2020).
22. 《“十三五”科技军民融合发展专项规划》 热点问题权威解读 Interpretation of important issues of the "13th Five-Year Plan" on the unification of scientific, technical civil and military development. URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/201708/23/content_4789748.htm (accessed: 01/26/2020).
23. 钟国安. 以习近平总书记总体国家安全观为指引 谱写国家安全新篇章 Zhong Guoan: Writing a new chapter on national security. Guided by the general concept of national security of Secretary General Xi Jinping. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2017-04/15/c_1120788993.htm (accessed: 01/26/2020).
24. Krasova, E.V. Labor market problems in conditions of intensive labor migration as a threat to the internal stability of China / E.V. Krasova, L. Cao, C. Xu // National Security. Nota bene. - 2017. - No. 6. - S.11-20.

Развитие организационного социального капитала: теоретические гипотезы

Игумнов Олег Александрович

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра экономической теории и менеджмента, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», oleg_igumnov@mail.ru

В статье предложен авторский подход, основанный на представлении об организационном социальном капитале как объекте изучения, не сводимом к сумме индивидуальных социальных капиталов или к общественному социальному капиталу. Представлено понимание социального капитала как организационного ресурса, обладающего содержательной и типологической сложностью. С учётом особенностей социокультурной и институциональной среды современных российских организаций, а также концептуального понимания типологии и содержания внутреннего социального капитала организации, сформулированы гипотезы, относящиеся как к характеристике социального капитала российских организаций в целом, так и к оценке возможной роли отдельных организационно-управленческих факторов.

Ключевые слова: социальный капитал, организационный социальный капитал, генерализованное доверие, институциональное доверие, организационный ресурс, операционализация, ингрупповой коллективизм, партикуляризм, аффилиация, корпоративная идентичность, просоциальные установки.

Исходной идеей, лежащей в основе авторского подхода к исследованию социального капитала, является представление о том, что организационный социальный капитал является самостоятельным объектом изучения, не сводимым, с одной стороны, к сумме индивидуальных социальных капиталов работников организации, а с другой – к общественному социальному капиталу, выражающемуся в генерализованном доверии, солидарности и просоциальных установках. Организация представляет собой относительно автономную социальную систему, в границах которой возможно формирование модели социальных отношений, отличающейся от типичных для данного общества, и способной создавать организационные выгоды и преимущества.

Организационный социальный капитал – сложный теоретический конструкт, операционализация которого требует учитывать как содержательную сложность (взаимодействие структурных, когнитивных и реляционных компонентов), так и типологическую, представленную различными типами социальных связей (аффилиационными, иерархическими, рыночными), становящимися основой социального капитала.

Тем не менее, основной теоретической гипотезой, касающейся самой природы организационного социального капитала, можно считать утверждение о том, что он может

выступать в качестве организационного ресурса в той мере, в которой организационные условия:

- максимизируют индивидуальные социальные капиталы работников;
- минимизируют различия между индивидуальными социальными капиталами работников, в том числе руководителей;
- обеспечивают фактическое использование индивидуального социального капитала в соответствии с организационными целями;
- обеспечивают взаимосогласованность различных содержательных компонентов социального капитала;
- обеспечивает баланс различных типов социального капитала в соответствии с функциональными потребностями организации.

Данная теоретическая гипотеза предлагается как исходное теоретическое положение, лежащее в основе операционализации организационного социального капитала, и используемое для определения и интерпретации содержательных гипотез, сформулированных ниже.

Анализ специфических внешних условий современного российского общества позволяет заключить, что характерные для него социокультурные и институциональные условия, в целом, не являются благоприятными для развития организационного социального капитала, хотя и содержат в себе определённые элементы, которые могут рассматриваться как потенциально способствующие его развитию. Поэтому организационно-управленческая среда может рассматриваться как потенциальный «буфер», способный минимизировать негативное воздействие внешних условий и

усиливать те из них, которые способствуют социальному капиталу как источнику конкретных организационных выгод.

Исходя из особенностей социокультурной и институциональной среды современных российских организаций, а также концептуального понимания типологии и содержания внутреннего социального капитала организации, могут быть сформулированы следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Для работников российских организаций характерно восприятие социальных связей как преимущественно личного ресурса, расширяющего индивидуальные возможности внутри компании, нежели как организационного ресурса, способствующего достижению общих целей и взаимных интересов.

Данная гипотеза является прямым следствием зафиксированных выше социокультурных и институциональных особенностей внешней среды российских организаций. Эти особенности включают в себя приоритет ингруппового коллективизма в сравнении с институциональным (организационным), партикуляризм (как нормативная ориентация, легитимирующая отказ от общих универсальных правил в пользу особых отношений к ближнему кругу), а также относительно низкий уровень генерализованного и институционального доверия (общественного социального капитала).

Если данная гипотеза верна, это означает, что формирование организационного социального капитала в российских организациях должно сталкиваться со значительным сопротивлением работников (в том числе руководителей), которые рассматривают социальные связи

как личный ресурс. Хотя дилемма индивидуального и организационного социального капитала, является универсальной, мы полагаем, что степень выраженности и остроты этой дилеммы определяется характеристиками внешней среды организации.

Гипотеза 2. Для российских организаций характерна преимущественная склонность к развитию социального капитала, основанного на отношениях аффилиации, нежели иерархии и обмена.

Эта гипотеза предполагает, что социальный капитал, основанный на отношениях аффилиации, с одной стороны, более характерен для российских организаций, чем два других типа, а с другой – считается более приемлемым и характеризуется более позитивными установками среди работников. Для формулирования данной гипотезы имеются как теоретические, так и эмпирические предпосылки, в частности, ценностный профиль российской деловой культуры (преобладание ингруппового коллективизма над институциональным, низкая маскулинность, избегание неопределённости, партикуляризм).

Эта гипотеза также предполагает наличие выраженного дисбаланса в уровнях развития трёх типов социальных отношений, что, согласно принятой концептуализации, является негативным фактором внутреннего организационного социального капитала. Это связано с тем, что отношения аффилиации по своей природе могут распространяться и создавать позитивные эффекты (взаимопомощь, кооперация и т.п.) только в сравнительно не-

больших социально-профессиональных группах. Однако в крупной организации такие локальные сплочённые группы могут затруднять междепартаментное взаимодействие и коммуникацию по всей цепи управленческой иерархии. Поэтому можно сформулировать дополнение данной гипотезы.

Гипотеза 2а. Социальный капитал, основанный на отношениях аффилиации, создаёт позитивные организационные эффекты в небольших организациях в большей мере, чем в крупных. Эмпирическая проверка данной гипотезы может быть затруднена из-за дополнительных требований к методике исследования, однако, она может быть сформулирована именно как теоретическая гипотеза.

Гипотеза 2б. Небольшие российские организации обладают более развитым организационным социальным капиталом, чем более крупные. Эта гипотеза удобна для эмпирической проверки и является развитием исходной гипотезы. Её смысл заключается в том, что развитые отношения аффилиации в небольшой организации с большей вероятностью будут перекрываться иерархическими отношениями и отношениями обмена, тем самым уменьшая дисбаланс в их относительном развитии и увеличивая общий социальный капитал организации. Аналогичные механизмы могут действовать и в отношении тех, кто находится на периферии тесных социальных связей и отношения с кем имеют более выраженный рыночный характер.

С содержательной точки зрения, в социальном капитале организа-

ции выделяются структурные, когнитивные и реляционные компоненты. Все эти компоненты являются неотъемлемыми составляющими социального капитала, однако способствующими различным организационным эффектам, в том числе в зависимости от его конкретного типа. Относительная значимость различных компонентов социального капитала зависит от особенностей сферы деятельности организации, её бизнес-модели и других контекстуальных аспектов.

Очевидно, что для инновационной фирмы и сетевого ритейлера особенности бизнес-процессов будут актуализировать разные структурные модели социальных контактов. В первом случае исключительную ценность могут иметь, например, кросс-функциональные связи между инновационными, производственными, маркетинговыми и юридическими подразделениями, а во втором – горизонтальные связи линейных подразделений, обеспечивающие распространение лучших практик.

Аналогично, многообразие видов деятельности и бизнес-моделей могут актуализировать разные элементы когнитивных и реляционных аспектов социального капитала. Так, в территориально-распределённой компании, не имеющей значимых функциональных или деловых связей между линейными подразделениями, ключевую роль в формировании социального капитала могут играть общие когнитивные модели и описания, обеспечивающие единство восприятия организации и корпоративную идентичность. Для организаций, HR-модель которых основана на высокой текучести кадров, исключительную зна-

чимность могут играть особые социальные роли коммуникаторов и фасилитаторов, оперативно обеспечивающих социальную адаптацию новичков и их вовлечение в необходимые социальные связи.

Таким образом, при общей характеристике российских организаций формулирование гипотез относительно значимости тех или иных компонентов социального капитала без учёта специфики конкретного вида деятельности представляется невозможным. Однако можно поставить вопрос иначе: существуют ли основания полагать, что характерные для современного российского общества социокультурные и институциональные условия способствуют, при всем разнообразии организационных и бизнес-моделей, определённому содержательным элементам социального капитала? На наш взгляд, основания так полагать, безусловно, существуют.

Гипотеза 3. Для российских организаций характерно такое структурирование каналов социальных коммуникаций, которое способствует развитию отношений аффилиации в малых группах, но препятствует (или затрудняет) вертикальные коммуникации, а также горизонтальные слабые связи.

Эта гипотеза тесно связана с первой гипотезой, однако фокусируется исключительно на структурном компоненте социального капитала. Речь идёт о том, что российские организации склонны выстраивать внутреннюю коммуникационную инфраструктуру в соответствии с базовой логикой национальной модели деловой культуры. Это утверждение может показаться слишком абстрактным, однако оно относится

ко вполне конкретным решениям: к пространственному зонированию помещений, организации документооборота, организационным процедурам. Например, организация помещений в стиле «*open space*» способствует динамичным горизонтальным связям малознакомых людей и потому должны быть более типичны для обществ с высоким уровнем генерализованного доверия и преобладанием слабых связей.

В азиатских странах, для которых нормой является очень небольшая персональная дистанция, более естественными решениями при проектировании организации могут быть помещения с большим числом работников, занимающих фиксированные места, которые способствуют большей плотности контактов по устойчивым векторам взаимодействия.

Одной из важнейших характеристик российской деловой культуры является крайне высокая дистанция власти. С точки зрения инфраструктуры коммуникационных и социальных сетей, это может способствовать таким подходам к её проектированию, которые затрудняют возможности коммуникации работников и руководящего состава. Конкретная реализация таких ограничений может принимать различные формы: пространственная удалённость «центрального офиса», кабинет директора, подчёркивающий дистанцию между руководителем и подчинёнными, отдельные места приёма пищи, отсутствие возможностей для обращения к руководителю напрямую и т.п. Иными словами, эмоциональная дистанция между людьми, занимающими разные статусные позиции, подкрепляется и усиливается организацией

физического пространства и структурой каналов коммуникации.

Сама по себе такая связь хорошо известна в социологии. Так, теория социального пространства П. Бурдьё прямо говорит о связи социальной структуры и физического пространства в контексте проблемы социального капитала [1]. Однако если для французского социолога организация социального пространства является *следствием* распределения различных видов капитала и проявлением социальной дифференциации, то нас больше интересует обратная связь и ограничения, которые такая организация создаёт для развития социального капитала. Российская деловая культура, как мы предполагаем, способствует принятию и признанию асимметрии между разными позициями в социальной структуре, что, в свою очередь, негативно сказывается на возможностях вертикальной коммуникации (в обоих направлениях), вертикальном просоциальном поведении, доверии к управленческим решениям и другим значимым организационным эффектам.

В отношении когнитивных и реляционных компонентов социального капитала российских организаций, роль внешних факторов может проявляться в следующем. Преобладание ингруппового коллективизма может препятствовать формированию общих целей на уровне организации. Однако высокое значение индекса избегания неопределённости в совокупности с высокой дистанцией власти и характерным для российских организаций контрактом «патронаж в обмен на лояльность» могут способствовать корпоративной идентичности и при-

нятию общих символических конструкций, предлагаемых руководством, прежде всего, в рамках формирования корпоративной культуры. Однако отметим, что такое конструирование идентичности осуществляется не столько в практической, сколько в символической сфере. Этот вывод соответствует и отмечаемому исследователями значительному разрыву между ценностными (декларативными) и практическими аспектами российской деловой культуры и общественного доверия. Изложенное выше позволяет сформулировать следующую гипотезу.

Гипотеза 4. Для работников российских компаний характерна выраженная корпоративная идентичность на декларативном, но не практическом уровне. Иными словами, в символической сфере работники готовы продемонстрировать свою корпоративную лояльность и идентичность, однако нет оснований ожидать распространения модели отношений с ближним кругом на всю организацию.

Коммуникативные навыки, которые являются ещё одним компонентом когнитивного измерения социального капитала, выделенного в рамках предлагаемой концептуальной модели, также находятся под воздействием внешних условий, однако действие этих условий неочевидно. Так, российское общество, в целом, является достаточно неоднородным в этнокультурном, религиозном и языковом смысле, особенно в национальных республиках, что, как можно предположить, положительно влияет на развитие базовых навыков межкультурной коммуникации.

Однако в силу асимметричности этнокультурного разнообразия, можно предположить, что навыки межкультурной коммуникации более развиты у работников, относящихся к этнокультурным меньшинствам. Проверка этой гипотезы, однако, требует проведения межкультурных исследований, которые не являются целью настоящего исследования.

Противоположное воздействие на коммуникативные навыки может оказывать и ценностный профиль российской культуры. Низкая маскулинность предполагает, что для российских работников высокую ценность имеют комфортные социальные отношения на работе, то есть благоприятный социально-психологический климат. Это должно способствовать развитию коммуникативных навыков. Однако с другой стороны, избегание неопределённости, стремление к долговременным, устойчивым отношениям и низкий уровень генерализованного доверия могут препятствовать развитию коммуникативных навыков, ориентированных на общение с малознакомыми людьми. Детальная проверка данных гипотез требует проведения кросс-культурных исследований, а потому выходит за пределы настоящего исследования.

Ключевое измерение социального капитала – реляционное, непосредственно характеризующее содержание социальных связей. Учитывая специфику социокультурной и институциональной среды, а также содержание гипотезы 2, можно сформулировать следующие две гипотезы, касающиеся ключевых компонентов реляционного измерения.

Гипотеза 5. Для российских компаний характерен низкий уровень взаимного доверия и

просоциальных установок для отношений иерархии и обмена и относительно высокий – для отношений аффилиации. Оговоримся, что эта гипотеза является, в определённой мере, тривиальной, поскольку вытекает из различий в самой природе трёх типов социальных отношений. Однако эта тривиальность касается только сопоставления отношений аффилиации и обмена, тогда как отношения иерархии не обязательно характеризуются меньшим уровнем доверия и просоциальных отношений и, как было описано выше, допускают возможность доверия, основанного на высокой дистанции власти [9].

Тем не менее, мы полагаем, что в целом для российских предприятий «иерархическое» доверие характерно в меньшей степени, чем «аффилиационное». Это предположение основано, с одной стороны, на асимметрии в отношениях руководителей и подчинённых, которые не учитывались в теории П. Дони и др. (доверие к вышестоящим может в организационном масштабе нивелироваться недоверием к нижестоящим), а с другой, на представлении о том, что возможные механизмы доверия к вышестоящим (например, основанные на конформизме или вере в их компетентность), если и действуют, то, скорее всего, в разной мере для разных категорий работников, что в сумме даёт меньший эффект, чем универсальное доверие к ближнему кругу.

Гипотеза 6. В структуре реляционного измерения организационного социального капитала наиболее выраженным является нормативный компонент. Мы связываем эту гипотезу с представлением о достаточно высоком

уровне конформизма российских работников, являющимся следствием умеренного коллективизма, высокой дистанции власти и избегания неопределённости. Готовность следовать организационным нормам (в том числе неформальным) может быть более значимым фактором регуляции социальных отношений, чем просоциальные установки.

Сформулированные выше гипотезы относятся к общей характеристике социального капитала российских организаций как объекта воздействия универсальных социокультурных и институциональных факторов внешней среды. Однако ключевой тезис нашего исследования заключается в том, что сама по себе организационная среда, организационно-управленческие решения, принимаемые на уровне конкретной компании, а также особенности корпоративной культуры могут выступать в качестве важного буфера, способного компенсировать или, наоборот, усиливать воздействие внешней среды и выступать в качестве самостоятельного фактора развития организационного социального капитала.

Учитывая, что общие внешние условия были нами охарактеризованы как скорее неблагоприятные, особый интерес для нас представляет понимание внутриорганизационных факторов, которые способны преодолеть внешний негативный фон и обеспечить сбалансированное развитие социального капитала организации.

Организационные факторы, способные влиять на формирование социального капитала, разнообразны и не обязательно являются непосредственным объектом управ-

ленческого воздействия. Размер организации, вид её деятельности, правовая форма или форма собственности являются фундаментальными организационными факторами, закладывающими основу структурирования социальных связей.

Выше уже было отмечено, что размер организации объективно определяет количество возможных социальных связей, а тем самым влияет на их структурирование и динамику, приводя, в частности, к большей вероятности формирования аффилиационного социального капитала. Человеческая способность устанавливать социальные связи ограничена, поэтому в большой организации по объективным причинам невозможно распространение таких отношений на всех коллег.

В эволюционной психологии хорошо известно так называемое число Р. Данбара, определяющее приблизительное число достаточно тесных социальных связей (не более 150 чел.), которые способен поддерживать человек [10]. Это означает, что для большой организации значительно возрастает роль социального капитала других типов, в особенности, основанных на слабых связях. В контексте нашего исследования важно отметить, что указанное число связей включает в себя, прежде всего, ближний круг человека, то есть, его родственников и друзей, а потому число возможных коллег по работе, с которыми могут устанавливаться тесные неформальные связи, в общем случае значительно меньше.

Не менее важной представляется и отраслевая принадлежность компании или, точнее, основной вид

деятельности, который объективно предопределяет многие исходные условия для формирования социальных связей и их ценность при решении профессиональных задач. Даже внутри одной культуры разные виды деятельности могут предполагать разную степень взаимозависимости работников, соотношение конкуренции и кооперации, другие социальные характеристики. Достаточно сравнить, например, прямую конкуренцию внутри атомизированного коллектива работников сетевого маркетинга и высокую степень взаимозависимости и потребности в командной работе среди членов экипажа судна, пожарной команды и во многих других трудовых коллективах. Соответственно, и потребности, и возможности в формировании организационного социального капитала в этих случаях будут существенно различаться.

Правовое положение и форма собственности также могут оказывать влияние на социальный капитал организации. Степень формализации организационных процессов в государственных структурах и крупных корпорациях может быть существенно выше, чем в частных предприятиях или НКО, приводя к значимым различиям в соотношении формальных и неформальных норм и правил. Различные модели корпоративных структур и объединений (сеть филиалов, франчайзинговая сеть, группа компаний, совместное предприятие, консорциум, стратегический альянс и т.п.) также предполагают разные модели структурирования формальных социальных связей и разные потребности взаимодействия, которые могут влиять и на потребности и возможности развития социального капитала.

На основе всего вышеперечисленного может быть сформулирована следующая гипотеза.

Гипотеза 7. На величину и структуру организационного социального капитала влияют размер, отраслевая принадлежность и тип организации. Безусловно, существует большое разнообразие возможных содержательных различий между организациями, которые определяют и конкретные особенности их социального капитала. Уточнение таких нюансов может быть предметом более узких гипотез. В данной, предельной общей формулировке, гипотеза лишь предполагает само наличие статистически значимых различий в показателях социального капитала в зависимости от названных и, возможно, иных, организационных характеристик, не являющихся непосредственным объектом управленческого воздействия.

В соответствии с целями и задачами настоящего исследования, гораздо больший интерес представляют те факторы, которые находятся в сфере непосредственной ответственности менеджмента и отражают целенаправленные усилия по развитию организационного социального капитала. Существует большое количество управленческих решений и практик, которые в той или иной мере могут воздействовать на возможности социального капитала. Примеры таких инструментов были приведены выше (см. табл. 1).

Возможности одного исследования не позволяют проанализировать всё разнообразие управленческих технологий, которые могут использоваться для развития социального капитала: от механизмов рекрутинга до политик в области корпоративной социальной ответственности. Поэтому

мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми из них, которые, однако, позволяют отразить управленческое воздействие на все три компонента социального капитала и все три его типа.

Таблица 1
Примеры управленческих механизмов воздействия на организационный социальный капитал

Измерение социального капитала	Организационные и управленческие инструменты	Конкретный механизм воздействия
Структурное	Организационная структура	Задаёт структурную схему типичных социальных взаимодействий в организации
	Пространственное зонирование помещений	Определяет естественное замыкание социальных контактов в рабочих зонах и зонах отдыха
	Внутрифирменная социальная сеть	Определяет доступность социальных контактов с коллегами за пределами функционально и территориально заданного круга общения
Когнитивное	Политика в отношении разнообразия рабочей силы	Определяет степень культурной гетерогенности организации и возможные коммуникативные барьеры
	Корпоративная культура (рассматриваемая с инструментальной точки зрения)	Задаёт эксплицитное видение организации как потенциальной «точки сборки» для различных перспектив
Реляционное	Ориентация на индивидуальные или коллективные модели вознаграждения	Влияет на индивидуальную мотивацию к кооперации
	Эгалитарные и меритократические политики в сфере трудовых отношений, инклюзивные институты разрешения трудовых конфликтов	Влияют на уверенность в соблюдении корпоративных норм при обменах, основанных на асимметричных или слабых связях
	Система корпоративной социальной ответственности, соответствующая современным стандартам	Влияет на степень доверия к управленческим решениям

Гипотеза 8. В организациях, предоставляющих более широкие возможности для коммуникации работников вне непосредственных функциональных взаимосвязей и за пределами локального трудового коллектива, социальный капитал, основанный на отношениях иерархии и обмена, развит в большей степени и оказывает более позитивные эффекты, чем в организациях, в которых такие коммуникации ограничены.

Фактически данная гипотеза обосновывает прямое влияние структурных возможностей иерархических и рыночных коммуникаций на развитие соответствующих типов социального капитала, которые, как мы предполагаем, являются более дефицитными и востребованными в российских организациях. При этом данная формулировка не специфицирует конкретные управленческие и организационно-технические решения, лежащие в основе таких возможностей.

Технологии и решения, обеспечивающие фактические возможности горизонтальных и вертикальных коммуникаций, могут включать в себя организацию общих рабочих пространств, создание специальных площадок взаимодействия (междепартаментные рабочие группы, совещания, конференции и т.п.), организационные процедуры, внутрифирменные социальные технологии и др. Конкретное содержание и эффективность таких технологий интересуют нас только с точки зрения фактического результата – предоставления структурных возможностей для установления социальных связей помимо узкофункциональных.

Гипотеза 9. Наличие в организации действующей системы корпоративной социальной ответственности (КСО) способствует формированию организационного социального капитала.

Данная гипотеза описывает потенциальную важность *формальных* правил, стандартов и процедур как потенциального способа регулирования *неформальных* социальных связей. Смысл концепции КСО заключается в необходимости согласования интересов различных заинтересованных сторон, как внутренних, так и внешних, при принятии важнейших решений и выработке политик [5, с. 130-145; 14. р. 53-73]. В современных компаниях идея «социальной ответственности» реализуется посредством формальных процедур, правил, политик, кодексов, систем отчетности, обеспечивающих воплощение принципов, зафиксированных в национальных и международных стандартах, кодексах и наборах рекомендаций: ISO 26000, GRI, Принципы корпоративного управления ОЭСР и др. [2; 6, с. 4-63; 11].

Корпоративная система КСО в той или иной степени регулирует разные типы отношений организации с внешними и внутренними стейкхолдерами. В контексте настоящего исследования она интересует нас, прежде всего, с точки зрения влияния на внутренние социальные и трудовые отношения. Как показывает ряд исследований, для российской реализации концепции КСО характерен более высокий приоритет, который уделяется именно внутренним аспектам ответственности, то есть трудовым отношениям и ответственности компании перед работниками [3; 4; 8].

Можно предположить, что наличие развитой системы КСО должно способствовать повышению доверия внутри организации, прежде всего, в системе восходящих иерархических отношений, то есть повышению доверия работников к руководителям, а также и доверию в горизонтальных социальных сетях. Наличие формальных правил и механизмов урегулирования противоречий, теоретически, должно способствовать развитию социального капитала даже несмотря на то, что партикуляристская деловая культура определяет приоритетность неформальных норм над универсальными правилами.

Наконец, важную роль в формировании социального капитала организации, как можно предположить, должна играть корпоративная культура, которая, регулируя конкретные организационные практики, может опосредовать влияние более фундаментальных ценностных установок, закладываемых национальной деловой культурой. С инструментальной точки зрения, корпоративная культура, как было показано выше, включает в себя широкий спектр управленческих инструментов, обеспечивающих распространение и закрепление определённых организационных практик и норм. Предполагая, что эти инструменты способны воздействовать если не на ценности, то на установки и поведение в социально-организационных контекстах, сформируем следующую гипотезу.

Гипотеза 10. Различия в корпоративной культуре связаны с различиями в выраженности и содержании организационного социального капитала.

Данная формулировка носит общий характер и не специфицирует содержание таких связей. Она лишь предполагает, что при прочих равных условиях социальный капитал в организациях с разной корпоративной культурой будет иметь выраженные различия, то есть корпоративная культура может влиять на социальный капитал безотносительно к любым другим управленческим инструментам.

Более важным, однако, является установление конкретных содержательных взаимосвязей между корпоративной культурой и социальным капиталом. В ряде исследований отмечается, что корпоративная культура влияет, прежде всего, на когнитивные компоненты социального капитала (разделяемые ценности или идеология) [12, р. 152], в других работах указывается и на реляционные компоненты (нормы) [13, р. 545]. Мы считаем, что инструментальная природа корпоративной культуры больше соответствует, скорее, первой позиции, поскольку нормативный компонент корпоративной культуры представляет собой, в первую очередь, именно набор декларируемых принципов и образцов поведения, которые относятся именно к сфере представлений. Успешная интернализация этих норм и символических конструкций вполне может стать основой для непосредственного регулирования поведения и социальных отношений, то есть реляционных компонентов социального капитала.

С учётом специфики российской деловой культуры может быть сформулирована следующая гипотеза относительно содержательных особенностей корпоративной куль-

туры, которые способствуют развитию социального капитала организаций.

Гипотеза 11. Организационный социальный капитал более выражен в корпоративных культурах, способствующих более демократичным отношениям между работниками и руководителями, балансу универсализма и партикуляризма (распространению универсальных стандартов оценивания и взаимодействия в пределах организации), открытости, а также ориентации на коллективные интересы и цели (то есть преодолению разрыва между организационным и ингрупповым коллективизмом).

Отметим, что данные характеристики корпоративной культуры зеркально отражают ключевые особенности национальной деловой культуры, негативно влияющие на социальный капитал организаций. В данном случае мы конкретизируем возможную «буферную» функцию корпоративной культуры, опосредующую воздействие внешней среды. Мы полагаем, что указанные характеристики способствуют развитию социального капитала, основанного, прежде всего, на отношениях иерархии и обмена, которые, как нам представляется, являются наиболее проблемными в российских организациях. При этом описанные выше особенности корпоративной культуры не демонстрируют радикальный разрыв с российской культурой и опираются на некоторые её особенности, в частности, партикуляризм и примат «женских» ценностей. Конкретные инструменты реализации таких элементов корпоративной культуры при этом

могут быть различными и зависят от позиции менеджмента компании.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. 288 с.
2. ГОСТ Р ИСО 26000-2012. «Руководство по социальной ответственности». – М.: Стандартинформ, 2014.
3. Индексы РСПП в области устойчивого развития, корпоративной ответственности и отчётности – 2017. М.: РСПП, 2017. 13 с.
4. Исследование практики корпоративного управления в России: сравнительный анализ по итогам 2004-2014 гг. – М.: Российский институт директоров, 2015. 88 с.
5. Канаева О.А. Корпоративная социальная ответственность: эволюция теоретических взглядов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. – 2013. – № 2. – С.130-145.
6. Кодекс корпоративного управления // Вестник Банка России. 2014. № 40. С. 4-63.
7. Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР. – Paris, OECD Publishing, 2016.
8. Российский бизнес и цели устойчивого развития. Сборник корпоративных практик. / Е.Н. Феоктистова, Г.А. Копылова, М.Н. Озерянская, М. В. Москвина, Н. И. Хофманн, Д.Р. Пуртова. – РСПП, Москва, 2018. 200 с.
9. Doney P.M., Cannon J.P., Mullen M.R. Understanding the influence of national culture on the development of trust // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23. P. 601-620.

10. Dunbar R. How many friends does one person need?: Dunbar's number and other evolutionary quirks. – London: Faber & Faber, 2010.

11. GRIG4 Guidelines and ISO 26000: 2010. How to use the GRIG4 Guidelines and ISO 26000 inconjunction. – GRI; ISO, 2014.

12. Inkpen A.C., Tsang E.W.K. Social capital, networks and knowledge transfer // Academy of Management Review. 2005. Vol. 30. P. 146-165.

13. Leana C.R., van Buren H.J. Organizational social capital and employment practices. 1999. Vol. 24. P. 538-555.

14. Lee M.-D. P. A review of the theories of corporate social responsibility: its evolutionary path and the road ahead // International Journal of Management Reviews. 2008. Vol. 10. P. 53-73.

Organizational social capital development: theoretical hypotheses

Igumnov O.A.

Moscow pedagogical state university

The article suggests the author's approach based on the idea of organizational social capital as an object of study which is not reduced to the sum of individual social capital or society social capital. The understanding of social capital as an organizational resource having content and typological complexity is proposed. Some hypotheses related to the characteristics of the social capital of organizations were formulated with the features of the socio-cultural and institutional environment of modern institute organizations taking into account. On the base of the organization internal social capital typology and content conceptual understanding the hypotheses mentioned above were proposed for the individual organizational and managerial factors possible roles assessment as well.

Key words: social capital, organizational social capital, generalized trust, institutional trust, organizational resource, operationalization, ingroup collectivism, particularism,

affiliation, corporate identity, prosocial attitudes.

References

1. Bourdieu P. Sociology of social space. - M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 2007. 288 s.
2. GOST R ISO 26000-2012. "Guidelines for Social Responsibility". - M.: Standartinform, 2014.
3. RSPP indices in the field of sustainable development, corporate responsibility and reporting - 2017. M.: RSPP, 2017. 13 p.
4. A study of corporate governance practices in Russia: a comparative analysis based on the results of 2004-2014. - M.: Russian Institute of Directors, 2015. 88 p.
5. Kanaeva O.A. Corporate social responsibility: the evolution of theoretical views // Bulletin of St. Petersburg University. Series: Economics. - 2013. - No. 2. - S.130-145.
6. Corporate Governance Code // Bank of Russia Bulletin. 2014. No. 40. S. 4-63.
7. Principles of corporate governance G20 / OECD. - Paris, OECD Publishing, 2016.
8. Russian business and sustainable development goals. Collection of corporate practices. / E.N. Feoktistova, G.A. Kopylova, M.N. Ozeryanskaya, M.V. Moskvina, N.I. Hofmann, D.R. Purtova. - RSPP, Moscow, 2018. 200 s.
9. Doney P.M., Cannon J.P., Mullen M.R. Understanding the influence of national culture on the development of trust // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23. P. 601-620.
10. Dunbar R. How many friends does one person need?: Dunbar's number and other evolutionary quirks. - London: Faber & Faber, 2010.
11. GRIG4 Guidelines and ISO 26000: 2010. How to use the GRIG4 Guidelines and ISO 26000 inconjunction. - GRI; ISO, 2014.
12. Inkpen A.C., Tsang E.W.K. Social capital, networks and knowledge transfer // Academy of Management Review. 2005. Vol. 30. P. 146-165.
13. Leana C.R., van Buren H.J. Organizational social capital and employment practices. 1999. Vol. 24. P. 538-555.
14. Lee M.-D. P. A review of the theories of corporate social responsibility: its evolutionary path and the road ahead // International Journal of Management Reviews. 2008. Vol. 10. P. 53-73.

Современные исследования влияния интернет-коммуникаций на формирование ценностных ориентаций молодежи

Кожевников Алексей Михайлович, преподаватель Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, reporterborg@yandex.ru

Масликов Вадим Александрович, кандидат социологических наук, доцент, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, virtu69@mail.ru

Развитие информационного общества трансформирует среду социального взаимодействия, воздействуя на все стороны человеческой жизни, в том числе на ее наиболее фундаментальный, ценностный уровень. Ряд исследований показывает, что вовлеченность в интернет-коммуникации способствует принятию более либеральных ценностей, в частности, свободы самовыражения. Вместе с тем известно, что для интернет-поколений, социализация которых проходит в условиях новой информационной среды, высокую значимость имеют ценности солидарности, доверия, социальные связи, просоциальные установки. Наличие разнонаправленных тенденций отмечается и в российских исследованиях. Это позволяет предположить, что рост индивидуалистических ценностей самовыражения и достижения уравновешивается развитием и социально-ориентированных ценностей. Ограниченность и неполная согласованность имеющихся эмпирических данных, а также отсутствие общепринятой теории ценностей и их связи с интернет коммуникациями требует проведения дополнительных исследований.

Ключевые слова: интернет-коммуникации; информационное общество; ценности; социальные медиа

Введение

Ценности относятся к числу наиболее значимых понятий социальных и психологических наук, используемых для объяснения человеческого поведения и мнений, различий между социальными группами и обществами, содержания и динамики социальных процессов. Понятие ценностей играло важную роль во многих социологических теориях, особенно теориях действия, таких как теории М. Вебера или Т. Парсонса. В самом общем смысле, под базовыми ценностями, имеющими наиболее универсальную значимость, понимаются наиболее общие критерии оценки социальных ситуаций, принципы действия и целеполагания, способы организации социальных отношений, воспринимаемые как правильные и желаемые [1].

Понятие ценностей плодотворно используется для описания и объяснения различий как на индивидуальном уровне, так и на уровне наций (обществ) [2; 3]. С социологической точки зрения, оно особенно важно при объяснении значимых различий между крупными социальными группами, как фактор, оказывающий влияние на разные стороны социальной жизни: экономическую деятельность, политические предпочтения, организационные процессы, семейные отношения, досуг и т.п. При этом объяснение ге-

незиса и эволюции самих ценностных систем остается одной из наиболее сложных научных проблем. Формирование и динамика ценностей находятся под влиянием широкого спектра факторов: генетических и экологических, социально-экономических, политических, технологических, исторических и др.

Для современного общества особую актуальность представляет изучение влияния на ценности принципиально иной информационной среды, сформированной современными информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ). Теоретики информационного общества указывают, что формирование нового технологического уклада не просто задает контуры новой экономической модели, но меняет фундаментальную логику социальных отношений, избавляя их от «диктата пространства» [4]. В настоящее время в мире насчитывается более 4,3 млрд интернет-пользователей и более 3,4 млрд пользователей социальных медиа, причем только за последний год эти цифры увеличились более чем на 9% [5]. В наиболее развитых регионах уровень проникновения сети Интернет превышает 90%, а социальными медиа охвачено более 70% населения (в ряде случаев около 90%). Каждый день современный человек проводит в интернете в среднем более 6,5 часов, а в ряде стран этот показатель достигает 9 и даже 10 часов [5]. Есть все основания полагать, что такая кардинальная трансформация информационно-коммуникационной среды не может не повлиять на самые фундаментальные аспекты социальной жизни, в том числе ценностные ориентации различных социальных групп. В данной

статье мы анализируем современное состояние исследований ключевых вопросов влияния интернет-коммуникаций на ценностные ориентации.

Интернет-коммуникации и ценностные ориентиры поколений Y и Z

Один из наиболее очевидных подходов к изучению влияния интернет-коммуникаций на ценностные ориентации заключается в сравнении ценностей различных поколений. Теория поколений, хоть и является дискуссионной, справедливо обращает внимание на тот факт, что социализация различных поколений проходит в разных условиях, совокупность которых задает контекст, влияющий в том числе на ценностные ориентации. Новая информационная среда, ставшая следствием технологического развития современных обществ, считается одной из ключевых характеристик исторического контекста, в котором проходит социализация поколений Y (приблизительно 1980-2000 года рождения) и особенно Z (родившиеся после 2001 г.).

Для этих поколений новые ИКТ – привычная с детства часть жизни, важное средство взаимодействия с окружающим миром и другими людьми. Различные исследования показывают, что доля молодых людей среди пользователей сети Интернет и социальных медиа значительно выше, чем для более старших поколений [5]. Их повседневный опыт существенно отличается от опыта предыдущих поколений, и можно ожидать, что погруженность в интернет-коммуникации, с их высоким разнообразием, высокими темпами обновления информации,

ролью визуальных образов, развлекательной ориентацией и другими специфическими свойствами, проявляется и на ценностном уровне. Современные исследования, в целом, подтверждают такой вывод.

В исследовании М. МакКриндла отмечается, что для поколения Y характерна высокая потребность в общности, прочных и комфортных социальных связей, отказ от простого консьюмеризма в пользу более сложных жизненных ценностей, в которых большую роль могут играть забота об окружающей среде, социальных проблемах, правах человека и т.п. [6]. Одновременно из-за высокой погруженности в медиа-среду, заполненной «хайпом» и яркими стимулами, они нуждаются в определенном авторитете, которому они доверяют и который поможет им осуществлять навигацию в этой среде. Согласно другим исследованиям, интернет-поколения отличаются высокими запросами и ценностями достижения и развития, потребностью в групповом, командном взаимодействии при сохранении индивидуальности, высокая ценность личной жизни, развлечений, нового опыта, ориентация на сравнительно кратковременные карьерные траектории и регулярную смену деятельности [7-9].

Логика «поколенческого» подхода к проблеме влияния интернет-коммуникаций выглядит обоснованной, однако не может считаться достаточной и исчерпывающей. Во-первых, эмпирических свидетельств уникальности ценностных ориентаций поколений Y и Z пока не так много, и они не всегда полностью согласованы друг с другом. Во-вторых, и это более важно, их ценностные особенности невозможно атрибутировать именно медиа-среде и

интернет-коммуникациям. Хотя новый тип информационного потребления и коммуникационного поведения и являются важной характеристикой условий социализации и жизни молодых поколений, последнее не сводится к ним. Интернет-поколения существуют в мире, отличающемся от предыдущих эпох не только информационной средой, но и другими важными характеристиками: трансформирующейся экономикой и рынком занятости, ростом мобильности, в том числе международной, появлением новых социальных проблем, рисков и угроз (миграция, терроризм, экологические проблемы и др.), старением населения, изменениями глобального и регионального политического ландшафта. Все эти процессы могут вносить свой вклад в формирование ценностных ориентаций, и поколенческий подход не позволяет отделить их влияние от влияния собственно трансформирующейся информационно-коммуникационной среды. Поэтому существует очевидная потребность в более сфокусированном изучении роли интернет-коммуникаций в динамике ценностных ориентаций как молодежи, так и более старших поколений, имеющих уже сложившуюся систему норм и ценностей.

Эмпирические свидетельства влияния интернет-коммуникаций на ценностные ориентации в зарубежных исследованиях

Мануэль Кастельс, был одним из первых крупных теоретиков, напрямую поставивших вопрос о влиянии новой информационной среды на культуру и ценности (эта установка, в значительной мере, также нашла отражение в исследованиях М. Фуко, П.

Блау, П. Бурдые, Ж. Деррида, Ю. Хабермаса, И. Воллерстайна, Р. Робертсона, Дж. Ритцера и других западных социологов). Анализируя логику сетевого принципа организации, характерного для информационного общества, Кастельс предположил, что развитие процессов информатизации и сетевизации должно способствовать росту индивидуалистических ценностей [4]. Главный аргумент заключается в том, что индивиды, избавляясь от «пространственного диктата», в значительной степени перестают зависеть от локальных сообществ как основной и неизбежной среды социальных взаимодействий. Имея возможность выстраивать многообразные социальные связи с людьми, независимо от их местонахождения, входить и покидать социальные сети и виртуальные сообщества, индивиды неизбежно становятся более самостоятельными, превращаясь в полноценных акторов, отвечающих за конфигурацию собственного социального круга. Усиление их активности и независимости делает неизбежным и рост индивидуализма, понимаемого как автономность и независимость в своих действиях и оценках.

Хотя эта логика представляется обоснованной, ее эмпирическая проверка не является тривиальной задачей. Действительно, как было показано выше, исследования ценностных ориентаций поколений Y и Z показывают, скорее, обратную тенденцию к увеличению ценности содержательных и значимых социальных связей, аффилиации, доверия и просоциальных установок.

Ряд важных исследований, позволяющих оценить влияние новой информационной среды на ценности, был проведен европейскими

специалистами в рамках проекта по изучению интернет-ценностей. Масштабное социологическое исследование (N = 5400 чел.) интернет-пользователей из 13 стран, проведенное в 2010 году, показало, что в мире формируется общая, глобальная интернет-культура, в основе которой лежат ценности свободы выражения, приватности, доверия и безопасности [10]. Тот факт, что разные страны с сопоставимым уровнем развития интернет-коммуникаций характеризуются схожими ценностными ориентациями, позволяет предположить, что именно информатизация и развитие информационного общества оказываются тем фактором, который воздействует на доминирование определенных ценностей. При этом исследование показало, что пользователи в странах с более поздним развитием интернета, в целом, также принимают универсальные индивидуалистические ценности интернет-культуры и готовы демонстрировать приверженность им.

Несколько лет спустя та же группа провела повторное, еще более масштабное исследование, уже в рамках работы Всемирного экономического форума. На основе опроса более чем 11 тыс. чел. из 63 стран с разным уровнем проникновения интернета, они подтвердили ключевое значение, которое для пользователей играет свобода самовыражения [11].

Также вновь было подтверждено, что страны с более поздним развитием интернет-сферы, зачастую имеющие достаточно жесткое регулирование (например, Китай, Египет, Мексика) тем не менее, демонстрируют более выраженную

поддержку ценности свободы выражения, чем пользователи из стран с развитыми демократическими институтами. Хотя, конечно, факторы, обуславливающие этот феномен, достаточно различные. Такие результаты, в целом, согласуются с гипотезой М. Кастельса, показывая, что развитие интернет-технологий и коммуникаций может считаться самостоятельным фактором, способствующим формированию особой культуры информационного общества.

Возможности глобальной коммуникации становятся тем условием, которое способствует согласованию различных культурных перспектив и распространению тех ценностно-нормативных моделей, которые предполагают уважение и ценность личности. Ценности свободы выражения и, в меньшей степени, другие Интернет-ценности, могут рассматриваться как индивидуалистические по своей сути, однако они не противоречат, а в чем-то и согласуются и с ценностями социализации и общности (прежде всего, это касается доверия). При этом необходимо сделать важную оговорку: принятие интернет-пользователями более индивидуалистических ценностей не означает, что эти ценности воплощены в практике; напротив, они регулярно вступают в противоречие с фактически сложившимися системами интернет-регулирования со стороны как правительств, так и компаний.

Вывод о том, что использование интернета способствует росту демократических и индивидуалистических ценностей, был подтвержден и в исследовании гонконгских специалистов, сфокусированном на изучении азиатских стран – региона с выраженной коллективистской

культурой и ориентацией на самоконтроль, эмоциональную сдержанность, уважение традиции [12]. На материале 11 стран исследователи выявили, что частота использования интернетом положительно связана с ценностями свободы выражения, свободы слова и интернета. Такая связь была установлена как на социетальном, так и индивидуальном уровне. Авторы прямо интерпретируют полученные данные как проявление того, что интернет выступает в эмансипирующей роли, меняя традиционную систему ценностей азиатских стран.

Исследования, проведенные в странах с демократической организацией и либеральной культурой, дали похожие результаты. Американский политолог и социолог Н. Свиггер, опросив почти тысячу американских граждан, выяснил, что те, кто больше использует социальные сети и блоги, демонстрируют также и более выраженную поддержку гражданских свобод [13]. Одновременно они менее склонны беспокоиться о сохранении приватности. Автор связывает такие результаты с тем, что социальные медиа вовлекают индивида в новые практики, в которых они больше склонны делиться информацией о себе и искать информацию о других. Это формирует запрос на свободу выражения, как своего, так и других, а утрата приватности рассматривается как неизбежная плата за это.

Новый опыт социального взаимодействия постепенно меняет представления о социальном мире, затрагивая, в конечном счете, и фундаментальный ценностный уровень. Представляет интерес, что эти эффекты оказались суще-

ственно более значимыми для молодой части респондентов (младше 25 лет), что находится в соответствии с «поколенческой» гипотезой. Учитывая, что время появления первых социальных сетей – середина 2000-х годов, можно предположить, что влияние социальных сетей на ценности среди молодых людей объясняется тем, что этот новый опыт оказывает такое воздействие именно как часть процесса социализации.

Если это так, то, по-видимому, влияние интернет-коммуникаций на ценности основано на механизмах усвоения и формирования, а не изменения ценностных ориентаций. Психологические исследования подтверждают, что онлайн-коммуникации становятся для современных подростков самостоятельным фактором социализации, особенно важным для формирования моральных и этических концепций, представлений о социальном мире и социальных отношениях, поиска образцов для подражания и ролевых моделей [14]. Это интересная гипотеза, поскольку в настоящее время и обозримом будущем новые социальные медиа превратятся в постоянно действующий фактор социализации, и по мере смены поколений следует ожидать фундаментальных сдвигов в ценностных моделях всех развитых и развивающихся стран. Воздействие опыта социализации в социальных медиа может не ограничиваться признанием ценностей гражданских свобод, но и влиять на восприятие социально-групповых отношений и социальную идентичность. Однако проверка этой гипотезы требует дополнительных исследований.

Влияние интернет-коммуникаций на ценности в российских исследованиях

В современной российской науке проблема влияния новых интернет-коммуникаций на динамику ценностных ориентаций общества и отдельных групп признается крайне значимой и актуальной. Тенденции информатизации и расширения участия в интернет-коммуникациях, прежде всего, социальных медиа, характерны для России в той же мере, что и для остального мира. Согласно данным Левада-центра, доля населения, использующего интернет на ежедневной основе (конец 2019 г.), составляет 65%, а среди молодежи 18-24 лет этот показатель достигает 94% [15], что полностью укладывается в логику «поколенческого» подхода.

Для российских специалистов характерно достаточно критичное отношение к роли интернет-коммуникаций в динамике ценностных ориентаций. Признавая возможности, которые интернет предоставляет для получения информации, общения, работы, обучения, они склонны рассматривать его как фактор утраты традиционных ценностей, атомизации и радикализации (см., напр. [16-17]). Однако исследования, которые позволили бы эмпирически обосновать и конкретизировать тезис о влиянии интернет-коммуникаций на ценностные ориентации, на сегодняшний день остаются достаточно редкими, а аргументация авторов носит, как правило, сугубо теоретический характер. При этом признается исключительное влияние интернет-коммуникаций на ценностные ориентации именно в

молодежной среде, отражая представление о них как о важном факторе социализации.

Некоторые исследования специалистов из Института социологии РАН показывают существование определенной тенденции к росту индивидуалистических ценностей, что может быть связано с распространением «информационной культуры», однако отмечают, что ценностная динамика носит более сложный характер и содержит в себе и противоположные тенденции [18-19]. К сожалению, оценить именно роль интернет-коммуникаций в данном случае крайне затруднительно.

В исследовании М.В. Ячменовой на основе контент-анализа социальных медиа был сделан вывод о существовании сложной связи между использованием социальных сетей и ценностей семьи: если для людей, уже находящихся в семейных отношениях социальные медиа используются для их укрепления и развития, то формирование семейных ценностей у молодых людей вне таких отношений происходит под значительным влиянием лидеров мнений и закладываемых ими ролевых моделей [20]. Это исследование представляет интерес, поскольку показывает, что отношения между включенностью в интернет-коммуникации и ценностными ориентациями носят взаимный характер и требуют учета более сложной системы факторов, действующих в обществе.

В целом, для российских авторов характерен высокий интерес к проблеме влияния интернет-коммуникаций на ценности, однако недостаточность глубоких эмпирических исследований, которые позволили бы

описать динамику ценностных ориентаций именно как следствие развития интернет-коммуникаций, и предложить убедительное описание действующих механизмов. Также следует отметить некоторую неопределенность в понимании самого понятия ценностей и отсутствие консенсуса относительно их типологии и взаимосвязи.

Заключение

Связь между современными интернет-коммуникациями и ценностными ориентациями – важное, но в значительной мере неисследованное направление для современной социальной науки. На фоне признаваемых радикальных трансформаций информационно-коммуникативной среды, уровень теоретических знаний и эмпирических данных, позволяющих судить о направлении, формах и механизмах их связи с ценностными ориентациями различных социальных групп, пока не соответствует сложности и важности проблемы. Хотя предварительные данные, полученные к настоящему моменту, позволяют утверждать, что включение в интернет-коммуникации оказывают существенное влияние на ценностные ориентации, особенно в рамках процесса социализации, они остаются достаточно фрагментарными, разрозненными и не всегда соответствующими друг другу. Это касается как зарубежных, так и российских исследований.

Для устранения существующих проблем и пробелов в знаниях, наиболее актуальными являются несколько направлений исследований. Во-первых, многообразие моделей ценностных ориентаций, ис-

пользуемых социологами и психологами, требует разработки методологических решений, повышающих возможности теоретической интерпретации данных отдельных исследований. Во-вторых, следует принимать во внимание многообразие самих интернет-коммуникаций, особенностей взаимодействия, накладываемых функционалом и правилами конкретных платформ и социальных медиа. В-третьих, при исследовании и анализе проблемы влияния интернет-коммуникаций на ценности необходимо учитывать и обратное воздействие ценностей на использование интернета. В-четвертых, помимо фиксации связи между интернет-коммуникациями и ценностями, необходимо выявлять и специфические механизмы, которые лежат в ее основе, позволяют объяснять и предсказывать наблюдаемые эффекты.

Литература

1. Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol.2 (1). P.1-20.
2. Schwartz S.H. Values: cultural and individual. In: Fundamental Questions in Cross-Cultural Psychology / Ed. by F.J.R. van de Vijver, A. Chasiotis, S.M. Breugelmans. Cambridge: Cambridge University Press. P.463-493.
3. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.
4. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
5. Global Digital Report 2019 / We Are Social. – URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019>. Дата обращения: 30.01.2020.
6. McCrindle M. Understanding Generation Y // Principle Matters. 2003. № 55. P.28-33.
7. Berkup S.B. Working with Generations X and Y in Generation Z period: management of different generations in business life // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol.5. №19. P.218-229.
8. Iorgulescu M.-C. Generation Z and its perception of work // Cross-Cultural Management Journal. 2016. Vol. XVIII. №1. P. 47-54.
9. Törocsik M., Szucs K., Kehl D. How generations think: Research on Generation Z // Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio. 2014. Vol.1. P.23-45.
10. Dutta S., Dutton W.H., Law G. The New Internet World: A Global Perspective on Freedom of Expression, Privacy, Trust and Security Online. INSEAD Faculty and Research Working Paper, 2011. – URL: <http://ssrn.com/abstract=1916005>.
11. Dutton W.H., Law G., Bolsover G., Dutta S. The Internet Trust Bubble: Global Values, Beliefs and Practices. Geneva: World Economic Forum, 2013.
12. Shen F., Tsui L. Revisiting the Asian Values Thesis: An empirical study of Asian values, Internet use, and support for freedom of expression in 11 societies // Asian Survey. 2018. Vol. 58. №3. P.535-556.
13. Swigger N. The online citizen: Is social media changing citizens' beliefs about democratic values? // Political Behavior. 2013. Vol.35. №3. P.589-603.

14. Adolescent Online Social Communication and Behavior : Relationship Formation on the Internet / Ed. by R. Zheng, J. Burrow-Sanchez, C. Drew. Hershey; New York: Information Science Reference, 2010.

15. Динамика пользования интернетом / Левада-центр. – 05.12.2019.

– URL: <https://www.levada.ru/2019/12/05/dinamika-polzovaniya-internetom>.

16. Гугуева Д.А., Фетисова О.В. Ценности современной российской молодежи в реальном и виртуальном обществах // Гуманитарий юга России. – 2016. – №5. – С.85-92.

17. Хвилья-Олинтер Н.А. Интернет-фактор в ценностном развитии молодежи России // Alma Mater. – 2016. – №5 – С.104-109.

18. Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И.А.Халий. – М.: ИС РАН, 2015.

19. Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: РГГУ, 2018. – С.212-219.

20. Ячменева М.В. Влияние социальных медиа на формирование семейных и гражданских ценностей молодежи в современной России: опыт социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2019. №3. С.83-88.

The impact of internet communications on value orientations: a review

Kozhevnikov A.M., Maslikov V.A.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Emergence of information society changes the environment of social interaction, influencing all aspects of human life including the deepest one, values. Some studies show that the greater involvement in the internet communications contributes to the acceptance of liberal values, including freedom of

expression. At the same time, there is evidence that the internet-generations socializing in the new information milieu, value solidarity and affiliation, trust, prosocial attitudes. Existence of multidirectional trends is also identified in studies conducted in Russia. It can be argued that the growth of individualistic values of self-expression and achievement is counterbalanced by the more socially-oriented values. Importantly, value orientations have a reverse impact on the internet use, both at the individual and societal level. As the existing data is fragmented and not always coherent, and the theory is not elaborated yet, more research is needed to clarify the relations between internet communications and values.

Keywords: internet communications; information society; values; social media

References

1. Schwartz S.H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2 (1). P.1-20.
2. Schwartz S.H. Values: cultural and individual. In: Fundamental Questions in Cross-Cultural Psychology / Ed. by F.J.R. van de Vijver, A. Chasiotis, S.M. Breugelmans. Cambridge: Cambridge University Press. P.463-493.
3. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.
4. Castells, M. Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business, and society. - Yekaterinburg: U-Factoria, 2004.
5. Global Digital Report 2019 / We Are Social. - URL: <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019>. Date of appeal: 01/30/2020.
6. McCrindle M. Understanding Generation Y // Principle Matters. 2003. No. 55. P.28-33.
7. Berkup S.B. Working with Generations X and Y in Generation Z period: management of different generations in business life // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 5. No. 19. P.218-229.
8. Iorgulescu M.-C. Generation Z and its perception of work // Cross-Cultural Management Journal. 2016. Vol. XVIII. No. 1. P. 47-54.
9. Tórocsik M., Szucs K., Kehl D. How generations think: Research on Generation Z // Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio. 2014. Vol. 1. P.23-45.
10. Dutta S., Dutton W.H., Law G. The New Internet World: A Global Perspective on Freedom of Expression, Privacy, Trust and Security Online. INSEAD Faculty and

- Research Working Paper, 2011. - URL: <http://ssrn.com/abstract=1916005>.
11. Dutton W.H., Law G., Bolsover G., Dutta S. The Internet Trust Bubble: Global Values, Beliefs and Practices. Geneva: World Economic Forum, 2013.
 12. Shen F., Tsui L. Revisiting the Asian Values Thesis: An empirical study of Asian values, Internet use, and support for freedom of expression in 11 societies // Asian Survey. 2018. Vol. 58. No. 3. P.535-556.
 13. Swigger N. The online citizen: Is social media changing citizens' beliefs about democratic values? // Political Behavior. 2013. Vol. 35. No. 3. P.589-603.
 14. Adolescent Online Social Communication and Behavior: Relationship Formation on the Internet / Ed. by R. Zheng, J. Burrow-Sanchez, C. Drew. Hershey; New York: Information Science Reference, 2010.
 15. Dynamics of using the Internet / Levada Center. - December 5, 2019. - URL: <https://www.levada.ru/2019/12/05/dinamika-polzovaniya-internetom>.
 16. Gugueva D.A., Fetisova O.V. Values of modern Russian youth in real and virtual societies // Humanitarian of the South of Russia. - 2016. - No. 5. - S.85-92.
 17. Khylyya-Olinter N.A. Internet factor in the value development of youth of Russia // Alma Mater. - 2016. - No. 5 - S.104-109.
 18. Actualized values of modern Russian society / Ed. ed. I.A. Khali. - M.: IS RAS, 2015.
 19. Yakovleva M.N. The dynamics of value orientations of modern youth // Sense of life of the Russian intelligentsia / Ed. J.T. Toshchenko. - M.: RGGU, 2018. -- S.212-219.
 20. Yachmeneva M.V. The influence of social media on the formation of family and civic values of youth in modern Russia: the experience of sociological research // Management of sustainable development. 2019. №3. S.83-88.

Методические проблемы социологического исследования цивилизационной идентификации российской молодежи

Максимов Владимир Валерьевич

аспирант, Департамент социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, tiz8283@mail.ru

В статье описана методика социальной диагностики процесса цивилизационной идентификации, раскрыты ее компоненты, дана характеристика их содержания, а также методологических, процессуальных и организационно-технологических особенностей. Обоснованы концептуальные основы методики, релевантные средства сбора первичных социологических данных, их обработки и анализа, визуализации результатов применения методики в целях введения в научно-практический оборот, представлению выводов широкой общественности. На примере авторского социологического исследования представлены выводы из апробации разработанной методики и даны рекомендации по ее использованию субъектами социального управления для учета в реализации мер устойчивого цивилизационного развития нашего общества.

Ключевые слова: российская цивилизация, идентичность, идентификация, молодежь, методы, методика, социологическое исследование.

Научное познание предполагает наличие и использование релевантных средств выявления особенностей явлений и процессов, применение обоснованных теоретических и экспериментальных методов определения параметров их статистических и динамических аспектов. Свою специфику имеют методы социально-гуманитарных исследований, которые успешно интегрируют в себе не только собственно человековедческие, антропоцентрические модели познания, но и методический арсенал естественных наук [2; 9].

Весьма важными для обеспечения достоверности социально-гуманитарного знания, обеспечения реализации им своей познавательной, культурно-мировоззренческой, образовательной и практической функции является разработки методических основ глубокого изучения цивилизационных процессов, которые связаны с фундаментальным пониманием человеческого бытия, смысла, роли и места человеческого социума в природе. В отечественной научной мысли сделаны существенные научные заделы в обосновании концепций цивилизации [1; 3;], разработке методик и исследовательских технологий [7], изучения цивилизационной динамики [5] и другие. В условиях нестабильности военно-политической международной обстановки и угрозы войн ряд ученых обратились в своих исследованиях к проблемам

цивилизационной безопасности, [4], а в документах стратегического планирования нашей страны закреплена важность поддержания традиционных цивилизационных ценностей [8].

В настоящее время возрастает детерминация процесса уточнения методических основ исследования проблем цифрового общества, виртуального социального пространства со стороны все более широкого внедрения цифровых технологий во все сферы жизни. Закономерным в этой связи выглядят обсуждение учеными и практиками возможностей использования цифровых платформ, сервисов информационно-коммуникационной сети «Интернет» в качестве современных исследовательских технологий глобальных цивилизационных процессов, трансформации локальных цивилизаций, существенных изменений ценностно-нормативных систем и отдельных сообществ [6].

Разработка методологии социологического исследования социальных феноменов в общем виде включает в себя следующие этапы: 1) управленческий – определение предназначения методологии и области ее применения; 2) методологический – концептуализацию используемых понятий, их интерпретацию и операционализацию; 3) технологический – обоснование (разработку) используемых измерительных средств в сборе первичных данных (шкал, методов); 4) организационный – планирование работ и организацию социологического исследования; 5) аналитический – обработку и анализ социологических данных; 6) результирующий – визуализацию результатов исследования, стандартов его оформления и регламента

представления (презентации) потребителю (заказчику).

На начальном – *управленческом этапе*, целесообразно определить субъектов государственного управления, которые нуждаются в насыщении мониторинговыми данными о цивилизационных процессах, включенности в них различных групп населения, тенденциях трансформации ценностно-нормативных, культурно-исторических и иных компонентов развития социума.

В ходе *методологического этапа* разработки методологии произведено уточнение понятия и сущности цивилизационной идентификации российской молодежи, как объекта социологического исследования, как процесса установления тождественности образа жизни, личного восприятия культуры, мировоззрения молодого россиянина, распознавания в себе общности с людьми, причисляющих себя к российской культуре, духовному миру российской цивилизации, разделяющих фундаментальные традиционные российские ценности.

Интерпретация этого базового понятия может быть проведена с выделением следующих эмпирических и операциональных компонентов: а) онтологического – понимание сущности российской цивилизации, ее миссии в общечеловеческом развитии; б) информационном – осведомленность в памятных событиях на основных этапах развития России и лучших ее представителей; в) аксиологического – интериоризация ценностных основ российской культуры; г) компетентностного – владение государственным языком, готовность к образу жизни в соответствии традициями, а также установленными нормами социума

и государства; д) деятельностного – реальное поведение и используемые социально-профессиональные формы социальной активности, отвечающие требованиям социального порядка и интересам национальной безопасности.

Операционализация выделенных компонентов в рамках разработанной методики осуществляется в сфере фиксации социальных качеств личности молодых людей, ее диспозиционной структуры, оценочных суждений относительно иерархии разделяемых ценностей, а также самооценки социальной дистанции своей личности с российской и иными цивилизациями.

В целях придания дополнительной достоверности и обоснованности операционализированных элементов методики, в нее включены нормативно закреплённые в документах стратегического планирования духовно-нравственные российские цивилизационные ценности [8]. Таким образом универсальные (общечеловеческие) терминальные и инструментальные ценности дополнены в разработанных бланках самооценкой идентификации российской студенческой молодежи к следующим ценностям: а) достойном отношении к истории нашей страны; б) признание ценностью свободы и независимости России; в) утверждение гуманизма, как ценности в системе координат российской цивилизации; г) признание ценности межнационального мира и согласия; д) принятие в своем мировоззрении ценностей единства культур многонационального народа Российской Федерации; е) интегрирование ценности и норм уважения семейных традиций; ж) уважительное

отношение к традиционным профессиональным концепциям и институтам; з) признание ценности патриотизма для себя и социума.

Технологический этап разработки методики связан с разработкой релевантных методов сбора первичных данных, а также надежных измерительных шкал, которые позволяют зафиксировать показатели операционализированных индикаторов, которые позволяют характеризовать процесс цивилизационной идентификации.

Так, важное место в используемых средствах сбора первичных данных занимает методика определения рангового положения с точки зрения привлекательности (приемлемости, позитивного отношения) в специально сформированном перечне следующих актуально представленных в человеческом социуме в настоящее время цивилизаций и представляющих их национально-культурных и государственных образований: российская (Россия); западная-западноевропейская (Франция, Великобритания, ФРГ и др.); западная-североамериканская (США); славянская - православная, ортодоксально-православная (Белоруссия, Сербия, Словения и др.); западная-скандинавская - северо-европейская (Норвегия, Швеция и др.); китайская – конфуцианская (Китай); японская (Япония); восточноевропейская (Польша, Венгрия, Болгария и др.); западная-австралийско-новозеландская (Австралия, Новая Зеландия); буддистская (Тибет (Китай), Шри-Ланка, Таиланд, Мьянма и др.); западная-латиноамериканская (Колумбия, Венесуэла, Аргентина и др.); иудаизма - еврейская, израильская (Израиль); ин-

дийская - индуистская (Индия); исламская-тюркская - в частности турецкая (Турция); африканская - негроидно-африканская (Египет, Нигерия, Ангола, ЮАР и др.); исламская-малайская (Малайзия); исламская-арабская (Палестина, Иордания, Ирак и др.); исламская-иранская – персидская (Иран).

Предназначение *организационного этапа* – осуществление планирование основных мероприятий по применению методик сбора первичных данных, осуществлению контроля за качеством процесса полевых работ, обработки и анализа полученных экспериментально зафиксированной информации, выявленных фактов осуществления процесса цивилизационной идентификации молодежи.

Реализация мероприятий более ранних этапов алгоритма разработки методики позволило сформировать организационный замысел эмпирического социологического исследовательского проекта диагностики цивилизационной идентичности российской студенческой молодежи «Молодежь России», которое реализуется в 2019-2020 году Департаментом социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве. На настоящее время проводятся мероприятия по сбору первичных данных: а) количественными методами – опроса студенческой, рабочей молодежи из 39 регионов России, курсантов военных учебных заведений и правоохранительной системы (собрано 418 анкет, что позволило обеспечить представительность данных на уровне ошибки 4,3% и уровне значимости 0,05); б) качественных методов – 7-ми фокус-

групп различных категорий молодежи из 3-х регионов России (Москва, Московская и Белгородская область), расширенной тестовой методики ценностных ориентаций Рокича (370 тестируемых); методики незаконченных предложений (20 российских студентов, прошедших полугодовые образовательные стажировки в других странах).

В основу построения индикативной ценностной модели ценностной российской цивилизации положено определение ее в качестве локальной цивилизации, как относительно автономного в пространственно-временном континууме социума, представляющего целостной системы экономической, политической, социальной и духовной сфер, которая развивается по законам витальных циклов - зарождение, развитие, расцвет и угасание.

На *аналитическом этапе* создания методики проводится обоснование процедур и технологий обработки и интерпретации первичных данных в целях: а) определения уровня идентификации молодого человека с российской цивилизацией; б) выявления детерминации этого процесса; в) проведения сравнительного анализа результативности процесса идентификации среди различных социальных групп молодежи; г) тенденций процесса цивилизационной идентификации.

Наконец, на *результатирующем этапе* работы по разработке методики определяются формы визуализации полученных с помощью нее результатов, а также определяются нормы оформления отчета и порядок, регламент представления этого отчета и иных материалов по-

требителю, которых в рамках рыночных отношений может иметь статус заказчика, либо покупателя.

Весьма информативными для социологического анализа процесса цивилизационной идентификации студенческой молодежи стали вопросы о принятии (не принятии) респондентами норм, ценностей и установлений, составляющих содержание ее ценностной модели.

В содержание отчета на основе реализованной методики социологического исследования, в частности включены выводы о предпочтительности в качестве объекта идентификации различных цивилизационных моделей.

В целом процесс разработки методики социологического исследования цивилизационной идентификации российской молодежи, как это показано выше, носит характер целостной технологии создания оригинальных научно-практических средств познания социальных явлений и процессов в сфере функционирования и развития социума, которые в силу своей оригинальности и авторского характера являются объектом интеллектуальной собственности.

Таким образом, методические средства социальной диагностики процессов цивилизационной идентификации различных категорий населения в настоящее время включают в себя традиционные и новейшие концепции понимания «цифрового общества», требуют насыщения информационно-технологическими средствами сбора первичных данных в интернет-пространстве, а также предполагают сочетание качественных и количественных технологий анализа и интерпретации получаемой информации. Сочетание в методике этих

компонентов позволяет обеспечить ее релевантность, и, как следствие, получаемые с ее помощью социологические данные достоверными.

Литература

1. Абросимова, И.А. Цивилизационная идея в эпоху цивилизационных рисков // Сборник трудов конференции. Двенадцатые межрегиональные образовательные пименовские чтения «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси». Саратов, 05-06 декабря 2014г., с.116-121.
2. Баксанский, О.Е. Конвергенция: естественнонаучные методы познания в социально-гуманитарной сфере / В сборнике: Человек в технической среде. Сборник научных статей. Минобрнауки России, Вологодский государственный университет. Вологда, 2015. С.4-12.
3. Бороздин, А.Н. Цивилизационная парадигма и проблемы цивилизационной самоидентификации / Избранные научные труды. Москва, 2017. С.119-127.
4. Вусатюк, О. Цивилизационные дрейфы и цивилизационная безопасность восточноевропейского мира // Экономические стратегии. 2005. Т.7. №5-6 (39-40). С.30-35.
5. Денисов, Н.Г. На цивилизационном распутье (к вопросу о научной полемике вокруг цивилизационной динамики в современных общественных процессах) // Культурная жизнь Юга России. 2018. №2 (69). С.7-12.
6. Кибакин, М.В. Особенности социологических онлайн-исследований рисков финансового поведения населения в информационно-коммуникационной сети «Интернет» // Цифровая социология. Т.2. №1. 2019. – С.32-38.

7. Следзевский, И.В. Цивилизационные исследования в африканистике: проблемы цивилизационной специфики и цивилизационного развития африканских обществ / В сборнике: Цивилизационные альтернативы Африки. Москва, 2016. С.48-87.

8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683).

9. Толстова, Ю.Н. Математические методы – факторы связи естественных и социально-гуманитарных наук (социологии) // Социологические исследования. 2015. №10(378). С.12-21.

Methodological problems of sociological research of civilizational identification of Russian youth

Maximov V. V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article describes the method of social diagnostics of the process of civilizational identification, reveals its components, and gives the characteristics of their content, as well as methodological, procedural, and organizational and technological features. The conceptual foundations of the methodology, relevant means of collecting primary sociological data, processing and analyzing them, visualizing the results of applying the methodology for introduction into scientific and practical use, and presenting conclusions to the General public are substantiated. On the example of the author's sociological research, the author presents the conclusions from the approbation of the developed methodology and gives recommendations on its use by social management entities for taking into account the implementation of measures of sustainable civilizational development of our society.

Keywords: Russian civilization, identity, identification, youth, methods, methodology, sociological research.

References

1. Abrosimova, I. A. Civilizational idea in the era of civilizational risks // proceedings of the conference. Twelfth inter-regional educational Pimenov readings "Prince Vladimir. Civilizational choice of Russia". Saratov, 05-06 December 2014, p. 116-121.
2. Baksansky, O. E. Convergence: natural science methods of knowledge in the social and humanitarian sphere / in the collection: Man in a technical environment. Collection of scientific articles. Ministry of education and science of Russia, Vologda state University. Vologda, 2015. Pp. 4-12.
3. Borozdin, A. N. Civilizational paradigm and problems of civilizational self-identification / Selected scientific works. Moscow, 2017. Pp. 119-127.
4. Vusatiuk, O. drift Civilizational and civilizational no-risk the Eastern European world // Economic strategy. 2005. Vol. 7.No. 5-6 (39-40). Pp. 30-35.
5. Denisov, N. G. At the civilizational crossroads (on the issue of scientific polemics around civilizational dynamics in modern social processes) // Cultural life of the South of Russia. 2018.No. 2 (69). Pp. 7-12.
6. Kibakin, M. V. Features of sociological online research of risks of financial behavior of the population in the information and communication network "Internet" // Digital sociology. Vol. 2. No. January 1, 2019 - Pp. 32-38.
7. Sledzevsky, I. V. Civilizational studies in afrikanism: problems of civilizational specificity and civilizational development of African societies / in the collection: Civilizational alternatives to Africa. Moscow, 2016. Pp. 48-87.
8. National security strategy of the Russian Federation (Approved by presidential decree No. 683 of December 31, 2015).
9. Tolstova, Yu. N. Mathematical methods - factors of connection between the natural and social sciences and Humanities (sociology) // Sociological research. 2015.No. 10 (378). Pp. 12-21.

Социологический анализ практики внедрения телемедицины в условиях с ограниченными ресурсами

Месропян Маргарита Гагиковна

аспирант, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации,
m.mesropyan.93@gmail.com

Информационные коммуникации и технологии для инициативы в области здравоохранения (ИКТИОЗ), такие как телемедицина, могут потенциально сократить разрыв между медицинскими услугами, доступными в сельских и городских районах. Однако, большинство таких инициатив не могут выдержать или получить оптимальные результаты. Понимание того, что движет успехом в телемедицинских инициативах, было бы очень ценно для медицинских работников, политиков и ученых.

Ключевые слова: телемедицина; цифровое здравоохранение; отношение врач-пациент; социальные механизмы; информационные технологии.

Семьдесят пять процентов медицинских учреждений (инфраструктура и рабочая сила) в мире сосредоточены в городских районах, на которые приходится только 27% населения. Недостаток рабочей силы в основном на уровне специалистов для хирургов, гинекологов, педиатров и врачей остаются вакантными в сельских районах [2]. Информационные коммуникации и технологии для инициативы в области здравоохранения (ИКТИОЗ), такие как телемедицина, выступающая в качестве канала передачи информации, обещают преодолеть разрыв в знаниях между «имущими» и «неимущими» между городскими и сельскими районами [10]. Телемедицина была определена как дистанционное предоставление связанных со здоровьем услуг посредством передачи аудио, видео и графической информации через телекоммуникационные сети, включая консультативные и диагностические услуги наряду с возможностью планирования, координации, сотрудничества и обучения [14]. Однако, несмотря на обещание, принятие инициатив, таких как телемедицина, было медленным, неравномерным и ограниченным по объему [4], особенно в условиях ограниченных ресурсов [10].

Чтобы реализовать потенциал телемедицины в условиях ограниченных ресурсов, исследователям необходимо выработать всестороннее и глубокое понимание того, как телемедицинский процесс работает в таких условиях, включая понимание процессов, непредвиденных обстоятельств, структур и причинных механизмов. Эти глубокие знания будут очень полезны для руководителей и специалистов, занимающихся разработкой и внедрением телемедицины. Данный анализ сосредоточен на механизмах, которые лежат в основе успешной телемедицины в условиях ограниченных ресурсов. В частности, изучая взаимодействие между врачом и пациентом в рамках успешной инициативы в области телемедицины, предпринимаются попытки понять «какие механизмы лежат в основе успешного проектирования и внедрения телемедицины, особенно в условиях ограниченных ресурсов».

Одной из важных причин медленного и неравномерного внедрения телемедицины является отсутствие соответствия между проектированием технологии и человеческими аспектами использования технологии [1]. Литература о влиянии телемедицины в основном сосредоточена на технологических аспектах телемедицины [7]. Как подчеркивали Уиттон, Сифер и Паттерсон [15], «Мы знаем много о пропускной способности и разрешениях, но мало о человеческих измерениях, которые делают возможной практику». Телемедицина может привести к заметным изменениям в техническом и межличностном контексте, в котором происходит общение. Действительно, успешное распространение телемедицинских

программ зависит от способности участников эффективно общаться в этой новой среде [9]; соответственно, исследуются как социальные, так и технологические аспекты - взаимодействие между различными участниками и взаимодействие участников с технологией.

Телемедицина включает врачей, предоставляющих медицинские консультации пациентам через виртуальные медиа. Вмешательства носят контекстуальный характер, поскольку «различные технологии могут формировать и формироваться действием в определенных контекстах» [8]. Например, социокультурные, экономические и технологические аспекты в условиях ограниченных ресурсов будут коренным образом отличаться от условий, связанных с высокими ресурсами в развитых странах. Таким образом, исследователи утверждают, что вместо поиска универсальных социальных законов и мета-теорий, которые пытаются объяснить широкий спектр социальных явлений в разных контекстах, изучение должно быть сосредоточено на контекстных теориях среднего уровня.

Ниже идентифицируются и объясняются механизмы и проверяются на основе теоретических и логических аргументов. Эти механизмы позволяют инициативе телемедицины преодолеть основные проблемы, возникающие в условиях ограниченных ресурсов. Не смотря на то, что телемедицинские системы могут предоставлять консультации специалистов, контекст, характеризуемый инфраструктурными ограничениями, плохой связью и отсутствием надежного источника питания, создает значительные проблемы для проектирования

и внедрения таких систем. Кроме того, качество медицинских услуг, предлагаемых поставщиками в сельских районах, вызывает сомнения [5]. Проектирование и реализация технологии должны учитывать контекстуальные нюансы, например, систему телемедицины, которая предоставляет домашнюю телеконсультацию пожилым пациентам, подключая практикующих врачей к соответствующему дому [3] или smart дом для улучшения доступа к медицинскому обслуживанию и повышения комфорта [6]. Все это может быть реальными решениями для ситуации, в которой пациент чувствует себя комфортно при использовании технологии и подключении к поставщику медицинских услуг, а контекстом является индивидуалистическое общество, где здоровье - это «личная причина».

Механизм широкой связи

Изначально, под процессом телеконсультации понимается взаимодействие между врачом и пациентом, когда пациенту предоставляется медицинская консультация через виртуальную среду. Другими словами, поток информации в телемедицине происходил в одном измерении между врачом и пациентом, которые являются соответственно поставщиком и ищущим медицинские услуги. Этот поток информации в значительной степени клинический, состоящий из медицинских знаний. Однако, телемедицина предполагает координацию и сотрудничество между двумя узлами - центральным и периферийным, а не между врачом и пациентом. Каждый узел, в свою очередь, состоит из нескольких связанных заинтересованных сторон, которые

также играют одинаково важную роль, если не больше, в обеспечении потока информации.

Слабая инфраструктурная поддержка, в том числе ненадежное электропитание и возможности подключения, особенно в удаленных сельских и периферийных местах, влекут за собой необходимость тщательного обдумывания места для установки телецентров на периферии.

В координации между узлами участвуют как онлайн, так и офлайн домены. Координаторы с обеих сторон обмениваются информацией, касающейся нескольких аспектов процесса телеконсультаций, таких как доступность врачей, количество пациентов, наличие обновленных записей и так далее. Эти обмены информацией, которые имеют место до телеконсультации в офлайн режиме, чрезвычайно важны для успешной и бесперебойной телеконсультации. Содержание офлайн взаимодействия, которое влечет за собой планирование и подготовку, в значительной степени является неклиническим. Эти взаимодействия гарантирует, что клинические аспекты будут учтены, такие как подготовка списка пациентов, которые были запланированы на день; подтверждение наличия специалистов в центральном узле и первичных врачей в периферийных узлах; заблаговременное информирование пациентов о назначении; и проверка и обеспечение того, чтобы они принесли необходимые отчеты в день консультаций. Предварительная координационная работа с пациентами и врачами приобретает важное значение, особенно в условиях ограниченных ресурсов, по-

скольким многим пациентам приходится преодолевать значительные расстояния, чтобы дойти до периферийных узлов (местных медицинских центры).

Другим важным аспектом, который определяет успех процесса телеконсультации, является технологическая надежность. Это особенно актуально в том случае, когда существует надежное подключение. Необходимо убедиться, что связь между узлами и оборудованием на центральных и периферийных узлах хорошо функционирует.

Низкое соотношение врач-пациент в условиях ограниченных ресурсов, является еще одним аспектом, который необходимо учитывать при разработке и внедрении телемедицины. Таким образом, система телемедицины требует особого акцента на том, чтобы сделать процесс телеконсультаций максимально простым, эффективным и действенным для и без того ограниченных во времени врачей, даже если эти меры делают его несколько неудобным для других заинтересованных сторон (Рис. 1).

Рисунок 1: Механизм широкой связи

Механизм обучения

Еще один аспект доступности - улучшение местных медицинских

учреждений и компетентность местных врачей/хирургов. Первичные местные врачи признают и подчеркивают важность расширения знаний и навыков в рамках участия в программе телемедицины. Этот вывод согласуется с исследованиями, в которых говорится, что телемедицина может использоваться для повышения квалификации медицинских работников в форме программ непрерывного медицинского образования и что программы обучения и развития могут проводиться дистанционно [11]. Другие исследователи также подчеркивают важность телемедицины в повышении эффективности медицинских работников за счет расширения их социальных и профессиональных сетей.

Приведенное выше утверждение подчеркивает еще один механизм, который обеспечивает успешную инициативу телемедицины - механизм обучения. «Обучение» подразумевает не только обучение медицинских работников использованию технологий, но также относится к микро аспекту повышения знаний и навыков местных врачей. Примечательно, что большая часть медицинской подготовки происходит в режиме ученичества и у постели больного, где врачи обсуждают клинические аспекты случая вокруг пациента. Процесс обучения и, как следствие, более активное участие местных врачей в этом процессе представляют собой микро-механизмы, которые позволяют повысить феномен телеконсультаций с помощью макроэффекта. Это еще больше повышает уверенность пациентов в самой системе, что закрепляет их участие в телемедицине. Расширение участия пациен-

тов в телемедицине еще более усиливает микро-аспект повышения квалификации местных врачей. Предыдущие исследования также показывают, что эффективность создания сообщества практиков по телемедицине может улучшить медицинскую практику и устойчивость вмешательств телемедицины [13]. Механизм обучения представлен на Рисунке 2 ниже.

Рисунок 2: Механизм обучения

Механизм формирования

Другим механизмом, который является решающим для успеха телемедицины - механизм формирования. Здесь имеется в виду формирование неинформированного пациента в опытного. Формирование связано тремя аспектами компетентности, а именно, самостоятельное управление болезнью; получение навыков работы с технологиями; и создание и доступ к группе социальной поддержки.

Практический пример поведения заинтересованных сторон в системе телемедицины: Система телемедицины разработана таким образом, чтобы максимально исполь-

зовать время врачей. Телеконсультации проводятся в фиксированные дни каждый месяц. Это влечет за собой то, что пациенты с аналогичным заболеванием (например: рак щитовидной железы), принадлежащие к близлежащим географическим районам, имеют возможность собраться в телецентрах, расположенных в местных медицинских учреждениях, что, в свою очередь, облегчает взаимодействие между пациентами и их родственниками. Разделение проблем, беспокойств и эмоциональной поддержки приводит к формированию неформальных местных групп поддержки. Кроме того, они узнают клинические аспекты лечения рака щитовидной железы друг от друга во время ожидания. Координаторы неоднократно могут связываться с пациентами, чтобы спросить об их отчетах, симптомах, протоколах лечения, чтобы обеспечить доступность соответствующих данных во время процесса телеконсультации. Это позволяет пациентам узнать, каковы были конкретные важные аспекты, необходимые для последующего наблюдения. Кроме того, поскольку пациенты и их родственники должны вести свои записи и напрямую общаться со специалистами по телемедицине, многие из них ведут свои собственные записи в дневниках. Компетентность также включает удобство использования и принятия технологий. При поддержке координаторов и групп поддержки, пациенты, прошедшие повторное наблюдение, чувствуют себя комфортно при использовании технологий.

Доступ к знаниям и социальная поддержка, которая приводит к компетентности в трех измерениях,

стал микромеханизмом формирования. Эта компетентность обеспечивает макро-манifestацию - гладкий и эффективный процесс телеконсультации и увеличение количества последующих действий. Повторные посещения телецентра влечет за собой более активное взаимодействие с координаторами и врачами и доступ к группам социальной поддержки. Это, в свою очередь, предоставляет возможности для повышения квалификации, что способствует участию пациентов в телемедицине. Предыдущие исследования показывают, что повышение уровня знаний пациентов может значительно улучшить качество взаимодействия между врачом и пациентом по сравнению с телемедициной [12]. Ниже на Рисунке 3 представлен механизм формирования.

Рисунок 3: Механизм формирования

Заключение

Не смотря на то, что большинство внедряемых вмешательств ИКТИОЗ не проходят испытание, есть определенные инициативы, которые являются успешными. Всестороннее понимание причинных структур и механизмов, лежащих в основе успешной телемедицины,

будет очень ценны как для ученых, так и для практиков. В заключении утверждается, что критическая реалистическая перспектива и механизмы являются подходящими для выделения конкретных аспектов разработки и реализации инициативы, лежащих в основе успешной телемедицины. Определено три механизма для обеспечения успешной телемедицины в условиях ограниченных ресурсов, а именно: механизм расширенной связи, механизм обучения и механизм формирования. Эти механизмы включают в себя как социальные, так и технические аспекты и дают причинно-следственные объяснения для эффективной телеконсультации на макроуровне. Примечательно, что три механизма решают проблемы трех различных заинтересованных сторон - координаторов, местных врачей и пациентов. Три механизма решают важный набор ограничений, связанных с условиями с ограниченными ресурсами, которые потенциально могут ограничить принятие телемедицины конкретными заинтересованными сторонами.

Литература

1. Avison, D., Young, T., 2007. Time to rethink health care and ICT? Commun. ACM 50 (6), p. 69.
2. Bhandari, L., Dutta, S., 2007. Health Infrastructure in Rural India, India Infrastructure Report. Government of India.
3. Botsis, T., Demiris, G., Pedersen, S., Hartvigsen, G., 2008. Home telecare technologies for the elderly. J. Telemed. Telecare 14 (7), p.333.
4. Chandwani, R., Dwivedi, Y.K., 2015. Telemedicine in India: current state, challenges and opportunities.

Transform. Gov. People Process Policy 9 (4), p. 393.

5. Das, J., Holla, A., Das, V., Mohanan, M., Tabak, D., Chan, B., 2012. In urban and rural India, a standardized patient study showed low levels of provider training and huge quality gaps. *Health Aff.* 31 (12), p.2774.

6. Ehrenhard, M., Kijl, B., Nieuwenhuis, L., 2014. Market adoption barriers of multi-stakeholder technology: smart homes for the aging population. *Technol. Forecast. Soc. Chang.* 89, p.306

7. Mair, F., Whitten, P., 2000. Systematic review of studies of patient satisfaction with telemedicine. *Br. Med. J.* 320 (7248), p.1517.

8. McGrath, K., 2013. The potential of generative mechanisms for IS research. In: ICIS 2013 Proceedings, pp. 1–3 (Link: <http://aisel.aisnet.org/icis2013/proceedings/ResearchMethods/12>).

9. Miller, E.A., 2011. The continuing need to investigate the nature and content of teleconsultation communication using interaction analysis techniques. *J. Telemed. Telecare* 17 (2), p.55.

10. Miscione, G., 2007. Telemedicine in the Upper Amazon: interplay with local health care practices. *MIS Q.* p. 403.

11. Mishra, S.K., Kapoor, L., Singh, I.P., 2009. Telemedicine in India: current scenario and the future. *Telemed. e-Health* 15 (6), p. 568.

12. Osei-Frimpong, K., Wilson, A., Lemke, F., 2016. Patient co-creation activities in healthcare service delivery at the micro level: the influence of online access to healthcare information. *Technol. Forecast. Soc. Chang.*

13. Sims, J.M., 2016. Communities of practice: telemedicine and online medical communities. *Technol. Forecast. Soc. Chang.*

14. Singh, R., Mathiassen, L., Mishra, A.N., 2009. A Theory of rural telehealth innovation—a paradoxical approach. In: ICIS 2009 Proceedings, p. 126.

15. Whitten, P., Davenport Sypher, B., Patterson, J.D., 2000. Transcending the technology of telemedicine: an analysis of telemedicine in North Carolina. *Health Commun.* 12 (2), p.109.

Sociological analysis of telemedicine implementation practices in resource-limited settings

Mesropyan M.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Information communication and technology for health initiatives (ICT4H), such as telemedicine, could potentially fill the gap between the health services available in rural and urban areas. Nonetheless, the majority of these actions cannot maintain or achieve optimal results. Understanding what drives success in telemedicine initiatives would be very beneficial to healthcare professionals, politicians and scientists. In the scope of this paper, an analysis of sociological theory and previous studies was carried out to determine the mechanisms that can ensure the successful conduct of telemedicine interventions.

Key words: telemedicine; digital healthcare; doctor-patient relationship; social mechanisms; information technology.

References

1. Avison, D., Young, T., 2007. Time to rethink health care and ICT? *Commun. ACM* 50 (6), p. 69.
2. Bhandari, L., Dutta, S., 2007. Health Infrastructure in Rural India, India Infrastructure Report. Government of India.
3. Botsis, T., Demiris, G., Pedersen, S., Hartvigsen, G., 2008. Home telecare technologies for the elderly. *J. Telemed. Telecare* 14 (7), p. 333.
4. Chandwani, R., Dwivedi, Y.K., 2015. Telemedicine in India: current state, challenges and opportunities. *Transform Gov. People Process Policy* 9 (4), p. 393.

5. Das, J., Holla, A., Das, V., Mohanan, M., Tabak, D., Chan, B., 2012. In urban and rural India, a standardized patient study showed low levels of provider training and huge quality gaps. *Health Aff.* 31 (12), p. 2774.
6. Ehrenhard, M., Kijl, B., Nieuwenhuis, L., 2014. Market adoption barriers of multi-stakeholder technology: smart homes for the aging population. *Technol. Forecast Soc. Chang.* 89, p. 306
7. Mair, F., Whitten, P., 2000. Systematic review of studies of patient satisfaction with telemedicine. *Br. Med. J.* 320 (7248), p. 1517.
8. McGrath, K., 2013. The potential of generative mechanisms for IS research. In: *ICIS 2013 Proceedings*, pp. 1-3 (Link: <http://aisel.aisnet.org/icis2013/proceedings/ResearchMethods/12>).
9. Miller, E.A., 2011. The continuing need to investigate the nature and content of teleconsultation communication using interaction analysis techniques. *J. Telemed. Telecare* 17 (2), p. 55.
10. Miscione, G., 2007. Telemedicine in the Upper Amazon: interplay with local health care practices. *MIS Q.* p. 403.
11. Mishra, S.K., Kapoor, L., Singh, I.P., 2009. Telemedicine in India: current scenario and the future. *Telemed e-Health* 15 (6), p. 568.
12. Osei-Frimpong, K., Wilson, A., Lemke, F., 2016. Patient co-creation activities in healthcare service delivery at the micro level: the influence of online access to healthcare information. *Technol. Forecast Soc. Chang.*
13. Sims, J.M., 2016. Communities of practice: telemedicine and online medical communities. *Technol. Forecast Soc. Chang.*
14. Singh, R., Mathiassen, L., Mishra, A.N., 2009. A Theory of rural telehealth innovation-a paradoxical approach. In: *ICIS 2009 Proceedings*, p. 126.
15. Whitten, P., Davenport Sypher, B., Patterson, J.D., 2000. Transcending the technology of telemedicine: an analysis of telemedicine in North Carolina. *Health Commun.* 12 (2), p. 109.

Доходы в бюджете современного российского студента

Матюшина Юлия Борисовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, soclabvsu@mail.ru

Петров Денис Сергеевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, den_petrov@rambler.ru

Петрова Валерия Денисовна,
студент, Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Petrovaleria.02@mail.ru

В статье рассматриваются доходы студентов на примере молодых людей, получающих высшее образование в Воронежском государственном университете. Выявляются основные источники дохода и то, как на них влияют социально-демографические признаки. Производится сравнительный анализ доходов студентов разных курсов и факультетов. Изучается характер подработки студентов. Анализируется доход, формирующийся от помощи родителей. Предлагаются примеры оптимизации бюджетных расходов российских студентов.

Ключевые слова: доходы, бюджет, студент, источники дохода

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года 26833946 [1] человек имеют высшее образование, а это значит, что все они когда-то были в числе студенческой молодёжи. Официальное издание Росстата «Россия в Цифрах 2018» говорит о том, что ежегодно на программы бакалавриата, магистратуры и специалитета поступает больше миллиона человек. В 2017 году было принято на обучение 1142 тысяч человек [2]. Студенты – значимый слой населения, который по-настоящему можно назвать будущим нашей страны. Изучение студенчества является необходимым, потому что именно во время обучения в высших учебных заведениях происходит активная социальная адаптация.

Школьник принимает новую для себя социальную роль – роль первокурсника. «Человек вынужден приспосабливаться к изменению условий хозяйственной деятельности, в основе чего лежит правильно выбранный тип экономического поведения как системы навыков, ценностных ориентаций, потребностей, мотивов, соответствующих сложившимся социально-экономическим условиям» [3]. В процессе социальной адаптации студент сталкивается с рядом проблем, одной из которых является неумение вести быт, начиная с малого и заканчивая жизненно необходимым – приготовлением пищи. Отсюда возникает и

ряд других сложностей, например, отсутствие навыков правильного ведения бюджета. Проблема заключается в том, что зачастую студентам не хватает денег на необходимые товары и нужды, а даже если они и есть, то тратятся нерационально.

В сознании людей все еще жив стереотип «бедный студент». Так ли это? Актуально узнать, все ли студенты обладают хотя бы минимальным количеством денежных средств для существования. Также важно разобраться, какие источники доходов являются для учащихся высших учебных заведений основными, зависит ли их распределение от социально-демографических показателей. Студенты – это люди, которые находятся в одном шаге от настоящей взрослой жизни. Умение грамотно вести бюджет является одним из основных навыков для стабильной жизни. Изучение доходов позволит выявить основные источники поступления средств существования, узнать, насколько самостоятельны студенты и как они сами оценивают своё материальное положение.

Прежде чем перейти к описанию результатов исследования, необходимо разобраться с его теоретическими основами. Так, бюджет – это план регулирования доходов и расходов, составляемый, как правило, на один месяц или иной срок. Доходы играют очень важную роль в жизни каждого человека, потому что являются непосредственным источником удовлетворения его неограниченных потребностей. Доход – поток денежных и иных поступлений в единицу времени. Выделяют четыре основных вида дохода: заработная плата, прибыль, процент,

рента. Всё то, что приносит прибыль может считаться источником дохода [4].

Все доходы в общем смысле можно разделить на три группы:

Личный (индивидуальный) доход – это суммарный капитал, который получает физическое лицо из различных источников в процессе жизнедеятельности за определенный промежуток времени.

Доходы семьи включают следующие статьи: заработная плата, предпринимательский доход, доходы от собственности (рента, процент, арендные платежи, дивиденды), государственные трансфертные платежи (пенсии, стипендии, пособия, бесплатные услуги в области здравоохранения, образования), доходы из прочих источников (наследство и т.д.).

Доходы, получаемые через финансово-кредитную систему: выплаты по государственному страхованию; банковские ссуды на индивидуальное жилищное строительство, хозяйственное обзаведение молодыми семьями (например, на садовое строительство); проценты по вкладам в сберегательных кассах, начисляемых по итогам года; доходы от увеличения стоимости акций, облигаций, выигрышей и погашении по займам; выигрыши по лотереям; временно свободные средства, образующихся в результате покупки товаров в кредит; выплаты различного рода компенсаций (увечья, ущерб и пр.).

При изучении доходов студента ВГУ особый интерес представляет именно личный доход учащегося в высшем учебном заведении.

В исследовании были выделены следующие источники доходов студента: стипендия, заработанная

плата, социальные выплаты, помощь родителей и льготы от профсоюзной организации.

Стипендия впервые была учреждена в России при Петре I. На сегодняшний день стипендия – это «регулярно выплачиваемое денежное пособие, предоставляемое обычно аспирантам и хорошо успевающим студентам очной формы обучения государственных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, а также лицам, проходящим специальный курс обучения с отрывом от производства» [5]. В Российской Федерации установлены следующие виды стипендий для студентов: государственная академическая; государственная социальная; Президента РФ и Правительства РФ; именные; обучающимся, назначаемые юридическими лицами или физическими лицами, в том числе направившими их на обучение.

В рамках исследования проводится изучение доходов современного российского студента на примере студентов Воронежского государственного университета. Выявляются основные источники доходов современного студента, определяется, обладают ли студенты финансовой самостоятельностью и изучается, как сами студенты оценивают своё материальное положение

Объектом изучения являются студенты ВГУ, а предметом исследования выступают доходы студентов Воронежского государственного университета.

Проверяется гипотеза о том, что основными источниками доходов студентов являются: дополнитель-

ный заработок, родительская помощь, социальные выплаты, студенческие стипендии. На формирование дохода влияют такие факторы как пол, возраст, место проживания, а также курс и факультет обучения.

Исследование доходов студентов ВГУ проводилось среди студентов 2 и 4 курсов. Применялся многоступенчатый тип выборки, включающий несколько этапов: первый – квотная выборка, а второй – гнездовой отбор. Чтобы определить наиболее значимые характеристики генеральной совокупности для формирования квотной выборки, следует ответить на вопрос: мнение каких категорий студенческой молодежи могут различаться по указанной проблеме?

- во-первых, могут различаться мнения студентов естественнонаучных и гуманитарных специальностей;

- во-вторых, мнение студентов «бюджетников» и «договорников»;

- в-третьих, мнение студентов разных курсов.

Генеральная совокупность, на которую распространяются результаты данного исследования, составляет 17810 человек. Объём выборки включил в себя 400 респондентов. Анализ и обработка полученных данных проводились с помощью программы SPSS Statistics Base 22.0.

Для того, чтобы раскрыть тему доходов, получаемых студентами ВГУ, целесообразно будет изначально определить их материальное положение. Так, из таблицы 1 можно увидеть, что наиболее высокий уровень материального положения отмечают студенты таких фа-

культетов, как: юридический, экономический, ПММ, ФКН. Среди этих факультетов есть студенты, доходы которых позволяют приобретать абсолютно все. Около половины опрошенных респондентов всех факультетов соотносят свое материальное положение с категорией: «Доходы позволяют оплачивать счета, покупать продукты, недорогую одежду и бытовую технику».

Интересным является то, что самым «бедным» среди факультетов является физический факультет: практически у 4 % студентов этого факультета денег не хватает даже на еду. Это может быть связано с тем, что на данном факультете достаточно большое количество бюджетных мест. В 2019 году их количество было равно 187 единицам [6]. Следовательно, конкурс при поступлении для будущего первокурсника будет ниже и люди, чье материальное положение не позволяет оплатить договорное обучение в ВУЗе, с большей вероятностью пройдут конкурсный отбор на бюджет именно на эти специальности.

Например, количество бюджетных мест на юридическом факультете всего 32, а на филологическом 20. Следовательно, и конкурс среди людей, желающих поступить, будет существенно выше. Конечно, в идеале будущую специальность следует выбирать исходя из предпочтений и того, что интересно. Но, к сожалению, не всегда есть такая возможность.

Если сопоставить формы обучения (бюджет/договор) с материальным положением, то можно выявить, что студенты, обучающиеся на коммерческой основе, имеют более высокое материальное положение, нежели студенты бюджетной

формы обучения. Однако, студенты, материальное положение которых относится к категории: «Доходы позволяют оплачивать счета, покупать продукты, недорогую одежду и бытовую технику» почти в равной степени обучаются на платной и бесплатной основе. Стоимость года на 1 курсе очной формы обучения варьируется от 94 800 рублей в год до 156 960 за два учебных семестра. Для людей с высоким уровнем материального положения будет проще найти эту сумму для получения желаемой специальности.

Таблица 1
Уровень материального положения студентов различных факультетов, в %

	Юрид.	Истор.	Экон.	Хим.	ФКН	Физ.	ПММ	Фил.
Денег не хватает даже на еду	2	0	0	2	2	4	2	0
Доходы позволяют только оплачивать счета и покупать дешевые продукты	12	26	12	11	14	26	15	50
Доходы позволяют оплачивать счета, покупать продукты, недорогую одежду и бытовую технику	40	46	58	63	50	55	44	18
Доходы достаточно высокие, можем оплачивать все, приобретать бытовую технику	13	26	24	18	22	13	27	23
Доходы позволяют не только оплачивать счета, покупать продукты и одежду высокого качества	27	0	2	4	4	2	12	7
Доходы позволяют приобретать абсолютно все	6	2	4	2	8	0	0	2

Тогда как люди, чьи доходы позволяют лишь оплачивать счета, покупать продукты, недорогую одежду и бытовую технику, могут пойти на договорную форму обучения, надеясь, что полученные знания, умения и диплом, станут социальным лифтом и помогут изменить социальное положение и материальный достаток в лучшую сторону.

Стипендия – важный показатель успешной учебы на бюджетной форме обучения. Из всего количества опрошенных респондентов около 40% получают стипендию. Лишь четверть студентов различных факультетов получают академическую стипендию. Повышенную стипендию получает 13 % опрошенных студентов, ведь только те, кто закрыл сессию на пятёрки, имеют возможность её получить. Далее следует социальная (11 %), стимулирующая (7 %) и оксфордская (3 %) стипендии. Их доля ниже, вероятнее всего, из-за того, что для их начисления недостаточно только лишь хорошей учёбы. Существует ряд требований, которым должен соответствовать студент, для их начисления.

Немаловажной является оценка студентами, получаемой стипендии. Большая часть опрошенных респондентов недовольны размером стипендии, так как ее «ни на что не хватает», либо же «хватает на часть необходимых покупок». Ответ, характеризующий стипендию, как «хватает на все и есть возможность делать сбережения» отметили лишь три процента опрошенных студентов. Возможно, эти студенты получают несколько видов различных стипендий, что в сумме дает хороший доход. Таким образом, исходя из полученных ответов,

можно сказать, что в целом студенты недовольны размером получаемой стипендии и даже не ощущают ее наличие.

Таблица 2
Оценка студентами размера стипендии, в %

Стипендии хватает на все и есть возможность делать сбережения	2
Стипендии достаточно, чтобы приобрести необходимые вещи и организовывать досуг	9
На стипендию можно купить необходимый минимум товаров	10
Стипендии хватает на часть необходимых покупок	28
Стипендии ни на что не хватает	51

Стоит отметить, что студенты второго курса чаще считают, что стипендии ни на что не хватает. Четвёртый курс настроен более оптимистично и чаще, чем второкурсники, выбирает такие ответы как «стипендии хватает на часть необходимых покупок» и «на стипендию можно купить необходимый минимум товаров». Однако лидерами по ответам «стипендии достаточно, чтобы приобретать необходимые вещи и организовывать досуг» и «стипендии хватает на все и есть возможность делать сбережения» являются второкурсники. Эту тенденцию можно объяснить тем, что старшие студенты уже научились так или иначе распределять свой бюджет и осознают, что с помощью стипендии можно удовлетворить минимум потребностей. Также с третьего курса появляется возможность получать ранее недоступный вид стипендии – стимулирующую, что способствует увеличению значимости этого источника дохода. Второй курс ещё не до конца разбирается в финансовых вопросах, из-

за этого чаще, чем у 4 курса, встречаются крайние варианты: не хватает ни на что или же, наоборот, на абсолютно всё хватает.

Социальные выплаты – ещё один из возможных доходов студентов во время прохождения обучения. Их наличие облегчает жизнь студента. Лишь у небольшого количества опрошенных (14%), имеется этот вид дохода.

В таблице 5 представлено распределение различных социальных выплат среди студентов. Так, большинство опрошенных респондентов получают пенсии (9%). Вероятно, это студенты, имеющие жизненные трудности и нуждающиеся в дополнительном доходе. Помимо этого, треть респондентов получают трудовые и социальные пособия, а также региональные выплаты. Остальные виды социальных выплат незначительный процент опрошенных студентов. Возможно, это связано с трудностями в получении данного вида выплат.

Таблица 3
Виды социальных выплат, получаемых студентами, в %

	Да	Нет
Пенсии	9	91
Трудовые и социальные пособия	3	97
Пособия для молодых специалистов	1	99
Выплаты для беременных и при рождении ребенка	1	99
Региональные выплаты	2	98
Помощь благотворительных фондов	0	100

Важной частью доходов студента является наличие работы. Многие студенты начинают работать уже с поступлением в высшее учебное заведение, кто-то наоборот лишь после окончания ВУЗа. Полученные данные (табл. 4) свидетель-

ствуют, что на первых годах обучения в университете студенты, как правило, еще не адаптированы, и, как следствие, лишь малый процент имеет постоянную работу, однако кое-кто (23% опрошенных) уже подрабатывает. Ближе к концу обучения уже больший процент студентов старается найти себе работу (12%) или хотя бы подработку (33%) для увеличения собственного дохода.

Таблица 4
Зависимость наличия работы от курса обучения студента, в %

	Второй курс	Четвертый курс
Да, я имею постоянную работу	8	12
Да, я подрабатываю	23	33
Нет, не работаю и не подрабатываю	69	55

Студенты, как правило, стараются найти работу в зависимости от занятости в учебное время. Поэтому наличие работы во многом зависит от факультета, на котором обучается студент. Большинство, независимо от факультета не имеет постоянной работы или подработки. Однако стоит отметить, что студенты экономического факультета, а также ФКН и ПММ чуть в большем процентном соотношении имеют постоянную работу, либо подработку. Наиболее несамостоятельными в плане наличия работы являются студенты юридического факультета, так как лишь 4 процента опрошенных студентов отметили наличие постоянной работы.

Также следует отметить, что наличие или отсутствие работы у студентов зависит от пола. Так, постоянную работу имеют 14% мужчин и только 6% женщин. Подрабатывают 33% лиц мужского пола и

25% – женского. Чуть больше половины студентов (53%) не имеют никакой работы, а число студенток без работы значительно выше и составляет 69%. Возможно, молодые люди больше стремятся к независимости, самостоятельности в финансовых вопросах, а также хотят, как можно быстрее построить свою карьеру.

Таблица 5
Наличие работы у студентов в зависимости от факультета, в %

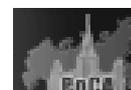
	Юри д.	Ис- тор.	Эко н.	Хим .	ФК Н	Фи- зич.	ПМ М	Фил .
Да, я имею постоянную работу	4	7	12	6	13	9	14	11
Да, я подрабатываю	20	27	22	39	35	28	30	26
Нет, не работаю и не подрабатываю	76	66	66	55	52	63	56	63

Фактором, который заставляет студентов находить себе работу или подработку, часто является место проживания. Те, кто снимают квартиру, чаще остальных имеют постоянную работу (15%), меньше всего работают на постоянной основе те, кто проживают дома с родителями (6%). Подработки есть у 39% респондентов, снимающих квартиры, а также у 26% живущих с родителями и в общежитии. Студенты, снимающие квартиру или комнату, больше нуждаются в постоянной работе или же подработке, потому что им необходимо не только покупать продукты, одежду и как-то организовывать свой досуг,

но и за аренду жилья. Однако собственные денежные средства хочется иметь всем, поэтому больше четверти опрошенных, которые живут с родителями, также находят себе подработки.

Опрос показал, что большинство респондентов имеет свободный график работы, в силу удобства совмещения. Помимо этого, многие студенты дневного отделения работают в свободное от учебы время, а именно в вечернее. Также около 20% опрошенных респондентов работают в ночные смены, что является довольно сложно физически. Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что, несмотря на довольно плотную занятость из-за обучения, студенты стараются найти возможность дополнительного заработка в свободное от учебы время.

Помимо этого, индекс удовлетворенности оплатой труда, что почти в равном соотношении студенты и удовлетворены, и не удовлетворены своей заработной платой. Небольшое количество опрошенных респондентов полностью удовлетворены и чуть больше не удовлетворены совсем. Это может говорить о том, что у каждого студента свои ожидания о сумме вознаграждения за труд. Также для кого-то работа является одновременно и увлечением, из-за этого может и достаточно невысокая заработная плата быть удовлетворительной, так как положительные эмоции от процесса дают гораздо больше. Люди могут быть удовлетворены оплатой и в связи с тем, что они на своей работе получают не только материальные ресурсы, но и бесценный опыт. И вполне возможно, что у кого-то есть занятость,

которая, на самом деле, приносит им хороший доход. Отсутствие удовлетворённости объясняется тем, что работодатели часто не берут на высокооплачиваемые должности людей без высшего образования, а студенты находятся только в самом начале своего карьерного пути. На 4 курсе больше студентов, полностью удовлетворенных размером своей заработной платы, тогда как на 2 респонденты чаще выбирали вариант ответа «совсем не удовлетворён». Вероятно, за 2 года человек успевает приобрести опыт и необходимые навыки для того, чтобы доход стал несколько выше, а, следовательно, увеличилась и степень удовлетворённости им.

Были рассмотрены такие переменные как причина выбора именно той работы, на которой находится респондент, и на каком факультете он обучается. У различных факультетов разный уровень сложности и занятости студента, однако в ходе исследования было выявлено, что, несмотря на различия факультетов, основными причинами работы студентов были: необходимость в денежных средствах, а также интерес к выбранной работе. К тому же, было отмечено, что в меньше степени причинами выступали: «она соответствует моей специальности в университете», «на ней я получаю новые знания».

Таким образом, можно предположить, что, так как респондент является студентом, то есть находится в процессе обучения, то не может полноценно работать, следовательно, основной целью его подработки является заработок денежных средств. К тому же, такая причина как «соответствие моей специальности в университете» представлена в меньшей

степени, возможно, это связано с тем, что для полноценной работы часто требуется полный рабочий день и наличие законченного высшего образования. И так как студент не может предоставить все вышеупомянутые требования, то ему приходится подрабатывать в других сферах и для других причин.

Таблица 6
Причины работы/подработки студентов в зависимости от факультета их обучения, в %

Причина работы	Факультет							
	Юр и д-ий	Истор-ий	Эконом-ий	Хим-ий	ФКН	Физ-ий	ПМ	Филолог-ий
Она соответствует моей специальности в университете	8	19	0	0	4	0	16	26
На ней я получаю новые знания	0	25	11	14	9	5	0	13
Мне необходимы денежные средства	54	31	39	59	52	55	47	48
Эта работа мне интересна	31	25	39	27	30	20	26	4
Другое	8	0	11	0	4	20	10	8

Родители для любого человека являются одними из самых близких людей. Они любят своих детей всегда и в любом возрасте стараются им помочь. Неудивительно, что студенты получают помощь от родителей в том или ином виде. Её тоже можно причислить к доходам. Так, практически все студенты, независимо от курса и факультета получают родительскую помощь. Возможно, это связано с тем, что студент не может зарабатывать то количество денежных средств, чтобы самостоятельно прокормить себя и обеспечить всеми необходимыми вещами. (Табл. 7)

Таблица 7
Помощь родителей в зависимости от курса и факультета респондента, в %

	Курс		Факультеты							
	2-ой	4-ый	Юридический	Исторический	Экономический	Химический	ФКН	Физический	ПМ	Филологический
Да, помогают	96	94	94	95	98	96	98	91	95	91
Нет, не помогают	4	6	6	5	2	4	2	9	5	9

Респондентам был задан вопрос: «Если родители помогают Вам, то, как часто?». 42% студентов родители обеспечивают полностью, 35% родители помогают достаточно

часто, 14% иногда помогают, а иногда нет и, наконец, 7% очень редко помогают родители.

Для данного исследования необходимо выявить зависимость между наличием работы и помощью со стороны родителей респонденту. Благодаря полученным данным можно говорить о том, что студенты, которых полностью обеспечивают родители, а именно 85% от общей массы, не имеют постоянной работы и подработки. Студенты родители, которых помогают достаточно часто, разделились на две категории: 43% респондентов имеют подработку и 47% – не работают вовсе. Если говорить о той категории студентов, которым родители помогают иногда, то они также, как и предыдущие делятся на подрабатывающих и не работающих. Студенты, которым приходится очень редко получать помощь со стороны родителей, по большей части, не работают, но стоит заметить, что 27% из них все же имеют постоянную работу в отличие от других категорий студентов.

Таким образом, совершенно понятно, что у студентов, которых полностью обеспечивают родители, нет необходимости в работе и подработке. Выше отмечено, что половина студентов, родители которых помогают очень редко, также не имеют работы или подработки, возможно, это связано с тем, что у них есть различные социальные выплаты и дополнительные стипендии, которые и позволяют обеспечить респондентов более или менее всем необходимым.

Следует отметить, что родители часто помогают студентам покупкой телевизора (61%), бытовой техники

для дома (61%), ноутбуков и компьютерной техники (60%), техники для кухни (59%), смартфонов и гаджетов (44%). Это объясняется тем, что данные товары достаточно дорогостоящие, но в то же время необходимые для полноценной и комфортной жизни современного студента. Родители заботятся о своих детях и, следовательно, хотят обеспечить их всем необходимым. Как и ранее, основным источником дохода для большинства студенческой молодежи по-прежнему остаются родители [7, С.509].

Таблица 8
Частота работающих/подрабатывающих студентов в зависимости от родительской помощи, в %

	Полностью меня обеспечивают	Родители часто мне помогают	Родители иногда помогают мне, а иногда - нет	Родители очень редко мне помогают
Да, я имею постоянную работу	2	10	20	27
Да, я подрабатываю	12	43	40	23
Нет, не работаю и не подрабатываю	86	47	40	50

Респондентам был задан вопрос, «Вы что-нибудь берете в профсоюзной организации?». Благодаря таблице сопряженности нам удалось выявить, что большинство студентов либо не знают о таких льготах, либо не пользуются ими. За исключение физического, химического факультета и ПММ. Таким образом, можно предположить два варианта, почему льготами профсо-

юза не пользуются. Во-первых, многие студенты не знают о существовании данных льгот, что выяснилось при анализе открытых вопросов. Это может быть связано с некорректной работой профорга факультета. Во-вторых, при анализе открытых вопросов было сказано о неудобстве расположения корпусов, времени и выдачи льгот. И, в-третьих, нежелание пользоваться данными привилегиями.

Стоит отметить, что использование профсоюзных льгот не зависит от курса, на котором обучается студент. Лица мужского пола чаще берут билеты на спортивные матчи и в кино, тогда как девушки больше заинтересованы в абонеентах в бассейн. Равное количество студентов и студенток получают через профсоюзную организацию путёвки на море (13%).

Также интересным моментом является тот факт, что лица, которые получают социальные выплаты, гораздо чаще используют возможности профсоюзной организации. Так, 15% тех, кто получает социальные выплаты, берут билеты на матчи, и только 9% не получающих. Билеты в кино от профсоюзной организации получают 27% студентов, у которых есть социальные выплаты и только 12% студентов, у которых их нет. Достаточно большая разница наблюдается среди тех, кто берёт абонементы в бассейн: 20% против 5%. Отличие соотношения студентов, получающих путёвки на море, оказалась ниже, но всё-таки достаточно значительной: их получают 20% студентов, которые также имеют и социальные выплаты и 12%, у которых их нет. Объяснить данный факт можно тем, что в большинстве случаев социальные выплаты полагаются людям, у

которых возникла сложная жизненная ситуация.

Таблица 9
Использование профсоюзных льгот в зависимости от факультета, в %

	Факультет							
	Юр.	Ист.	Эк.	Хим.	Ф.КН	Физ.	П.М.М	Фил.
Беру билеты на матчи	14	8	0	24	3	30	11	11
Беру билеты в кино/театр	3	8	3	12	15	29	17	12
Беру абонементы в бассейны	4	4	4	22	4	22	18	22
Получаю путевки на отдых	8	8	2	29	4	10	20	20
Ничего не беру	15	12	18	11	15	8	8	14
Другое	31	15	8	0	8	15	15	8

Таким образом, основными источниками доходов студентов являются: дополнительный заработок, родительская помощь, социальные выплаты и студенческие стипендии. На формирование дохода влияют такие факторы как пол, возраст, место проживания, а также курс и факультет обучения.

Однако бюджет современного студента часто не позволяет ему даже полностью удовлетворять первичные потребности человека. В этом случае ему можно рекомендовать увеличить свой доход. Для этого следует привлекать разные источники. Так, если студент обучается на бюджетной основе, то разумным будет прикладывать максимум усилий для отличной учёбы и получения шанса стать обладателем других видов стипендий.

Если же вариант со стипендией не подходит или же её суммы всё равно оказывается мало, то по мере возможности студент может устроиться на подработку. Воронеж является городом с большим количеством студенческой молодёжи, именно этим можно объяснить наличие разнообразных контактных центров, в которые человек может пойти без законченного высшего образования и опыта работы. Часто в этой сфере работодатели рады видеть студентов и стараются сделать гибкий график, который сможет подойти максимально большому числу желающих. При устройстве на работу для обучающегося в высшем учебном заведении главное, чтобы рабочая деятельность не мешала учёбе, ведь на данном этапе жизни основным занятием должно быть получение знаний, умений и навыков, которые пригодятся в будущей профессии.

Также, на сегодняшний день очень распространён фриланс, студент в свободное от учёбы время может попробовать себя в этом поле. С помощью такой подработки он увеличит свой доход, выполняя несложные задания. Можно выделить следующие преимущества фриланса: удаленное рабочее место, гибкий график, возможность выбора проектов для работы, отсутствие начальства и офисной политики. Для студентов же огромным плюсом будет ненормированный рабочий день. Однако есть и минусы, к ним чаще всего относят высокую конкуренцию, необходимость самодисциплины и низкий доход.

Особенностью бюджета современного студента является нерациональное использование доступных средств. Современные условия таковы, что пропорциональность бюджетных средств и эффективность их расходования равна практически нулю [8, С.267].

Студенты – это социальная группа, которая обладает высокой мобильностью. Очевидно, что любому студенту необходимо как можно раньше научиться планировать и вести свой студенческий бюджет [9, С.88]. Они способны быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. Именно поэтому проблема доходов и их увеличения не должна стать для них критической, ведь главное – это найти желание изменить свою жизнь к лучшему, а после этого найдутся и возможности, которые можно будет реализовать.

Литература

1. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1621 «Итоги переписи-2010». // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1824>

2. Россия в цифрах, 2018: крат. стат. сб. / Федер. служба гос. статистики.- М.: Федер. служба гос. статистики, 2018 - 525 с.

3. Ургалкин Ю.А., Бондарев С.И., Чеджемов Г.А. Экономическое поведение человека в условиях становления рыночной экономики в современной России // Экономика и социология - 2014 - №4(24) - 138 с.

4. Нечаев В. И., Михайлушкин П. В. Экономический словарь. - Краснодар: Изд-во Антри, 2009 - 464 с.

5. Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. - М.: НМЦ СПО, 1999. -538 с.

6. Общее количество бюджетных мест в рамках контрольных цифр для приема на обучение в Воронежский государственный университет в 2019 году // URL: <http://www.abitur.vsu.ru/sites/default/files/admission2019/kcp.pdf>

7. Петров Д.С. Смена жизненных позиций современной российской молодежи в экономическом аспекте ее социокультурной адаптации // Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко - М.: РГГУ, 2015. - С.506-512

8. Иванова Т.Н., Петров Д.С., Левина А.П., Горбачева Н.Б. Рынок труда выпускников вузов как локальный сегмент социально-экономической системы территориального образования // Азимут научных исследований: экономика и управление - 2018 -Т.7 - №2(23) - С.266-268.

9. Матюшина Ю.Б., Петров Д.С. Факторы, влияющие на формирова-

ние бюджета современного студента. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. - 2019. - № 3. - С. 84-88.

Revenues in the budget of a modern Russian student

Matushina J.B., Petrov D.S., Petrova V.D.,
Voronezh State University, Russian state
University of justice

The article discusses the income of students by the example of people who receive higher education in the Voronezh State University. The main sources of income and how they are affected by socio-demographic signs are identified. A comparative analysis of incomes of students from different courses and faculties is made. The nature of part-time work of students is studied. The income generated from the help of parents is analyzed. Examples of optimization of budget expenditures of Russian students are offered.

Keywords: income, budget, student, sources of income

References

1. VTsIOM. Press release No. 1621 "Census 2010 Results". // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1824>
2. Russia in numbers, 2018: multiple. stat. Sat / Feder. state service statistics.- M.: Feder. state service statistics, 2018 - 525 s.
3. Urgalkin Yu.A., Bondarev S.I., Chejemov G.A. Human Economic Behavior in the Formation of a Market Economy in Modern Russia // Economics and Sociology - 2014 - No. 4 (24) - 138 p.
4. Nechaev V.I., Mikhailushkin P.V. Economic Dictionary. - Krasnodar: Antri Publishing House, 2009 - 464 p.
5. Vishnyakova S.M. Vocational education: Dictionary. Key concepts, terms, relevant vocabulary. - M.: NMTS SPO, 1999. -538 p.
6. The total number of budget places within the control figures for admission to study at Voronezh State University in 2019 // URL: <http://www.abitur.vsu.ru/sites/default/files/admission2019/kcp.pdf>
7. Petrov D.S. Change of life positions of modern Russian youth in the economic aspect of its sociocultural adaptation // Life world of scientific, technical and socio-humanitarian intelligentsia: general and special / RSUH, Sociologist. Faculty of Sociology. research. Under the general ed. J.T. Toshchenko - M.: RSUH, 2015.- S.506-512
8. Ivanova T.N., Petrov D.S., Levina A.P., Gorbacheva N.B. The labor market of university graduates as a local segment of the socio-economic system of territorial education // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management - 2018 -T.7 - No. 2 (23) - S.266-268.
9. Matyushina Yu.B., Petrov D.S. Factors affecting the budgeting of a modern student. // Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. - 2019. - No. 3. - S. 84-88.

Традиции и ценности современного технического вуза

Рязанцев Игорь Павлович

доктор экономических наук, профессор, декан факультета социальных наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, dekan-soc@mail.ru

Гридина Вера Валерьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества, Самарский государственный технический университет, samavera@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, одна из частей которого была посвящена анализу ценностей и традиций современного вуза. Исследование было направлено на выявление наиболее предпочтительной стратегии обучения для студентов Самарского государственного технического университета и Тюменского государственного университета, известных обучающимся вузовских традиций и отношение к ним.

Результаты исследования показывают, что преподаватели и студенты Самарского Политеха находятся в такой системе ценностных координат, где происходит не только обучение и передача знаний, но и воспитание духовно-нравственных качеств личности в совокупности с профессиональными навыками и компетенциями. Кроме того, у студентов СамГТУ слабо выражено желание продолжать обучение по другой специальности и стажироваться за границей.

Ключевые слова: ценности, традиции, образование, вуз, студенческая молодежь, образовательные стратегии, корпоративная культура.

Современные социально-экономические условия жизни и проблемы трудоустройства вынуждают руководство российских вузов ориентировать своих выпускников на карьерный рост, воспитывая в студентах целеустремленность и прагматичность. В настоящее время карьера рассматривается как необходимое условие воспитания успешной личности. При этом нередко вопросы этики, морально-нравственных норм и ценностей без которых, на наш взгляд, невозможно целостное и гармоничное развитие личности, отодвигаются на второй план. Университет является особым академическим и социокультурным пространством, в котором происходит формирование личности и ее представление о коллективе. В связи с этим актуальным является анализ ценностей и традиций, формируемых в пространстве вуза.

В 2018 году в российских образовательных учреждениях православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом было проведено эмпирическое исследование, один из разделов которого был посвящен анализу ценностей и традиций технического вуза. Общее количество респондентов составило более 2000 человек. Среди участников исследования - Самарский государственный технический университет (СамГТУ) и Тюменский государственный университет (ТюмГУ), в которых было опрошено 1000 учащихся разных курсов и направлений подготовки.

Среди задач исследования - выявление наиболее предпочтительной стратегии обучения, вузовских традиций, известных обучающимся и их ценностное влияние.

Выбор индивидуальной траектории обучения начинается задолго до поступления в вуз. Это выбор школы, лицея, гимназии, затем подготовка к поступлению в вуз и выбор будущей профессии. Стратегия обучения – это и представление о том, зачем нужно образование и в каких формах его нужно получать. Поступая в вуз, 82,8% студентов СамГТУ подавали документы на одно направление подготовки, в то время как в ТюмГУ, где по многим показателям просматриваются схожие тенденции, таких студентов было 61,4%, что может свидетельствовать о том, что в техническом вузе специализация имеет большое значение, и ее выбор осуществляется еще до поступления. Подававших документы на несколько направлений в СамГТУ оказалось всего 17,2%, что в 2,3 раза меньше, чем в ТюмГУ. Это может указывать, что в технических вузах по-прежнему сохраняется приверженность к выбору профессии и специальности, к которой есть склонность, интерес или призвание.

Говоря о смысле образования, учащиеся СамГТУ в большинстве случаев видят его в получении определенных профессиональных знаний (61,3%), что указывает на то, что технический университет и сегодня рассматривается как место обучения навыкам профессии. Еще 60,9% опрошенных отметили, что смысл образования для них заключается в получении престижного диплома для дальнейшего трудоустройства. Вторая позиция в

списке популярных ответов на вопрос с множественным вариантом указывает на то, что диплом престижного вуза по-прежнему актуален и ценность образования состоит в том, чтобы обеспечить эту престижную позицию. Следующие по значимости варианты ответа, занявшие одинаковое число выборов – «в установлении новых связей, отношений с людьми» и «в том, чтобы стать образованным человеком» (31,8%). Вариант «в достижении высокого социального и экономического статуса» выбрали 24% респондентов. Вариант ответа о необходимости наличия диплома как данности отметили всего 16,4% респондентов, что говорит о том, что не каждый учащийся готов тратить время в университете для получения одной «корочки». Такими же не популярными среди учащихся СамГТУ оказались варианты ответа о смысле образования, как отсрочке от армии или трудовой деятельности, либо как о возможности удачно жениться/выйти замуж. Данные варианты ответов заняли последние позиции в списке. Подобный факт – свидетельство того, что в отношении университетского образования все еще сохраняются высокие ожидания. Студентам, в первую очередь, нужны профессиональные знания, необходимость стать образованным человеком, а наличие престижного диплома рассматривается респондентами как помощь в последующем трудоустройстве.

В сравнении с Тюменским государственным университетом, мы наблюдаем, что для студентов там приоритетным остается получение профессиональных знаний. В этом смысле учащиеся СамГТУ мыслят

более практично, считая, что профессиональные знания нельзя получить в вузе, диплом которого не является престижным.

Современная система образования под влиянием европейских образовательных траекторий ориентирует человека на непрерывный процесс обучения в течение всей жизни. Так ли это в отношении учащихся СамГТУ? Насколько они готовы продолжить свое обучение по другой специальности в будущем?

Согласно полученным данным, почти 48% учащихся с разной долей уверенности планируют получить образование по другому направлению подготовки, почти 35% респондентов выразили свою неготовность учиться дальше по другой специальности. Для сравнения - в Тюменском государственном университете желающих получить образование по другому направлению подготовки несколько больше - 51,4%, и меньше тех, кто не планирует дальнейшего обучения по другой специальности (30,2%). Видимо, в техническом вузе ориентация на непрерывность образования и получение дополнительной специальности развита, но в меньшей степени, так как сама техническая специальность предполагает значительные усилия в наработке должной квалификации по специальности в условиях практического опыта.

Следующий вопрос анкеты был направлен на выявление стремления учащихся обучаться за границей. Данный вопрос приобрел актуальность в последние годы, когда международная образовательная реформа, участие в которой принимает и Российская Федерация, выдвигает подобное условие образо-

вания в качестве основного требования. Отсюда и рост популярности международных обменов между университетами, и отток студентов из родной страны, и как следствие, размывание границ национального университета. Что же происходит в этом плане в сознании учащихся СамГТУ?

Больше половины опрошенных (57,6%) не планирует продолжать свое образование за рубежом, 16,5% такой возможности не исключают, но из них только 1,5% в этом полностью уверены. В ТюмГУ желающих учиться за границей - 28%, из них 7,4% полностью уверены в подобной необходимости. Таким образом, учащиеся СамГТУ в большей степени ориентированы на учебу в России, и перспектива продолжения образования за рубежом для технических специалистов не так актуальна. Возможно, это связано с тем, что вуз готовит именно тех специалистов, которые будут востребованы по окончании университета на Родине и сразу начнут работать.

Следующая часть исследования была посвящена традициям вуза и их ценностному влиянию на учащихся. Традиции учебного заведения, или «корпоративная культура», по мнению ряда авторов, это не только образовательные услуги и профессиональная самореализация, но и воспитательная работа с обучающимися, моральные нормы, ценности, условия для творческой самореализации, гуманистические ценности, коллективизм, чувство, чувство общности и гордости за свой университет [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Именно от того, насколько традиции и ценности разделяются студентами и сотрудниками университета,

во многом зависит и имидж образовательного учреждения. Кроме того, общие духовные ценности позволяют преподавателям и студентам ощущать себя частью единого социального организма и при этом осознавать свою уникальность [1; 8].

В исследовании мы попросили студентов определить, какую систему ценностей, по их мнению, предлагает университет в виде заявляемых им целей и миссии.

В результате ответа на вопрос с множественными вариантами, было установлено, что СамГТУ ориентирует своих студентов на:

1. карьеру и успех (49,6%),
2. дружбу (47,5%),
3. уважение к другому человеку (45%),
4. самореализацию и конкурентоспособность (41%)
5. профессионализм как система компетенций (34,7%).

Для сравнения в ТюмГУ позиции распределились несколько иным образом. Первую позицию занимает самореализация и конкурентоспособность, затем уважение к другому человеку, третья строчка - карьера и успех, и профессионализм как система компетенций. В Самарском Политехе, по мнению его студентов, вуз дает не только знания, позволяющие строить карьеру, но и воспитывает такие человеческие качества, как дружба и уважение к другому человеку, что является важным в контексте сложившихся представлений о современном вузе лишь как об организации по предоставлению образовательных услуг. При этом лишь для 6,8% студентов СамГТУ преподаватели вуза являются субъектами ценностного влия-

ния и их мнение признается авторитетным (в ТюмГУ - 8,9%). Хотя данный ответ не относится к одному из самых «непопулярных» среди предложенных, однако указанный процент нельзя рассматривать в качестве значимых.

Следующий вопрос был направлен на выявление тех ценностей, которые, по мнению студентов, являются приоритетными в жизни самих преподавателей. Согласно оценке учащихся (45% ответивших), одной из наиболее значимых ценностей в жизни преподавателей СамГТУ является уважение к другому человеку. Кроме того, в перечень ценностей преподавателей СамГТУ, респондентами были отнесены: профессионализм как система компетенций (41%), честность (40%), карьера и успех (35%). Мы видим, что в ценностном портрете преподавателей СамГТУ присутствуют человеческие качества, которые легко уживаются с их нацеленностью на профессионализм как систему компетенций, карьеру и успех. Причем уважение к другому в ценностном портрете преподавателей является одним из главных качеств. Возможно, это связано с тем, что значительная часть преподавательского состава СамГТУ – это поколение советской высшей школы, где поддерживался высокий морально-нравственный дух, воспитывалось чувство ответственности перед человеком и обществом, а также выпускники вуза, которые продолжили свою профессиональную карьеру в вузе в качестве преподавателя. Немаловажно и то, что по оценке учащихся, в ценностном портрете преподавателей СамГТУ присутствует семья (30%), которая

не менее важна для них, чем карьера.

По сравнению с данными, полученными в ТюмГУ, в Самарском Политехе имеются существенные различия в восприятии студентами ценностного портрета преподавателей. В Тюменском государственном университете первую позицию заняли такие ценности, как профессионализм как система компетенций (52%), уважение к другому человеку (41%), карьера и успех (37,9%), самореализация и конкурентноспособность (34,9%). Такие личностные качества, как честность, семья, свобода и независимость являются, по оценке учащихся, для их преподавателей второстепенными, а любовь к людям, к Родине, религиозная вера, являются совсем малозначимыми, как и в случае руководства вуза.

Следующий вопрос анкеты касался выявления качеств, которые преподаватели стараются привить своим студентам. В список качеств, которые получили наибольшее число выборов респондентов, были отнесены:

1. самостоятельность (почти 77%),
2. ответственность (65,5%),
3. целеустремленность (42%).

Такие качества, как активность, умение доводить дело до конца, инициативность, старательность, получили меньшее число выборов. Кроме того, по мнению учащихся, университетскими преподавателями не развиваются такие качества, как скромность и воспитанность (5,2%), способность и желание понимать других (4,8%), а терпеливость, хотя и не занимает последних строчек в списке (18,5%), также не рассматривается в каче-

стве приоритетной. Примечательно, что уважение к другому, как одна из основных ценностей вуза в целом, так и самих преподавателей, с точки зрения учащихся мало прививается им (7,6%), и акцент делается на таких свойствах личности, как воспитание самостоятельности и ответственности. Похожая картина по данному вопросу наблюдается и в ТюмГУ, где основными качествами, которые стараются привить преподаватели своим студентам, были названы самостоятельность (65,8%) и ответственность (59,5%).

Важнейшим критерием оценки ценностной составляющей вуза являются его традиции. Чем больше лет существует вуз, тем больше он имеет традиций, в том числе образовательных. Традиции в вузе складываются по различным направлениям деятельности: в научной сфере, учебной, воспитательной работе, внеучебной и досуговой. Рассмотрим каждое из этих направлений в отдельности.

К наиболее распространенным научным традициям учащиеся СамГТУ отнесли участие студентов в крупных исследовательских проектах на факультете (73,5%), крупных научных конференциях и семинарах (65,5%), причем практика участия учащихся СамГТУ в исследовательских проектах довольно развита. В сравнении с ТюмГУ, где научная жизнь представлена такими формами, как участие студентов в крупных научных конференциях и семинарах (66,9%), участие учащихся в крупных исследовательских проектах, проводимых на факультетах (55,3%), публичная защита курсовых и дипломов (41,6%),

в отношении СамГТУ мы видим несколько иной подход, который ориентирован на большее включение студентов в конкретные научно-исследовательские проекты.

Самой популярной учебной традицией и практикой в СамГТУ является получение итоговой оценки в результате «автомата» (58,4%), когда основная часть зачетов и экзаменов сдается по итогам балльно-рейтинговой системы без дополнительной подготовки, а оценка выставляется по итогам текущей успеваемости. Из учебной работы уходят такие традиции, как чтение учащимися крупных монографических материалов (8,1%), посещение лекций на смежных факультетах и кафедрах (11,8%). Подобная ситуация наблюдается и в ТюмГУ.

Отметим, что, по мнению учащихся СамГТУ и ТюмГУ, дистанционное обучение, которое в последние годы относят к необходимому элементу модернизации учебного процесса, пока еще не является распространенной практикой. Данную практику смогли назвать в качестве «традиции» в СамГТУ - 4,1% учащихся, в ТюмГУ - 6%. Похоже, что это связано не только с тем, что данная традиция еще слабо развита в вузах, но и с тем, что среди самих студентов все еще сохраняется привычка к традиционным формам обучения.

В качестве других учебных традиций студенты СамГТУ одновременно назвали чтение лекций преподавателей с использованием разнообразных дополнительных материалов, с полной самоотдачей (43,4%) и чтение лекций по старым конспектам, без энтузиазма и самоотдачи (35,3%), что свидетельствует о том, что в вузе работают

преподаватели разных возрастов и научно-педагогических школ, которые в своей практике используют соответствующие способы чтения лекций.

Если говорить об управлении учебным процессом, то студенты СамГТУ хорошо информированы о том, что в университете действуют традиционные формы поведения (таблица 1) - традиция контроля за посещаемостью занятий студентами (78,3), обращение студентов и преподавателей друг к другу на «Вы» (47%), академическое поведение в аудиториях и на кафедре (43,3%).

Таблица 1

Какие традиции управления учебным процессом есть на Вашем факультете?	%
Традиция контроля за посещаемостью студентами занятий	78,3
Традиция обращения студентов и преподавателей друг к другу на «Вы»	47
Традиция академического поведения в аудиториях, на кафедре	43,3
Традиция определенного внешнего вида (dress-code)	30,4
Традиция приветствия преподавателя вставанием перед началом занятия	28,6
Традиция официальных поощрений за высокую успеваемость в учебе	25,8
Традиция официальных выговоров за прогулы в учебе и нарушение дисциплины	11,5
На нашем факультете нет никаких традиций	4,1
Традиция докладывать руководству факультета о проступках и прогулах учащихся самими учащимися	3,7

Отметим, что в ответах студентов ТюмГУ есть некоторые отличия. Учащиеся ТюмГУ выделили три основные традиции управления учебным процессом в своем универси-

тете: 1. традиция официальных выговоров за прогулы в учебе и нарушение дисциплины (42,3%); 2. «никаких других традиций больше нет» (40,2%); и 3) традиция докладывать руководству факультета о проступках и прогулах учащихся самими учащимися (40%). Предполагаем, что это означает, что учебный процесс ТюмГУ организован с меньшей вариативностью, к студентам предъявляется минимум требований, которые связаны в основном с посещаемостью лекций, а дисциплина контролируется через систему официальных выговоров. В СамГТУ хотя и уделяется большое внимание посещаемости занятий студентами, но имеются и другие нормативные требования, что делает их поведение в стенах университета более регламентированным и при этом более разнообразным, в духе университетских традиций.

Основными формами досуга на факультетах СамГТУ остаются такие мероприятия, как традиционный праздник «День студента» (69,2%), капустники, факультетские вечера, КВН (53,3%), спортивные мероприятия (49,8%), что свидетельствует о том, что досуговая жизнь студентов достаточно распространена в университете. При этом, в университете не развиты такие мероприятия, как совместные путешествия (9,3%), факультетские походы в театры, выставки, музеи (5,7%), совместное празднование государственных праздников, например, Нового года (3,1%). Это может говорить о том, что студенты сегодня меньше контактируют друг с другом, особенно в познавательных видах досуга. В результате из повседневной студенческой жизни постепенно

исчезает само стремление учащихся проводить время вместе в университете больше, чем того требует учебный процесс. Зато свое свободное время учащиеся готовы тратить на совместные вечеринки (41%), походы с однокурсниками в кинотеатры, ночные клубы, концерты и т.п. (30%). Таким образом, основная часть студентов СамГТУ предпочитает проводить свободное время развлекаясь и находя свой интерес именно в этом. Даже общение на форумах факультетского или студенческого сайта не столь занимает их (16%). Среди части учащихся (21%) происходит неформальное общение по поводу новых возможностей той специальности, которой они обучаются, что может указывать на то, что некоторых студентов интересует их будущая профессия. Таким образом, мы видим в вузе разных студентов, часть из которых предпочитает тратить свое свободное время на развлечения, а часть погружена в учебу.

Еще один вопрос анкеты был посвящен тому, поддерживают ли студенты своим личным участием традиции, сложившиеся на факультете/институте? Согласно полученным данным, 35,4% опрошенных скорее поддерживают, но участвуют не во всех мероприятиях, еще 14,6% ответили, что поддерживают и принимают участие во всех мероприятиях с большим интересом. Для сравнения - в ТюмГУ 39,3% скорее поддерживают, но участвуют не во всех мероприятиях, 10,6% участвуют с большим интересом. Хотя в обоих вузах затруднившихся ответить было достаточно большое количество (20% и 18% соответственно), учащиеся СамГТУ в большей степени настроены лояльно к

имеющимся на факультете традициям и готовы в них участвовать. Не поддерживающих или совсем не участвующих среди опрошенных 11% (в ТюмГУ - 13,4%). Можно сделать общий вывод, что у учащихся СамГТУ и ТюмГУ наблюдается благоприятное отношение к вузу и его традициям, нет признаков явного отторжения и неприятия.

Одним из значимых выводов данной части исследования является то, что сравниваемые вузы (СамГТУ и ТюмГУ) существенно различаются по своим ценностным позициям, и СамГТУ в этом смысле является в большей степени образцом традиционного классического университета. Самарский Политех, его преподаватели и студенты находятся в такой системе ценностных координат, где происходит не только обучение и передача знаний, но и воспитание личности, ее духовно-нравственных качеств (уважение к другому человеку, дружба, честность) в совокупности с профессиональными навыками и компетенциями.

В СамГТУ сохраняются как научные традиции, связанные с привлечением студентов к научно-исследовательской работе кафедр и факультетов, так и традиции организации учебного процесса, которые проявляются не только в контроле за посещаемостью студентов, но и за их поведением в университете в целом. Университет поддерживает различные досуговые практики студентов, ставшие традиционными для любого вуза: День студента, КВН, капустники и т.д. При этом студенты СамГТУ с гораздо большим желанием готовы их поддерживать и их лояльность к университету несколько выше, чем у студентов

ТюмГУ. При этом, в обоих вузах наблюдается определенный спад интереса студентов к обучению, студенты все реже встречаются друг с другом вне стен университета.

Массовый опрос в СамГТУ и сравнение его данных с результатами, полученными в ТюмГУ, позволили выявить интересный факт: такие вузы, как СамГТУ все еще тяготеют к привычным, традиционным формам образования, в отличие от ТюмГУ, который ценностно определен и следует духу времени. СамГТУ является примером вуза, который ориентирован на традиции классического университета, как особого пространства, в котором происходит не только передача знаний и обучение будущей профессии, но и межличностное общение, трансляция норм, ценностей, смыслов. Студенты СамГТУ при ответах на вопросы проявили себя как вполне самостоятельные, думающие личности, ориентированные на свою профессию. Примечательно, что в ТюмГУ среди учащихся проявилась их большая устремленность к получению второй специальности и обучению за границей. Верность своей профессии и выбранному призванию здесь рассматриваются как продолжающийся во времени поиск, что характерно сегодня для системы образования в целом, которая мыслится как непрерывное обучение человека в течение всей жизни. Студенты СамГТУ в этом смысле выступают как традиционалисты. При этом им совсем не чужды такие меркантильные и модернистские ценности, как карьера и успех, материальное благополучие, приятное времяпрепровождение, которое чаще всего тратится на

общение с друзьями, спорт (как занятие собой, своим телом и здоровьем), встречи с родными, компьютерные игры и путешествия.

Литература

1. Андомин О. В., Косинова С.Н. Корпоративная культура студенчества как один из инструментов процесса воспитания личности // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2011. №2.

2. Беляев А. Корпоративная культура университета: от теории к практике // Высшее образование в России. 2007. № 11. С.62-65.

3. Загоруля Т.Б. Корпоративная культура вуза: проблемы взаимодействия субъектов образовательного процесса – студентов и преподавателей // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3.

4. Ивлева М.И. Корпоративная культура вуза как компонент духовно-нравственного воспитания студентов [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL <http://www.oboznik.ru/?P=52647> (дата обращения 20.02.2020).

5. Ланцевская Н.Ю. Корпоративная культура как не прямой механизм формирования имиджа вуза // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. II. С. 123-125.

6. Леньков Р.В., Боровлева Е.И. Корпоративная культура как фактор эффективности вуза // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. №5. С. 1-6.

7. Мешков А. Ю. Структура корпоративной культуры // Вестник Южно-

Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269).

8. Сидельник Э.А. Корпоративная культура вуза // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. №10. С. 137-142.

Traditions and values of a modern technical university

Ryazantsev I.P., Gridina V.V.

Orthodox St. Tikhon Humanitarian University, Samara State Technical University

The article is devoted to the results of the sociological research, one section of which was devoted to the analysis of values and traditions of the modern university. The research was aimed at revealing the most preferable learning strategy for students of Samara State Technical University and Tyumen State University, well-known university traditions and respondents' attitude to them.

The results of the research show that teachers and students of Samara Technical University are in such a system of value coordinates where not only learning and knowledge transfer take place, but also education of spiritual and moral qualities of a personality together with professional skills and competences. In addition, students of technical universities have little desire to continue their studies in another specialty and train abroad.

Keywords: values, traditions, education, university, student youth, educational strategies, corporate culture.

References

1. Andomin O. V., Kosinova S. N. Corporate culture of students as one of the tools of the process of personality education // Tomsk State University Journal. Itself. state tech. un-that. Ser. Psychological and pedagogical. science. 2011. No2.
2. Belyaev A. Corporate culture of the university: from theory to practice // Higher education in Russia. 2007. No. 11. P.62-65.
3. Zagorulya TB University corporate culture: problems of interaction between the subjects of the educational process - students and teachers // Modern problems of science and education. 2015. No 3.
4. Ivleva M.I. The corporate culture of the university as a component of the spiritual and moral education of students [Electronic resource] - Access mode. - URL

- <http://www.oboznik.ru/?P=52647> (accessed 02.20.2020).
5. Lantsevskaya N.Yu. Corporate culture as an indirect mechanism for the formation of the image of the university // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice Tambov: Gramota, 2014. No. 5 (43): in the 3rd part of Part II. С. 123-125.
 6. Lenkov R.V., Borovleva E.I. Corporate culture as a factor in the effectiveness of the university // Internet journal "Science of Science." 2013. No5. S. 1-6.
 7. Meshkov A. Yu. The structure of corporate culture // Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities. 2012. No. 10 (269).
 8. Sidelnik E.A. Corporate culture of the university // Izvestiya SFedU. Technical science. 2012. No. 10. S. 137-142.

Современный спорт как убежище от онтологического страха и конструирование временной лакуны безопасности

Чернышев Виктор Петрович,
кандидат педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой физической культуры
и спорта, Тихоокеанский государственный
университет, shernyshov_vp@mail.ru

Чернышева Лариса Георгиевна
кандидат педагогических наук, доцент, ка-
федра физической культуры и медико-био-
логических дисциплин, Армавирский госу-
дарственный педагогический университет,
tschern@yandex.ru

Юречко Ольга Валентиновна
кандидат педагогических наук, доцент, декан
факультета физической культуры Благовещ-
енского государственного педагогического
университета, olga19674@yandex.ru

Бобина Ольга Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент ка-
федры физкультурно-спортивных дисци-
плин, ФГБОУ ВО «Томский государственный
педагогический университет»
olgabobina59@mail.ru

Мацко Андрей Иванович
кандидат педагогических наук, доцент, заве-
дующий кафедрой физической культуры и
медико-биологических дисциплин, Армавир-
ский государственный педагогический уни-
верситет, andrmaz@mail.ru

В статье рассматривается феномен всеохватности спортом значительной части населения. Показано, что современный спорт является убежищем «развоплощенного» человека, ищущего свое место и время в мире неопределенности. Подчеркнуто значение спорта для организации временной зоны недоступности Другого.

Ключевые слова. Всеохватность современного спорта. Поиск места и времени индивидуом. «Развоплощенный» человек.

Среди многообразных явлений современной жизни, в которые вовлечены в разной степени люди, спорт занимает особое положение. Хотя бы потому, что его родословная совсем еще коротка, а значимость и массовость охвата грандиозны. Датой рождения спорта в том виде, в котором мы наблюдаем его сейчас можно смело считать 1984 год, когда многолетний председатель МОК лорд Килланен передал полномочия новому председателю испанцу Х.А. Самаранчу. С приходом Самаранча в современном спорте начались грандиозные перемены. Почему эта дата так важна? Ведь и до этого времени спорт развивался на всех континентах, проводились Олимпиады, различные мировые форумы и чемпионаты. С экономической точки зрения гонорары «любителей» в некоторых видах спорта стали практически паритетными гонорарам «профессионалов». Нас в данном случае интересует не внешние проявления спорта как социального явления в ряду других значимых социальных явлений, нас интересует как и почему рядовое социальное явление за короткий исторический период завладело умами и сердцами большей части населения Земли. Нам интересен феномен спорта не из-за его популярности, а как некая базовая сущность человека передавать опыт человечности традиционно,

помимо и поверх традиционно-технологической парадигмы, приведшей человека в состояние прикладного к технологии объекта [1]. Расчеловечение человека, превращение его в прикладной объект делает человека развоплощенным объектом, чисто человеческая гуманность заменяется целерациональностью. Подобного рода эксперименты в нацистской Германии, известные под названием евгеники, переводят человека в какой-то другой разряд животных. Человечность в гуманном, классическом смысле не технологизируется, как бы не хотелось обратного апологетам технического процесса. С другой стороны, варваризация человеческого существа также занимает минимальный временной отрезок, этот процесс происходит почти моментально. Любопытно, что и сами технологии когда к ним «приложен» человек меняются радикально, вплоть до противоположности [Подорогоа]

Спорт, хотя и подвержен технологическому процессу, в принципе остается тем не менее в своей сущностной изначальности, антропологическим оселком, через который затачивается личность человека деятеля. Как пишет П.Рикер: «В обширной панораме способностей, утверждаемых и принимаемых на себя человеком-деятелем, главный акцент перемещается с полюса, на первый взгляд морально нейтрального к полюсу явно моральному, где субъект способный аттестует себя как субъект ответственный» [8, с.299]. Именно в этом контексте в статье и будет рассматриваться современный спорт, как явление возвращающее самому себе «человека развоплощенного». Нас особенно интересует феномен современного

спорта, ставшего, во-первых - тотальным, что несет с собой определенные коннотации, и во-вторых — спорт как элемент человеческого бытия, специфически конструирующий время жизни отдельного индивида.

Тотальность, лучше говорить всеохватность населения, ведущего физически активный образ жизни, явление сложное и многосоставное. Одним из проявлений этой многосоставности является банальный страх смерти. Человек знает о своей смертности, но его дальнейшая судьба, несмотря на многовековую секуляризацию и успехи естественно-научных дисциплин, по-прежнему его тревожит. Это онтологический страх, страх, который со времен Просвещения после утраты контроля над ним со стороны Церкви стал можно сказать «свободным агентом». Он как Дух святой — веет где хочет. В человеческом существе страх не просто живет в глубинах сознания, он, во-первых не локализуется, во-вторых является основой сознания, базовой матрицей, связывающей человека с его природным началом. Будучи частью природы страх максимально целерационален, поэтому выпускать его на волю «без намордника», значит обречь себя на перманентное иррациональное существование. Борьба человечества со страхом, хотя и нелепа по сути, ведется особенно активно с начала строительства Новой Европы, с эпохи Возрождения, достигая апогея в XVIII веке, в эпоху Просвещения. Страху посвящали свои трактаты величайшие умы своего времени. Апофеозом в этом ряду стоят три фигуры С.Кьеркегор [5], датский философ, Ф.Ницше [6] и З.Фрейд.

[9] Кьеркегоровский страх, не услышанный современниками, тем не менее стал властителем умов другой, более поздней эпохи. Кьеркегоровский страх не только нельзя победить или замаскировать, его требуется довести до последней стадии, до ужаса, до отчаяния, лишь отсюда возможен прыжок в веру. С.Кьеркегор так и не сумел построить стройную систему работы со страхом, но его интуиции и сегодня вызывают неподдельный интерес своей глубиной. Иначе трактовал страх другой мыслитель Ф.Ницше, его восклицание связанное с тем, что убив потустороннее, мы убиваем и посюстороннее, как раз и подчеркивал страх невозможности человека самостоятельно справиться со страхом конечного существования. Его сверхчеловек не преодолевает или уничтожает страх, он становится его другом, партнером, правда дано это по Ницше лишь избранным, тогда как удел «последних» людей жить в вечном страхе и трепете. Третий наш герой, взбудораживший множество умов своего времени З.Фрейд был убежден, что его косвенными методами можно «расколдовать» страх, вытащить его из его убежища на свет белый и тем самым преодолеть. Сказать что все три попытки провалились было бы наивно и нелепо, в философии, в человеческой мысли ничего не пропадает, все имеет то или иное значение. Тем более что во времена жизни этих мыслителей картина мира представленная философом воспринималась публикой как настоящая реальность каковой и должно существовать в мире. Каждый заход человека в область страха с открытым забралом риско-

ван и опасен, но именно такие первопреходцы делают страх более земным и не таким уж страшным, без соответствующих попыток человечество обречено вечно жить под накатывающимися бесконечно волнами животного страха и вытворять в такие времена дикие и ужасные поступки. К нашему сюжету этот краткий исторический экскурс имеет прямое отношение. Уже в XIX веке в народной культуре стали возникать массовые практики, так или иначе направленные на маскировку, камуфлирование страха как свойства, парализующего человеческое в человеке. Здесь нет смысла перечислять все эти попытки, это тема отдельного исследования, мы же перенесемся во вторую половину XX века, когда бурным цветом расцвел спорт в широком смысле слова и беремся утверждать, что всеохватное физкультурно-спортивное движение планетарного масштаба это очередная попытка использовать новый инструмент, способный загнать возродившийся после двух страшных войн страх в культурные формы. Это не просто дань моде или стиль жизни [10], такой масштаб явления свидетельствует что найденный инструмент работает и работает пока, по крайней мере, эффективно. Миллионы людей, ведя активный спортивный образ жизни, обретают уверенность, что хотя бы уж из земной, тварной жизни страх может быть надежно изгнан и изолирован. Безопасность жизнедеятельности — название оксюморон, появилось, тем не менее в программах школ и вузов многих стран. Анестезия от боли сродни анестезии от страха, на дорожке стадиона, борцовском ковре, на горных перевалах

у человека возникает иллюзия победы над страхом, эта положительная иллюзия порождает еще больше спорта разного по форме, но одинакового по сути и решаемым задачам. Изречение сталинских времен «жить стало лучше — жить стало веселее», когда за каждым углом таилась угроза ареста, это тоже искусственная иллюзия застывшая реальный взгляд на жизнь. Отдельный вопрос — почему люди так боятся страха? Однозначного ответа на этот вопрос нет, скорее корни ответа надо искать в самой природе человека, в его антропологической ипостаси. Очевидно, что сегодня у человечества пока нет инстанции, обладающей средствами управления страхом. Возможно современный спорт и есть поиск такой инстанции, такого средства, которое позволяет человеку хоть на секунду, но все же овладеть своей природной боязливостью и опасливостью. Есть ощущение что пока данное средство работает, может и не сверхэффективно, но работает.

Вторая часть нашего исследования феномена современного спорта основана на интуиции немецких мыслителей [1,4,6], связавших спорт с временем проживания жизни человеческим существом. Разрабатывая концепцию времени авторы в основном приходят к понятию «презентизма», когда прошлое мемореализуется и накатывает на настоящее, блокируя как само настоящее, так и возможное будущее. «Развоплощенный» современный человек тоскует по настоящему времени, но оно волнами перекачивается из прошлого в будущее и не дает возможности реализации важной человеческой способности —

способности созерцания. Время созерцания или активной пассивности человека, когда происходит то, что принято называть планированием или колонизацией будущего априори заложено в некоторые практики прошлого. Примером такого времени может служить молитва в храме или рассматривание классической живописи. Период созерцания это период когда мир показывает что-то человеку, что он способен воспринять только находясь в этом состоянии. Современный человек с его сумасшедшим ритмом лишен времени созерцания, полностью заменив его временем наблюдения, то есть активным и не всегда продуманным вмешательством в конструкции готового природного мира. Момент наличия времени созерцания активизирует такую важную человеческую способность как рефлексия. Латинское слово *flexio* – сгибание с возвратной частичкой «ре» может подсказать нам истинное значение понятия рефлексия — выпрямление. Метафорой здесь будет понимание рефлексии как возвращения человеческого сознания к его изначальному значению. Спорт сегодня для занимающегося, неважно в каком статусе находится индивид — участник, зритель, тренер, организатор в момент, когда происходит действие запечатывает ворота как в прошлое, так и в будущее, позволяя тем самым настоящему не протекать мимо, а длиться. Неважно сколько происходит это действие, важно что эксплицируется истинно человеческое состояние схожее с состоянием созерцания. Особенность времяпровождения современного городского жителя профицит общения, человек почти всегда на виду, всегда с кем-то общается,

учитывая наличие современных гаджетов, оказаться один на один с собой проблема. Напряженная мышечная деятельность не отключает сознание индивида и не выбрасывает его из привычной среды, она переключает регистры восприятия так, что внимание концентрируется на своих ощущениях и позволяют с ними работать рефлексивно. Отсутствие посредников в моменты мышечной деятельности позволяют человеку не только проявить свои лучшие качества, но и узнать о своих слабостях, о неспособности терпеть утомление, боль, страх, наконец. Время созерцания, возникающее с помощью спортивной активности разрывает рутинную последовательность. «Не люблю деятельность и деятельных, сказал поэт. Почему, спросил интервьюер? «Деятельность порождает последовательность...». И.Бродский. В этом признании поэта мысль о необходимости иметь время дления настоящего выражена предельно ясно. Длющееся настоящее позволяет творческому человеку творить «от себя» соотнося, конечно, свое творение с традиционными вещами, но при этом все же испытывая воодушевление авторства. Вот как пишет Гумбрехт о состоянии во время спортивного действия: «Это само очарование в собственном смысле слова, явление, способное парализовать взгляд, что-то бесконечно привлекательное, при этом не требующее природы этой привлекательности» [4, с. 15]. Другими словами, восхищение движением сродни по механизму воздействия страху, который тоже парализует человеческое действие, только выход из этих состояний принципиально разный. Страх опускает человека до

животного состояния, движение поднимает его до природного, но и человеческого состояния одновременно. Страх парализует волю, спортивное действие парализует путь в прошлое и будущее, наполняя настоящее творческим восторгом и гордостью за свое преодоление естественной лени. В длющееся настоящее на правах активного и равноправного участника вклинивается разум, настроенный позитивно и положительно, разум логически легитимирует происходящее здесь и теперь, поддерживая и укрепляя волю. Еще один аспект связанный с всеохватностью спортивного движения современности связан с идентификацией личности, как антропологического существа, максимально социализированного сегодня, но крайне нуждающегося в состоянии ответственности за «могу не могу», лежащего непосредственно на самом агенте действия. Социальное животное — человек, как писал Томас Манн, осознающее в какой-то момент что мир, к которому он оказался приписан не подлинный, на миг осознает свою личную ответственность за этот мир в целом и за свое в нем участие. Особое время спорта еще требует своего исследования, ведь помимо положительных эффектов в нем кроется немало подводных рифов. Одержав малую локальную победу над собой, человек с легкостью экстраполирует этот результат на все бытие. Организовав с помощью пропаганды производство «сверхчеловеков» легко скатиться до производства недочеловеков [3]. Чрезмерное увлечение спортом больших масс людей, способно породить физически развитых, сильных, выносливых, но недалеких индивидов, научившихся потреблять

природные задатки не задумываясь о предназначении человека.

Литература

1. Агамбен, Джорджо . Костер и рассказ. Джорджо, Агамбен — М. ООО «Издательство Грюндриссе», 2015.- 192 с

2. Алейда, Ассман Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Алейда Ассман; пер. с нем. Б Хлебникова; - М.: Новое литературное обозрение, 2017. - 272 с.

3. Поль Вирильо. Машина времени / Пер. С фр. А Шестакова под ред. В Быстрова. Спб.: Наука, 2004.

4. Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта. Х.У.Гумбрехт / Пер с нем В Фещенко. - М.: Новое литературное обозрение, 2009.- 176 с..

5. Кьеркегор, Серен Страх и трепет. Серен Кьеркегор Пер. С дат. - М.: Республика, 1993. - 383с.

6. Ницше, Фридрих Сочинения в 2-х т. Фридрих Ницше Литературные памятники / Составление, редакция изд, вступ. ст. и примеч. К.А.Свасьяна. Пер. С нем. -М.: Мысль, 1990.

7. Люббе, Г В ногу со временем. Со-кращенное пребывание в настоящем. Пер. С нем А.Григорьева, В.Куренного. - М.: изд. Дом Высшей школы экономики, 2016.- 456 с.

8. Рикёр, Поль Философская антропология, Рукописи и выступления 3 / Пер. С франц.- М.: Издательство гуманитарной литературы, 2017. -312 с

9. Фрейд, Зигмунт Собрание сочинений в 26 т. Изд. Скифия, - 2019 г.

10. Ямпольский, Михаил Парк культуры и насилите в Москве сегодня. М.Ямпольский М.: Новое издательство, 2018. - 198 с.

Modern sport as a refuge from ontological fear and the construction of a temporary security gap

Chernyshev V.P., Chernysheva L.G., Yurechko O.V., Bobina O.N., Matsko A.I. Pacific State University, Armavir State Pedagogical University, Blagoveshchensk Annunciation State Pedagogical University, Tomsk State Pedagogical University

The article discusses the phenomenon of sports inclusion of a significant part of the population. It is shown that modern sport is a refuge for a "disembodied" person who is looking for his place and time in a world of uncertainty. The importance of sport for organizing the temporary zone of inaccessibility of the Other is emphasized.

Keywords. The inclusiveness of modern sports. Search for a place and time by an individual. "Disembodied" man

References

1. Agamben, Giorgio. Bonfire and story. Giorgio, Agamben - M. Grindriss Publishing House LLC, 2015.- 192 c
2. Aleida, Assman The connection of times has broken up? The rise and fall of the temporal regime of Modern / Aleida Assman; per. with him. B. Khlebnikov; - M.: New Literary Review, 2017. -- 272 p.
3. Paul Virillo. Time Machine / Trans. With fr. And Shestakova, ed. In Bystrov. St. Petersburg: Nauka, 2004.
4. Gumbrecht H.U. Praise the beauty of the sport. HW Gumbrecht / Per with him In Feshchenko. - M.: New Literary Review, 2009.- 176 p.
5. Kierkegaard, Seren Fear and Awe. Seren Kierkegaard Per. From dates. - M. : Republic, 1993. -- 383 p.
6. Nietzsche, Friedrich Works in 2 volumes. Friedrich Nietzsche Literary Monuments / Compilation, ed. Art. and note. K.A.Svasyan. Per. With him. -M. : Thought, 1990. 7. Lubbe, G Keep up with the times. Shortened stay in the present. Per. With him A. Grigoryev, V. Kurenny. - M. : ed. House of the Higher School of Economics, 2016.- 456 p.
8. Ricoeur, Paul Philosophical Anthropology, Manuscripts and Speeches 3 / Per. S French.- M.: Publishing House of Humanities, 2017. -312 p.
9. Freud, Zygmunt Collected Works in 26 vol. Scythia, - 2019
10. Yampolsky, Mikhail Park of Culture and Violence in Moscow today. M. Yampolsky M. : New Publishing House, 2018. -- 198 p.

Понятие «religio» в творчестве Марсилио Фичино

Апполонов Алексей Валентинович,
кандидат философских наук, доцент, Мос-
ковский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, alexeyapp@yandex.ru

В статье рассматривается трактовка понятия «religio» в творчестве итальянского философа эпохи Возрождения Марсилио Фичино (1433–1499). Автор показывает, что гипотеза, согласно которой Фичино предложил некую принципиально новую интерпретацию этого понятия не вполне соответствует историческим данным. Скорее, можно сказать, что дискурс Фичино о *religio communis* (общей религии) оставался в рамках традиционной концепции естественности отдельных религиозных представлений, восходившей (если мы говорим о латинском Западе) к Цицерону и разрабатывавшейся в творчестве таких мыслителей как Лактанций, Фома Аквинский, Альберт Великий и Роджер Бэкон. С другой стороны, автор отмечает, что повышенное внимание Фичино к *religio communis* было обусловлено его стремлением легитимировать генеалогию «благочестивой философии» («*philosophia pia*»), которая, согласно представлениям флорентийского философа, сохраняла преемственность философско-религиозной мысли от Меркурия Трисмегиста до его собственной «платоновской теологии».

Ключевые слова: Марсилио Фичино, история философии, философия эпохи Возрождения, понятие «religio», естественная религия, христианская теология.

Нередко утверждается, что итальянское Возрождение было той эпохой, когда в понимании термина «religio» произошли некие радикальные изменения (об этом пишут, в частности, У. К. Смит [1, р. 32], Б. Нонгбри [2, р. 87] и К. Грундманн [3, р. 42]). При этом, как правило, первым в данной связи упоминается имя флорентийского философа-платоника Марсилио Фичино (1433–1499). Например, У. К. Смит писал: «Новое направление [в трактовке термина “religio”] начинается с блестящего и влиятельного труда умов итальянского Возрождения, Марсилио Фичино... В 1474 г. он написал “De Christiana religione”. Данное словосочетание, как мы с удивлением обнаруживаем, было относительно новым для этой эпохи, однако затем оно постепенно стало обыденным и осталось таковым, хотя его смысл радикально изменился» [1, р. 33]. Таким образом, У. К. Смит утверждает, во-первых, что словосочетание «Christiana religio» вошло в обиход благодаря Фичино, а во-вторых, что труд флорентийца, посвященный этой самой «Christiana religio», положил начало новому направлению (new orientation) в трактовке понятия «religio».

Что касается первого утверждения Смита, то оно непосредственным образом проистекает из его фундаментальной гипотезы, согласно которой в Античности и

Средние века термин «*religio*» использовался для обозначения чего угодно, но только не религии (в смысле «системы норм или верований, исторической традиции, институализированной и воспринимаемой сторонним наблюдателем», как определял религию сам Смит [ibid., p. 29]). Защищая эту гипотезу от потенциальной критики, Смит принципиально не замечал выражения типа «*religio Romana*», «*religio Iudaeorum*», «*religio Larum*», «*religio Cereris*», «*religio Persarum*» и т.д., которые довольно часто встречались в сочинениях античных латинских авторов. Исключение канадский теолог сделал только для термина «*religio Christiana*» у Аврелия Августина, поскольку его нельзя было не заметить; зато, не заметив все прочие *religiones*, этот термин вполне можно было истолковать не как «христианскую религию», но как уникальное «почитание (worship) через Христа». Все случаи употребления словосочетания «*religio Christiana*» после Августина и до Фичино Смит также предпочел не замечать, поскольку у него было «чувство, что за тысячу лет, разделяющую [этих мыслителей], он использовался нечасто» («*my feeling that it had not been much used for the intervening thousand years*») [ibid., p. 221]. Соответственно, этого чувства оказалось достаточно для утверждения, что термин «*religio Christiana*» вошел в обиход именно

благодаря Фичино (поразительно, но при этом Смит знал¹, что и до Фичино публиковались сочинения, в которых *religio Christiana* не просто упоминалась, но и присутствовала в заглавиях).

Что касается второго утверждения, то здесь Смит следовал некоему общему мнению – как он его понимал. Согласно канадскому теологу, «историческая значимость Фичино общепризнана (*generally recognized*)» [ibid., p. 222]; но если так, то весьма вероятно, что «идеи Фичино знаменуют собой сдвиг в общих тенденциях религиозного мышления» [ibid.]. Поскольку же, согласно Смицу, изменения в «религиозном мышлении» должны автоматически обуславливать изменения в значении термина «*religio*» [ibid., p. 16–17], то из этого следует естественное предположение, что Фичино стоял у истоков некоего «нового направления» в трактовке термина «*religio*».

Тем не менее, нельзя не заметить, что даже сам канадский теолог испытывал определенные сомнения в правильности этой логики. Так, он совершенно справедливо отмечал, что «связь мысли [Фичино] со схоластикой очевидна, и, кроме того, он явно оживлял Августина (*clearly reviving Augustine*)», а «неоплатоническая традиция в католическом Средневековье никогда не прерывалась» [ibid., p. 222]. Более того, Смит подчеркивал, что

¹ См.: [1, p. 220]. Со своей стороны, я могу отметить сочинение известнейшего проповедника, генерал-викария францисканцев-обсервантов Бернардина Сиенского (1380–1444), которое называлось «*Quadragesimale de Christiana Religione*». Этот трактат, написанный во вполне традиционном августианинском ключе, был посвящен преимущественно вере, которая «есть тот надежный фундамент, на который

опирается христианская религия» [4, p. 3]. Тем не менее, факт остается фактом: работы, в названиях которых упоминалась *Christiana religio*, публиковались еще до Фичино; при этом, учитывая статус того же Бернардина, невозможно говорить, как это делает Смит, что термин «*Christiana religio*» стал популярен и получил широкое распространение только благодаря флорентийскому философу.

«Christiana religio» у Фичино – это «почитание Бога таким образом, которому учил и который показал на собственном примере Христос» [ibid., p. 34]; но, если это так, тогда совершенно непонятно, в чем заключается радикальная новизна фичиновской трактовки данного термина, ведь, согласно тому же Смиуту, у Августина «religio Christiana» также означало «почитание (worship) через Христа (во Христе)» [ibid., p. 212].

Однако, несмотря на указанные обстоятельства, Смит не решился отказаться от представленной выше априорной схемы – поскольку это означало бы признание как минимум сомнительности всех его размышлений об истории понятия «religio». В итоге он сделал вывод, что искомая новизна интерпретации Фичино должна заключаться в том, что флорентийский философ впервые в истории представил *religio* как «фундаментальную характеристику человека, врожденную, естественную и первичную», которая «делает человека человеком» [ibid., p. 33]. Соответственно, Смит (без каких-либо объяснений) отказался от своей изначальной идеи, что для Фичино *religio* есть «почитание Бога», и предложил переводить

название трактата «De Christiana religione» не как «О почитании, которому учил Христос», но как «Об ориентированной на Христа природе всеобщей человеческой религиозности в ее идеальной форме» («On the Christ-Oriented Nature of Universal Human Religiousness, in its ideal form») [ibid., p. 34]. Наиболее интересным здесь является, пожалуй, то, что, приписывая Фичино концепцию некоей «идеальной формы» «человеческой религиозности», Смит опирался на свои представления о том, как должен влиять на трактовку термина «religio» платонизм¹. Однако, почти ту же самую концепцию и на тех же самых основаниях он приписывал и Августину [ibid. P. 29–30; см. также 5]. Поэтому (особенно в свете слов канадского теолога о том, что Фичино «явно оживлял Августина») было бы логично предположить, что в вопросах, относящихся к *religio*, Фичино не был радикальным новатором, но развивал идеи гиппонийского епископа. Однако Смит подобного предположения не сделал и тем самым еще раз продемонстрировал свою непоследовательность.

Впрочем, несмотря на сказанное, я не могу не признать, что в одном важном аспекте Смит был прав:

¹ Согласно Смиуту, «для мыслителя-платоника истинная форма – идеальная форма; реальные ее проявления в человеческой истории, в жизни мужчин и женщин – это более или менее неадекватные, приблизительные, более или менее *неподлинны* случаи идеального. *Religio* не может различаться по видам. Но у нее могут быть – и есть – разные уровни истинности. Лучше поклоняться Богу любым способом, даже самым нелепым, чем в своей надменности не поклоняться Ему вовсе; поэтому любая религия в определенной степени блага. Однако... тот поклоняется Богу наилучшим образом, кто упорно почитает Его своими действи-

ями, благостью, прямотой речи, ясностью мышления и любовью. Подобные люди... кем бы они ни были, поклоняются Богу таким образом, которому учил и которое показал на собственном примере Христос. И именно это подразумевает *Christiana religio*» [1, p. 33–34]. На мой взгляд, однако, рассуждения подобного рода едва ли могли сыграть сколь-нибудь важную роль при формулировании Фичино концепции универсальной человеческой религиозности; ниже я представлю свои собственные соображения как по поводу истоков этой концепции, так и по поводу мотивов, которыми флорентийский философ мог руководствоваться, формулируя ее.

для Фичино *religio* действительно является «фундаментальной характеристикой человека, врожденной, естественной и первичной» (хотя при этом флорентиец нигде не пишет, что именно религия «делает человека человеком»¹). Действительно, в своей «Платоновской теологии» Фичино писал: «Под *religio* я подразумеваю некий всеобщий и естественный инстинкт (*instinctus naturalis*), в силу которого всегда и везде [люди] воспринимают некое провидение, управляющее миром, а также поклоняются ему» [7, р. 294]. Кроме того, в «De Christiana religione» сказано, что *religio* как «божественный культ» («*cultus divinus*») «почти столь же естественна для человека как ржание для лошадей и лай для собак» [6, р. 4]. Далее можно упомянуть о том, что Фичино относил к характеристикам *religio* «естественное и общее мнение (*opinio*) о [существовании] Бога, внедренное в нас самим Богом как началом всего и создателем [всех] природ», а также то обстоятельство, что «все и всегда поклоняются Богу ради будущей жизни» [*ibid.*, р. 5]. Таким образом, согласно Фичино, *religio* (если мы говорим о ней как о некоем всеобщем феномене, *religio communis*) в своем субъективном аспекте является «естественным инстинктом», а в

своем объективном аспекте – «божественным культом»; кроме того, в содержательном отношении *religio* подразумевает знание о существовании Бога и о загробной жизни, «ради которой» следует поклоняться Богу.

В этой общей концепции Фичино едва ли можно обнаружить *радикальную* новизну: по сути дела, она является воспроизведением отдельных идей о естественности *religio*, которые были представлены еще у Цицерона (106 – 43 до н.э.) и Лактанция (ок. 250 – ок. 325). Так, например, можно вспомнить слова Марка Туллия о том, что *religio* относится «к естественному закону, который порождается не мнением, но внедряется в саму нашу природу некоей силой» [8, р. 328]². Лактанций, со своей стороны, ссылаясь все на того же Цицерона, писал, что «религия – чуть ли не единственное, что отличает человека от бессловесных животных» [10, р. 612; см. также 11]. Наконец, понятие «естественный инстинкт» («*instinctus naturalis*») в контексте обсуждения *religio* и «божественного культа» обнаруживалось еще у Фомы Аквинского (1225 – 1274): «Божественный культ (*cultus Dei*) называется словом “*religio*” потому, что этими [культовыми] действиями человек связывает себя (*se homo ligat*),

¹ Строго говоря, подобное утверждение в горизонте мысли XV в. в принципе невозможно. Согласно представлениям этой эпохи, человека человеком делает разумная душа; и именно она, а не что-то иное отличает человека от других (неразумных) животных. Соответственно, врожденная религиозность человека есть *следствие* того, что он обладает разумной душой и укоренным в ней естественным знанием о существовании Бога. Поэтому можно сказать, что религиозность – это *proprium*, собственный признак человека (так же, как упоминаемый Фичино лай есть собственный признак собаки);

этот отличительный признак, впрочем, настолько важен, что именно в нем достигается «высшее совершенство» человека: «*per religionem igitur est perfectissimus*» [6, р. 5].

² Следует заметить, что в данном случае мы наблюдаем явное влияние греческого стоицизма, который, согласно А. А. Столярову, предполагал, что «религия – естественное достояние разумного существа. “Природа” не заложила бы в душу “первичных общих представлений” о божестве, если бы они были беспочвенны» [9, с. 156].

чтобы не отдаляться от Бога, и потому, что человек неким природным инстинктом (*quodam naturali instinctu*) ощущает, что он обязан (*se obligatum sentit*) определенным образом воздавать почтение Богу, от Которого он получает и бытие и всяческое благо» [12, р. 411]. При этом, что примечательно, Фичино квалифицировал *religio* в субъективном ее аспекте не только как «естественный инстинкт», но и как добродетель. Например, в предисловии к итальянскому переводу «*De Christiana religione*» флорентиец писал: «Поскольку религия является общим даром и добродетелью (*la Religione è dote et virtute comune*), она присуща всем» [13, р. 3]. Таким образом, мы видим, как представление о всеобщей религии (*religio communis*), или, вернее, об *универсальной религиозности*, присущей всем людям по природе, коррелирует у Фичино известным еще со времен Цицерона и характерным для Фомы Аквинского и других схоластов учением о *religio* как добродетели.

Что же касается упомянутых выше содержательных элементов *religio communis*, то есть двух всеобщих представлений, в которых она

выражается, то и здесь мысль Фичино не выходит за рамки предшествующей традиции. Так, например, Роджер Бэкон (1214/22 – ок. 1292), ссылаясь опять-таки на Цицерона, писал, что «знание Бога, насколько речь идет о его существовании, присуще всем [людям] по природе» [14, р. 375]; кроме того, он отмечал, что «все секты питают надежду на иную жизнь» [*ibid.*, р. 381]. Таким образом, мы видим, что обе составные части *religio communis*, выявленные флорентийским философом, эксплицитно описывались как доктринальные элементы учений всех известных религий («сект», как их называл Бэкон) уже в XIII в. В данной связи можно отметить также, что это не единственный случай совпадения ключевых идей Бэкона и Фичино. Например, флорентиец выстраивал генеалогию своей «ученой религии» (она же «благочестивая философия»¹), перечисляя философов и религиозных деятелей, каждый из которых «не без помощи божественного провидения» и «в соответствии со своим собственным разумением» [16, р. 871] постиг важнейшие истины о Боге и мире².

¹ Под ней Фичино понимал некую высшую форму философско-религиозного синтеза, связанного как с богопознанием, так и с «боголюбием»: «Итак, познать и возлюбить Бога призывает нас весь мир во всякой своей части, и истинный философ, толкователь мира и Бога, [нас к этому] старательно поощряет и призывает... Поэтому философ, побуждающий нас к созерцанию Бога, должен называться мудрым, а воспламеняющий любовью к божественной благодати – благочестивым и набожным. Вот почему вся философия древних есть не что иное, как ученая религия (*docta religio*)... Наконец (если говорить коротко), разве не должна эта сатурнийская золотая наука древних называться не столько мудролюбием (*philosophia*), сколько боголюбием (*Philothea*)? Ведь любое их высказывание есть скорее пророчество, нежели рассуждение. Почему я веду речь об этом соединении мудрости с благочестием?»

Для того именно, во-первых, чтобы мы помнили, насколько мы обязаны этим золотым векам в отношении священной философии. Для того, во-вторых, чтобы ты сам понял, по какой причине Марсилио, исследователь древности, не только в одной этой книге о религии, которую ты просишь, но также во всех его сочинениях всегда сочетает, насколько может, философские предметы с религиозными» [15, с. 263–264].

² Саму эту генеалогию Фичино представлял следующим образом: «Древняя теология египтян и арабов повествовала о том, что началом существования, познания и действия является бытие Божие. Затем Пифагор, Гераклит, а также Платон перенесли эту теологию в Грецию... и этим древним [учителям] следовал Дионисий Ареопагит, изначально платоник, а затем – христианин... а еще позже те же [принципы] чтити наиглавнейшие из латинских теологов – Иларий и Августин» [16, р. 758].

Но и Бэкон сходным образом полагал, что Бог наделили особыми (сверхъестественными) знаниями «не только тех, кто был рожден и воспитан в старом и новом законах, но и других людей» [14, р. 243], и утверждал помимо этого, что «величайшие философы – Платон, Аристотель и Авиценна и подобные им – по-своему (*more suo*) поклонялись истинному Богу, сообразно благодати данной каждому...» [17, р. 8]¹. Наконец, нельзя не отметить, что само представление Фичино об упомянутой выше «*docta religio*» как о «божественном союзе мудрости и религии» [6, р. 4] (даже как об их тождестве: «подлинная философия есть не что иное, как истинная религия, а подлинная религия – не что иное, как истинная философия» [16, р. 668]) явно отсылает к максиме Иоанна Скота Эриугены (ок. 810 – 877), согласно которому «истинная философия есть истинная религия, и наоборот» [18, col. 357 D].

Таким образом, в дискурсе Фичино, посвященном *religio* и всему с ней связанному, мы обнаруживаем скорее традиционные мотивы, нежели нечто принципиально новое. Более того, если нам потребуются точные дефиниции ключевых терминов этого дискурса, то – за пределами приведенных выше единичных и отчасти случайных *ad hoc* формулировок – мы едва ли их найдем. Например, если говорить о трактате «*De Christiana religione*», то в нем, как совершенно справедливо отмечает Амос Эдельхайдт, вообще

«нет определений базовых терминов, таких как “религия”» [19, р. 210]. На мой взгляд, это отнюдь не случайно: Фичино мало интересовался религией как таковой и не исследовал религиозные традиции в духе сравнительного религиоведения; в число его приоритетных задач входили, во-первых, переустройство «платоновской теологии» (то есть, по сути дела, (нео)платонической философско-религиозной языческой традиции), а во-вторых, легитимация этой теологии в христианской среде. Собственно, дискурс Фичино, связанный с *religio communis*, то есть с некоей универсальной человеческой религиозностью, был своего рода побочным результатом реализации его проекта по легитимации генеалогии «благочестивой философии», которая, как предполагал флорентиец, сохраняет преемственность мысли от древних египтян до Отцов Церкви и далее – до него самого. Для легитимации этой традиции, которая была нехристианской по своим истокам и во многом по своему содержанию, требовалась легитимация (хотя бы частичная) нехристианских религий. Соответственно, Фичино сформулировал концепцию «*religio communis*», которая включала в себя идеи о всеобщей (естественной) религиозности и об универсальных религиозных представлениях, внедренных в человеческую природу самим Богом. При таковых обстоятельствах христианство могло описываться как

¹ Сказанное Бэконом предполагает (имплицитно, по крайней мере), что человек необязательно должен быть членом христианской церкви, чтобы истинным образом поклоняться истинному Богу. Английский философ, конечно же, специально отмечал, что это возможно

только в исключительных случаях, когда на человека нисходит особая божественная благодать, открывающая ему сверхъестественные истины. Однако, насколько я могу судить, Фичино, говоря о «помощи божественного провидения», имел в виду то же самое.

«наилучшая» или «самая истинная» религия, а все прочие религии объявлялись истинными в значительно меньшей степени – но все-таки истинными. Однако тем самым, как пишет О. Ф. Кудрявцев, христианство «фактически ставится на один уровень с другими видами религии, образуя как бы необходимое звено в развитии ее форм» [20, р. 342]. В этом, вероятно, можно усмотреть своеобразный радикализм Фичино: средневековые схоласты, даже допуская возможность особого божественного откровения для отдельных язычников и мусульман, вряд ли согласились бы с подобной позицией. Однако, с другой стороны, принципиально новым считать этот подход Фичино невозможно: нечто подобное предполагалось ситуацией религиозного плюрализма греко-римской Античности и в той или иной степени реализовывалось в рамках различных философских учений древности. Как представляется, это понимал и сам флорентийский философ, который, в общем и целом, считал себя не столько радикальным новатором, сколько транслятором античной культуры и древней (вернее, вечной) мудрости.

Литература

1. *Smith W. C.* The Meaning and End of Religion. New York: Macmillan Co., 1963.
2. *Nongbri B.* Before Religion. A History of a Modern Concept. New Haven, London: Yale University Press, 2013.
3. *Grundmann C. H.* Beyond “Holy Wars”. Forging Sustainable Peace through Interreligious Dialogue – A Christian Perspective. Eugene, Oregon: Wipf and Stock Pickwick Publications, 2014.
4. *Bernardin de Sienne.* Opera omnia. Tomus 1. Venetiis: in aedibus Andreae Poletti, 1745.
5. *Апполонов А. В.* У. К. Смит о трактате Аврелия Августина «De vera religione» // Религиоведческий альманах. 2018. № 1–2 (5). С. 24–48.
6. *Ficino M.* De Christiana religione. Venetiis: per Caesarem arriuabenem uenetum, 1518.
7. *Ficino M.* Platonic Theology. Volume 4: Books XII–XIV. Harvard: Harvard University Press, 2004.
8. *Cicero.* De inventione, De optimo genere oratorum, Topica. Cambridge MA: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd, 1949.
9. *Столяров А. А.* Стоя и стоицизм. М.: АО Ками Групп, 1995.
10. *Lactantius C. F. L.* Opera Omnia. Pars I / Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. XIX. Vindobonae: F. Tempsky, 1890.
11. *Апполонов А. В.* Понятие «religio» у Луция Цецилия Фирмиана Лактанция // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1. С. 63–73.
12. *Thomas Aquinas.* Opera Omnia. Vol. 12. Parisiis: Apud Ludovicum Vivès, 1874.
13. *Ficino M.* Della Cristiana Religione. Firenze: Giunti, 1568.
14. *Bacon R.* The Opus Maius: In 3 vol. Vol. 2 / Ed. J. H. Briges. London: Clarendon Press, 1897.
15. *Фичино М.* Философия и религия – сестры / Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М.: Наука, 2004. С. 263–265.
16. *Ficinus M.* Opera et quae hactenus extitere. Vol. I. Basileae: ex officina Henric Petrina, 1561.
17. *Bacon R.* Opera hactenus inedita. Fasc. V. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1920.
18. *Ioannes Scotus Erigena.* De praedestinatione / Patrologiae cursus

completus: Series Latina. Vol. CXXII. Parisiis: J.-P. Migne, 1865. Cols. 327–438.

19. *Edelheit A.* Ficino, Pico and Savonarola: The Evolution of Humanist Theology 1461/2–1498. Leiden: Brill, 2008.

20. *Кудрявцев О. Ф.* Флорентийская Платоновская академия: очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М.: ЛУМ, 2018.

Concept of “religio” in Marsilio Ficino’s thought

Appolonov A.V.

Lomonosov Moscow State University

The article discusses the interpretation of the concept of “religio” in the works of the Italian Renaissance philosopher, Marsilio Ficino (1433-1499). The author shows that the hypothesis according to which Ficino proposed a fundamentally new interpretation of this concept does not fully correspond to historical data. Rather, it can be said that Ficino’s discourse on *religio communis* (common religion) remained within the framework of the traditional conception of the naturalness of some religious beliefs, which was elaborated by Cicero (if we are talking about the Latin West) and developed further in the works of Lactantius, Thomas Aquinas, Albert the Great and Roger Bacon. On the other hand, the author notes that Ficino’s close attention to *religio communis* was due to his desire to legitimize the genealogy of “pious philosophy” (“philosophia pia”), which, according to him, maintained the continuity of philosophical and religious thought from Mercury Trismegistus to Ficino’s own “Platonic theology”.

Keywords: Marsilio Ficino, history of philosophy, Renaissance philosophy, the concept of “religio”, natural religion, Christian theology.

References

1. Smith W. C. The Meaning and End of Religion. New York: Macmillan Co., 1963.
2. Nongbri B. Before Religion. A History of a Modern Concept. New Haven, London: Yale University Press, 2013.
3. Grundmann C. H. Beyond “Holy Wars”. Forging Sustainable Peace through Interreligious Dialogue - A Christian

Perspective. Eugene, Oregon: Wipf and Stock Pickwick Publications, 2014.

4. Bernardin de Sienne. Opera omnia. Tomus 1. Venetiis: in aedibus Andreae Poletti, 1745.
5. Appolonov A. V. W. C. Smith on the treatise of Aurelius Augustine “De vera religione” // Religious almanac. 2018. No. 1–2 (5). S. 24–48.
6. Ficino M. De Christiana religione. Venetiis: per Caesarem arriabenem uenetum, 1518.
7. Ficino M. Platonic Theology. Volume 4: Books XII – XIV. Harvard: Harvard University Press, 2004.
8. Cicero. De inventione, De optimo genere oratorum, Topica. Cambridge MA: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd, 1949.
9. Stolyarov A. A. Standing and stoicism. M.: AO Kami Group, 1995.
10. Lactantius C. F. L. Opera Omnia. Pars I / Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. XIX. Vindobonae: F. Tempsky, 1890.
11. Appolonov A. V. The concept of “religio” by Lucius Cecilius Firmian Lactantius // Philosophical Journal. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 63–73.
12. Thomas Aquinas. Opera Omnia. Vol. 12. Parisiis: Apud Ludovicum Vivès, 1874.
13. Ficino M. Della Cristiana Religione. Firenze: Giunti, 1568.
14. Bacon R. The Opus Maius: In 3 vol. Vol. 2 / Ed. J. H. Briges. London: Clarendon Press, 1897.
15. Ficino M. Philosophy and Religion - Sisters / The Humanist Thought of the Italian Renaissance. M.: Nauka, 2004. S. 263–265.
16. Ficinus M. Opera et quae hactenus extitere. Vol. I. Basileae: ex officina Henrici Petrina, 1561.
17. Bacon R. Opera hactenus inedita. Fasc. V. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1920.
18. Ioannes Scotus Erigena. De praedestinatione / Patrologiae cursus completus: Series Latina. Vol. CXXII. Parisiis: J.-P. Migne, 1865. Cols. 327–438.
19. Edelheit A. Ficino, Pico and Savonarola: The Evolution of Humanist Theology 1461 / 2–1498. Leiden: Brill, 2008.
20. Kudryavtsev O. F. Florence Platonic Academy: an outline of the history of the spiritual life of Renaissance Italy. M.: LUM, 2018.

О смыслах «смысла» и его ипостасях

Гарипова Наталья Михайловна

канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры музыкальной педагогики и исполнительства ГОУ ВПО Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского» (филиал в г. Ялте), natamigo@ Rambler.ru

В статье рассматривается явление *смысл* сквозь призму различных форм деятельности (материально-практической, духовно-теоретической, практически-духовной), что позволяет увидеть его различные ипостаси и различия в конституировании, а вместе с тем – имманентные свойства, коими выступают состояние-переживание (ощущаемое в теле) и мысль. Оба эти свойства лежат в истоках смыслового феномена, который, благодаря кодированию, различному в различных формах деятельности («однородному» или «разнородному»), получает означивание, сохраняющее состояние-переживание (что свойственно материально-практической и практически-духовной формам) или исключющее его (что свойственно духовно-теоретической форме). В повседневной жизни имеет место взаимопроникновение механизмов кодирования/декодирования смысла различных форм человеческой деятельности. В любом случае смысл предстаёт как явление, возникающее на пересечении контекстов и восходящее в филогенетическом разрезе к личностному смыслу, всегда включающему в себя элемент интерсубъективного переживания, которое в снятом виде хранится в значении, лишь обладающем потенциалом переживаться вновь. Увязывание смысла с состоянием-переживанием позволяет провести демаркационную линию между человеческим и искусственным интеллектом.

Ключевые слова: смысл; значение; смысл как пересечение смысловых контекстов; смысл как состояние переживания; означивание смысла.

«Что есть смысл?». Вряд ли можно найти вопрос, ответ на который вызывает затруднения у учёных и с лёгкостью формулируется обычными людьми в контекстах конкретных жизненных ситуаций. Человеку свойственно искать/находить смыслы и принципиально необходимо воспринимать мир осмысленно. Это последнее выступает как само собой разумеющееся, хотя и оставляет ощущение какого-то сомнения в адекватности и полноте этой самой осмысленности. Вопрос о смысле на протяжении многих столетий занимает умы мыслителей, учёных, творцов произведений искусства, но окончательный ответ на него пока не найден. В разногласии же мнений смысл предстаёт как суть (квинтэссенция) какого-либо текста (рисунка, события и пр.), его глубинная составляющая (подтекст), как цель (как направление развития, действия), как логос Универсума, эйдоса, как значимость и ценность чего-либо. Достаточно глубокий и полный обзор пониманий явления *смысл* сделан А. Брудным [1, с. 117-127]. Среди зарубежных учёных, осуществивших это в весьма широком контексте, следует назвать Ч.Огдена и А.Ричардса [см. 2], которые около ста лет назад написали свою знаменитую работу под названием “The Meaning of Meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism”, традиционно переводимом как «Значение значения. Исследование влияния языка на мышление и научный

символизм» (хотя с таким переводом можно и поспорить).

Особенностью разработки проблемы смысла является то, что он, будучи вездесущим, исследуется как существенная составляющая самых разных явлений. И здесь можно указать на такие фундаментальные работы как «Смысл любви» В. Соловьёва, «Смысл истории» Н. Бердяева, «Смысл жизни» Е. Трубецкого, «Человек в поисках смысла» В. Франкла, «Смысл и назначение истории» К. Ясперса, «Искусство, его смысл и значение» Н. Федорова др. Сам же смысл значительно реже выступает объектом специального изучения. Важную роль для осмысления этого явления сыграли философия позитивизма, где смысл начал обретать статус самодостаточной категории, а также формальная логика и аналитическая философия, различающие содержание понятия, высказывания и смысл как субъективное понимание этого содержания. Это последнее привело к тому, что смысл из контекста истины (объективности) попадает в контекст логической ошибки (субъективности). Увязывание смысла с субъективностью сделало его предметом психоанализа. В философско-гуманитарных контекстах ценный вклад в исследование явления *смысл* внесли как авторы солидных монографий (М. Бахтин, Э. Гуссерль, Ж. Делёз, Д. Леонтьев, А. Лосев, А. Смирнов, Г. Шпет и др.), так и авторы статей (Д. Гаспарян, А. Леонтьев, А. Пелипенко, Л. Рыскельдиева и др.).

В данной статье будут эксплицированы различные ипостаси смысла как феномена переживае-

мого и по-разному конституируемого в разных формах человеческой деятельности, а также рассмотрен механизм его генезиса. Кроме того, будет показано, что смысл отражает не только объект, но и субъекта. В качестве методологической основы предлагаемого научного дискурса выступают идеи феноменологической философии и психологии.

При обсуждении обозначенной проблемы прежде всего следует отметить то, что смысл связан с пониманием (которое может быть как истинным, так и ложным, что не является значимым для онтологии самого смыслового феномена). Понимание же – это функция мыслительной сферы живого существа, которая не всегда осознаётся (рефлексируется субъектом), но всегда предполагает появление мысли. Связь смысла с мыслью очевидна. Мысль зарождается в "недрах смысла", смысл же никогда не теряет связи с ней. Не случайно русское слово *смысл* произошло от церковно-славянского "съмысль" (на это обращает внимание музыкант-философ В. Медушевский [3, с. 54 - 57]) и этимологически означает "сомысль", совокупную мысль, восходящую, согласно пониманию греческих отцов Церкви, к Логосу бытия.

Однако нельзя ставить знак равенства между смыслом и мыслью. И это понятно: смысл и мысль – явления различных контекстов. Мысль – функция исключительно мышления; смысл же – предполагает активность многих психических функций. Весьма убедительно это показано в исследованиях психологов [см. 4]. Различение смысла и

мысли имеет место и в феноменологии. И всё же именно мысль, её наличие является одним из критериев генезиса и онтологии смысла – критерием необходимым, хотя и недостаточным. Мысль же в истоках смыслового явления характеризуется тем, что она ощущается субъектом до того, как получает какое-либо означивание (выражение, превращённую форму, обеспечивающую трансляцию мысли). На ощущение мысли до её означивания указывает [5, с. 18].

Означивание – это важный момент в существовании смысла. Вне означивания нет оснований говорить о смысле. При означивании то, что было содержанием внутреннего плана субъекта, имеющим для него некую значимость (значение), обретает новую форму своего существования, благодаря которой оно (содержание внутреннего плана) становится доступным и для другого. Это внутреннее содержание выражается в превращённой форме (Мамардашвили): смысл оборачивается значением, “отлившись” в каком-либо знаке (знаках). И в этом плане смысл и значение тождественны. Хотя следует учитывать, что любой переход явления в превращённую форму характеризуется потерей некоего элемента в содержании [6, с. 387]. А потому, рассматривая проблему отношений между смыслом и значением в целом (а не в рамках сравнительно узкого контекста), следует признать правоту учёных (М. Бахтин, Г. Шпет, Д. Леонтьев, В. Налимов, А. Смирнов 2001 и др.), разграничивающих смысл и значение, что оказывается значимым в контексте решения задач цивилизационного уровня. Отождествление смысла и значения, как

указывает Д. Гаспорян, лежит в основе понимания искусственного интеллекта как аналога человеческого сознания [7, с. 81-94; 8, с. 433-460], а потому выступает опасной предпосылкой для выбора ложного пути в развитии человечества.

Смысл не отделим от значения; он не существует без означивания. Означенное же (т. е. значение) несёт в себе смысл, который может оказаться лишь потенциальным [9, с. 103-120]. Своим существованием *значение* всегда “говорит”, что когда-то, для кого-то было принципиально важным фиксировать то самое положение вещей, которое нашло отражение в знаке, выражающем данное значение. И это положение вещей важно не своей субъектной (эмоционально переживаемой), а объектной составляющей, содержание которой может быть репрезентировано и транслировано посредством иных значений, без участия живого восприятия данного положения вещей (без актуализации гилетического материала в психике человека). Значение указывает прежде всего на осмысливаемое явление, хотя способно транслировать и особенности взаимодействия с ним, отношение к нему со стороны субъекта. Мы наблюдаем это в вербальном языке, например, при сопоставлении однокоренных слов (с разными приставками, суффиксами, окончаниями), указывающих на один и тот же объект. Сравним, например, слова *дом*, *домище*, *домица*, *домик*.

Смысл, как феномен содержащий мысль, обнаруживающуюся в понимании (выступающим одним из имманентных признаков смысла), заключает в себе множество и иных элементов – переживаний (состояний, доступных для рефлексии, а

нередко доступных для осознания и стороннему наблюдателю), связанных с различными уровнями и функциями психики, сцепленных и взаимопроникающих друг в друга. И это подробнейшим образом описано Э. Гуссерлем в его работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии». Философ видел смысл как некую многокомпонентную и процессуальную "картину" и различал не только предметный смысл, но и нозсу с её сенсуальными слоями различных модальностей, нозму, детерминирующую содержание последних и «конституирующую вещь в рамках сознания». Если нозса, согласно концепции Гуссерля, связана с гилетическим слоем, проявляющемся как ещё неструктурированный материал ощущений, то нозма выступает детерминантой смыслового феномена и проявляет себя как интенциональность, которая по-разному конституирует предмет смысла, будучи различной в различных формах человеческой деятельности [см. 10].

В самом деле, каждый из нас замечал, что один и тот же предмет в различных обстоятельствах, ситуациях, при решении различных задач по-разному отражается (переживается в состоянии осмысления) на экране психики. В настоящее время в отечественной культурологии и философии принято различать три формы человеческой деятельности: материально-практическую, духовно-теоретическую и практически-духовную [11; 12, с. 6 – 14]. Каждая форма по-своему конституирует смысловой феномен (на что указывает Н. Ноговицын [см. 13]).

В рамках материально-практической формы деятельности явление

смысл связано с утилитарной функцией предмета смысла, который выступает как нечто необходимое для человеческой жизнедеятельности (как вещь, а шире – как некий поведенческий акт, некая деятельность, некий "инструмент" жизнедеятельности). Здесь имеет место понимание предмета смысла в "модусе" его функции в жизнедеятельности субъекта, а также переживание (восприятие, представление) его в контексте жизненно-практического предназначения и конституирование в рамках этого предназначения. Поэтому в вещи субъект может не заметить, например, цвет или форму, размер, если таковые не скажутся на выполнении тех функций, благодаря которым она оказалась предметом смысла для субъекта. Познание в этой форме человеческой деятельности предполагает активность мышления и сенсорно-перцептивной сферы психики, но только в тех пределах, которые позволяют субъекту понять функцию (функции) вещи. Осознание в конституировании смысла здесь, как правило, связано с вербальным языком, благодаря которому имеет место означивание вещи, её функций, тех граней вещи (создаваемой или уже созданной), которые имеют особое значение для её функционирования и пр. Хотя оно может выразиться и непосредственно в деятельности по созданию вещи, в ритуальных осознаваемых действиях и пр. [14 , с. 13-20]. Иными словами, смысловой феномен представлен здесь утилитарной функцией, которая "опредмечивается" в способе деятельности, в поведении, в вещи, реально существующих или представляемых т.е. непременно переживаемых.

Благодаря переживанию осуществляется постижение ценности предмета смысла (в субъективном плане) и осознание его в контексте утилитарных функций. В рассматриваемой форме человеческой деятельности такое постижение подталкивает субъекта к созданию материальных ценностей – материального слоя культуры, а также к сохранению или введению различного рода ритуалов, форм поведения и пр., являющихся по мнению субъекта ценными для жизнедеятельности. Заметим, здесь велика роль эмоций, которые часто выступают катализатором самой деятельности. А смысл (переживание смысла) возникает на пересечении субъекта и предмета как вещи, находясь как бы между субъектом и культурой. Последняя предстаёт как грандиозная система второй природы, творимая согласно смыслу, и первой природы, приспособляемой для нужд человека, благодаря смыслопостижению – постижению её возможной утилитарной роли. Понятия смысл и значение как значимость для жизнедеятельности субъекта здесь тождественны. А смысл является отражением отношения субъекта к самому себе, переживаемым при контакте с предметом смысла в его утилитарной ипостаси.

В рамках духовно-теоретической формы деятельности явление *смысл* предстаёт как знание о мире – о его устройстве, о различных его объектах, процессах, явлениях и пр. В полной мере такие смыслы мы наблюдаем в науке. Именно в этой сфере человеческой деятельности смысл со всей очевидностью обнаруживает себя как значение (сущность которого здесь состоит не

только в означивании, но и в “освещении” объективного положения дел, той или иной стороны в смысловом объекте, его устройства в целом); именно в ней смысл и мысль выступают как тождественные и получают своё оформление посредством языка (как вербального, так и специального, обладающего своеобразием в каждой области научного знания). Для выражения таких смыслов человечество создало и создаёт многочисленные языки с жёстко заданными системами значений (некие моносемантики).

Если смысл материально-практической формы деятельности возникает на пересечении субъекта смысловой ситуации, с одной стороны, и вещи как носителя функции, – с другой стороны, то здесь имеют место смысловые контексты, связанные сугубо с предметом смысла, с различными компонентами и сторонами этого предмета. Рождение смысла в рамках духовно-теоретической формы деятельности обязано пониманию “устройства” предмета смысла (его логоса), в качестве которого может выступать любой объект, процесс, явление природы и пр., наконец сам человек и мир в целом. Понимание логоса как некий психический процесс не исключает активности различных функций психики, среди коих особое место имеет эмоция. Из истории науки известно сколь одухотворённым, а подчас и драматичным бывает поиск истины. Здесь можно вспомнить становление неевклидовой геометрии в негласном соперничестве Я. Бояи, К. Гаусса и Н. Лобачевского, рутинное составление таблиц И. Ньютоном, доставляющее ему истинное наслаждение,

математические расчёты А. Эйнштейна, рождённые ощущением изъянов уравнений, твёрдость духа и уверенность в истинности постигнутого знания Дж. Бруно, Г. Галилея и пр. В своём же результирующем этапе смысл, предстающий в понимании, очищается от всего того, что не существенно для познания логоса предмета, он означает посредством однородного кодирования, превращается в информацию, доступную иным субъектам и при одноканальной трансляции.

Для большинства исследователей наибольший интерес представляет проблема постижения смысла уже означенного знания (означенного понимания). Этой проблемой занимаются логика, лингвистика, семиотика, аналитическая философия, выясняющие механизм постижения информации благодаря существованию знаков, значимая доля среди которых принадлежит конвенциональным знакам. В классической лингвистике, математической логике смысл и значение нередко отождествляют, поскольку нередко имеется потребность не только в объективном, абсолютно не зависящем от субъекта знания, но и в знании, укладываемом в чётко выверенный, единственный смысловой контекст. Однако, как свидетельствует практика коммуникации, а исследования учёных подтверждают это, транслируемый смысл возникает на пересечении нескольких контекстов. Если первоначально знаменитый треугольник Фреге сводился к трём элементам (знак, значение, смысл /знак, денотат, значение), то в арсенале современной науки осмыслены такие понятия, как десигнат, сигнификат, коннотат, референт, экстенционал,

интенционал и пр. За каждым из них стоит вполне определённый смысловой контекст (определённое "положение дел"), осознание которого и породило то или иное понятие.

Конституирование смысла в рамках духовно-теоретической формы деятельности связано с познанием истины – истинного положения вещей, истинных отношений между элементами исследуемого предмета. Однако эта истина антропна по своему характеру. Она предстаёт как адекватное понимание мира в тех "системах координат", которые "дарованы" человеку. Мир как совокупность многочисленных пересекающихся и пронизывающих друг друга энергий доступен нашему восприятию, поскольку органы чувств человека "вырезают" из этой совокупности энергии того или иного диапазона, а мышление, благодаря способностям абстрагирования и идеализации, способно выстраивать теоретические модели, выдерживающие проверку практикой. Человек, расширяя границы восприятия, благодаря специальной аппаратуре (позволяющей ему, например, видеть инфракрасное излучение, слышать ультразвуки и пр.), всё же не может быть уверен во всеохватывающем познании мира, зйдоса предмета. А потому в смысловом феномене и этой формы человеческой деятельности отражается субъект, но уже ни как индивид объективирующий смысл в вещи (создающий вещь, приспособливающий объект к своим потребностям), в поведении (проявляющий активность в обретении вещи и пр.), а как существо воплощающее познание (своё понимание) в знании (значении), которое ограничено в своём антропном содержании и

предстаёт как одна из ипостасей смысла. Смысл здесь возникает на пересечении чётко обозначенных контекстов, присущих самому предмету смысла, но выделенных субъектом согласно его (человеческому) пониманию этого предмета, и отражает причинно-следственные связи внутри предмета смысла.

В сфере практически-духовной формы деятельности смысл – это отражение человеческого отношения к понимаемому предмету смысла, утилитарная ценность которого здесь не имеет значения (значимости), и который репрезентирован субъекту благодаря активной деятельности сенсорно-перцептивной сферы психики. Предмет смысла здесь по своему содержанию весьма широк (он значительно шире предметов смысла двух ранее рассмотренных форм деятельности). В качестве такового может выступать любой объект, явление, процесс мира реального или воображаемого, сами эти миры в целом, другой человек, нечто идеальное о чём можно размышлять и пр. Смысл же проявляется как переживание отношения к предмету смысла и понимание этого предмета (не обязательно адекватное). Существенной особенностью смысла практически-духовной формы деятельности является то, что в нём прежде всего получает объективацию (опредмечивание, а точнее – превращённую форму) переживание отношения (человеческое состояние, переживаемое и ощущаемое в теле). И эта объективация отношения может быть непосредственной (в жесте, позе, интонировании) и опосредованной (в слове, фразе, тексте, в произведении искусства). Воплощению смысла в рассматриваемой

форме деятельности свойственно разномодальное (полисемiotичное) кодирование. Особую роль здесь играет эмоция, которая непременно кодируется в смысловом феномене и которая, по мнению Э. Гуссерля, наделяет переживание смысла одухотворённостью. Именно в этой форме деятельности особую роль при постижении смысла, который в прямом смысле ощущается, играет тело.

Со всей очевидностью смысл практически-духовной сферы деятельности предстаёт в искусстве. Произведение искусства, будучи моделью переживания отношения, может само по себе выступать в качестве предмета смысла (со всей очевидностью это проявляется, например, в музыке), но может и отражать в себе некий объект, явление, процесс и пр. (что свойственно литературе, поэзии, реалистической живописи, хотя не чуждо той же музыке или танцу), которые являются предметом смысла, нашедшим художественное отражение. При этом переживание отношения и переживание предмета смысла (ощущения и восприятия – гилетически-феноменологический материал, согласно терминологии Гуссерля) здесь в принципе не делимы друг от друга, что с точки зрения науки является совершенно непонятным.

Если в духовно-теоретической форме деятельности содержание истины "очищено" от каких-либо переживаний субъекта, то в сфере практически-духовной деятельности именно переживание как самого предмета смысла, так и отношения к нему, представляет существенное свойство смыслового феномена на всех этапах его генезиса. Именно в

этом переживании заключается ценность рассматриваемой ипостаси смысла. Субъект смысла (смысловой ситуации), переживая предмет при участии различных сенсорных систем (т.е. переживая его в разных аспектах), обретает возможность хотя бы частично слиться с ним, почувствовать его и его место в этом мире (на что нередко указывают, например, музыканты). Именно так возникает эффект партиципации [см. 15], служащий не противопоставлению объекта и субъекта (что свойственно духовно-теоретической форме деятельности), а их объединению. Заметим, такое слияние субъекта и объекта имеет место, например, в медитативных практиках [см. 16; 17]. Вместе с тем, переживая отношение к предмету смысла, субъект получает возможность для осознания самого себя и своего места в мире. А потому вряд ли правомерно признавать ценность за произведениями искусства, "творимыми" искусственным интеллектом, поскольку они созданы по иным законам и не являются результатом объективации в материале искусства человеческих переживаний и их осмысления. Переживание предмета смысла и переживание отношения к нему составляют суть искусства. А в субъективном плане в контексте духовного развития личности именно они, а отнюдь не художественная форма (хотя и она важна), – есть истинная ценность художественного творчества и со-творчества.

Таким образом, ипостаси смысла весьма различны в разных формах человеческой деятельности. В материально-практической

форме смысл сфокусирован в функции вещи, действия, ритуала и пр. В духовно-теоретической деятельности он предстаёт как знание о мире и его "составляющих". В практически-духовной форме человеческой деятельности смысл – это выраженное, объективированное (определённое) переживание отношения к предмету смысла, который также репрезентирован в переживании (ощущениях и восприятиях). Существенным элементом этого отношения является эмоция, непременно получающая здесь объективацию. В повседневной человеческой жизни все названные ипостаси смысла перемешаны и нередко сосуществуют. И обретая вещь, мы учитываем не только её функциональный потенциал, но и внешний вид, а учёные из двух уравнений (расчётов) нередко выбирают наиболее красивое. Со всей очевидностью сосуществование нескольких ипостасей смысла проявляется в вербальной речи. Наряду с семантикой слов содержание сказанного транслируется посредством интонирования, самой ситуацией и др. контекстами.

Выводы

Итак, истоки смысла восходят к переживаниям субъекта в связи со значимостью объекта, которым свойственен интерсубъективный характер. Неустраняемыми элементами этих переживаний являются мысль и эмоция. Всё это говорит о том, что смысл – явление, связанное с обработкой информации, недоступной искусственному интеллекту в силу её переживаемости, несмотря на идентичность результатов смысловых и вычислительно-аналитических процессов. Способность целенаправленно и осознанно выражать и транслировать

смыслы (состояния-переживания), возможно, следует считать признаком сознания. Совершенствование же этой способности можно рассматривать в качестве существенной составляющей образования, одной из задач которого является, надо полагать, приобщение человека не к знаниям, а к ценному опыту человечества. Это, находясь в согласии со спецификой смыслового феномена – его целостностью, – предотвратит разрушение целостности человеческого существа, закономерно возникающее в силу развития лишь одной из граней человеческой психики (например, мышления).

Целостность смысла, обязана единению множества, проявляющемуся в том, что смысловой феномен всегда возникает на пересечении контекстов и отражает причинно-следственные связи. Смысловые контексты различны в разных формах человеческой деятельности, равно как и различны формы их объединения, а также процессы кодирования (означивания)/декодирования. Отсюда проистекает многообразие ипостасей смысла, которые теоретически можно развести по трём основным формам человеческой деятельности – материально-практической, духовно-теоретической и практически-духовной. Смыслы материально-практической формы деятельности переживаются в связи с потребностями жизнедеятельности субъекта, возникая на пересечении контекстов жизненных потребностей и экзистенциальных реалий. Они обретают превращённую форму в вещи, в поведенческом акте, в ритуале и пр. и транслируют, прежде всего, отно-

шение человека (социальной общности) к самому себе. Смыслы духовно-теоретической формы деятельности, связаны с выявлением устройства мира. Рождаясь в "разномодальных" переживаниях мыслящего субъекта, на своём результирующем этапе они стремятся к "одномодальному" (одноканальному) кодированию, отражая отношения между элементами осмысливаемого объекта. Эти смыслы выражаются при использовании уже готовых конвенциональных значений (знаков) с чётко оговоренным содержанием. В данной форме деятельности смысл как результат – это значение с чётко обозначенными контекстами. Смыслы практически-духовной формы деятельности отражают прежде всего переживаемое отношение субъекта к миру, к другому, к самому себе, а вместе с тем и сам мир. Рождаясь на пересечении "разномодальных" контекстов, связанных как с переживающим субъектом, так и с объектом, они оказываются открытыми в плане своего содержания (в плане количества и содержания смысловых контекстов). В повседневной жизни человека имеет место взаимопроникновение указанных механизмов смыслогенеза и особый статус обретает личностный смысл, служащий истоком смысла любой формы деятельности.

Литература

1. Брудный А. А. Психологическая герменевтика: учебное пособие. – М.: Лабиринт, 1998.
2. Ogden C.K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism.

Harcourt, Brace & World, Inc. New York, 1923.

3. Медушевский В. В. Таинственные энергии музыки // Музыкальная академия. – 1992. – № 3. – С. 54-57.

4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999.

5. Смирнов А. В. Сознание. Логика. Культура. Смысл. – М.: Языки славянской культуры, 2015.

6. Мамардашвили М. К. Форма превращённая // Философская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 386-389.

7. Гаспарян Д. Э. Таинство естественной семантики: трансцендентальное измерение смысла и проблема искусственного интеллекта // Вопросы философии. – 2017. – № 4. – С. 81-94.

8. Turing A. Computing Machine and Intelligence. Mind. Vol. 59, (1950), pp. 433–460.

9. Гарипова Н. М. Личностный смысл и механизмы его постижения и объективации в искусстве (на примере музыки) // Вестник Московского университета. – 2012. – № 4. – С. 103-120.

10. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: Академический проект, 2009. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000074/index.shtml> от 05.12.2013.

11. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1996.

12. Каган М. С. Общее представление о культуре // Введение в культурологию: курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003 – С. 6-14.

13. Ноговицын Н. О. Конституирование понятия смысла в философии культуры: автореф. дисс. ... канд. философских наук : 09.00.01. – Санкт-Петербург, 2005.

14. Леонтьев А. А. Смысл феномена смысла и его статус // Мир психологии. – 2001. – № 2. – С. 13-20.

15. Орлов Г. А. Древо музыки. – Вашингтон – Санкт-Петербург, 1992.

16. Крюков А. Н. О возникновении вещей и их смыслов (дискретное и континуальное в феноменологии Гуссерля) // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 143-152.

17. Fasching W. Consciousness, Self-consciousness, and Meditation. Phenomenology and Cognitive Science, Vol. 7 (2008), pp. 463–483.

About Meanings of «Meaning» and Its Manifestations

Garipova N.M.

Humanitarian-Pedagogical Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky

The article considers the phenomenon of meaning in contexts of various forms of activity (material-practical, intelligence-theoretical, practical-spiritual). This made it possible to see the immanent properties of meaning, as well as the various incarnations of its and differences in the processes of constitution. The immanent properties of meaning are thought and sensations of the body that are experienced. Both of these properties are in the origins of the semantic phenomenon of meaning, which initially appears as a phenomenon of the internal plan, and then expressed – the meaning is objectified, acquires a new – sign – form. The meaning turns into the sense. This is obliged to homogeneous or heterogeneous coding. The sensations of the body are reflected in the meanings of the material-practical and practical-spiritual forms of activity and are not reflected in the intelligence-theoretical form. In everyday life, there is an interpenetration of the mechanisms for encoding / decoding the meaning of various forms of human activity. In any case, the meaning arise at the intersection of contexts and rooted in phylogenetic context to the personal

meaning, which always includes an element of "intersubjective" experience. This experience is stored in the sense (in the meaning as sign) only potentially. Linking meaning to experience as state of body allows us to draw a demarcation line between human intelligence and artificial intelligence.

Keywords: meaning; sense; meaning as the intersection of semantic contexts; meaning as a perceived state of the body; transition of meaning into sign form.

References

1. Brudny A. A. Psychological hermeneutics: a training manual. - M.: Labyrinth, 1998.
2. Ogden C.K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. Harcourt, Brace & World, Inc. New York, 1923.
3. Medushevsky VV Mysterious energy of music // Music Academy. - 1992. - No. 3. - S. 54-57.
4. Leontyev D. A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality. - M.: Sense, 1999.
5. Smirnov A. Century Consciousness. Logics. The culture. Meaning. - M.: Languages of Slavic culture, 2015.
6. Mamardashvili M. K. Form transformed // Philosophical Encyclopedia. - M.: Ows. Encyclopedia, 1970. - V. 5. - S. 386-389.
7. Gasparyan D. E. The Sacrament of Natural Semantics: a Transcendental Dimension of Meaning and the Problem of Artificial Intelligence // Philosophy Issues. - 2017. - No. 4. - S. 81-94.
8. Turing A. Computing Machine and Intelligence. Mind. Vol. 59, (1950), pp. 433-460.
9. Garipova N. M. Personal meaning and mechanisms of its comprehension and objectification in art (on the example of music) // Moscow University Herald. - 2012. - No. 4. - S. 103-120.
10. Husserl E. Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. - M.: Academic project, 2009. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000074/index.shtml> dated 12/05/2013.
11. Kagan M. S. Philosophy of culture. - SPb.: LLP TC "Petropolis", 1996.
12. Kagan M. S. General idea of culture // Introduction to Cultural Studies: a course of lectures. - SPb.: St. Petersburg State University, 2003 - S. 6-14.
13. Nogovitsyn N. O. Constitution of the concept of meaning in the philosophy of culture: author. diss. ... cand. Philosophical Sciences: 09.00.01. - St. Petersburg, 2005.
14. Leontiev A. A. The meaning of the phenomenon of meaning and its status // World of Psychology. - 2001. - No. 2. - S. 13-20.
15. Orlov G. A. Tree of music. - Washington - St. Petersburg, 1992.
16. Kryukov AN On the origin of things and their meanings (discrete and continuum in Husserl's phenomenology) // Problems of Philosophy. - 2016. - No. 6. - S. 143-152.
17. Fasching W. Consciousness, Self-consciousness, and Meditation. Phenomenology and Cognitive Science, Vol. 7 (2008), pp. 463-483.

Проблемы становления и развития философских исследований категории «Маргинальность»

Пожарский Святослав Дмитриевич
профессор, Смольный институт,
zharskij@rambler.ru

Бобер Жанна
аспирант, кафедра философии, ЛГУ им. А.С.
Пушкина,
zanna.bober@gmail.com

В связи с тем, что, в нашей жизни всегда присутствуют определенные ситуации, где зафиксирована идея о наличии маргинальных особенностей бытия, с которыми связано *крайнее, переходное, пограничное, предельное* существование организма, сознания и духовного мира, то естественно возникла потребность в специальном понятии маргинальность, с помощью которого может быть выражена суть данной проблемы. Впервые категорию маргинальность использовал основатель социологической школы Р.Э.Парк. На сегодняшний день более разработанными являются социологический и культурологический подходы. Процесс философских исследований феноменов маргинальности ещё только в начале пути, поэтому существует необходимость проанализировать проблемы становления и развития категории маргинальность. Более интересными оказались философский и акмеологический подходы, вскрывающие сущность феноменов маргинальности. В результате исследований данной проблемы происходит уточнение закономерностей развития в предельных областях изменений, связанных с переходом от прежнего состояния к совершенно новому. Что позволяет формировать новые теоретические и практические способы и методы акмемаргинологического развития общества. Оригинальный акмемаргинологический метод позволяет анализировать вершинный и низинный (кризисные и катастрофические) этапы развития, что актуально для современного общества.

Ключевые слова: развитие, изменение, маргинальность (качественно-количественные переходы в пределах), акмемаргинальность, предельное вершинное развитие, предельное низинное кризисное и катастрофа развитие.

Постоянное развитие теоретического знания расширяет горизонты и углубляет уровни познавательного и практического освоения мира человеком.

Современное состояние социокультурной реальности и отражающей ее философии вызывает необходимость расширения круга и углубления осмысления философских понятий. И видимо назрела необходимость более внимательно изучать феномены маргинальности с философской точки зрения и точнее определить понятие «маргинальность» в рамках философии. Суть понятия маргинальность как нельзя лучше подходит к современным сверхскоростным изменениям социокультурного эволюционирования нашей цивилизации.

Выбору слова «маргинальность» для обозначения специфических характеристик процессов развития способствовало несколько факторов. Один из них — это то, что издавна в латинском языке пользовались словом маргиналия (от лат. «*marginis*»), которое первоначально означало «*край, граница* заголовков или заметок и примечаний *на полях* книг либо рукописей». [7, С.520] А вот общее значение современного слова маргинальность сложилось из различных толкований и переводов с санскритского, латинского, английского языков, поэтому понимание термина стало более

многозначно и вольно определяемо в многочисленных контекстах.

Однако до сих пор есть незавершенность в процессе поиска новых подходов к изучению проблем маргинальности, что очевидно обусловлено уточнением предмета в области исследования маргинальных феноменов. Исследования ведутся в основном в областях гуманитарных знаний как общего понимания развития социокультурной реальности и отражающей её философии, так и в конкретных областях изучения различных научных направлений. Определение понятия продолжает уточняться несмотря на то, что предпосылки исследований маргинальности в той или иной степени присутствовали в круге философской мысли в натурфилософских концепциях античности и даже уходят своими корнями далее, что можно проследить в прежних осмыслениях ряда проблем, где маргинальные проявления рассматривались как побочное, периферийное состояние основного предмета внимания. [2, С.65-84]

Отправным пунктом современной научной постановки проблемы маргинальности стало изучение социальных процессов миграции. В начале XX века одним из основателей чикагской социологической школы Р. Э. Парком (1864–1944) в эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек» [14] были предложены понятия «маргинальный человек» и «маргинальная личность» для обозначения социокультурного статуса и самосознания иммигрантов (В 21 веке проблема иммиграции вновь стала острой и актуальной, особенно в связи с неуправляемым миграционным пото-

ком в страны ЕС из-за множественных кризисов в странах восточного региона.), оказавшихся в ситуации необходимости социокультурной адаптации к новому для них урбанистическому образу жизни. На начальном этапе объектом исследований американской социологии был индивид, что отражалось в понимании ее предмета.

В работах российского социолога Николаева В. Г. по исследованию социологии Чикагской школы и, в частности, трудов Р. Э. Парка, определено три важных соображения по пониманию "эвристического потенциала" исторического ряда теоретических источников, непрерывно формирующих *теорию маргинальности*: [8]

1) Явления, относящиеся к маргинальности, обсуждались Парком, как в работах о "маргинальном человеке", так и в работах, где данный термин еще не использовался, хотя описываемые явления вполне коррелируют с описанием маргинальности.

2) В социологических работах Чикагской школы обсуждаются разные аспекты маргинальности разных авторов, где также не всегда используется термин «маргинальный человек», а есть употребление терминов, полностью или почти ему синонимичные («культурный гибрид», «расовый гибрид», «человек фронта»).

3) Понятие «маргинальный человек» является частью в разработанной Парком общей схеме соотношения, и его смысл может быть уяснен более полно через включенность в общую схему. [8, 2, С 19-20]

Понимая маргинального индивида как продукт естественного со-

циокультурного процесса, расширяющегося взаимодействия разных культур, а феномен маргинальности как временную **промежуточность положения** человека, волей судьбы обреченного одновременно существовать в двух разных социокультурных группах, Р.Э. Парк выступил как основатель **культурологического подхода** к рассмотрению проблем маргинальности.

В 60-е годы XX века в научном мире интенсивно начинает разрабатываться **социологический подход** в исследовании явлений маргинальности. И с этой точки зрения проблема маргинальности рассматривается, прежде всего, как следствие социально-политических событий и процессов. Новое осмысление маргинальности берет свое начало в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. И хотя создатели марксистской теории еще не употребляли сам термин «маргинальность», но описание тех **окраинных групп** населения, что образуются вследствие действия свойственного капиталистическому способу производства закона народонаселения, вполне коррелирует с описанием феномена маргинальности, складывающимся в левоориентированной европейской, и прежде всего, французской, традиции.

Во Франции исследования маргинальности были инициированы политическими событиями мая 1968 года. Здесь понимание маргинальности связывалась с **протестом**, добровольным уходом от буржуазных ценностей индустриального общества. Философской основой представлений о "маргинале" исследователи считают французский экзистенциализм с его **абсолютизацией свободы и творчества**,

что проявляется у молодых интеллигентов-маргиналов. [13, С.145]

К середине 90-х годов XX века в российских исследованиях активно развиваются заложенные в начале периода «перестройки» три основных направления исследований: **публицистическое направление, социологическое направление, культурологическое направление**. [6]

Опираясь на многочисленные научные теоретические источники различных областей науки, а также на круг работ общеполитического и философско-культурологического характера, можно резюмировать, что современные исследователи выделяют следующие разработанные в той или иной степени **области изучения проблем маргинальности**: [2, С. 17-30]

- два научных подхода изучения маргинальности: **культурологический** и **социологический**;

- три концептуальных направления в изучении маргинальности: **культурное, структурное** и **ролевое**, где рассмотрены виды **культурной (субкультурная и этническая)** и **структурной (экономическая, политическая, социальная)** маргинальности;

- два уровня форм реализации маргинальности: **индивидуальный**; и **коллективный**. [2, С. 166-171]

- три уровня проявления маргинальности: **деятельно-поведенческий, ментально-идейный, духовно-ценностный**.

Предпринятый анализ различных исследований маргинальных феноменов позволяет сделать вывод, что первичное предположение о **предельных** и **переходных** особенностях бытия может иметь следующее определение.

Маргинальность – это предельное состояние изменений элементов любой целостной системы, являющееся *основным фактором ее саморазвития*.

Необходимо добавить, что любые маргинальные явления сходны между собой по *специфическим признакам* и определяемы: [2, С. 160-163]

1) её конкретным *предельным положением*;

2) *крайне напряжённой силой*, действующей через неё;

3) *предельной траекторией перехода (относительная безмерность)*.

Но так как постоянно расширяется круг описываемых маргинальных явлений, то, в связи с этим разрабатываются новые подходы в осмыслении общих процессов развития в области философии бытия.

Всё большее уточнение закономерностей развития является потенциалом человечества в вопросах управления конкретными процессами изменений мира в соответствии с объективными закономерностями и потребностями цивилизации. В связи с этим необходимо осознание роли и места маргинальности в наличном бытии, что проявляется через основные характеристики маргинальности – **предельность и переход**.

Объективные закономерности бытия имеют определенные **фундаментальные черты развития**, [1, С. 522-524] что напрямую связано с маргинальностью:

1) Конкретность отдельных форм. Вне конкретных систем нет никакого развития. Маргинальный феномен (маргинал, маргинальная группа, маргинальное явление) всегда *конкретен*, поэтому привлекает к себе внимание как определенное

специфическое явление («проблемное поле»), сильно отличающееся от общих привычных явлений.

2) Системность материи. Материя конкретна через свою структурную системность. Суммативность лишена саморазвития. *Системность* маргинального явления (маргинальная группа) проявляется как во внутренней специфической упорядоченности и устойчивости феномена, рожденного средой так и во внешнем специфическом взаимодействии его с системой более высокого порядка социальной реальности, что и определяет его как сложно структурированную форму наличного бытия со *маргинальными свойствами*, создающими особые состояния.

3) Целостность конкретных систем. Способность к порождению целостностью новой целостности. Маргинальные феномены порождают системной целостностью социальной реальности и существуют как *конкретные целостные формы*, способные порождению себе подобных.

4) Качественные изменения систем. Способность преобразования при некотором количественном изменении маргинальных элементов и подсистем именно данного наличного бытия. Сами маргинальные явления способны кардинально *видоизменяться* и качественно *преобразовываться* в процессе изменения внутренних и внешних условий при этом сохраняться как именно маргинальный феномен.

5) Разноплановость изменений. Различное взаимодействие разных элементов в конкретной социокультурной системе. В маргинальном феномене *разноплановость* изме-

нений зависит от влияния различных обстоятельств, которые обеспечивают специфичность *деятельно-поведенческую, ментально-идейную, духовно-ценностную*.

6) Многоуровневость изменений состояний. Способность различной изменчивости состояний конкретной системы при условии сохранения основ этой маргинальной системы. Многоуровневость маргинальных явлений проявляется на *индивидуальном и коллективном уровне*.

7) Многоэтапность состояний. Последовательность изменения состояний от момента возникновения самой маргинальной системы до её прекращения существования. Многоэтапность *особого рода маргинальных состояний*, характеризуются конкретной измеряемой *предельностью и переходом между* (относительной безмерностью).

а. Состояние возникновения (прехождение – *предельная точка*) – рождение образа, образование отдельных целостностей;

б. Состояние становления – существование и формирование предпосылок конкретного *предельного* качества. Единство Ничто и Бытия; [5, С.140-169]

с. Состояние изменений (*перехода*) одного интегративного качества – движение наличного бытия с определенным основным маргинальным качеством с сохранением его основы на всём протяжении существования от возникновения до завершения.

8) Неотрывность движения (*перехода*). Множество, комплекс, система изменений в составе маргинальных элементов, в структуре, то есть развертывание процессов

дифференциации в рамках качества подсистем конкретной материальной системы. Неотрывности движения способствуют основные характеристики маргинального явления: *предельность, переход между*. (Можно исследовать проблему маргинальности через *топологический подход*, основой которого является *непрерывность и связность*. *Точка акме маргинальности* характеризуется свойством максимально предельного достижения конкретного (*предельно сгущенного*) положения. [2, С. 237-239; 246-250] «*Точность*, таким образом, выступает как мера истинности множества признаков, содержащихся в данном образе, то есть как мера абсолютно истинного знания в относительной истине». [11, С.83; 12].

9) Закон компенсирующего деления. Возникновение подсистем в результате дифференциации неравных между собой (маргинальные группы и привычные для данной культуры) по субстрактно-вещественным и актуально-энергетическим параметрам, взятые в отдельности, в то время как эти же параметры, взятые в единстве, распределяются равномерно.

На основе девяти фундаментальных черт развития Алексева П.В. определяет понятие развития: «развитие – это качественные, необратимые, направленные изменения, обусловленные противоречиями системы». [1, С.526] Понимая, что *развитие* является особого рода преемственной связью состояний на уровне целостной конкретной системы, попытаемся соотнести явления маргинальности с дан-

ной преемственной связью состояний отмеченных Алексеевым П.В. основных **признаков развития**:

1) **Качественный характер изменений в развитии.**

Общеизвестно, что с помощью понятия *свойства* определяется категория *качества* исследуемого предмета. *Качество* как философская категория помогает распознать выраженную определенность сути явления маргинальности, благодаря которой данный предмет существует именно как такой, а не иной. Необходимым аспектом изучения маргинальности является рассмотрение основных *первичных качеств* как структурной системы *существенных свойств*, которые выражены *признаками* в форме, протяженности, величине, движении и покое.

В понимание *маргинального свойства* входит: [10, С. 32-48]

- маргинальный проявленный атрибут *вещи*: общие признаки плюс форма проявления;

- маргинальное проявление *количества* и *качества*: вид, род, тип – энергии, величина, протяженность;

- маргинальное *отношение*: функции, внутренние и внешние взаимосвязи, вид взаимодействия, системность.

Наши исследования дают возможность **общей классификации маргинальных свойств по видам**: [2, С. 228-231]

(1) не обладающие интенсивностью – *точечные маргинальные свойства* (электрический, а в нашем случае – материальный объект);

(2) обладающие в объекте определённой *предельной* интенсивно-

стью – *одномерные, линейные маргинальные свойства* (длина, масса, t-ра);

(3) меняющиеся в 2-х и более *предельных* отношениях – *n-мерные, нелинейные маргинальные свойства* (скорость изменений – по направлению, по модулю).

На основании наших исследований можно говорить, что в зависимости от уровня сложности организации маргинального феномена можно говорить о *типизации 3-х видов групп свойств*, определяющих оценку классификации сложности объекта (системы):

– *вещественная маргинальность* (маргинал, маргинальная группа),

– *информационная маргинальность* (крайние формы и порядок содержания),

– *энергетическая маргинальность* (предельная энергия).

Группа вещественных маргинальных свойств характеризует уровень организации с точки зрения сложности отдельного конкретного материального маргинального явления (форма и порядок объекта – *маргинальные группы с различной поляризацией: новаторы, террористы*), разнообразия ее маргинальных элементов и структурных связей между внутренними элементами, степени ее предельной устойчивости к динамическим изменениям.

Группа информационных маргинальных свойств характеризует систему по числу каналов информационной маргинальной взаимосвязи в социокультуре (форма и порядок содержания сознания, информации и в том числе виртуальной), предельным объемам получаемой информации от окружающей среды, предельному состоянию системы

управления и крайнего реагирования на изменения окружающей среды.

Группа энергетических маргинальных свойств показывает степень эффективности функционирования маргинального социального объекта (форма и порядок затрат силы энергии) для достижения определенной цели, используя информационные и вещественные маргинальные свойства.

Для адекватной оценки уровня развития социальных маргинальных явлений нужно учитывать все эти характеристики. Кроме того, естественная классификация, основываясь на полноте понимания содержания маргинальности, является не просто описательно-распознавательной, а пояснительной, объясняющей причины общности маргинальных свойств на основе значимых признаков, а также и характер отношений между группами.

Многообразие уровней значений размерности социокультурных маргинальных явлений дает сравнительную меру степени в системе количественных и качественных показателей сложности социального объекта.

Относительная *устойчивость* маргинальных явлений в социокультуре в движении есть выражение сохранения качественной природы системных маргинальных явлений при одновременном наличии некоторых предельно количественных изменений. Относительная *безмерность в переходах* в широком смысле – это изменение во внутренней структуре социосистемы, которое становится связующим *звеном* между двумя предельными эволюционными стадиями в развитии со-

циосистемы, это *прорыв* постепенности, *коренное качественное изменение – скачок*. [2, С.151]

2) **Необратимость изменений в развитии.**

Философская мысль о *диалектическом* чередовании, которая ранее существовала в науке в диалектической концепции развития, исследовала проблемы *перехода от одного порядка к другому*. Такое осмысление есть в диалектическом материализме (философское направление создано Марксом на основе идеалистической диалектики Гегеля), материалистической диалектике (марксистско-ленинская философия, как наука о мышлении и теории познания) и также в ряде других философских концепций — всеобщий закон развития природы, материального мира, человеческого общества и мышления.

Классическое философское диалектическое понимание фундаментальных категорий *вершинности (акме)* и *низинности (катаболе)* взаимосвязано с пониманием *состояния предельности* в фундаментальных категориях *теории маргинальности*. В связи с этим с точки зрения *амеологического* подхода данный вопрос основополагающий для определения той *маргинальной* ключевой точки, отталкиваясь от которой, возможен умозрительный отсчет некоторого начала и его дальнейшего развития.[9, С.106-117] Маргинальные процессы как состояние *перехода* с одного предельного уровня развития на другой – это *динамичность процесса предельности* **предела различного качества**.

Область изучения фундаментальной акмеологии определена как

изучение процессов развития, проявляющихся в закономерном и многократном *чередовании предельных позиций* акме и катаболе, что также соотносится с исследованиями маргинальных особенностей бытия через характеристики *предельности* (конкретная мера) и *переход* (относительная безмерность). Общий процесс развития как закономерное многократное диалектическое чередование может быть применим не только по отношению к человеку, но также к обществу и природе в целом. Для конкретной системы (объекта), взаимодействующей с конкретной социальной средой, существует свое особое маргинальное состояние, достигнув которого система уже не сможет вернуться ни в одно из прежних состояний. С точки зрения *социально-синергетического подхода* **развитие** есть закономерное чередование порядка и хаоса, что предполагает, что хаос обладает творческой силой (способностью) рождать совершенно новый порядок с точкой необратимости. [4, С.11-14]

3) Направленность преобразований в развитии.

Важное положение *глобального развития* в рамках *акмеологического подхода* состоит в том, что соотносящиеся с **предельностью** маргинальные категории акме и кате описывают общее развитие как чередование локальных подъемов и локальных спадов, имеющих стадии **перехода**, как *восходящих*, так и *нисходящих* направлений движения, определяющих собою периоды *прогресса* и *регресса* в общем направлении развития. Такое диалектическое чередование образует непрерывный эволюционный путь в виде динамичной логарифмической

спирали бесконечно приближающаяся к своему полюсу асимптотической *глобальной акме* точке как **некоего предела** в центре перспективы движения. [3, С.31]

Более того, если развитие понимать как динамичный ступенчатый **переход** на пути совершенствования, то для природы, человека и общества можно предположить множественные уровни восхождения от одной вершины к другой через закономерное маргинальное понижение, где на каждом уровне **акме-предела** и **кате-предела** будут свои характеристики специфических маргинальных параметров. Система фундаментальных маргиналогических понятий делает возможным использовать в исследованиях, собственно, *маргинологический подход*.

Таким образом, многогранное и разностороннее исследование дало нам возможность сформулировать классическое *определение маргинальности*:

Маргинальность – (1) предельное состояние элементов и порядков любой структуры, (2) с конфликтным, противоречивым и разнонаправленным характером по отношению к основным направлениям развития данной системы в данный момент, при этом (3) с функцией формирования и расширения новых возможностей, а также (4) с функцией разрушения старых возможностей и с функцией резкой смены вектора развития в случае изменения параметров окружающей среды. [2, С.264]

Возможность неограниченного углубления в суть даже простого явления дает возможность понять, какие трудности встают на пути определения, в то же время объясняют,

почему определения одних и тех же предметов или явлений меняются с углублением знаний о них, об их глубинной сути.

В завершении ещё раз вспомним, что благодаря различным исследованиям мыслителей и ученых различных научных направлений появляется обобщенное осознание **процессуальности состояния перехода и чередования поляризации маргинальных достижений** индивида, социокультурной группы. В связи с тем, что эволюционные процессы сейчас приобрели сверхскорость изменений в области высоких технологий, хочется подчеркнуть следующие достаточно ёмкие области возможного изучения человека с точки зрения **маргинологического подхода**:

- исследование **предела развития** собственной природы индивида на **биофизиологическом уровне**,

- исследование закономерностей **предельного развития индивидуальных качеств и достижений предельных результатов** на **психосоциальном уровне**.

Нельзя не согласиться, что эти исследовательские области маргинологического направления в своей совокупности составляют достаточно широкое и структурное видение научных задач, которые стоят в нашей современности для дальнейшей конструктивной работы в области человекознания. В связи с этим происходит процесс переосмысления и углубление новых теоретических положений и эмпирических категорий.

Литература

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – 608с.

2. Бобер Ж. Маргинальность в социокультурной системе/Жанна Бобер. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. – 341с.

3. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. – СПб.: Политехника, 2004. – 400с., С.201-214.

4. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. - СПб.: Политехника, 2002, - 476с., С. 11-14.

5. Гегель Г.Ф.В. Наука логики. Т.1. М., 1970. С. 140-169

6. Маргинальность в современной России. Коллективная монография. // Материалы по итогам работы межрегиональных научных семинаров "Маргинальность в современной России: общие тенденции, региональная специфика" (апрель 1999 г., июнь 2000 г.), поддержанных Московским общественным научным фондом. / Рецензенты: д.экон.н. В.В.Радаев, д.соц.н. Л.А.Беляева, д.псих.н. Ю.М.Забродин. - Москва, 2000.

7. Маргинальный / Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2001. – 1536 с., С.520;

8. Николаев В. Г. Человек маргинальный // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 354-372.

9. Пожарский С. Д., Бобер Ж. Предельное развитие современных акмеологических категорий// Акмеология 2018. Методологические и методические проблемы. Выпуск тридцать первый/ Под ред. Н.В. Кузминой, Е.Н. Жариновой. – СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. – 136с., С. 106-117.)

10.Пожарский С. Д., Бобер. Ж. Становление фундаментальной акмеологии и принцип маргинальности категорий акме и кате в основе

процесса развития// Акмеология: теория, практика и перспективы развития. Монография. Под ред. Н.В. Кузминой, Е.Н. Жариновой. – СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. – 212с., С. 32-48.

11. Сагатовский В.Н. Бытие идеального. – СПб.: Издательство «Петрополис», 2003, - 104 с., С.83;

12. Сагатовский В.Н. Точность как гносеологическое понятие. // Философские науки, 1974, №2

13. Фарж А. Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю.Афанасьева и М.Ферро. – М., 1989. С. 145.

14. Park R.E. Human migration and the marginal man / American Journal of Sociology. – Chicago, 1928. – Vol. 33. – № 6. – P. 881–893

Problems of formation and development of philosophical studies of the category of "Marginality"

Pozharskij S.D., Bober Zh.

Smolny Institution, Pushkin Leningrad State University

Regarding the fact that in our lives there are always certain situations in which the idea is fixed that the marginal characteristics of being, which are associated with an *extreme, transitional, restrictive* existence of the body, mind and spiritual world, the need arose for a special notion of "marginality", which could express the essence of the problem. For the first time, the marginality as category was used by the founder of the American sociological school, R. E. Park. Today, sociological and cultural approaches are more developed. The process of philosophical research into the phenomena of marginality is still at the beginning, so there is a need to analyze the problems of formation and development of the marginality as category. More interesting were the philosophical and acmeological approaches that reveal the essence of the phenomena of marginality. Resulting from studies of these problematics, the regularities of development in the marginal areas of the processes of changes associated with the transition from the previous state to a completely new state are

clarified. This allows us to form new theoretical and practical ways and methods of acmemarginological development of society. The original acmemarginological method offers an opportunity to analyze the peak (progressive) and bottom (crisis and catastrophic) stages of development, which is relevant for the modern development of society.

Key words: development, change, marginality (qualitative and quantitative transitions within), acmemarginality, marginal peak development, marginal bottom-level crisis and disaster development.

References

1. Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy: Textbook. M.: TC Velby, Prospect Publishing House, 2003. -- 608s.
2. Beaver J. Marginality in the socio-cultural system / Jeanne Beaver. - St. Petersburg: POLYTEH-PRESS, 2019. -- 341s.
3. Bransky V.P., Pozharsky S.D. Globalization and synergetic historicism. - St. Petersburg: Polytechnic, 2004. -- 400p., Pp. 201-214.
4. Bransky V.P., Pozharsky S.D. Social synergetics and acmeology. - St. Petersburg: Polytechnic, 2002, - 476 p., S. 11-14.
5. Hegel G.F.V. The science of logic. T.1. M., 1970. S. 140-169
6. Marginality in modern Russia. Collective monograph. // Materials on the results of the work of interregional scientific seminars "Marginality in Modern Russia: General Trends, Regional Specifics" (April 1999, June 2000), supported by the Moscow Public Science Foundation. / Reviewers: Doctor of Economics V.V. Radaev, Doctor of Social Sciences L.A. Belyaev, Doctor of Psychological Sciences Yu.M. Zabrodin. - Moscow, 2000.
7. Marginal / Large explanatory dictionary of the Russian language / Ch. ed. S.A. Kuznetsov. - St. Petersburg: "Norint", 2001. - 1536 p., S.520;
8. Nikolaev V. G. Marginal man // Questions of social theory. 2010. T. IV. S. 354-372.
9. Pozharsky S. D., Beaver J. Ultimate development of modern acmeological categories // Acmeology 2018. Methodological and methodological problems. Issue thirty-first / Ed. N.V. Kuzmina, E.N. Zharinova. - SPb.: Publishing House of the National University "Center for Strategic Studies", 2018. - 136p., S. 106-117.)
10. Pozharsky S. D., Beaver. G. Formation of fundamental acmeology and the principle of marginality of acme and kate categories at

- the basis of the development process // Acmeology: theory, practice and development prospects. Monograph. Ed. N.V. Kuzmina, EN. Zharinova. - SPb .: Publishing house of the National University "Center for Strategic Studies", 2018. - 212c., P. 32-48.
11. Sagatovsky V.N. Being is perfect. - St. Petersburg: Publishing House "Petropolis", 2003, - 104 p., S.83;
 12. Sagatovsky V.N. Accuracy as an epistemological concept. // Philosophical sciences, 1974, No. 2
 13. Farge A. Marginal // 50/50. The Dictionary of New Thinking Experience / Ed. ed. Y. Afanasyev and M. Ferro. - M., 1989.S. 145.
 14. Park R.E. Human migration and the marginal man / American Journal of Sociology. - Chicago, 1928. - Vol. 33. - No. 6. - P. 881–893

Актуальность проблемы формирования инклюзивной культуры: научный дискурс

Музыка Оксана Анатольевна,
доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО "Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)", omuzika@gmail.com

Попов Виталий Владимирович,
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» - Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал), vitl_2002@list.ru

В статье рассматривается понятие «инклюзивная культура» как многогранный феномен, заслуживающий особого внимания в контексте сложившихся проблем инклюзивного образования современного российского общества. Представлены определенные зарубежные и отечественные фундаментальные подходы и модели, раскрывающие сущность и специфику понятия «инклюзивная культура».

Ключевые слова: инклюзивная культура, инклюзивное образование, модели, подходы, научный дискурс.

Введение. В современных социально-философских исследованиях констатируется вариативность и трансформационность общественного развития. Реальные изменения и преобразования характеризуют все основные сферы науки, образования и культуры, идут сложные интегральные процессы переинтерпретации существующих проблем и социальных противоречий. Важной проблемой, которая активно обсуждается в социуме, является инклюзивное образование, привлекающее к себе внимание, как теоретиков, так и практиков, как сторонников, так и противников внедрения инклюзивного образования. Современное российское образование представляет инклюзию в качестве одного из базовых моментов становления социальных взаимодействий и отношений в контексте образования, что непосредственно повлияло на понимание необходимости формирования инклюзивной культуры. Именно проблема формирования инклюзивной культуры современного общества сегодня звучит особенно остро. Это непосредственно связано, с одной стороны, с недопониманием инклюзивных процессов, которые уже происходят в российском обществе и являются следствием глобализации и стандартизации образования в мире, следствием исторического развития инклюзивного образования в западных странах. С другой стороны, с формальным отноше-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта "Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей", № 19-013-00117/19

нием к самому феномену инклюзивной культуры, который необходимо изучать как в научном, теоретическом аспектах, так и в практических.

Основная часть. Понятие «инклюзивная культура» – многоплановый и многогранный феномен, включающий владение разнообразными научными категориями в контексте философии, психологии, педагогики, социологии и специальных отраслей. Концепция инклюзии получила свое развитие в политических и социально-философских теориях, направленных на выявление роли и места социального субъекта в дихотомии «Я - Другой», Научный дискурс касается рассмотрения диалектики индивидуального и коллективного в области комплексных исследований «включающего» общества. В качестве теоретических и методологических оснований правомерно использовать концепции П. Бурдьё и М.Фуко. Философско-педагогическая теория инклюзии получила актуализацию в рамках рефлексии относительно комплексов социальных ценностей и ориентаций в различных социальных слоях и группах в контексте человеческих взаимодействий и коммуникаций. Прикладная значимость инклюзии инициирует необходимость трансформации социума общества и его основных институтов в направлении формирования «включающего» общества с приоритетом «Другого» над коллективным «Я» (человека другой расы, вероисповедания, культуры, человека с ограниченными возможностями здоровья).

В настоящее время в нашей стране инклюзивное образование представляется как «равный доступ к образованию всех обучающихся с

учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [1, С. 7]. Поэтому целесообразно провести определенную реконструкцию системы образования направленную на трансформацию теоретических оснований педагогической науки и педагогической деятельности с учетом реалий инклюзивного образования.

Отметим, что в дискуссиях по инклюзивному образованию наблюдается определенный плюрализм мнений относительно используемой терминологии. Это создает трудности концептуально-семантического характера, так как нарушает единство в исходных позициях, касающихся уместных терминов, понятий, подходов и моделей. Нет единого понятийного аппарата и универсальных методик в понимании и представлении инклюзивного образования. Выделяются несколько базисных подходов к инклюзивному образованию, например учащихся со специальными образовательными потребностями, которые можно интегрировать в единую систему. Приоритетный подход – это синтез интегрированного и дифференцированного обучения учащихся с комплексными нарушениями органов восприятия, опорно-двигательного аппарата и интеллекта в коррекционных учреждениях. Другой подход заключается в дифференцированном обучении людей в специальных группах в общеобразовательных учреждениях. Указанные подходы подчеркивают односторонность взглядов на инклюзивное обучение. Поэтому соответствующее образование по определению касается исключи-

тельно учащихся с особыми образовательными потребностями или инвалидностью, или ограниченными возможностями здоровья. Подобное представление концепции инклюзии в определенной степени уменьшает ее смысловую нагрузку. И в итоге искажает общую теорию инклюзивного образования, нарушает существующую связь его уровней. В этой связи Н. М. Назарова выдвигает модель «поглощения» образования, что показывает неготовность существующей системы образования в стране для принятия постулатов инклюзии [5]. В западной литературе имеется альтернативная модель «модели поглощения», а именно – «модель сосуществования», предполагающая трансформации системы ценностей с учетом базовой концепции социальной и образовательной интеграции.

В отечественной науке формируются разнообразные аксиологические взгляды относительно понимания инклюзивной культуры как многопланового феномена. Интересна аналогия инклюзивной культуры с моделью Айсберга, в которой «Надводная» часть айсберга – это осознаваемые и видимые элементы культуры (правила поведения). «Подводная» часть айсберга – совокупность императивов и неосознанных конструктов человеческого поведения, ценности, оценки и установки, определяющие рефлексивную деятельность индивида. [14, С. 31–35].

У. Йонсон постулирует существование 3-х основных типов инклюзивной культуры, формирование которых происходит внутри любой образовательной организации. По его мнению, процесс обучения

является инклюзивным в случаях, если обучаемый распредечивает основы культуры образовательного учреждения.

Р. Райзер, рассматривая вопросы инклюзивной культуры, отмечает значимость определенных технологий и методов эффективной инклюзивной деятельности: постановка проблем понимания особых образовательных потребностей внутри образовательных программ; применение позитивных образов индивидов с особыми образовательными потребностями; конструирование подходов к совместному образовательному процессу разных групп учащихся; использование различных форм диалога, направленных на конструктивный процесс осознания равных образовательных возможностей у различных социальных групп. тренингов [2].

С другой стороны, например, А.Ю. Шеманов выявляет имеющиеся понятийно-семантические несоответствия в признании роли инклюзии в контексте конструктивно-деятельностного подхода, дает характеристику источников социально-конструктивистского анализа проблемы инвалидности с позиции анализа социальной (социокультурной) модели [15, С.25-38].

Особенности взаимозависимости социальной педагогики и культурологии, специфику и принципы культурологического подхода в практике инклюзии и создании социокультурной среды рассматривает Н.Т. Попова. Показывается, что применение разнообразных практик искусств в русле культурологического подхода к теории инклюзии имеет познавательные проблемные зоны. [12, С. 38-51].

В настоящее время наметилась тенденция пересмотра основных

подходов к определению и пониманию сущности и особенностей феномена инклюзивной культуры. Последняя представляется, прежде всего, в качестве специальной концепции, в рамках которой комплекс ценностей, установок и знаний формируют теоретические основы инклюзивного образования; во-вторых, в качестве базовой части культуры данной социальной группы, направленной на постулирование ценностей и принципов инклюзии, что обеспечивает повышение продуктивности инклюзивного образования в соответствующем учреждении; в-третьих, в качестве локального микроклимата уважения и доверия. Также следует вести дискурс об инклюзивной культуре как особой, уникальной инклюзивной атмосфере в социальной группе, позволяющей внедрять элементы этой культуры в образовательный процесс в учреждениях «включающего» общества. [13, С. 73–78].

Инклюзивная культура является частью общей культуры общества, поэтому она основывается на фундаментальных ценностных основах культуры в целом. Исходя из этого, среди важных признаков инклюзивной культуры организации выделяют следующие. 1. Инклюзивная культура является составной частью культуры социума в целом; 2. Инклюзивная культура организации аккумулирует локальные культуры ее субъектов; 3. Основы инклюзивной культуры составляют ценности, установки и принципы инклюзивного образования в контексте «включающего» общества. [4].

Заключение. Таким образом, фундаментом понимания инклюзивного образования в целом, понима-

ния инклюзии и социальной интеграции, вопросов формирования инклюзивной культуры является аксиологический подход. Он дает возможность представить образование в качестве социокультурного феномена, находящего отражение в рамках базисных теорий фундаментальности и универсальности гуманистических ценностей. Важными для адекватного и многостороннего рассмотрения феномена образовательной инклюзии и вопросов формирования инклюзивной культуры в современном российском обществе являются также такие подходы, требующие дальнейшего рассмотрения, как системный, антропологический, синергетический подход, акмеологический, технологический, медицинский, социальный, междисциплинарный подходы.

Литература

1. Алехина С.В. Инклюзивное образование: от образовательной политики к образовательной практике / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография / Отв. Ред. С.В. Алехина. М.: МГППУ. ООО «Буки Веди». 2013. С. 7.
2. Интегрированное обучение детей с особенностями психофизического развития: Хрестоматия / авт.-сост. М.В. Швед. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова». 2007. 157 с.
3. Музыка О.А. Актуальные проблемы специального и инклюзивного образования детей и молодежи // Сборник материалов III-й Региональной научно-практической конференции. Ростов н/Д: РГЭУ. 2019. 357 с.
4. Макарова Ю.А. Понятие инклюзивной корпоративной культуры

в организациях общего образования // Образование и воспитание. 2018. № 4 (19).

5. Назарова Н. М. Инклюзивное и специальное образование: препятствия и риски развития: Сборник научных статей IV Международного теоретико-методологического семинара. М. 2012.

6. Попов В.В., Музыка О.А. Социальные трансформации и особенности инклюзивного образования // Фундаментальные аспекты психического здоровья. 2019. № 2. С. 149-152.

7. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373-375.

8. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419-421.

9. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте социальных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 361-364.

10. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-2. С. 315-318.

11. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7. С. 111-114.

12. Попова Н.Т. Культурологический подход к инклюзии в практике

образования // Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография / Отв. Ред. С.В. Алехина. М.: МГППУ. ООО «Буки Веди». 2013, С. 38-51.

13. Сигал Н. Г. Инклюзия как вектор гуманизации образования и общества: зарубежный опыт / Н. Г. Сигал // Вопросы педагогики и психологии: теория и практика: сборник материалов международной научной конференции 26–28 июля 2014 года. Киров: Изд-во МЦНИП. 2014. С. 73 – 78.

14. Старовойт Н. В. Инклюзивная культура образовательной организации: подходы к пониманию и формированию // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 8. С. 31–35. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56117.htm>

15. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография / Отв. Ред. С.В. Алехина. М.: МГППУ. ООО «Буки Веди». 2013. С.25-38.

The relevance of the problem of the formation of inclusive culture: a scientific discourse
Musika O.A., Popov V.V.

Rostov State University of Economics

The article considers the concept of "inclusive culture" as a multifaceted phenomenon that deserves special attention in the context of the current problems of inclusive education of modern Russian society. Certain foreign and domestic fundamental approaches and models are presented that reveal the essence and specificity of the concept of "inclusive culture".

Key words: inclusive culture, inclusive education, models, approaches, scientific discourse.

References

1. Alekhina S.V. Inclusive education: from educational policy to educational practice /

- Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: Collective monograph / Otv. Red. S.V. Alekhine. M.: MGPPU. LLC "Buki Vedi". 2013.p. 7.
2. Integrated education for children with special needs in psychophysical development: anthology / ed. M.V. Swede. - Vitebsk: Publishing House of Educational Institution "Voronezh State University named after EVENING. Masherova". 2007.157 s.
 3. Music O.A. Actual problems of special and inclusive education for children and youth // Proceedings of the III Regional Scientific and Practical Conference. Rostov n / a: RSEU. 2019.357 s.
 4. Makarova Yu.A. The concept of inclusive corporate culture in organizations of general education // Education and training. 2018.No 4 (19).
 5. Nazarova N. M. Inclusive and special education: training and development risk: Collection of scientific conditions I.V. International Theoretical and Methodological Seminar. M. 2012.
 6. Popov VV, Music O.A. Social transformations and features of inclusive education // Fundamental aspects of mental health. 2019.No 2.P. 149-152.
 7. Popov V.V., Music O.A., Maksimova S.I. An alternative in the context of social development // Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). S. 373-375.
 8. Popov VV, Music OA, Dzyuba L.M. Factor and level of temporality in the context of the subjective reality of a person // Eurasian Journal of Law. 2017. No. 4 (107). S. 419-421.
 9. Popov V.V., Music O.A., Timofeenko V.A. ... Social contradiction in the context of social processes // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 1-2. S. 361-364.
 10. Popov V.V., Music O.A., Kozhenko Yu.A. Social transformations in legal relations // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 3-2. S. 315-318.
 11. Popov V.V., Music O.A., Timofeyenko V.A. Contradictions in the context of transitional periods of a transitive society // International Journal of Experimental Education. 2016. No. 7. S. 111-114.
 12. Popova N.T. Culturological approach to inclusion in the practice of education // Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: Collective monograph / Otv. Red. S.V. Alekhine. M.: MGPPU. LLC "Buki Vedi". 2013, p. 38-51.
 13. Sigal N. G. Inclusion as a vector of humanization of education and society: foreign experience / N. G. Sigal // Questions of pedagogy and psychology: theory and practice: collection of materials of the international conference of 2014 on July 26. 26 Kirov: MTSNIP Publishing House. 2014.S. 73 - 78.
 14. Starovoit N.V. Inclusive culture of educational organization: approaches to understanding and formation // Scientific and methodical electronic journal "Concept". 2016.V. 8.P. 31–35. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56117.htm>
 15. Shemanov A.Yu. Inclusion in the text of modern discussions: philosophical and cultural studies / Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collection monograph / Otv. Red. S.V. Alekhine. M.: MGPPU. LLC "Buki Vedi". 2013. S. 25-38.

Включение теории Д. Норта в синтетическую методологию изучения идейной детерминации политико-правовых институциональных преобразований

Равочкин Никита Николаевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, nickravochkin@mail.ru

Выявляются возможности включения неинституциональной теории Д. Норта в разрабатываемую автором синтетическую методологию исследования идейной-детерминации политико-правовых институциональных преобразований. Указывается, какие подходы уже включены в методологический синтез. Приводятся преимущества и недостатки данных подходов. Приводятся особенности неинституциональной теории, имеющей изначально экономическую природу. Отмечаются преимущества нортвской теории. Утверждается необходимость ее включения, что иллюстрируется примерами в ее связи с идеями и политико-правовыми институтами.

Ключевые слова: идеи, институты, неинституционализм, методология, подход, теория, идейная детерминация, политико-правовые институты.

В философском понимании институтов одной из центральных представляется проблема идейной детерминации политико-правовых институциональных преобразований. Справедливо мнение как считающих, что существует достаточно большое количество отдельных «идейно ориентированных» теорий, имеющих свои преимущества и недостатки, так и тех, кто отмечает необходимость создания новыхgnoseометодологических оснований изучения идей в виде некоторых синтетических концепций. Разрабатываемая автором методология идейной детерминации становления и трансформаций политико-правовых институтов включает в себя акторно-сетевую (ANT) и мирсистемную теории, концепцию социального реализма Р. Коллинза, теорию фреймов, классический и современный варианты детерминизма, а также некоторые материалистические концепции. Ниже рассмотрим некоторые сильные и слабые стороны отмеченных концепций, чтобы уточнить необходимость их синтеза в современно социально-гуманитарном познании, а также определим их актуальность на сегодняшний день с последующим осмыслением и поиском каких-либо еще методов для включения в методологию исследования заявленной проблемы.

Итак, суть акторно-сетевой теории для изучения идей и осуществляемой ими детерминации институтов в сфере политики и права наглядно проявляется через трактовку общества в качестве «сети», где ведущая роль по формированию социальных установлений отводится акторам. Возникновение, функционирование и последующие трансформации соответствующих институтов детерминируются главным образом двумя ярко выраженными началами. Прежде всего, это активная (теоретическая и практическая) деятельность таких акторов, которую составляют и отдельные ученые (так или иначе образующие «сети»), и целые научные «проблемно-ориентированные» организации. Во-вторых, это само общество [10], у которого на различных временных отрезках своего бытия образуются определенные запросы на обеспечение актуального для исторических ситуаций и контекста социального порядка, обеспечение которого возлагается на институты. Главное преимущество данного подхода можно сформулировать в следующем виде: ориентация на эффективную самоорганизацию общества и входящих, прежде всего за счет политико-правовых институтов, которым вследствие высокого уровня ожиданий и априори возлагаемых надежд отводится ведущая роль в создании и поддержании социального порядка. Кроме этого, данный подход позволяет дать адекватные описания происхождения тех или иных необходимых институтов, то есть рассмотреть модификацию (по причине собственных интерпретаций замыслов конкретной совокупности идей) опредмечивания совокупности тех или иных

интеллектуальных конструктов в конкретном обществе. Ключевой недостаток акторно-сетевой теории, по нашему мнению, заключается в трудностях однозначного выделения причин(ы) и факторов изменения содержания идей для политико-правового институционального обновления. Причина этого «минуса» достаточно проста для объяснения: АНТ изучает действующие способы формирования идей, но объяснение перспективы формирования новых интеллектуальных конструктов, как и социальной динамики вообще, игнорируется ее представителями.

Мир-системный анализ И. Валлерстайна позволяет рассмотреть генезис идей в тесной связи с комплексом факторов экономического благополучия государств в рамках как целого мирового общества в целом, так и в пределах его отдельных частей – мини-обществ, которые воспринимаются именно как самостоятельные государства. Практическая реализация идей в форме тех или иных политико-правовых институтов объясняет их необходимость в том или ином обществе в совокупности с экономикой, что определяет социальное бытие отдельных индивидов и целых групп. Важнейшим преимуществом данной теории считаем простоту объяснения происходящих на различных уровнях мир-системы процессах, выводимых, по большому счету, из одного общего основания. Недостаток находим в экономическом редукционизме, который не лишь косвенно касается иных оснований генезиса идей и последующей детерминации рассматриваемых институтов. Родственными валлерстайнов-

ской представляются концепции детерминизма и материализма, также предполагающие сведение процессов формирования идей к материальным основаниям. Наиболее известные примеры здесь – это марксизм, а также классический детерминизм, появляющийся еще в эпоху нововременной философии. Налицо аналогичная редукция, в соответствии с которой Т. Гоббс сводит формирование политико-правовых институтов к биологической природе человека [1, с. 274], К. Маркс – к экономическим связям и отношениям. Понятно, что преимущество детерминизма и материализма выражается в каком-либо едином основании генезиса идей и их последующего институционального воплощения. Недостаток же отражается в фактах элиминирования иных оснований причинно-следственной связи «идеи – политико-правовые институты», кроме тех единственных, которые выбираются каждым конкретным мыслителем.

Социальный реализм Р. Коллинза указывает, что социальная среда аккумулирует в себе информацию, которая в последующем трансформируется в идеи, которые формируются сетями интеллектуалов. Внутренние механизмы существования интеллектуальных конструкций определяют логику их возникновения, формирования и реализации на практике [4]. В соответствии с нашим пониманием позиции Коллинза, именно схемы человеческого мышления дают плодотворную почву для порождения идей и их последующей реализации в форме институтов. Интеллектуалы интегрируются в систему ин-

терсубъективных связей, что предоставляет им варианты возможностей в части реализации собственного потенциала. Содержание политико-правовых институтов естественным образом устаревает, следовательно, налицо заинтересованность в идеях, которые способствуют их закономерному и логичному обновлению. Через такие «разработки» конкретные интеллектуалы получают шанс влиться не только в ту или иную профессиональную среду, а также в систему сложных социальных связей и отношений, при этом они полностью сохраняют свою идентичность и получают от заинтересованных организаций материальную и иную поддержку. Преимуществом социального реализма можно объяснить через открывающиеся возможности рациональных обоснований генезиса идей и их модификаций именно как деятельности конкретных сетей интеллектуалов в связи с возникающими запросами того или иного общества. Это достоинство данной теории снимает последующую необходимость приведения дополнительных аргументов в пользу той или иной природы идей. Недостатком коллинзовского подхода можно считать чрезмерное внимание интеллектуальной деятельности ученых, что априори исключает из поля зрения интеллектуалов-практиков. В результате эта концепция не дает полного объяснения происхождения модификаций интеллектуальных идей и их практическую реализацию в форме политико-правовых институтов.

Актуальной и значимой представляется также концепция фреймов. Общепринятым считается, что под «фреймом» понимается некоторая

структура, которая содержит определенную информацию. Основоположник данной теории М. Минский рассматривает фрейм с точки зрения адекватности и возможностей восприятия индивидами новых условий, складывающихся в реальности, и соответствующем переключении моделей мышления при непосредственной адаптации к ситуациям в условиях неполноты и неизвестности информации. В своей работе С.И. Некрасов и Н.С. Молчанова отмечают, что «фрейм Минского представляет собой некую информацию, на основе которой человек строит прогнозы, а также соотносит свое поведение. Поэтому фреймом Минский называет некую совокупность определенных образом структурированных данных, в которых закодирована стереотипная ситуация» [6, 14]. Применительно к нашей тематике фреймы будут полезны тем, что они отражают некоторый идеальный образ социальной действительности и человеческого поведения, обеспечение которого возлагается на политико-правовые институты. Такое понимание данной теории приводит нас к утверждению, согласно которому фреймы формируют возможность формировать условия для возникновения идей в конкретной социальной среде. Европа, Африка, Северная и Южная Америка, Азия – все эти регионы имеют неповторимую конфигурацию условий для формирования интеллектуальных конструктов и их последующей реализации в политико-правовых институтах. Так, целые регионы становятся так называемыми «социосферами» для генезиса и практического воплощения идей. Однако нередки случаи «слепого» переноса развивающимися странами

успешных практик развитых государств на собственные условия, где лучшим порой становится «нулевой» эффект от их реализации. Несомненное преимущество данного подхода – это подробный учет всего множества факторов, влияющих на формирование и трансформации институтов посредством идей и их модификаций. Логично, что масштабные и подробные описания причин позволяют легче объяснить генезис интеллектуальных конструктов. Недостатком концепции фреймов можно считать стремление ее представителей усмотреть детерминированность идей конкретными причинами, тем самым усложняя описания посредством возникающих порой попыткам сведения несводимого к простым калькулируемым факторам.

Наряду с представленными подходами в последние годы в социально-гуманитарных исследованиях приобретает популярность новый подход, который напрямую указывает на институциональную среду, в соответствии с чем, может быть полезен с точки зрения ее оформления посредством идейной детерминации. Этим подходом является неoinституционализм, а к его видным представителям относятся Р. Коуза, Д. Норта, Д. Найта, Р. Эликсона, О. Уильямсона. Принято считать, что основателем неoinституционализма является Д. Норт, лауреат Нобелевской премии и специалист в области экономической теории. В качестве предмета данного направления Норт выбирает выявление факторов, способствующих изменениям, происходящими как с отдельными институтами, так и с целыми институциональными системами [3]. «Институт» выступает

в качестве основной единицы принимаемого Нортм анализа, которая, к тому же, сохраняет возможность для исследования индивидуального поведения людей, являющихся «максимизирующими существами» [2, с. 123]. Применительно к последнему словосочетанию логика американского мыслителя достаточно проста для объяснения: поскольку институты создаются людьми, поэтому анализ институциональных трансформаций необходимо начинать именно с человека. Однако институты предполагают ограничения в поведении людей, что указывает на необходимость его сообразование под определенные правила. Д. Норт трактует институты как нормы человеческого поведения, на основании которых происходит социальное взаимодействие акторов, что приводит к кристаллизации эффективных способов организации человеческого общения и делает их, своего рода, образцами. Ученый выделяет несколько видов институтов как норм:

- формальные (писанные) ограничения, куда относятся правила и предписания;

- процедуры, направленные на выявление отклоняющегося от установленных «образцов» (в различной степени для конкретных сфер общественной жизни) поведения с целью пресечения такового;

- неформальные (неписанные) кодексы поведения, содержание которых включает в себя важное для эффективного функционирования общества многообразие привычек, традиций, культурных обрядов и т.д. [2]. Однако следует заметить, что неписанные кодексы и формальные ограничения могут рассматри-

ваться как ограничивающие и сдерживающие друг друга правила поведения.

Примечательно следующее: Д. Норт признает, что в некоторых случаях неформальные нормы могут стать эффективным аналогом формальных правил, поскольку, например, обычаи и традиции, уходящие корнями в глубокую историю, являются существенным фактором, влияющим на формирование моделей поведения в конкретно рассматриваемом социуме. В результате, под институтами понимаются «структурные формы человеческих взаимодействий, это сочетание правил, механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и норм поведения» [7, 79]. Такое определение свидетельствует о том, что институты предстают в виде уникальной (вследствие привязки к тому или иному обществу) системы организаций, которая принуждает человека к определенным моделям поведения, ввиду контекстуальной важности и значимости данных правил и принципов организации взаимодействия между индивидами. Можно утверждать, что однозначным преимуществом нортмской концепции является преодоление классического детерминизма, поскольку здесь, как и в теории фреймов, у исследователей появляется возможность учета всего многообразия факторов, влияющих на идейную детерминацию институционального устройства, да еще и в рамках конкретного социума.

Институты, по убеждению Норта, позволяют организовать жизнь индивидов таким образом, чтобы они не задумывались о большей части собственных действий, которые, по своей сути, повторяются регулярно,

следовательно, не требуют ежедневного глубинного осмысления. В определенном смысле здесь уместна аналогия со взглядами французского философа П. Бурдьё и его теорией габитусов как привычных стереотипных действий, которые входят в систему обыденного поведения человека. И если Бурдьё видит исключительно модели поведения, причины которого сводятся им к привычке и упрощению жизни, то Норт идет несколько дальше, поскольку указывает на факт наличия норм, регламентирующих поведение человека и, тем самым, интегрирует в деятельность индивидов институциональные основания.

В нортовской теории достаточным образом обосновывается, что институты трактуются как «правила игры», представляющие собой изобретенные людьми ограничения, главная цель которых – помочь организовать нормальные социальные взаимодействия между индивидами [8, 307]. В этом, на наш взгляд, заключается второе преимущество неоинституциональной теории, которое означает, что нормы являются результатом договоренности, то есть имеют конвенциональную природу. С одной стороны, мы можем говорить об интересующей нас функциональности политико-правовых институтов, с другой – проследить динамику их изменчивости в зависимости от условий, требований и, что главное, актуальности существования на конкретном этапе, что напрямую связано с контекстуальностью функционирования норм, являющихся основаниями институциональных практик. В конечном счете, в этих нормативных основаниях институтов заложены

определенные идеи, реализация которых отводит этим социальным установлениям конкретную контекстуальную роль, определяющую их функционирование и системы взаимоотношений между акторами.

Функциональный подход преследует сугубо инструментальные цели от существующих политико-правовых институтов – власть намечает ориентиры и обеспечивает развитие общества по прогрессивному/эволюционному пути, привлекая при необходимости различные социальные группы. Так, в государствах с развитым гражданским обществом неформальные нормы играют не меньшую роль, чем адекватные и приспособленные под вызовы времени принятые нормативные акты. В таких случаях гораздо проще определить маркеры появления, например, неформальных организаций, оказывающих влияние на те или иные политико-правовые решения властей. В то же время, в авторитарных и тем более тоталитарных государствах желания, интересы и требования социально активных групп и отдельно взятых индивидов, как правило, игнорируются и всецело подчиняются формальным предписаниям.

Очередным преимуществом, подтверждающим оправданность включения неоинституционализма в изучение идейной детерминации политико-правовых институциональных преобразований, является ее мощный потенциал в части унификации взаимодействий между акторами. Традиционное понимание институтов содержит в себе описание контактов между субъектами в качестве, своего рода, «заранее заданных/определенных ролей», что не всегда дает воз-

возможность сокращения издержек и оптимизации социальных взаимодействий. Ярко выраженная нормативность нортковского подхода позволяет минимизировать затраты ресурсов на формирование и поддержку контактов в различных сферах общественной жизни.

Неоинституционализм учитывает не только внешние факторы социальной интеракции, но и ее внутренние составляющие. Здесь необходимо отметить, что любые контакты априори предполагают речевой способ взаимодействия. Междисциплинарные исследования все чаще обращаются к проблемам использования языка, который придает те или иные особенности любой коммуникации. Так, еще Аристотель заметил, что процессы общения включают в себя не только источник информации и ее получателя, но также каналы связи и нормы, по которым передается сообщение [5]. В процессе социальных взаимодействий источником и получателем информации будут акторы, которые для полного взаимного понимания жизненно вынуждены «говорить на одном и том же языке», что обеспечивает полноценность в части передачи смыслов, с которыми источник намеревался познакомить получателя. Таким образом, в противном случае будем наблюдать потерю передаваемых смыслов. Именно это и происходит в случаях взаимодействия между двумя иностранными гражданами на территории государства, являющегося родиной одного из них. При использовании норм взаимодействия, привычных и традиционных для каждого из них, они неизбежно столкнутся с многочисленными издержками. Как истинный

экономист, Д. Норт подчеркивает, что такие затраты имеют негативное значение для любого из взаимодействующих субъектов. Вспоминается пословица «When in Rome do as the Romans do»: в целях минимизации издержек и получения выигрыша иностранцам необходимо использовать нормы и правила, применяемые в конкретном государстве или обществе. Концепция Д. Норта, как и социальный реализм Р. Коллинза, имеет прямое указание на сопряженность генезиса идей с процессами социального взаимодействия в конкретных условиях. Однако неоинституционализм уточняет, что участники такого (интеллектуального) взаимодействия обязательно используют принятые в конкретном социуме нормы и правила. Таким образом, контекстуальность и ситуативность используются в качестве важного сопутствующего фактора любой социальной интеракции, имеющей, в данном случае, значимость и результат (как некоторый выигрыш, являющийся вкладом) для интеллектуальной истории. Более того, рассмотренная унификация позволяет исследователям строить более валидные прогнозы развития обществ, что соответствует современной социальной динамике и вписывается в вызовы глобализации.

Наконец, в качестве еще одного существенного преимущества рассматриваемой теории можно отметить умеренный релятивизм и использование идеологии как источника институциональных изменений. Первый пункт заключается в том, что нормативные основания институтов складываются под уже отмеченным влиянием социальных договоренностей, но вместе с тем в

определенные периоды исторического развития требуют своего контекстуального пересмотра, а иногда и окончательной отмены ранее сформулированных и принятых решений. Идеология же выступает как субъективная модель оценки и осмысления окружающего мира, которая позволяет минимизировать издержки взаимодействия между акторами. Именно определенная идеология позволяет обеспечить универсальность оснований для множества социальных взаимодействий различных участников, специализирующихся и занятых в том или ином виде деятельности. Идеи, фундирующие системы социальных взаимодействий, позволяют организовать не какую-либо простую статичную политико-правовую институциональную систему, но (относительно) динамичные пространства, где в зависимости от возникающей необходимости и осознания вызовов времени власть и иные заинтересованные группы создают и воспроизводят те или иные институты. При своем эффективном функционировании институты сдерживают и/или поощряют акторов, тем самым обеспечивая общественный порядок. Поэтому наглядной иллюстрацией здесь представляется цитата И.В. Ситновой: «Те из акторов, кто оказывается в привилегированном положении, получают возможность использовать институты для воспроизводства своего статуса для наращивания собственных ресурсов. Социальные субъекты, лишённые доступа к источникам влияния, как правило, испытывают на себе сдерживающее воздействие институтов, но в определенных условиях могут использовать суще-

ствующие правила непредусмотренным образом, создавая новые институты. Общие социальные процессы образуют и трансформируют правила, которые контролируют взаимодействие акторов в социально-культурных полях» [9]. На наш взгляд, дихотомия относительно всего множества социальных групп, хоть и выглядит упрощенной, но вполне соответствует такому основанию деления, которым становится доступ к существующим правилам социального взаимодействия и, как следствие, к институтам.

В заключение скажем, что подробный анализ социально-гуманитарного дискурса позволяет увеличить количество идейно- и институционально-ориентированных теорий, по-своему раскрывающих срез связки феноменов. В первой части работы мы показали, что практически в каждой из концепций можно найти не только сильные стороны, но и недостатки, которые, прежде всего, связаны с редукционизмом, который далеко не всегда отмечается большинством уважаемых коллег в их научных трудах. Тем не менее, потребность в синтезе именно этих теорий была доказана в ряде опубликованных ранее работ. Вторая часть настоящего исследования была посвящена исследованию теории Д. Норта, уже название которой свидетельствует о необходимости учета ряда ее положений в разрабатываемой автором синтетической методологии изучения идейной детерминации политико-правовых институтов. По мнению автора, обозначенный подход имеет ряд значимых преимуществ, частично дополняя перечисленные методы в

части рассмотрения контекстуальности генезиса идей, рассмотрения взаимодействия акторов в соответствии с «правилами игры», анализа актуальности политико-правовых институтов с функциональной точки зрения, необходимости унификации социальных контактов.

Литература

1. Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1965. – 583 с.

2. Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 283. – С. 123-128.

3. Коняев С.В. Теория институциональных изменений Д. Норта в контексте социологической науки // Труд и социальные отношения. – 2016. – № 5. – С. 44-67.

4. Левшина О.Н. Преподавание наук о культуре в свете теории интеллектуальных сетей Рэндалла Коллинза // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – Т. 181. – С. 74-77.

5. Лозовая И.В. Теория институциональных изменений Д. Норта. Формальные и неформальные институты // Территория науки. – 2016. – № 4. – С. 98-101.

6. Некрасов С.И., Молчанова Н.С. Значение теории фреймов в современной науке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 16 (71). – С. 13-17.

7. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Выпуск 2. – С. 69-91

8. Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. – М.: Catallaxy, 1993. – 336 с.

9. Ситнова И.В. Институциональные изменения в современной России: активистско-деятельностный подход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/126/687/1219/006Sitnova.pdf> (Дата обращения: 29.12.2019)

10. Соколова А.С. Концепция сетевого общества в рамках цивилизационного подхода // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 4. – С. 234-242.

D. North theory inclusion in a synthetic methodology studying political and legal institutional transformations ideological determination

Ravochkin N.N.

Kuzbass state agricultural academy

The possibilities are revealed for incorporating D. North's neoinstitutional theory into the synthetic methodology of the study of the ideological-determination of political and legal institutional transformations developed by the author. It indicates which approaches are already included in the methodological synthesis. The advantages and disadvantages of these approaches are given. Features of the neoinstitutional theory, which is originally of an economic nature, are given. The advantages of the Norm's theory are noted. The necessity of its inclusion is affirmed, which is illustrated by examples in its connection with ideas and political and legal institutions.

Keywords: ideas, institutions, neoinstitutionalism, methodology, approach, theory, ideological determination, political and legal institutions.

References

1. Hobbes T. Selected works in two volumes. Volume 1. – Moscow: Mysl', 1965. – 583 p.
2. Goolbina N.I. The theory of institutional changes of D. North // Tomsk State University Journal. – 2004. – № 283. – pp. 123-128.

3. Konyaev S.V. The theory of institutional changes of D. North in the context of social science // Labor and social relations. – 2016. – № 5. – С. 44-67.
4. Levshina O.N. Teaching the Cultural Sciences in the Light of Randall Collins Intelligent Networking Theory // Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. – 2008. – Vol. 181. – pp. 74-77.
5. Lozovaya I.V. Theory of institutional change D. North. Formal and informal institutions // Territory of science. – 2016. – № 4. – pp. 98-101.
6. Nekrasov S.I., Molchanova N.S. Role of frame theory in contemporary science // Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. – 2009. – № 16 (71). – pp. 13-17.
7. North D. Institutions and Economic Growth: A Historical Introduction // THESIS. – 1993. – Vol. 1. – Issue 2. – pp. 69-91
8. North D. Institutions, ideology and economic efficiency // From plan to market: the future of post-communist republics. – Moscow: Catalaxy, 1993. – 336 p.
9. Sitnova I.V. Institutional changes in modern Russia: an activist-activity approach [E-source]. – Access mode: <http://ecsocman.hse.ru/data/126/687/1219/006Sitnova.pdf> (Date of access: 29.12.2019)
10. Sokolova A.S. The Concept of Network Society in the Civilized Approach // Vestnik of Pushkin Leningrad State University. – 2015. – Vol. 2. – № 4. – pp. 234-242.

Оборонное сознание общества как социально-философская категория

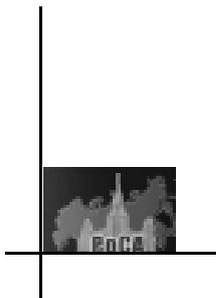
Роткин Николай Викторович,
адъюнкт, кафедра философии и религиоведения,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
dr.nikolay1812@yandex.ru

рассмотрены современные подходы к понятию «оборонное сознание общества», определена сущность оборонного сознания общества как социально-философской категории. Выделены формы оборонного сознания общества и уровни его функционирования. Обосновано существенное влияние оборонного сознания общества на состояние обороны страны и обороноспособность государства с учетом характера современной войны. Обоснована необходимость подготовки оборонного сознания общества к ведению войн нового типа.

Ключевые слова: информационное общество, общественное сознание, оборонное сознание, оборонная идеология, оборонная психология, современная война, информационная война, стратегическая нестабильность.

С переходом человечества в постиндустриальную эпоху развития и формированием информационного общества, общественное сознание подвергается непрерывному воздействию средств массовой информации. Меняется характер и формы взаимодействия больших социальных систем (цивилизаций, государств, больших социальных групп, общественных и религиозных объединений, транснациональных корпораций), в том числе их конфликтного взаимодействия. Военное противостояние в информационном обществе, кардинально отличается от военных конфликтов индустриальной эпохи, где информационное противоборство являлось сопутствующим элементом прямого вооруженного столкновения. Сегодня информационная война стала самостоятельной формой общественного бытия, в которой главным «театром военных действий» является общественное сознание.

Общественное сознание, как и сознание отдельного человека, должно исходить из объективной окружающей действительности – из реального бытия, иначе действия человека, социальных групп или общества в целом будут неадекватны реальности. С учетом изменения характера современной войны, размывания ее граней и распространения на все сферы общественной жизни, роль оборонного сознания общества сильно возрастает, в связи с чем остро актуализируется вопрос теоретической разработки

соответствующих научных категорий, последовательного социально-философского анализа сущности, структуры, содержания и особенностей функционирования оборонного сознания общества в современных условиях.

Понятие оборонного сознания неоднозначно трактуется в современной научной и публицистической литературе, разные философы, ученые и публицисты определяют его как вид, состояние или форму общественного сознания. Автор исходит понимания оборонного сознания как формы общественного сознания, выделяемой из общего контекста по предмету отражения – оборонной сфере жизни общества.

В социальной философии традиционно выделялись в качестве основных форм общественного сознания политическое сознание, правосознание, мораль, искусство, религия, наука, философия [4, С. 62-63]. Постепенно, с развитием теории общественного сознания, в отечественной социальной философии начинают разрабатываться и другие формы общественного сознания, отражающие общественные представления о конкретных сферах человеческой деятельности и отдельных социальных явлениях: экономическое сознание, историческое сознание, информационное сознание, технологическое сознание и т.д.

Термин «оборонное сознание» вводится в философский и научный оборот начиная со второй половины 80-х годов XX века. Знаковой для начала теоретического осмысления феномена «оборонное сознание» стала работа перестроечного пери-

ода «Новое политическое мышление и оборонное сознание» [3], подготовленная А.В. Павловым и А.Е. Сапегиним, в которой, однако, оборонное сознание рассматривается не как форма общественного сознания, а как альтернатива военно-силовому сознанию периода «холодной войны». С данной точки зрения оборонное сознание понималось как «система идей, взглядов, убеждений о необходимости и путях обеспечения военной безопасности и надежной обороны Отечества, адекватно отражающих военно-политическую ситуацию на основе нового политического мышления, оборонительной военной доктрины, свободных от предрассудков военного превосходства, догм военно-силового мышления и комплексов «образа врага» [3, С. 13].

В рамках данного подхода оборонное сознание общества рассматривалось в качестве военного аспекта идеологии перестройки – «нового политического мышления». А.В. Павлов и П.Е. Сапегин отмечают, что «взаимосвязь нового политического мышления и оборонного сознания достаточно сложна. Их содержание определяется происходящими в мире изменениями и во многом совпадает. Государственно-правовая основа оборонного сознания – оборонительная военная доктрина, как и новое политическое мышление, подчинена задаче недопущения войны – как ядерной, так и обычной. Ряд положений оборонительной военной доктрины функционируют и как требования нового мышления: не угрожать, не нападать, не иметь территориальных претензий, учитывать интересы других, не начинать

войну, не применять первыми ядерное оружие, не стремиться к военному превосходству, руководствоваться принципом разумной достаточности и т.д.» [3, С. 14].

По мнению указанных авторов, оборонное сознание представляет собой сложное духовное образование, своеобразный «срез» всех форм общественного сознания, подчеркивается существование его идей в форме политических, правовых, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других концепций, отмечается сходство структур оборонного сознания и общественного сознания. В то же время, оборонное сознание понимается ими как формообразование только одной конкретной идеологической конструкции, подчеркивается, что «оборонное сознание является частью, стороной нового политического мышления» [3, С. 15]. Развитие оборонного сознания представляется условием успешной реализации оборонительной военной доктрины.

В содержании предмета отражения оборонного сознания отмечаются состояние международных отношений, военно-политическая реальность, процессы обеспечения безопасности, надежная оборона. «Вся палитра концепций, идей, взглядов, чувств и убеждений концентрируется в основном вокруг трех групп проблем: проблемы сущности войны и мира в ядерном веке; проблемы обеспечения надежной безопасности, ее соотношения с оборонной мощью страны в сверхвооруженном и взаимозависимом мире; проблемы защиты социалистического Отечества, отношения к Вооруженным Силам, к службе в армии и на флоте» [3, С. 15].

В контексте рассматриваемого подхода в спектре оборонного сознания выделяются две крайности, условно обозначаемые как военно-силовое сознание и оборонно-пацифистское сознание.

Военно-силовое сознание выражается в стремлении сохранить сильную военную мощь страны, сопротивлении любому одностороннему сокращению военного бюджета и Вооруженных Сил, недооценке возможностей политических средств обеспечения безопасности, ощущении дискомфорта и тревоги в связи с односторонним сокращением Вооруженных Сил, расширением рамок гласности и открытости их деятельности [3, С. 16].

В свою очередь, оборонно-пацифистское сознание характеризуется его деформацией в сторону абстрактного пацифизма, недооценкой агрессивности вероятного противника, требованиях безграничного одностороннего разоружения, сокращения военного бюджета и Вооруженных Сил, отмены военной подготовки молодежи и т.д. Среди факторов деформации оборонного сознания общества в сторону абстрактного пацифизма особо отмечаются экономические и социальные проблемы, связанные с большими военными затратами [3, С. 17].

Несмотря на то, что положения изложенной концепции оборонного сознания увязывают понимание его сущности с конкретной идеологией и конкретной исторической ситуацией, что не подразумевает исследование оборонного сознания в других конкретно-исторических условиях, они все же имеют весомую теоретическую значимость. В

частности, вывод о том, что оборонное сознание общества представляет «срез» всех форм общественного сознания и о существовании его идей в форме политических, правовых, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других концепций, дает возможность для выделения собственных формообразований оборонного сознания.

Кроме того, А.В. Павлов и П.Е. Сапегин дают, хоть и с привязкой к конкретной исторической ситуации и линии политического руководства страны, определение оборонному сознанию общества, которое, в соответствии с доминирующим в период проведения исследования историко-материалистическим подходом к пониманию общественного сознания, дает ключ к пониманию сущности оборонного сознания как системы отражающих военно-политическую ситуацию идей, взглядов, убеждений о необходимости и путях обеспечения военной безопасности и обороны страны.

В целом же, приведенные в данном примере положения представляются не отвечающими требованиям объективного теоретического анализа, как в силу излишней идеологизации под конкретную политическую линию государственной политики и историческую ситуацию, так и в связи со слабым логическим обоснованием сущности, структуры и содержания анализируемого явления.

Так, противоречивым представляется заключение авторов о том, что оборонное сознание существует, как нечто среднее и оптимальное между двумя его же собственными крайностями: военно-силовым сознанием и оборонно-паци-

фистским сознанием. Следовательно, в части построения теоретической модели оборонного сознания, не понятно, что в логике авторов есть общее, а что – частное. К примеру, в одних утверждениях авторов, военно-силовое сознание является разновидностью оборонного сознания, в других – оборонным сознанием признается только та система идей взглядов и убеждений в отношении обороны страны, которая исходит из принципов нового политического мышления. Т.е., в интерпретации авторов, военно-силовое сознание одновременно является оборонным сознанием и не является, что противоречит логике.

Другой исследователь В.В. Чебан, уходя от данного логического противоречия, рассматривает оборонное сознание, наряду с милитаристским и пацифистским, в качестве разновидности военно-политического сознания, понимая под последним «специфическое явление, лежащее в качестве духовной основы военной политики, представляющее собой отражение в общественном сознании диалектики политики и вооруженного насилия» [7, С. 14].

В зависимости от глубины отражения военно-политической действительности, В.В. Чебан условно делит военно-политическое сознание на два уровня: обыденный и теоретический. «Обыденные представления вырастают из непосредственной военно-политической практики индивидов, формируются стихийно, без внешневыраженных связей между различными духовными явлениями военно-политического характера. Здесь господствует житейский опыт, традиции,

сиюминутные настроения и устойчивые стереотипы, нет теоретических формул и философских категорий<...> Теоретический уровень военно-политического сознания представляет собой концептуальное отражение военно-политической практики и военно-политических отношений через призму законов абстрактного мышления с активным использованием понятийного аппарата. Продуктом данного уровня являются военно-политические теории, программы, концепции, анализы, прогнозы, военные доктрины и т.д.» [7, С. 26].

По В.В. Чебану военно-политическое сознание, является духовным компонентом военной политики и специфической формой общественного сознания, в свою очередь, оборонное сознание является видом военно-политического сознания общества. Появление оборонного сознания он связывает с военным опытом прошлого и возможностью вооруженной агрессии, и, вслед за А.В. Павловым и П.Е. Сапегиним приписывает ему диалектическую взаимосвязь с новым политическим мышлением [7, С. 28].

В выводах В.В. Чебана наиболее ценным представляется положение об уровнях военно-политического, а, следовательно, и оборонного сознания. В тоже время, уже на уровне теоретико-методологического анализа, следует принципиальная привязка оборонного сознания к новому политическому мышлению, что политически идеологизирует понятие, сужая область его применения и искажая сущность явления.

Кроме того, положение о том, что оборонное сознание – явление частного порядка по отношению к

военно-политическому сознанию общества, видится в корне не верным, т.к. первое, являясь специфической отраслевой формой общественного сознания, отражающей процессы, происходящие во всей оборонной сфере, несет в себе формообразования, соответствующие основным формам общественного сознания. Как выше было рассмотрено, основными формами общественного сознания являются политическое сознание, право, мораль, религия, наука, философия, искусство. Преломляя структуру общественного сознания на оборонную сферу, можно сделать вывод о том, что оборонное сознание общества выражается в следующих формах: военно-политическое сознание, военное право, оборонная мораль, религиозные основания защиты Отечества, военная наука, военная философия, оборонно-художественное сознание. Следовательно, оборонное сознание как явление более общего порядка по отношению к военно-политическому сознанию, никак не может являться его разновидностью, наоборот, военно-политическое сознание является формообразованием оборонного сознания общества.

Рассмотренные концепции, следовали традициям марксистско-ленинской философии, в которой теория была тесно связана с государственной идеологией, по сути, первое являлось теоретико-методологическим обоснованием второго. И даже не смотря на то, что авторы данных подходов следовали в «форватаре» так называемого нового политического мышления, принципов демократизации, гласности и плюрализма, в построении теории оборонного сознания им не

удалось абстрагироваться от конкретной исторической ситуации и «линии партии», что не позволило сформировать полноценную методологическую базу для исследования оборонного сознания общества в другое время и в других условиях.

Оценивая вклад названных авторов в развитие научной проблематики оборонного и военно-политического сознания общества, необходимо отметить, что, несмотря на все недочеты, предложенные ими теоретические модели стали основанием для дальнейших исследований в данном направлении.

Более последовательный анализ проблем отражения в общественном сознании вопросов национальной обороны провел В.М. Дудко, но применительно только к одной большой социальной группе, выделенной из общего социального контекста по профессиональному признаку, – военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

Рассматривая их в структуре сознания военной безопасности, В.М. Дудко определил его как «сложное многофункциональное системное образование, охватывающее все формы общественного сознания на теоретическом и обыденном уровнях, формирующееся под воздействием объективных и субъективных факторов и представляющее собой отражение в сознании военнослужащих военно-политического положения России в мире, форм и способов нейтрализации и противодействия военным опасностям и угрозам российского государства» [1, С. 11].

В.М. Дудко рассматривает сознание военной безопасности с позиций содержательного и деятельного

подходов. С точки зрения содержательного подхода к структуре сознания военной безопасности военнослужащих «оно функционирует на двух уровнях – теоретическом и обыденном, различается по предмету отражения, с точки зрения носителей и глубине отражения действительности, проявляется в определенных видах, отражающих преобладающую в обществе концепцию обеспечения военной безопасности государства» [1, С. 11], с точки зрения деятельностного подхода структура сознания военной безопасности военнослужащих представляет собой «совокупность компонентов, включающих: основные элементы форм общественного сознания, отражающие проблемы военной безопасности; духовную деятельность военнослужащих, направленную на укрепление военной безопасности; духовные отношения военнослужащих, возникающие при нейтрализации военных опасностей и угроз; субъекты и объекты духовной деятельности и отношений: Вооруженные Силы в целом, воинские коллективы, отдельные военнослужащие» [1, С. 12].

В.М. Дудко выделяет функции сознания военной безопасности военнослужащих: мировоззренческую, методологическую, информационно-гносеологическую, оценочно-прогностическую, духовно-ориентирующую, синтезирующую, управленческую; а также рассматривает социальный механизм перевода сознания военной безопасности военнослужащих в фактор укрепления безопасности государства, как «диалектическое единство объективных и субъективных факторов, возникающих при субъектно-объектном взаимодействии на трех

уровнях социальной детерминации – общесоциальном, военно-социальном, личностном – и направленных на формирование общесоциальных и военно-профессиональных качеств военнослужащих, высокого уровня их морально-психологического состояния» [1, С. 12].

Далее В.М. Дудко выявляет соответствия между обыденным уровнем сознания военной безопасности и общественной психологией, а также между теоретическим уровнем сознания военной безопасности и общественной идеологией. Следуя выявленным соответствиям, он выделяет из общего контекста сознания военной безопасности общественно-психологическую и рационально-идеологическую части.

По В.М. Дудко общественно-психологическая часть сознания военной безопасности включает в себя две основные группы элементов. «Первую группу составляют эмоциональные компоненты социально-психологических качеств различных общностей людей. Это, в первую очередь, чувства, настроения, эмоции. Они являются наиболее подвижными и изменчивыми, так как наиболее восприимчивы к изменениям окружающей среды. Вторую группу составляют обычаи, традиции, социальные привычки, особенности национального характера. Они гораздо более устойчивы. Их роль в сознании военной безопасности достаточно значительна. Они оказывают стабилизирующее влияние не только на общественно-психологический компонент сознания военной безопасности, но и на все его содержание» [1, С. 15].

Рационально-идеологическая часть сознания военной безопасности включает в себя идеологию и

научно-теоретическое сознание. Первое представляет собой систему политических, правовых, нравственных, религиозных, философских, взглядов, идей, в которых осознается проблематика военной безопасности. В свою очередь, научно-теоретическое сознание военной безопасности включает в себя знания (идеи, взгляды, теории), распространенные в общественном сознании и вызвавшие потребность в освоении в силу их практической значимости [1, С. 15].

В след за В.В. Чебаном, определяющим оборонное сознание как вид военно-политического сознания, В.М. Дудко понимает собственно оборонное сознание общества только лишь как разновидность сознания военной безопасности наряду с агрессивно-милитаристским и абстрактно-пацифистским сознанием.

Наиболее зрелым и теоретически выверенным представляется подход В.Л. Разгонова и А.Д. Лопуха, рассматривающих оборонное сознание как важнейшую составляющую общественного сознания, объектом отражения которой является вся оборонная сфера общественной жизни [6, С. 269-271]. В частности, В.Л. Разгонов отмечает, что оборонное сознание не только пассивно отражает оборонную сферу, но и «накладывается через социальные отношения на оборонную политику, практику и воинские структуры» [5, С. 80].

Оборонное сознание интересует В.Л. Разгонова как определенная система, «которая наряду с объективными условиями жизни (одновременно будучи опосредованной ими) формирует цели оборонной и социальной деятельности того или

иного рода, мотивы социального и воинского поведения» [5, С. 80].

В рамках данного подхода предлагается обоснованная классификация оборонного сознания по различным основаниям. Так, в зависимости от субъекта, выделяются оборонное сознание личности, группы, общества в целом. В зависимости от соответствующей формы общественного сознания, из общего контекста оборонного сознания выделяются военно-политическое сознание, правовое сознание, религиозное сознание, оборонительная мораль, научные взгляды, оценки военного искусства. Отдельно определяются формы деятельности оборонного сознания: оборонное мышление, интеллектуальная деятельность, практика погружения «внутрь себя» при осознании военных угроз, акцентируется внимание на оборонных ценностях, ориентациях и установках.

В качестве стереотипов реализации оборонного сознания на личностном уровне отмечаются «пацифисты по убеждению»; люди с неразвитым оборонным сознанием и чувством долга; понимающие необходимость обороны, но не испытывающие желание к защите Отечества; сознательные патриоты; убежденные «милитаристы».

Определяя оборонное сознание, как форму общественного сознания, В.Л. Разгонов вместе с тем приходит к выводу, что оборонное сознание является частью политического сознания, важным фактором устойчивости общества и элементом военной мощи государства. Его состояние предопределяется социальными факторами и детермини-

руется высшим уровнем социальной организации. Состояние оборонного сознания во многом определяет военные возможности государства [5, С. 87-88].

С учетом приведенных выше теоретических положений, понимая под сознанием в контексте социального всю совокупность распространенных в обществе идей, взглядов, представлений, убеждений, чувств, отражающих общественную практику в конкретных исторических условиях, а под оборонными, все элементы социального бытия, которые связаны с обороной, не как с видом конфликтного взаимодействия, а как сферой общественных отношений, *оборонное сознание общества* можно определить как *совокупность распространенных в социуме идей, взглядов, представлений, убеждений, чувств, отражающих вопросы обеспечения организованной защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешней и внутренней агрессии во всех формах и способах её проявления.*

При этом оборонное сознание представляется не как составляющая какой-то конкретной политической идеологии или вид общественного сознания, а как выделяемая по предмету отражения специфическая форма общественного сознания, представляющая собой военный аспект политического сознания общества. Оборонное сознание общества отражает всю оборонную сферу, вне зависимости от направленности военной политики государства, доминирующих в обществе оборонных настроений, отношения к проблемам войны и мира.

Понятия «оборонное» и «военное» выступают в данном контексте

как пересекающиеся, первое подчеркивает декларацию неагрессивности военной политики того или иного государства, и то, что главной целью его военной деятельности является обеспечение надежной национальной обороны. Сегодня во многих цивилизованных странах мира государственные органы военного управления именуется как оборонные структуры (совет национальной безопасности и обороны, министерство обороны и т.п.), но это отнюдь не означает, что их военная политика носит исключительно мирный, оборонительный или пассивный характер.

В соответствии с уровнями общественного сознания, характеризующими глубину отражения социальных явлений, процессов и отношений, структуру оборонного сознания общества правомерно представить как соотношение оборонной идеологии и оборонной психологии.

Под оборонной идеологией понимается систематизированное отражение оборонного бытия в виде идей, концепций, стратегий, доктрин, теорий, формируемое под влиянием накопленных знаний, исторического опыта, линии политического и военного руководства.

Оборонная психология представляет собой совокупность социальных чувств, эмоций, настроений, переживаний, обычаев, традиций характерных для данного общества в части отношения к вопросам национальной обороны. Оборонная психология общества складывается под влиянием конкретных условий военно-политической, социально-экономической, военно-стратегической обстановки, других условий и событий социальной жизни.

С учетом соответствия структур оборонного сознания общественному сознанию в целом и понимания первого как «среза» всех форм общественного сознания применительно к оборонной сфере, представляется логичным в качестве основных форм оборонного сознания общества выделить военно-политическое сознание, военно-правовое сознание (оборонное правосознание), оборонную мораль, религиозные основания защиты Отечества, военно-философское сознание, военно-научное сознание, оборонно-художественное сознание.

Следовательно, уже в рамках описания оборонного сознания того или иного общества можно выделить виды, характеризующие его направленность: агрессивное сознание, оборонительное сознание, пацифистское сознание, пораженческое сознание, а также его состояния: сознание мирного времени, сознание военного времени, пограничное сознание.

Все элементы оборонного сознания общества, его уровни, формы, виды находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Так, общество, в котором преобладает пацифистское или, хуже того, пораженческое сознание, как правило, переживает падение уровня оборонной морали, оборонного правосознания, военно-политического сознания такого общества размыто и неадекватно отражает военно-политическую ситуацию в мире, военная наука и военная философия в данном обществе также закономерно находятся в упадке. В результате данное общество становится неспособным организовать эффективную оборону страны.

При этом оборонное сознание, как часть политического сознания общества, находится в прямой зависимости от его состояния и формируется под влиянием доминирующей политической идеологии и её оборонной производной в виде военно-доктринальных установок. Примером тому может послужить состояние оборонного сознания российского общества в начале 1990-х годов, когда кризис политического сознания породил незамедлительное разложение всех форм оборонного сознания общества на идеологическом и общественно-психологическом уровнях. Широкое распространение получили антиармейские настроения, повсеместным стала девальвация ценностей военно-исторической памяти народа, уменьшалось значение Победы в Великой Отечественной войне и т.п.

Вместе с тем оборонное сознание общества в его функциональном состоянии должно обеспечивать адекватное отражение военно-политической реальности. Общество должно осознавать реальное наличие существующих угроз его безопасности, а национальная оборона должна выстраиваться в соответствии с характером и особенностями современной войны. Для этого любому обществу жизненно необходимо постоянно развивать военную философию и военную науку в соответствии с современными условиями.

Не может долго просуществовать и не потерпеть поражение народ, который в условиях всесторонней агрессии, ведущейся против его страны, будет пребывать в благодушном сознании мирного времени. Также как и не сможет обще-

ство дать отпор агрессору, если будет опираться на устаревшее, несоответствующее времени, понимание характера и форм войны.

Данное обстоятельство приобретает особую актуальность в условиях современной стратегической нестабильности, когда крайняя неустойчивость бытия различных крупных социальных систем (цивилизаций, государств, больших социальных групп, общественных и религиозных объединений, транснациональных корпораций), а также отношений между ними стала важнейшей характеристикой современности [2]. Под влиянием факторов стратегической нестабильности теряет устойчивость внутренних связей и оборонное сознание. Резко и деструктивно меняются характер и направленность оборонных представлений, взглядов, убеждений, ценностей, установок, которые, в свою очередь, хаотизируют поведение больших социальных групп. В результате целые народы сами уничтожают собственную оборону и государственность, отдавая свою страну и её ресурсы на растерзание врагу, не вступая с ним в противоборство.

Таким образом, оборонное сознание понимается как сложное в структурном отношении образование. Представляет собой специфическую форму общественного сознания и является военным аспектом политического сознания общества. Состояние оборонного сознания детерминирует обороноспособность страны.

Понятие оборонного сознания прошло долгий и противоречивый путь теоретического оформления и сегодня является важной и перспективной для дальнейшей разработки

социально-философской категорией. В качестве одной из важнейших задач социальной философии применительно к оборонному сознанию общества представляется разработка проблемы его функционирования в условиях современной стратегической нестабильности, а также разработка путей повышения его функциональности и стабилизации.

Литература

1. Дудко В.М. Сознание военной безопасности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: сущность, структура, социальный механизм формирования (социально-философский): Автореф. дис. канд. филос. наук. Моно. 2002. 21 с.

2. Мандрыка С.М. Государственная безопасность России в условиях современной стратегической нестабильности (социально-философский анализ): Автореф. дис. канд. филос. наук. М. 2008. 25 с.

3. Новое политическое мышление и оборонное сознание / А.В. Павлов, П.Е. Сапегин. Нравственность советских воинов и ее значение в армейской службе / В.П. Хробостов. М.: Воениздат, 1990. 64 с.

4. Общественное сознание и его формы / под общ. Ред. В.И. Толстых. М., 1986. 376 с.

5. Разгонов В.Л. Военно-профессиональное воспитание курсантов и формирование у них оборонного сознания. Монография. Новосибирск, 2015. 166с.

6. Разгонов В.Л., Лопуха А.Д. Формирование оборонного сознания военнослужащих // Мир науки, культуры, образования. № 6 (43), 2013. С. 269-271.

7. Чебан В.В. Военно-политическое сознание общества (социально-

философский анализ): Автореф. дис. д-ра филос. наук. М., 1992. 46 с.

Society defence consciousness as a social and philosophical category

Rotkin N.V.

Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation

In this article modern approaches to the concept of society defence consciousness' were considered. The essence of the society defence consciousness as a social and philosophical category was also determined. The forms of society defence consciousness and the levels of its functioning were highlighted. The significant influence of the society defence consciousness on the state of the country defense and its defense capability was justified, taking into account the of modern war. The necessity of preparing the defense consciousness of society for waging a new type of war is substantiated.

Key words: information society, public consciousness, defense consciousness, defense ideology, defense psychology, modern war, strategic instability.

References

1. Dudko V.M. Awareness of the military security of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation: essence, structure, social mechanism of formation (socio-philosophical): Author. dis. Cand. Philos. sciences. Monino. 2002. 21 p.
2. Mandryka S.M. State security of Russia in the conditions of modern strategic instability (socio-philosophical analysis): Author. dis. Canto Philos. sciences. M. 2008. 25 p.
3. New political thinking and defense consciousness / A.V. Pavlov, P.E. Saepgin. Morality of Soviet soldiers and its importance in the army service / V.P. Khrobostov. M. : Military Publishing House, 1990.64 p.
4. Public consciousness and its forms / under total. Ed. IN AND. Tolstoy. M., 1986. 376 p.
5. Acceleration V.L. Military-professional education of cadets and the formation of their defense consciousness. Monograph. Novosibirsk, 2015.166 s.
6. Razgonov V.L., Lopukha A.D. The formation of the defense consciousness of military personnel // World of science, culture, education. No. 6 (43), 2013.S. 269-271.
7. Cheban V.V. Military-political consciousness of society (socio-philosophical analysis): Author. dis. Dr. Philos. sciences. M., 1992.46 s.

Мактубат Имам Раббани и татарский улемы

Саъдихонов Махрамхон Тураевич,
аспирант, ГНБУ Центр исламоведческих исследований, Академия Наук Республика Татарстан, ishonimahram@mail.ru

Работа посвящена изучению жизнедеятельности Имама Раббани как основоположника татарского богословия Нового времени. Во многих исследованиях определено историческое значение Имама Раббани в становлении исторических основ мусульманской религиозно-философской парадигмы и культуры. В данной работе также изучена деятельность Мурада Рамзи как наследника идей Имама Раббани.

Ключевые слова: Мактубат, Имам, джакидизм, тарикат, суфизм.

Введение

Кризисные явления в обществе, процессы перехода к условиям рыночной экономики значительно повлияли не только на политическую, социальную, экономическую активность, но также, способствовали возрастанию воздействия на широкие слои общества, в том числе, на религиозное население. Такое воздействие создало предпосылки к переоценке отношений и взглядов на роль и место религии в жизни, создало условия, повлиявшие на усиление интереса к духовным ценностям общества вообще и к феномену ислама в частности. Несмотря на то, что ислам имеет более чем тысячелетнюю историю и входит в тройку самых распространенных религий мира, письменных источников, способных наиболее полно осветить феномен тариката, или перипетии жизненного пути Имама Раббани, в культурном религиозном пространстве, особенно на территории современной России явно недостаточно.

Исторические факты, а также современное состояние ислама, как направления мировой религии невозможно исследовать без обращения к темам шариата, тариката, суфизма и др.

Многие слышали о Имаме Раббани, но мало кто знает, кому мы обязаны доступности данного труда. Не все знают, что мактубат в оригинале был написан на фарси. На арабский язык его перевел Мухаммад Мурад Рамзи аль-Казани аль-Мензиляви. (менее известный

как Мурадаллах ибн Бахадиршах Абдаллах ибн Адилшах Рамзи).

1. Имам Раббани как основоположник татарского богословия Нового времени.

Имам Раббани появился на свет в индийском городе Сирхидн в 971 году по хиджре. Его отец был шейхом, обладающим большим почётом, достигшим знаний и высокой степени духовного познания, совершенства во всех внутренних и внешних проявлениях и получивший иджазу тарикатов Чиштиийа и Кадирийя. Большую часть знаний Имам Раббани получил от своего отца, дополнив уроками у именитых учёных своего времени.

Стоит отметить, что он брал знания не только по религиозным, но и по естественным наукам. Отдельное внимание в своём обучении имам Раббани уделял изучению тафсира, хадисов и фикха. Уже в семнадцатилетнем возрасте он начинает преподавать, а через 3 года из-под его пера вышел труд «Исбату-н-Нубувва», посвящённый опровержению беспечных учёных, которые питали восторженные чувства к философам и желали видеть их чуть ли не выше пророков.

Особое место в религиозном интеллектуальном наследии имама Раббани занимает его отношение к тасаввуфу. Этот вопрос он освещал и в своей книге «Мактубат», о которой Камиль хазрат рассказал собравшимся на лекцию более подробно.

«Мактубат» представляет собой сборник писем, написанных на фарси. Переписку имама Раббани со своими мюридами, с государственными деятелями собирали три его

ученика. Именно поэтому труд выпущен в трёх томах. Учёный Мухаммад Мурад Рамзи перевёл книгу на арабский язык. Не единожды «Мактубат» был переиздан в Турции, Бейруте, Каире. В 40-ом письме, адресованном муфтию Кабула, Раббани поднимает вопрос тасаввуфа, рассуждает, что есть ихлас, говорит о том, что тарикат есть слуга шариата.

Целью тариката является приобретение искренности, уничтожение внутренних и внешних божков. Сам шариат включает в себя знания, действия и искренность. Быть искренним – это фарз. Из объяснений имама Раббани мы понимаем, что тарикат – это не набор зикров, а следование Сунне, Шариату. Это путь развития между тобой и Господом. К сожалению, на сегодняшний день книга «Мактубат» не издана на русском языке и не доступна широкому кругу читателей, поскольку не всё можно понять без дополнительного объяснения.

В своём сборнике писем имам Раббани также говорит и о 12 путях образования цепочек в тарикате. К тому же учёный запрещал произносить ният (намерение) языков, ведь его место – в сердце. Во всех произведениях имам Раббани обращался к Благородному Корану и Сунне Пророка (мир ему и благословение Всевышнего). Он неустанно повторял, что для спасения необходимо повернуться сердцем к Корану и следовать пророческому пути. Большую опасность для суфиев представлял отход от границ, указанных Всевышним и Его Пророком.

Имам Раббани обучал акыде, тафсиру, усулю и фикху, преподавая такие книги, как «Шарх аль-Мавакиф», «Усуль» аль-Баздави, «Аль-

Хидая”, “Тафсир” аль-Баздави, и другие.

После того как имам ар-Раббани стал наставлять людей и призывать их к покаянию и пути приближения к Аллаху, невероятное количество людей изменило свой образ жизни через благодать близости с этим человеком: в Индии, Хорасане, на землях татар и турок, по Аравийскому полуострову, в землях Ирака, в Шам, Стамбуле и ближайших к ним землях и в других местах распространился тарикат этого человека, а имя этого имама чтут и проносят для снискания его благодати. И его тарикат дошел даже до земель Магриба — в частности, до города Фес.

Один из великих ученых Магриба — шейх Абдуллах ибн Мухаммад аль-Аяши в своей книге путешествий описывает, как в Мекке он обучился вирдам накшубандийского тариката у шейха Исы ас-Салиби, который был учеником сына имама ар-Раббани Мухаммада Масума.

И этот шейх аль-Аяши также получит вирды накшубандийского тариката от прямого ученика имама ар-Раббани — Джамалюддина аль-Хинди.

И другой великий ученый Феса и Магриба в целом, Мухаммад ибн Абдур-Рахман аль-Фаси, который был учеником аль-Аяши, передает этот тарикат от своего учителя аль-Аяши.

Благодать этого великого имама дошла и до ученых Мекки через его ученика Таджуддина аль-Хинди, который был сначала мюридом шейха аль-Баки ан-Накшбанди, а затем самого имама ар-Раббани. И знания от Таджуддина аль-Хинди получали

такие ученые, как Ибн Аллян, известный мухаддис Мекки.

Поэтому баракат этого великого имама охватил и Восток, и Запад, пусть и не сильно распространился на землях Магриба.

Хотя имам ар-Раббани и был шейхом кадарийского и чиштийского тарикатов, обучал он только накшубандийскому тарикату, считая, что этот тарикат ближе всего к Сунне и из-за того что в нем нет новшеств, таких как громкий зикр.

Безусловно, главная книга, по которой известен этот имам, — это “Аль-Мактубат”, сборник его писем в трех частях на фарси, который впоследствии был переведен на арабский Мухаммадом Мурадом аль-Казани.

В этой книге излагаются взгляды имама ар-Раббани на акыду, фикх и тасаввуф, и эти взгляды можно описать как следование Абу Мансуру аль-Матуриди в вероубеждении, в фикхе — Абу Ханифе, а в духовном развитии он следовал пути Шаха Накшубанда. Его путь — безукоризненное соблюдение Сунны и отстранение ото всех видов новшеств в поклонении, даже если некоторые поздние ученые сочли их хорошими.

Но, безусловно, главная тема всех трех томов — это объяснение, в чем разница между понятиями «вахдат аль-вуджуд» и «вахдат аш-шухуд», то есть разница между единством бытия и единством восприятия.

Имам ар-Раббани застал современных ему суфиев, когда те придерживались идеи, что материальный мир иллюзорен и в реальности не существует: единственно существующий — Аллах, а существова-

ние человека — это вид сна, от которого помогает проснуться следование суфийскому пути.

Имам указывает, что эта идея не соответствует призыву Пророка (да благословит его Аллах и да приветствует), и так не считали имамы Ахлю-с-Сунна, такие как имам аль-Матуриди, которые верили в реальность материального мира и верили, что бытийность есть не только у Аллаха, но и у материального мира, а отличие бытия Аллаха от бытия творений — в том, что Аллах обязательно существующий и существование Аллаха не нуждается ни в ком и ни в чем, а существование творений допустимо и творения не могут существовать без Воли Аллаха и Его действий.

Ложной концепции поздних суфиев имам ар-Раббани противопоставил концепцию единства восприятия, то есть духовное развитие приводит к тому, что человек во всем и везде видит Волю Аллаха и Его действия и перестает обращать внимания на творения, не отрицая при этом их существования.

Рвение имама в распространении истины и благодать оживления Сунны еще при жизни его сделали почитаемым человеком: у него учились, и к нему прислушивались, и через него стяжали благодать.

И поэтому его называют обновителем второго тысячелетия: он очистил религиозную практику от разных наслоений, которые не были известны среди сахабов и табиитов.

2. Имам Раббани в эпоху джадидизма, переводы мактубат, использование взгляда Имама в трудах татарских имамов.

Важно, что все классическое татарское богословие строилось на

ханафито-матуридитском наследии. Известный татарский мусульманский ученый Мухаммад Мурад Рамзи аль-Казани (переводчики великого произведения имама Раббани — «Мактубат Шариф») писал в 1908 году, что «татарские имамы всегда были суннитами, матуридитами в убеждениях и ханафитами в действиях и среди них не было тех, кто распространял нововведения». Это очень важно, поскольку речь идет об основах нашего народа, нашей культуры и образования. Именно в ханафито-матуридитском наследии татарского богословия находятся истоки толерантности, веротерпимости и просвещения татарской нации.

Эпоха джадидизма связана с периодом общественной самоорганизации татармусульман последней четверти XIX — первой четверти XX в. Для некоторых исследователей мусульманской религиозной мысли занятие Ш. Марджани теологией в 1850–1880 г. является поздним, а значит, и более важным. На наш взгляд, для татар правильное и нужное религиозное мировоззрение являлось основой общинного мировоззрения, а также руководством в повседневной жизни и индикатором верности обычаям.

Шигабутдин Марджани, на наш взгляд, может считаться классиком татарского богословия. Он, без сомнения, является идейным вдохновителем джадидов, хотя при нем этого направления ещё не существовало. Известно лишь, что он выступал за приспособление мусульман к функционирующей социальной действительности, что вызывало недовольство большинства приходских имамов Казани и окрестностей.

Продолжая традицию имама Раббани и его учеников, так же, как ещё один последователь «обновителя второго тысячелетия» Г. Курсави, он стремился в своей философии к максимальному отделению Создателя от творений и сохранению единобожия (таухида). Марджани призывал верить неопровержимым фактам (в первую очередь, это касалось только пророчеств), и данным органов чувств.

Видными религиозными деятелями были последователи учеников Марджани. У его сына (ученика и наследника) Багаутдина обучался известный религиозный деятель советского времени Кашшаф Тарджемани, написавший большую и содержательную статью об акыде «великого предшественника». Он определяет основные цели и мотивацию модернизации, подчёркивая ее психологическую основу. «Второй Марджани» из него не получился, но, долгое время работая казыем и являясь больше практиком и чиновником, чем богословом, он сумел сохранить либеральность и демократизм своего духовного предшественника. В исламских журналах «ад-Дин ва-ладаб» и «Ислам» публиковались его статьи, объединявшие философию, психологию и педагогику.

Идейными продолжателями Ш. Марджани в сфере богословия в России можно назвать Ш. Шарафа и Мухаммада-Наджиба Тунтяри. Они также считали, что необходимо руководствоваться Кораном, Сунной и трудами учёных первых веков (сальфов), иногда критиковали радикальных богословов-новаторов, таких, как М. Бигиев, однако не создали своих концепций и твердо придерживались рационализма.

3. Мурад Рамзи (татарский ученый, переводчик) как наследник идеи Имама Раббани.

Мурад Рамзи - известный татарский ученый, историк, теолог и общественный деятель. Родился 25 декабря 1855 г. (по другим источникам - 10 октября 1854 г.) в деревне Альметьево Мензелинского уезда Уфимской губернии.

Несмотря на значительное количество публикаций, появившихся в последние два-три десятилетия, некоторые аспекты его биографии остаются слабоизученными. Это же можно сказать о его интеллектуальном наследии, которое в целом еще недостаточно включено в контекст эволюции тюрко-татарской богословской и исторической мысли первой трети XX столетия.

М. Рамзи сделал детальный перевод с персидского на арабский язык произведения «ал-Мактубат аш-шарифа ал-маусум би-д-дурар ал-макнунат» («Благородные послания, отмеченные жемчужинами сокровенных тайн») авторитетного суфийского наставника Имама Раббани (Ахмада Сирхинди). В начале этого перевода Мурад Рамзи написал «дибажа» – предисловие, украшенное литературными изысками. Это яркое подтверждение, что М. Рамзи был прекрасно осведомлен об основном дискурсе суфийской религиозной литературной мысли и арабской литературы.

Заключение

Повышение интереса к Исламу, особенно в последнее десятилетие, многие исследователи объясняют уровнем проникновения в общество массовой информации. Наравне с повышением интереса к религии,

средства доставки информации способны создавать условия для искажения информации и появлению случаев ее замены формами социального мифотворчества. Искаженная, а часто недостоверная информация способна привести к негативному отношению не только к самим последователям исламской религии, но и, собственно, к Исламу. Важность понимания духовных истоков последователей Ислама в современных условиях, обуславливает значимость подобных исследований.

Татарский народ имеет богатое богословское наследие, но исследовано оно крайне мало. Это наследие растворяется и исчезает в общем потоке истории общетюркской богословской мысли и арабо-мусульманской науки. Средневековье и Новое время дало многих талантливых мыслителей, которые были широко известны во всем тюркском мире и мусульманском Востоке. К сожалению, чрезвычайно интересные и ценнейшие богословские идеи оказались отчасти утраченными самим народом, отчасти пропали в результате различных исторических событий.

Во многих исследованиях определено историческое значение Имама Раббани в становлении исторических основ мусульманской религиозно-философской парадигмы и культуры. В заключении данной статьи хочется отметить, что отечественные последователи этого древнего духовного феномена, каким, безусловно является «Накшбандийский тарикат», бережно оберегают религиозные традиции своих шейхов и их последователей. Редкие письменные артефакты старинной вайнахской летописи, найденные на территории Дагестана

и Чечни, до сих пор являются недостаточно исследованными, что оставляет широкий простор для научных изысканий в различных областях современной науки.

Литература

1. Али-заде А. А. Тарикат // Исламский энциклопедический словарь.— М.: Ансар, 2007.— 400 с.—
2. Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (X1-ХП), М., 2003.
3. Бертельс Е. Э. Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев.— М.: Главная редакция восточной литературы, 1965.
4. Газали Абу Хамид, Воскрешение наук о вере. Избранные главы. М., 1980
5. Ибн Араби. Геммы мудрости. Пер. А. В. Смирнова // Смирнов А. В. Великий шейх суфизма. Опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби.— М., 1993
6. Ибн Рушд. Рассуждения, выносящие решение относительно связи религии и философии // Сагадеев А. В. Ибн Рушд.— М., 1973.
7. Карл В. Эрнст. Суфизм. Пер. с англ. Горькавого А.— М., 2002.
8. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе.— М., 2002
9. Хисматулин А. А. Суфийская ритуальная практика (на примере братства накшбандийа) — СПб., 1996.

Maktubat Imam Rabbani and the Tatar ulama Sadikhonov M. T.

Academy of Sciences Republic of Tatarstan
The work is devoted to the study of the life of Imam Rabbani as the founder of the Tatar theology of the New Age. Many studies have determined the historical significance of Imam Rabbani in the formation of the historical foundations of the Muslim religious and philosophical paradigm and culture. This work

also explores the activities of Murad Ramzi as the heir to the ideas of Imam Rabbani.

Key words: Maktubat, Imam, dzhadidizm, tariqa, Sufism

References

1. Ali-zade A. A. *Tarikat // Islamic Encyclopedic Dictionary*.— M.: Ansar, 2007.— 400 pp.
2. Alikberov A K. *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbadi and his Sufi encyclopedia "Raikhan al-haka'ik" (X1-KP)*, M., 2003.
3. Bertels EE *Notes on the poetic terminology of Persian Sufis*. - M.: Main edition of oriental literature, 1965.
4. Ghazali Abu Hamid, *Resurrection of the sciences of faith. Selected Chapters*. M., 1980
5. Ibn Arabi. *Gems of wisdom*. Per. A V. Smirnov II Smirnov A V. *The Great Sheikh of Sufism. The experience of a paradigm analysis of the philosophy of Ibya Arabi*.— M, 1993
6. Ibn Rushd. *Reasoning decisions on the connection of religion and philosophy // Sagadeev A.V. Ibn Rushd.-M., 1973.*
7. Carl W. Ernst. *Sufism*. Per. from English Gorky A. - M., 2002.
8. Trimmingham J. S. *Sufi orders in Islam*. - M, 2002
9. Khismatulin A A. *Sufi ritual practice (on the example of the brotherhood of Naqshbandiyya)* - St. Petersburg, 1996.

Понятие о личности в философско-социальном наследии русского мыслителя П.Я. Чаадаева

Сизинцев Павел Васильевич
кандидат богословия, выпускник аспиран-
туры МПДА. sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу философско-ху-
дожественного наследия русского мыслителя
П.Я. Чаадаева с философско-антрополо-
гическим осмыслением всех элементов
его произведений (с учетом привлеченных
источников, рассматриваемых тенденций
мышления, оценки применяемых им крите-
риев, критического разбора его идей нрав-
ственности и личного права). Автором прове-
ден историко-критический обзор понятия
значимости личности в социально-философ-
ских представлениях П.Я. Чаадаева.

Ключевые слова: Личность, общество, эконо-
мика, нравственность, крестьяне, фило-
софско-критический подход, собственность,
бытие, право, человек, достоинство.

К числу публицистов, оказавших
важнейшее влияние на русскую
мысль конца XVIII – начала XIX сто-
летия следует отнести российского
философа П.Я. Чаадаева.

Он считал себя христианским
мыслителем, противопоставляя
философию, исследующую чело-
века и окружающий его мир право-
славному богословию. Само проти-
воположение веры и разума во
внутренней жизни человека он счи-
тал ошибочным, считая необходи-
мым «преодоление этого рас-
кола»¹. Мыслитель первый из рос-
сийских философов приступил к си-
стематической разработке темы
русского мировоззрения, внося свой
посильный вклад в идеи о человеке,
его антропологии, душе и личност-
ных качествах. Также критично он
относился к стремлению естествен-
ных наук вставить человека в при-
родную среду. Ибо предметом фи-
лософских исследований видел ду-
ховную сферу человека и не считал
нужным заниматься «философией
животного»², телесного естества.

Жизненное мироощущение его
наполняла тоска, идущая от роман-
тизма Новалиса (1772-1801), сенти-
ментализма Шелли (1792-1822) и
личных терзаний Байрона (1788-
1824), но сам дух его личностных
переживаний являл собой скорее

¹ Чаадаев П.Я., Полное собрание сочинений и
избранных писем: в 2 т. / Т.2. – М.: Издатель-
ство Наука, 1991. о– С. 136–137.

² Чаадаев П.Я., Собрание сочинений и писем:
в 2 т. // Т. 1. – М.: Путь, 1913. – С. 160.

рефлексию гегелевского «несчастливого сознания», возвращенную на логику Жозефа де Местра (1753-1821).

П.Я. Чаадаев искал высшую истину личностного бытия, всячески стремясь преодолеть личную ограниченность сознания и сиюминутного существования человека. Он «состоялся до славянофилов, и его философия истории есть первая попытка историософской системы»¹. Эта ситуация породила определенную анти-персоналистичность его мысли и яростное желание преодоления своей природной самости ради истинного философского познания бытия. При этом мыслитель по сути отождествлял себя самого как человека и понятие своего личного «Я». Но с его точки зрения именно самосознание собственного «Я» и мешало ему в познании высшей истины. Оно как бы заслоняло истину от чаадаевского взора. Возможно подобное восприятие идей «через самого себя» объясняется тем, что его тезисы были сформированы на европейском фундаменте философии и теологии. Бурное развитие на Западе персоналистической и религиозной философии, разнообразных течений христианского персонализма очевидно свидетельствовало о давно назревшей в человеческом социуме необходимости осмысления личностного бытия. Ранее, в Новое время, религиозная философия Запады через индивидуалистические взгляды о человеке считала основой личности субъективность самого человека, его отделенность и уникальность.

Главнейшими для построения личности считались прямые отношения человека с Богом, в то время как непосредственные социальные отношения людей между собой имели вторичный, менее важный характер. Поворот к живому, а не абстрактно-схоластическому человеку, позволил увидеть ценнейшее значение межличностного общения.

Немалую роль в этом повороте мысли именно в России сыграла направленность философских идей П.Я Чаадаева.

Он ценил коллективную мысль, считая, что именно в ней содержится истина, поэтому онтологическое призвание человека – «уничтожение личного бытия и замена его бытием социальным или безличным»². В тоже время, человеку свойственна свобода воли и практических действий, творческое осмысление происходящих к нему идей, внутренних интуиций, различных фантазий в виде образов или символов окружающей его действительности.

Проявление человеческого самосознания при этом состоит из внутреннего взаимодействия личной свободы и сил природы, задающего мотив преобразования бытия. При этом, собственно религиозное сознание человека, формируется в процессе его воспитания верой, совестью – голосом Бога в человеке, и высшими нравственными ценностями, т.е. теми личными качествами, которые и обуславливают потребность человека в религии.

Таким образом, еще одним личным качеством, помимо свободы, подмеченным философом является

¹ Кантор В.К., Русская классика или Бытие России. – М.: РОССПЕН, 2005. – С. 189.

² Чаадаев П.Я., Полное собрание сочинений и избранных писем: в 2 т. / Т.1. – М.: Издательство Наука, 1991. – С. 467, 461.

сознание человека. Следует отметить, что любой человек постоянно всем своим составом - телом, душой и духом погружен в многочисленные переживания, связанные с его жизнью в природе, обществе и духовно-культурной среде. Сферу духовности мыслитель характеризовал «врожденными идеями», которые являются декартовской основой суждений человека о мире.

Осознание этих естественных переживаний по интуиции П.Я. Чаадаева проникнуто своей обособляющей идеей, личным началом, разобщающим его от всего окружающего. Данная мысль философа очевидно парадоксальна. С одной стороны, он гениально прозревает своей интуицией наличие у человека личностного начала, как основы всех его личностных свойств, и, действительно, разделяющего самосознающую себя и само - определяемую в себе и в мире личность человека от других людей, вещей и в принципе от внешнего бытия. А с другой стороны, тут же, как будто испугавшись собственной мысли, без аргументированно приписывает личности человека некий затуманивающий эффект в его восприятии вещей. Жизнь человека, как духовного автономного существа, сотворенного по образу Божию, П.Я. Чаадаев полностью отвергает, заявляя, что «наше «Я» мы сами вложили себе в душу», тем самым отвергая объективную реальность наличия личности в человеке. Ибо, человек должен стать частью выдуманного им единого всеобщего мирового сознания. Ибо личностное начало, якобы искажает взгляд на мир, а

всеобщее сознание вводит личное сознание человека в некую безличную, но единую истину.

Отсюда становится понятным пессимистический исток его рассуждений. Он как будто специально «накачивает» себя мрачным унынием и огульной критикой всех и вся вокруг себя, доводя свои сентенции до абсурда: «нет даже и домашнего очага, ничего... что пробуждало бы ваши симпатии... любовь, ничего устойчивого». Прочитав такой вывод о жизни в России, невольно создается впечатление о том, что автор отрицает, не воспринимает то, что он видит в реальной жизни. Ибо философ утверждает об отсутствии у современников каких-либо чувств симпатий, любви, добрых навыков и твердых правил. «В домах наших мы как будто в лагере», поэтому не стоит воображать чисто духовными существами, а следует просто научиться благопристойно «устраиваться в нашей действительности»¹. В ответ на эти обвинения жизни и сограждан от П.Я. Чаадаева должно сказать следующее.

Строго говоря, люди в принципе не способны в силу наличия у них тела, а не только души и духа, жить «жизнью чисто духовных существ», это просто очевидность бытия. Но мысль философа в том, что, если, с другой стороны, человек поврежден грехом, который оторвал его от «всемирного сознания», то человеку просто кажется, что он обособлен, имея личностное бытие. Это уникальное бытие следует отсечь, как иллюзию по Чаадаеву, вместе со всеми личными свойствами, присущими человеку. Надо отречься от

¹ Чаадаев П.Я., Сочинения. – М.: Современник, 1989. – С. 18.

себя самого, своих талантов и способностей, творчества и свободы, веры и самосознания, дабы слепо влиться в «мировое целое». Само примечательное, что все эти описанные идеи не есть бредовая мистичность, объявленного сумасшедшим человека, но оригинальная метафизика синтеза учения Шеллинга о мировой душе и общественной метафизики Балланша. Главное же в учении философа о человеке- принижение его личностного начала и требование максимального подавления его для последующего соединения с бытием «всеединого человечества». Личностность человека препятствовала его надуманному «всеединству с вселенной и человечеством».

Личностность при этом, можно рассматривать и как комплекс свойств, составляющих костяк личности человека, отражая при этом и то, чем человек уже стал, но также и, задавая горизонт той самобытности, которую он еще не достиг, но способен осуществить. Тем более, что, хотя вопрос о сущности человеческой личности может показаться лишь теоретическим, философско-антропологическим и отвлечённым от повседневных нужд сегодняшней жизни, реальность бытия подтверждает совсем другое. Любые политические и экономические вопросы, в итоге, сходятся, в едином средоточии мыслей талантливых людей-личностей, из которого формируются затем важнейшие для будущего человечества мировоззренческие системы. Они отвечают на вопрос кто есть человек, в чем поня-

тие и где ценность его личности, каковы особенности её развития и какими должны быть принципы отношения в обществе к являющемуся личностью человеку. В некоторой степени это осознал и П.Я. Чаадаев, указывая, что европейские народы «имеют общее лицо, семейное сходство... существует связывающая их в одно целое черта. Дело... идет... о соприкосновении сознаний, охватывающих ребенка..., окружающих его среди игр..., которые в форме различных чувств проникают в мозг его вместе с воздухом, и которые образуют его нравственную природу»¹. Очевидно, что философ кардинальную роль в воспитании личности ребенка отводил состояниям его сознания и его самосознанию.

Для П.Я. Чаадаева важнейшей искомой частью изначального сознания ребенка «ранее его выхода в свет и появления в обществе» составляли «идеи долга, справедливости, права, порядка». И далее философ в эмоциональном запале заявлял, что это «нечто большее, чем психология, это физиология европейца». Безусловно, никакого отношения к строению тела или физиологическим органам человека идеи долга или порядка не имеют. Скорее возможно вести речь о необходимости наполнения подобными идеями самосознания человека, воспитания на их основе в детях чувств добра или справедливости. Подобная эмоциональность на грани предлагаемого философом абсурда выводов не случайна, она истекает из его характера.

¹ Чаадаев П.Я., Сочинения. – М.: Современник, 1989. – С. 22.

В данном контексте следует отметить, что личные качества философа, как человека своего времени, были тонко подмечены его философско-литературными современниками, которые находили в его поведении непомерную гордыню. Именно из нее русский философ и публицист В.В. Розанов выводил все более чем критическое мировоззрение и пессимистическую философию П.Я. Чаадаева. «Вот — я первый у Русских получил лицо: доселе были морды, по которым били (разумелось — «правительство»). Но я получил лицо, которого никто не посмеет ударить. И оно говорит только папе, и только о предметах всемирной значительности»¹. Влюбленный в свою внешность он презирал окружающих, а понимание человека и его личности в рамках его мировоззренческой системы подразумевало, чтобы человеком руководило в его внутренней жизни не «бестолковое подражание», но «ощущение непрерывной длительности» опыта и привычки бытия. Именно это внутреннее ощущение самосознания в человеке и заставляло его жить по требованиям чести, достигая успехов в «какой-либо совокупности идей и интересов»². В отсутствие такого ощущения, - писал философ, - удел человека — «бессмысленность жизни без опыта и предвидения» и как следствие — «неустойчивое положение» русского человека, заблудившегося в

мире: «В наших головах все обособленно, шатко и неполно», много мистических переживаний, которые есть «грубое суеверие»³.

П.Я. Чаадаева пугает восприятие осознающим себя человеком другой, иррациональной реальности, его над-природное переживание бытия. Ему претит в целом метафизичность личностного начала в человеке, поэтому по его мысли разум нуждается в откровении от Бога, которое сообщит «разуму свойственное ему движение»⁴. Он не смог закрепить в себе осмысление того духа метафизики, который описывали лекции по истории философии Г.Ф. Гегеля. В них дух выходит за пределы своего природного образа «перемещаясь от реальной нравственности и силы жизни к рефлексированию и пониманию»⁵. При этом, в случае, если прежняя форма религии уже больше не удовлетворяет людей, то их нравственная жизнь разлагается, а само общество стремится навстречу гибели. До такого итога императорской России времен П.Я. Чаадаева было очень далеко.

Предел человеческой ограниченности он видел в собственном человеческом «Я», отрицательно оценивая личностную структуру человека. Ограниченность своей умственной природы и слабость религиозной православной веры он принимал за свойство своей личности. Любовь нарцисса к себе превратил

¹ Розанов В.В., Чаадаев и кн. Одоевский. // Новое время. 10 апреля, 1913. — Новый мир. 1991, № 3. — С. 239.

² Никольский С.А., Филимонов В.П., Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII — середины XIX столетия. — М.: Прогресс-традиция, 2008. — С. 56.

³ Чаадаев П.Я., Сочинения. — М.: Современник, 1989. — С. 23.

⁴ Чаадаев П.Я., Полное собрание сочинений и избранных писем: в 2 т. / Т.1. — М.: Наука, 1991. — С. 389.

⁵ Гегель Г.В.Ф., Лекции по истории философии: в 2 Кн. // Кн. 1. СПб: Наука, 1993. — С. 109.

лась в ненависть к собственной личности и всему личному бытию людей. По П.Я. Чаадаеву, личностное индивидуальное сознание через социализацию, как личное Божественное откровение получает возможность не только познания, но и общения, то есть, еще одной личностной характеристики. Люди для философа образуют пространство мирового сознания. При этом европейские знания, ценности, убеждения и навыки распространяются как бытовой традицией, так и религиозной и социальной символикой. Таким образом, П.Я. Чаадаев не отказывал в личностных свойствах европейскому менталитету, но фактор соборности имел большое значение именно в русской социальной традиции, о чем тоже упоминал философ, и на идеи которого в свое время опирались славянофилы.

Христианство победит в мире потому, что является религией, во главе которой стоит личность Бога, и придает нравственный смысл бытию. Интуициями П.Я. Чаадаева впервые в русской мысли соединены вопросы сознания и смысла истории в проблему человеческого бытия. Истоком бытия был Бог. Его эманацией было всеобщее сознание, которое состояло из сознаний индивидуальных. Последний уровень составляла природа как предмет человеческой деятельности.

Литература

1. *Чаадаев П.Я.*, Полное собрание сочинений и избранных писем: в 2 т. / Т.1. – М.: Наука, 1991. – 800 с.

2. *Чаадаев П.Я.*, Полное собрание сочинений и избранных писем: в 2 т. / Т.2. – М.: Наука, 1991. – 672 с.

3. *Чаадаев П.Я.*, Собрание сочинений и писем: в 2 т. // Т. 1. – М.: Путь, 1913. – 342 с.

4. *Чаадаев П.Я.*, *Сочинения.* – М.: Современник, 1989. – 623 с.

5. *Гегель Г.В.Ф.*, Лекции по истории философии: в 2 Кн. // Кн. 1. СПб: Наука, 1993. – 352 с.

6. *Кантор В.К.*, Русская классика или Бытие России. – М.: РОССПЕН, 2005. – 768 с.

7. *Кузнецов П.В.*, Изба и камень. Философская проза. – СПб: Алетейя, 2014. – 360 с.

8. *Мандельштам О.Э.*, Сочинения: в 2 т. // Т. 2. – М.: Художественная литература, 1990. – 464 с.

9. *Розанов В.В.*, Чаадаев и кн. Одоевский. // Новое время. 10 апреля, 1913. – Новый мир. 1991, № 3. – С. 238 – 243.

10. *Тарасов Б.А.*, *Чаадаев.* – М.: Молодая гвардия, 1986. – 448 с.

11. *Никольский С.А.*, *Филимонов В.П.*, Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. – М.: Прогресс-традиция, 2008. – 415 с.

Title of the article: The concept of personality in the philosophical and social heritage of the Russian thinker P. Y. Chaadaev (1794-1856)

Sizintsev P.V.

MPAA

The article is devoted to analysis of philosophical and artistic heritage of the Russian philosopher P.Y. Chaadaev philosophical-anthropological comprehension of all the elements of his works (including the involved sources, the reporting trends of thinking, the evaluation used the criteria of critical analysis of his ideas of morality and personal rights). The author conducted a historical and critical review of the concept of the importance of personality in the socio-philosophical views of P.Y. Chaadaev.

Keywords: Personality, society, economy, morality, peasants, philosophical and critical approach, property, being, right, man, dignity.

References

1. Chaadaev P.Ya., Complete Works and Selected Letters: in 2 vol. / T.1. - M.: Nauka, 1991.-- 800 p.
2. Chaadaev P.Ya., Complete Works and Selected Letters: in 2 vol. / Vol. 2. - M.: Nauka, 1991.-- 672 p.
3. Chaadaev P.Ya., Collected Works and Letters: in 2 vols. // T. 1. - M.: Put, 1913. - 342 p.
4. Chaadaev P.Ya., Works. - M.: Sovremennik, 1989.-- 623 p.
5. Hegel GVF, Lectures on the history of philosophy: in 2 Kn. // Book. 1. St. Petersburg: Nauka, 1993. - 352 p.
6. Kantor VK, Russian classics or Genesis of Russia. - M.: ROSSPEN, 2005.-- 768 p.
7. Kuznetsov P.V., Log hut and stone. Philosophical prose. - St. Petersburg: Aletheya, 2014.-- 360 p.
8. Mandelshtam O.E., Compositions: in 2 vols. // T. 2. - M.: Fiction, 1990. - 464 p.
9. Rozanov VV, Chaadaev and Prince. Odoevsky. // New time. April 10, 1913. - The New World. 1991, No. 3. - S. 238 - 243.
10. Tarasov B.A., Chaadaev. - M.: Young Guard, 1986.-- 448 p.
11. Nikolsky S. A., Filimonov V. P., Russian worldview. The meanings and values of Russian life in Russian literature and philosophy of the XVIII - mid-XIX century. - M.: Progress-tradition, 2008.-- 415 p.

Роль пралогического мышления в современных представлениях о нетрадиционных методах лечения

Ардашев Роман Георгиевич

кандидат юридических наук, преподаватель
Института социальных наук Иркутского государственного университета,
ardashev.roman@mail.ru

В статье рассматривается роль пралогического мышления в современных коллективных представлениях. Анализируются идеи Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля о коллективных представлениях и особенностях мышления. Рассматриваются результаты собственного исследования современных форм иррационального мышления на примере представлений о нетрадиционных методах лечения.

Ключевые слова: пралогическое мышление, коллективные представления, иррациональное сознание, нетрадиционные методы лечения, Дюркгейм, Леви-Брюль

Коллективные представления – это совокупность символов и идей, традиций и привычек, обычаев и взглядов населения о каком-либо событии, явлении или процессе. Это определение дал коллективным представлениям Э. Дюркгейм [5]. Он полагал, что зачастую они строятся на социокультурных и социально-исторических особенностях формирования определенных социальных стратегий.

Коллективные представления строятся на социальном опыте и если мы говорим о том, что касается методов лечения, нетрадиционных методов лечения, стало быть в общественном сознании имеются представления о традиции (традиционном, классическом, общепринятом) методе (или методах) лечения и о не традиционных методах лечения. Эти представления включаются в более общую систему представлений о здоровье и болезни. А также инструментах и способах излечения.

Нетрадиционные методы лечения опираются не на официальную статистику, научные подходы, а на личный опыт, наложенный на традиции и обычаи разных народов, используемый в определенных условиях и формах. Данные явления не могут быть одномоментными, они формируются постепенно, подкрепляясь социальными практиками и

ритуалами. Они находят подтверждение в повседневной реальности, поэтому жизнеспособны.

Один из последователей Дюркгейма, Л. Леви-Брюль [2], проводя антропологические исследования, выявил особенности первобытного мышления, черты которого мы находим и сегодня в традиционных практиках и методах лечения. Они опираются на коллективный опыт народа, а не на личный опыт «врачевателя», хотя личная практика также может оказывать влияние на рекомендации и особенности применения тех или иных методов нетрадиционного лечения.

На наш взгляд, основы современного иррационального мышления лежат в сохранившихся условиях и формах паралогического мышления, нечувствительного к противоречиям, мистическое по содержанию, пралогическое. Оно не строится на логических основаниях, а подчиненно закону партиципации (сопричастия), наделяющему предметы и явления свойствами «единосущности» (объединение предметов не по существенным свойствам, а по приписываемым им мистическим качествам). Предмет, явление или событие может быть самим собой и одновременно чем-то иным, может находиться одновременно в нескольких местах, созависимые связи могут актуализироваться самым необычным и нетипичным способом. Поэтому, вполне могут существовать и быть достаточно эффективными нетрадиционные методы лечения. Так как реально все то, во что мы верим. Частично данные аспекты были отражены в исследованиях О. А. Полюшкевич [4,5], О. А. Кармадоновым [3].

Леви-Брюлем выделены особенности пралогического мышления, которые на наш взгляд, сегодня приобретают больший вес, так как позволяют людям найти дополнительные ресурсы, формы и схемы для выживания и адаптации, поверить в силу нетрадиционной медицины и нетрадиционных методов лечения.

1. Пралогическое мышление отделено от эмоций.

2. Его цель не в объяснении действительности, а в формировании связей отдельных частей.

3. Данное мышление резко возбуждает нервную систему, создавая условия для возникновения эмоций страха, ужаса, желания, надежды, веры и проч.

Результатом этого мышления становится не понять или объяснить действительность, а испытать определенные эмоциональные состояния, так как в мире действуют бесконечные всеисильные силы, готовые включиться во взаимодействие и изменить ход событий, явлений или процессов. Мир вокруг воспринимается синкретически (нерасчлененно) – мир сна и бодрствования, действия законов логики и хаоса и т.д.

Данные рассуждения заставили нас провести собственное исследование на тему «Формы иррациональности общественного сознания», которое проходило в 2019 году, в нем приняли участие 2200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, разных социально-демографических стратификационных групп, проживающие на территории Сибири и Дальнего востока.

Из всех опрошенных, 66,4% полагают, что нетрадиционные методы лечения более эффективны,

чем традиционные. Среди мужчин этот показатель меньше, чем среди женщин в два раза (женщины – 82,4%, мужчины – 39,6%). Соответственно, приоритет традиционной (классической) медицине отдают – 33,6%; по гендерному признаку: женщин – 17,6%; мужчин – 66,4%.

Следовательно, женщины больше и чаще опираются на нетрадиционные методы лечения, чем мужчины. Но интересны и мотивы обращения к нетрадиционным методам, они также отличаются у мужчин и женщин.

Для мужчин срабатывает либо интерес личного развития (саморазвитие) – 34,6%, либо безысходность (когда классическая медицина не может помочь) как объективное условие, возникающее после длительного лечения в разных больницах и различных специалистов – 28,1%. Для женщин доминирующим мотивом выступает: соблюдение традиций рода или народа (культуры) в сфере врачевания – 27,9%, безысходность – 25,3% и неверие в традиционную медицину, принципиальное не посещение классических врачей (субъективный фактор) – 21,7%.

Иными словами, мужчины опираются на нетрадиционные методы лечения либо через желание расширить кругозор, мировоззрение, личный опыт, либо через понимание неэффективности подхода традиционной медицины и обращение к нетрадиционной является последней надеждой. Для женщин – обращение к нетрадиционной медицине имеют другую мотивационную палитру. При том, что на третьем месте также как и у мужчин стоит безысходность (объективный фак-

тор), на втором месте неверие врачам и в врачей (субъективный фактор) и на первом опора на знания предков, опыт культуры, основанный на личных переживаниях или при обучении в не медицинских учреждениях, а у мастеров или практиков, духовных учителей или по книгам.

Таблица 1
Мотивы обращения к нетрадиционным методам лечения (в %)

Мотив	Мужчин	Женщины
Саморазвитие (интерес личного развития)	34,6	12,2
Безысходность (классическая медицина не может помочь) – объективное условие	28,1	21,7
Соблюдение традиций рода или народа (культуры) в сфере врачевания	12,7	27,9
Неверие в традиционную медицину, принципиальное не посещение классических врачей (субъективный фактор)	11,7	25,3
Желание получить мгновенный результат, без усилий	9,7	9,2
Другое	3,2	3,7

На основе этого можно утверждать, что среди женщин больше развито иррациональное сознание, опирающееся не на объективную реальность, а на личный субъективный опыт, где не всегда работают принципы причинно-следственной связи, но всегда есть связующие элементы хаоса (хаоса сознания в том числе).

Интересным моментом выступает тот факт, что нетрадиционными методами лечения удовлетворены 65,5% респондентов (не удо-

влетворены – 34,5%), среди женщин процент удовлетворенных 85,3%, среди мужчин 72,2% (процент не удовлетворенных среди женщин – 14,7%, среди мужчин – 27,8%).

Таблица 2
Уровень удовлетворенности и не удовлетворенности нетрадиционными методами лечения (в %)

Уровень удовлетворенности	Мужчин	Женщины
Высоко удовлетворен	32,4	34,7
Достаточно удовлетворен	39,8	50,6
Не всем удовлетворен	18,3	13,5
Совсем не удовлетворен	9,5	1,2
Итого	100	100

Интересно, что могут их не одобрять, но при этом удовлетворены результатом лечения более половины опрошенных. Это выступает косвенным фактором того, что иррациональные формы сознания, выливающиеся в нерациональное поведение, прибегание к нетипичным способам лечения может быть оправдано для сознания одного человека или целых социальных групп.

Среди опрошенных, в их окружении более 80% используют те же нетрадиционные методы лечения. Иными словами, данные методы лечения распространены, одобряемы и поддерживаемы теми, кто находится рядом. И критичность и адекватность применения того или иного метода в конкретной ситуации не вызывает сомнений.

При анализе иррациональности общественного сознания на примере использования нетрадиционных методов лечения нами выявляется несколько групп факторов,

определяющих формы и векторы развития сознания, при описании 82,9% общей дисперсии.

Таблица 3
Факторный анализ иррациональности общественного сознания на примере использования нетрадиционных методов лечения

Фактор	Переменные	Коэффициент
Социокультурный Вес фактора – 16,2	Наши предки лечили другими методами и средствами это помогло им выжить	0,759
Объяснительная дисперсия – 29,6%	Помня свои корни – мы получаем силу рода для лечения своей души и тела и души и тела тех, кто рядом с нами	0,744
	Русская культура оздоравливает душу, сердце и тело	0,632
Социально-психологический Вес фактора – 13,8	На все воля Божья	0,714
	Помогая другим, лечим их недуги – мы помогаем сами себе	0,686
Объяснительная дисперсия – 22,7%	Наши мысли влияют на то, болеем мы или нет (психосоматика)	0,635
	Болезни происходят от злых духов или проклятий и порч людей	0,672
Социально-образовательный Вес фактора – 11,7	Здоровье можно украсть	0,666
	Объяснительная дисперсия – 19,4%	Без молитвы выздоровление невозможно
Идеолого-мировоззренческий Вес фактора – 8,5	Некоторые болезни приходят к нам по карме или из-за того, что родственники делали не благие дела	0,577
	Объяснительная дисперсия – 11,2%	Не всегда мы понимаем, зачем нам посылаются наши болезни и нетрадиционные методы лечения помогут бороться не с последствиями, а причинами
		Не все причины наших болезней понятны, не все последствия мы видим

Социокультурный фактор иррациональности общественного сознания с фокусом нетрадиционных методов лечения опирается на культурные традиции и нормы, заложенные предками, а в условиях социальных переломов – имеющие особое значение, так как позволяют найти опоры для объяснения разнообразных социальных и психологических состояний или явлений, найти «рабочие» модели лечения и здоровья.

Социально-психологический фактор иррациональности общественного сознания с фокусом нетрадиционных методов лечения актуализируется в стрессовых ситуациях или ситуациях сопровождающихся постоянной тревожностью и позволяющий увидеть невидимые связи между событиями, а если их нет, то придумать эти связи, причины болезней (и способы излечения от них не медикаментозно, а через молитву, веру в духов и подношение им даров, ритуалы и проч.). И получить поддержку извне (она может исходить как от других людей, так и духовных существей).

Социально-образовательный фактор с фокусом нетрадиционных методов лечения актуализируется тогда, когда не хватает объективных знаний и эти места заполняются суевериями, народными представлениями, зачастую выливается в работу с психосоматическими заболеваниями.

Идеолого-мировоззренческий фактор иррациональности общественного сознания с фокусом нетрадиционных методов лечения актуализируется тогда, когда появляются люди новой формации, воспринимающие себя и окружающий мир через призму их значимости.

Для современного российского общества это относительно новый взгляд на себя и людей вокруг. Зачастую он является переломным в процессе становления новых духовно-этических и моральных норм общества. Меняются представления нормы и патологии, болезни и здоровья.

Таким образом, обобщая результаты исследования, мы можем утверждать, что пралогические формы мышления актуализируются в современном обществе. Все больше населения предпочитает опираться на иррациональные стратегии, чем опираться на логические и рациональные модели поведения. Это может быть реакцией на внешние социально-экономические потрясения, которые изменяют социальную ткань общественного развития и меняют формы и роль личности в данном процессе развития.

Нетрадиционные методы лечения и существующие в общественном сознании коллективные представления о них – являются ярким примером иррациональности общественного мышления, которое, в свою очередь, возникает в ответ на общественную нестабильность и неуверенность в личном и социальном развитии, в отсутствии духовных ориентиров и логических связей социальной статики и динамики. Это малый субъективный показатель смещения общественного сознания от рациональности в сторону иррациональности, от логичности, в сторону пралогичности.

Литература

1. Кармадонов, О. А. Resisto ergo sum: основания и структура социальной оппозиции // Вопросы философии. 2016. – № 12. – С. 53-63.

2. *Леву-Брюль, Л.* Первобытное мышление / перевод Б. И. Шаревская. – М.: Академический проект, 2020. – 430 с.

3. *Полышкевич, О. А.* Коллективная память и социокультурная солидарность // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. – № 5 (60). – С. 4-9.

4. *Полышкевич, О. А.* Социокультурная преемственность и консолидация общества // Социология власти. 2011. – № 4. – С. 59-66.

5. *Durkheim, E.* Elementary forms of religious life. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 358 p.

References

1. Karmadonov, O. A. Resisto ergo sum: foundations and structure of social opposition // Problems of Philosophy. 2016. - No. 12. - S. 53-63.
2. Levy-Bruhl, L. Primitive thinking / translation B. I. Sharevskaya. - M.: Academic project, 2020. - 430 p.
3. Polyushkevich, O. A. Collective memory and sociocultural solidarity // Humanitarian and socio-economic sciences. 2011. - No. 5 (60). - S. 4-9.
4. Polyushkevich, O. A. Sociocultural continuity and consolidation of society // Sociology of power. 2011. - No. 4. - S. 59-66.
5. Durkheim, E. Elementary forms of religious life. - Oxford: Oxford univ. press, 2001. - 358 p.

The role of pralogical thinking in modern ideas about non-traditional methods of treatment

Ardashev R.G.

Irkutsk State University

The article discusses the role of pralogic thinking in modern collective representations. The ideas of E. Durkheim and L. Levy-Bruhl on collective ideas and characteristics of thinking are analyzed. The results of our own study of modern forms of irrational thinking are considered on the example of ideas about alternative treatment methods.

Key words: pralogic thinking, collective representations, irrational consciousness, non-traditional methods of treatment, Durkheim, Levy-Bruhl

Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи

Журавлева Ирина Александровна

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, zhuravleva_ia@list.ru

В статье анализируются результаты исследования посвященного образовательным и трудовым ориентациям российской молодежи. Рассматриваются новые формы и условия изменения отношений к получению образования, его качеству, скорости и возможности трудоустройства.

Ключевые слова: образование, образовательная стратегия, профессия, профессиональная стратегия, молодежь, традиционалисты, модернисты

Современный мир требует готовности поменять свои цели и задачи, быстро меняться и адаптироваться к новым течениям и требованиям времени. Особенно остро это касается образования и профессиональной реализации. Молодежь становится острием социальных трансформаций и её стратегии и возможности в адаптации к переменам формируют новый контекст социальных и естественных рамок общественного воспроизводства. В данной работе мы проанализируем образовательные и трудовые стратегии российской молодежи.

Модернизация системы образования, ее сильные и перспективные проекты, наряду с провалами и достаточно противоречивыми перспективами отражены в ряде публикаций И. А. Журавлевой [1,2], С. В. Малых [3,4,5], роль образования и ценности молодежи отражены в работах А. В. Колесникова, А. С. Степаненко и О. А. Полюшкевич [7,8].

Исследование проходило в 2018 году в котором приняли участие 1800 молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет, обучающихся в вузах г. Иркутска на разных специальностях.

В ходе исследования мы смогли всех респондентов разделить на «традиционалистов» и «модернистов». Традиционалисты – те, кто придерживается сложившихся траекторий и руководствуется общепринятыми ценностями. «Модернисты» – те, кто предпочитает разру-

шать устоявшиеся уклады и формирует новые рамки и стратегии социальной адаптации. Для них более характерна социальная ответственность, инициативность, независимость, стремление к профессиональному совершенствованию, открытость новому опыту, толерантность к окружающим и уважительное отношение к законам.

По результатам опроса, демонстрируют модернистские поведенческие намерения 34% респондентов и 38% – традиционалистские. У остальных наблюдается смешанный тип поведенческих паттернов (28%).

В ходе исследования мы интересовались наиболее важными событиями, произошедшими с ними за последние годы, а также просили оценить, улучшилась или ухудшилась их жизнь за это время, удалось ли им реализовать задуманное. Помимо этого, мы интересовались образовательными и профессиональными планами молодых людей.

Основные результаты исследования. Молодые люди «модернистского направления» все чаще рассматривают возможность нестандартных видов занятости (неполный рабочий день, неформальная занятость, фриланс, удаленная работа и т.д.). Это позволяет апробировать и воплотить в жизнь альтернативные модели успешности.

«Моя будущая работа будет точно не жестком графике с «9 до 17», она будет по свободному графику проходить и в то время, что мне более удобно» (С.Е., 18 лет). *«Меня привлекает неформальная занятость, фриланс – выполнил проект и уехал отдыхать в Таиланд»* (М.А., 19 лет).

Для «традиционалистов» все еще характерны более привычные и

типичные сферы деятельности: работа по найму, социальный пакет и т.д.

«Мне важен гарантированный социальный пакет, стабильность. Я бы хотела работать в государственных органах, пусть и с небольшой, но стабильной зарплатой» (Е.В., 20 лет). *«Я не хочу руководить, хочу быть хорошим специалистом, чтобы мне платили за это деньги на большом предприятии – это даст стабильность и уверенность в своем будущем, а также уважение со стороны семьи и друзей»* (Л.О., 22 года).

Также влияет общая социальная установка на расширение компетенций и профессиональных навыков, требующая от молодых людей получения дополнительного образования (помимо основного), подработки, стажировок и практик вне учебного процесса. При этом, традиционные и модернистские установки влияют на конкретный выбор места обучения и специальности, места работы во время обучения или её отсутствия.

Среди активных и амбициозных «модернистов» в 3 раза больше тех, кто не ограничивается одним образованием. Они или в период обучения учатся сразу в двух вузах, либо после получения степени бакалавра планируют идти в две магистратуры по разным специальностям, некоторые из них думают об аспирантуре или о зарубежных стажировках.

«Я знаю, что сегодня нужны «супер-специалисты», чтобы получать достойную зарплату и жить так как хочется. Поэтому я обучаюсь сразу по двум специальностям – на «нефтегазе» на бюджете, на «юриспруденции» на коммерческой»

основе. Успеваю все. Мне это нравится» (М.Д., 20 лет). «Я закончила бакалавриат по специальности «государственное и муниципальное управление», получила прекрасную базу и в магистратуру осознанно пошла по двум направлениям, в два вуза: в ИГУ на специальность «юриспруденция» и в БГУ на специальность «финансы и кредит». Мне необходимо для моей карьеры быть хорошим специалистом и в праве и в финансах» (А.Ю., 23 года). «Я уже на 1 курсе магистратуры по специальности «бизнес информатика», но уже готовлюсь к вступительным экзаменам в аспирантуру, особенно к английскому языку. Я планирую поступать на специальность «математическое моделирование экономических процессов», уже сейчас я это совмещаю с небольшой своей компанией, которая занимается продвижением интернет-бизнеса. Пока купил себе машину без кредита, к концу магистратуры планирую купить также на свои деньги квартиру, чтобы не снимать больше жилье» (Н.Н., 22 года).

Более того, около 30% процентов модернистов имеют или свое дело, или самостоятельную занятость, которая приносит им доход, позволяющий удовлетворять свои потребности и быть относительно независимым от родителей и иных родственников. Они финансово самостоятельны и в более 50% случаев живут отдельно от родителей в своем или арендуемом жилье. Только 10% модернистов живут в общежитиях.

«Я полагаю, что самостоятельность надо прививать как

можно раньше и возможность заработать себе на квартиру, хотя бы на съемную – это показатель твоей успешности и вообще каких-то жизненных перспектив» (Р.А., 21 год). «Мне нравится комфортно жить. И при этом я не хочу зависеть от родителей. Для себя еще на 1 курсе бакалавриата решил – что буду сам себе зарабатывать на квартиру, личные деньги. И вот уже заканчиваю магистратуру – живу в своей квартире, имею свеженькую машину, которые я купил без родительских денег, на деньги со своего дела. Как закончу – хочу выйти на новый уровень и открыть несколько компаний в альтернативных сферах. Сегодня все быстро меняется – нужна страховка, на случай непредсказуемых перемен. А стабильной достойной жизни мне хочется всегда» (Л.А., 23 года).

Для «модернистов» образование достаточно ценно само по себе – оно выступает вкладом в будущее, ресурсным состоянием. Оно вписывается в план их карьеры. Они как правило четко знают что, где и как хотят получить.

«Я горжусь тем, что в этом году заканчиваю химический факультет ИГУ, я тут учился на бакалавриате и вот уже завершаю магистратуру, параллельно завершаю магистратуру по экономике. Это классическое образование, знания, которые мне нужны и интересны. Я уже сегодня зарабатываю на сочетании своих знаний в химии и экономике, продавая успешные бизнес-идеи и реализуя сам какие-то из них на практике» (О.Л., 24 года). «Образование – это ценный инструмент, но им надо

уметь пользоваться. Если не можешь применить свои знания – грош им цена. Я умею, могу и хочу. Я умею себя дорого продавать – это моя ценность. Я психолог по базовому образованию, в магистратуре я учился на специальностях «маркетинг» и «психология бизнеса» (С.С., 24 года).

«Традиционалисты» наоборот, даже получая хорошее образование не всегда понимают где смогут работать, как применять полученные знания и навыки. Они, как правило, обучаются только в одном вузе, не всегда уверены что обучаются там где хотят и чему хотят, но при этом не готовы перейти в другой вуз, на другую специальность из-за собственной не уверенности и опасения того, что они подведут родителей. Они живут либо вместе с родителями, либо в общежитии, только 10% традиционалистов снимают квартиру и живут самостоятельно.

«Я не могу точно сказать, где смогу устроиться на работу. Я на хорошем счету в университете и рассчитываю, что меня могут позвать в аспирантуру. Это была бы хорошая перспектива остаться в вузе» (Н.Е., 23 года). «Я пошла учиться на историка, так как мама так сказала, что учителем в школе всегда смогу быть, но мне всегда интересна была психология. Но перейти на эту специальность я не решилась. Возможно, после того как закончу, через пару лет – пойду на второе высшее или в магистратуру по психологии» (А.В., 21 год). «Я живу с родителями и прислушиваюсь к их советам. Хотя если бы я решал, я бы пошел на экономиста, но отец ска-

зал, что юристы более перспективны. Поэтому сейчас заканчиваю бакалавриат, в магистратуру тоже пойду на юриста» (Т.Т., 20 лет).

Анализируя ответы респондентов, можно сказать, что «традиционалисты» в большей степени оторваны от реальности, они защищены родителями, рамками, идеалами, которые не всегда могут быть достаточными для того чтобы противостоять тем реалиям жизни, в которые они входят сегодня. И более чем у половины «традиционалистов» в планы не входит работа по специальности.

«Модернисты» же более гибкие, активные, целеустремленные, готовы меняться и подстраиваться под те требования, что предъявляет им жизнь, но и они от неё хотят получить по максимуму. Они хотели бы реализовать свой потенциал по основной специальности или смежной с ней сферой, найти реализацию и практическое воплощение тех знаний, что получили за годы обучения.

Для «традиционалистов» продолжение образования в аспирантуре – это способ защититься, не принимать решений, которые могут изменить их жизнь. Для «модернистов» – магистратура – это новая ступень для роста, возможности апробировать свои идеи, получить определенную известность и авторитет в своих кругах.

«Хорошая работа» в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» также отличается. Для модернистов она – необычная, креативная, интересная, постоянно требующая принятия нестандартных решений. Среди них около 40%

тех, кто готов работать на «ответственной» или «интересной», но перспективной должности при скромном вознаграждении, если это принесет свои плоды в будущем.

«Я могу себя попробовать в разных сферах, поэтому важен опыт и реализация чего-то такого, что раньше никто не делал. То, что даст мне возможность потом сказать – я «такой один». Разве это не круто?» (М.С., 20 лет). *«Некоторые должности служат стартом для будущего. Я хочу быть политиком, поэтому сейчас готов работать на скромной должности по оплате, но то что я делаю – позволяет мне познакомиться со всеми, кто сможет мне помочь выстроить свою карьеру в будущем»* (Г.А., 23 года).

Для «традиционалистов», «хорошая работа» – это «не напряжная» и «хорошо оплачиваемая». Они готовы быть «не на самой престижной должности», но зато «хорошо оплачиваемой». *«Да сейчас сложно с работой. Поэтому работаю, где есть возможность. Платят хорошо – и ладно. Не жалуюсь»* (М.М., 24 года). *«Для стабильности надо получить, пусть и не большие, но стабильные деньги»* (А.В., 21 год).

Среди наиболее важных событий, произошедших в их жизни за последние годы, «модернисты» нередко называли достижения в области саморазвития, что говорит о высоком инновационном потенциале этой группы молодежи. Одни акцентировали внимание на прочитанных книгах, полученных знаниях, пройденных тренингах, стажировках или практиках и освоенных навыках (изучение иностранных языков, приобретение хобби, открытие в себе

новых способностей и т.п.); по словам других, узnanное настолько повлияло на их мировоззрение, что способствовало формированию иного взгляда на окружающий мир, что повлекло за собой открытие бизнеса, поступление на другую специальность и т.д.

«Для меня важным событием стало посещение тренингов Азата Валеева – я иначе посмотрел на свою жизнь, понял, что могу в ней поменять. И сделал это. Ничуть не жалею, что стал менять и меняться» (П.А., 25 лет). *«Я прочитала книгу «Бедный папа. Богатый папа» - и это перевернуло мое представление о том, кто я, где я и что делаю. Я начала небольшой бизнес – мое хобби стало приносить мне деньги, пусть и не очень большие, но каждый месяц (по 40 тысяч). Я получила новый толчок и интерес к обучению, к знаниям, которые я получаю и как их могу применять в своей жизни»* (В.Е., 22 года). *«Я прошла стажировку и поняла – где и как хочу работать. Мой наставник на предприятии – показал мне реальные перспективы. И я понимаю – что все зависит от меня. Я хочу получить, то что является результатом моего образования, навыков, связей»* (С.В., 24 года).

Между тем ни один «традиционалист» не посчитал нужным рассказать о своем интеллектуальном и духовном росте за прошедшие годы. Среди этой группы, важными событиями стали – семейный отдых за границей (как правило, Турция или Таиланд, реже Корея).

«Важное событие – это поездка в Турцию этим летом. Солнце, море и песок – вот это красивая жизнь...» (М.Т., 21 год). *«Я очень*

ждала поездки в Таиланд на этот новый год – столько эмоций я не получала еще никогда в жизни» (С.Е., 23 года).

Интересно сравнить планы на будущее «модернистов» и «традиционалистов». На наш взгляд, планы первых амбициознее и имеют более четкие очертания, однако и они недолгосрочны (в среднем – на три года). Что касается «жизненных проектов» традиционно ориентированной молодежи, то они отличаются осторожностью, но при этом более долгосрочны – на 10-15 лет.

Модернисты: «Я планирую достигнуть финансовых результатов в своем бизнесе и сделать интересную выпускную работу в магистратуре» (П.А., 24 года). «Я планирую расширить исследования, которыми занимаюсь не один год и поехать на стажировку в Кёльнский университет, где на сегодняшний день самое лучшее оборудование в обсерватории, мне уже пришло предварительное приглашение» (О.Л., 23 года). «Я планирую поехать на годовую стажировку в Великобританию и при этом продолжать обучение в магистратуре. Это поможет мне собрать материал для моей кандидатской диссертации, а если все сложится удачно в Кембридже, то я защищу PhD в Англии» (М.Ю., 25 лет).

Традиционалисты: «Я устроюсь на работу к своему отцу – это гарантии и стабильность на лет 10. А там уже и сам стану руководителем отдела» (Р.Д., 24 года). «Планирую уйти на государственную службу – там понятны мне мои перспективы, да и стажировку я уже

там проходил» (Л.И., 23 года). Другой тенденцией «традиционалистов» выступает прекариат (от лат. *precarium* – нестабильный, негарантированный и «пролетариат»): многие из них пытаются «компенсировать» свою профессиональную несостоятельность доходами от сдачи квартир, полученных в наследство.

«Сдавать квартиру бабушки я планирую лет 10 точно, а сам буду жить вместе с родителями. Это же гарантированные деньги!» (С.М., 22 года). «Я бы хотела разменять родительскую трехкомнатную квартиру на две поменьше и одну из них сдавать, а во второй жить. Это позволит меньше работать и жить в удовольствие» (Е.Е., 22 года). «Я рассчитываю на социальные пособия. Стипендия для инвалидов – в разы больше обычной. Поэтому сейчас мне вполне хватает. Как закончу вуз – планирую и дальше жить на пособие» (А.Н., 25 лет). «Я хочу сдавать квартиру в Иркутске, а на эти деньги жить в Таиланде – там вполне безбедно это можно сделать» (И.И., 24 года).

Таким образом, подводя итоги, отметим, что «модернистов» от «традиционалистов» прежде всего отличают стремление к стратегическому планированию карьеры и принципиально иное – более серьезное и уважительное – отношение к образованию, выбору профессии, содержанию выполняемой работы, получаемым навыкам, они готовы и хотят применять на практике все то, чему они научились в процессе обучения. Желанию самостоятельно чего-то добиться, быть независимыми и ответственными уже на этапе обучения в вузе.

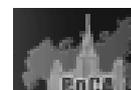
В то время как многие «традиционалисты» не только не намерены «делать карьеру», но и воспринимают труд как обременительную повинность; их мечта – быть свободными от каких-либо трудовых обязанностей, живя, например, на средства от сдачи доставшейся в наследство недвижимости. Образование они получают потому что «надо» и там где захотели родственники. Свои желания или не ставят во главу угла или их вовсе не имеют.

Для «модернистов» более приемлем так называемый калейдоскоп карьеры – трудовой стратегии, учитывающей индивидуальные особенности личности и позволяющей адаптировать профессиональный маршрут к происходящим в жизни человека переменам [9]. Они будут более адаптивны и востребованы на рынке труда, а «традиционалисты» в силу своей ригидности далеко не всегда смогут встроиться в новые, постоянно меняющиеся реалии жизни.

Перспективы социального моделирования [6], могут сформировать новые условия для социокультурного воспроизводства для молодых людей нового типа, где «традиционалистам» станет все труднее вписаться в новые реалии жизни, а более адаптивны будут «модернисты». Социальные рамки для молодежи расширяются, поэтому важно понимать как они смогут их использовать для личностного развития и успешной социализации.

Литература

1. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31-34.
2. Журавлева И.А. Образование в ресурсном пространстве молодежи // *Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санжениакова. 2019. С. 136-139.*
3. Малых С. В. «Справедливое образование»: современные реалии отечественных университетов // *Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. 2018. С. 1233-1234.*
4. Малых С. В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // *Социология. 2018. № 3. С. 222-226.*
5. Малых С. В. Университетское образование и профессиональная карьера // *Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность Материалы конференции. Иркутск. 2018. С. 210-212.*
6. Полюшкевич О. А., Борисова Ю. В., Батянова Л. Н., Иванов Р. В. *Основы социального моделирования: учебное пособие. Иркутск, 2017. 198 с.*
7. Полюшкевич О. А., Колесников В. А. Роль образования в жизненном мире молодежи // *В мире научных открытий. 2013. № 3-1 (39). С. 312-327.*
8. Полюшкевич О. А., Степаненко А. С. Трансформация ценностей россиян: герои и обыватели // *Политика и общество. 2012. № 9 (93). С. 4-13.*
9. Mainiero L. A., Sullivan S. E. *The opt-out revolt: Why people are leaving companies to create kaleidoscope careers. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006. 238 p.*

Resource and educational potential of modern youth

Zhuravleva I.A.

Institute of Social Sciences of Irkut

The article analyzes the results of a study on the educational and labor orientations of Russian youth. New forms and conditions of changing attitudes towards obtaining education, its quality, speed and employment opportunities are considered.

Key words: education, educational strategy, profession, professional strategy, youth, traditionalists, modernists

References

1. Zhuravleva I.A. Modernists and traditionalists: educational trajectories of Russian youth // Alma mater (Bulletin of higher education). 2019.No 6.P. 31-34.
2. Zhuravleva I.A. Education in the youth resource space // Actual problems of humanitarian and social research. Materials of the XVII All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences. Editorial Board: V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persian, A.A. Sanzhenakova. 2019.S. 136-139.
3. Malykh S. V. "Fair education": modern realities of domestic universities // Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world. Collection of materials. 2018.S. 1233-1234.
4. Malykh S. V. Academic mobility as a resource for the internationalization of universities // Sociology. 2018. No. 3. S. 222-226.
5. Malykh S. V. University education and professional career // Higher Education, Social Sciences and National Security Conference proceedings. Irkutsk 2018.S. 210-212.
6. Polyushkevich O. A., Borisova Yu. V., Batyanova L. N., Ivanov R. V. Fundamentals of social modeling: a training manual. Irkutsk, 2017.198 p.
7. Polyushkevich O. A., Kolesnikov V. A. The role of education in the vital world of youth // In the world of scientific discoveries. 2013. No. 3-1 (39). S. 312-327.
8. Polyushkevich O. A., Stepanenko A. S. Transformation of the values of Russians: heroes and inhabitants // Politics and society. 2012. No. 9 (93). S. 4-13.
9. Mainiero L. A., Sullivan S. E. The opt-out revolt: Why people are leaving companies to create kaleidoscope careers. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006.238 p.

Специфика российского научного дискурса проблемы детского участия

Зубова Оксана Геннадьевна

кандидат политических наук, доцент, кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. zubovaoksana@bk.ru

В статье автор представляет анализ российских публикаций за 2009-2019 года, посвященных исследованию участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. Используется метод контент-анализа, с помощью которого определяется интерес к данной проблематике со стороны научного сообщества, формируются категории для качественного анализа, позволяющего выявить основную направленность публикаций. Проведенный анализ выбранных материалов позволяет описать специфику формирования актуального современного междисциплинарного направления и установить особенности научного дискурса проблематики детского участия.

Ключевые слова: участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы; принципы участия; риски детского участия; формы участия; права детей; социализация; научный дискурс, научные школы и направления; теоретико-методологические основы детского участия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31111

Введение

В современном обществе актуальной становится проблема обеспечения права ребенка на участие в принятии решений, затрагивающих его интересы. Данное право было закреплено в международной Конвенции о правах ребенка [2]. В России главные задачи 6 раздела «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» заключались в обеспечении основных механизмов и принципов участия детей, а также мониторинга и оценки детского участия [16]. В ожидаемых результатах предполагалось преодолеть распространенные стереотипы, связанные с невозможностью включения ребенка в принятие решений, затрагивающих его жизненные интересы в различных общественных сферах.

Изучение и обсуждение новой и дискуссионной для российского общества проблематики определило междисциплинарное научное поле исследований, затрагивающих актуальные вопросы участия детей. Анализ формирования этого направления, с одной стороны показывает реальные практики реализации и образовавшиеся риски, а с другой – механизмы информирования и популяризации идей и принципов детского участия, способствующие разрушению образовавшихся мифов и стереотипов массового сознания.

Методология

Поставленная исследовательская задача решалась с помощью контент-анализа и качественного

анализа отобранных материалов. Поиск осуществлялся в поисковой системе РИНЦ и по таким ключевым журналам, связанным с темой детства, воспитания и образования, как «Вестник Костромского университета» (раздел Социокинетика), «Вопросы воспитания», «Сибирский педагогический журнал».

Использовались следующие ключевые слова и словосочетания от общего к конкретным формам и проблемам участия: участие детей; детские общественные движения, организации; детский общественный совет, школьное самоуправление; правовое обучение, военно-патриотическое воспитание; социальная активность детей, проектная деятельность.

Всего было собрано 207 публикаций. По виду это статьи, монографии, пособия, сборники конференций, доклады, методические рекомендации, авторефераты диссертаций. Основной массив документов представлен научными статьями.

Для качественного анализа было отобрано 11 публикаций, что соответствует 5% от собранного массива и наиболее близко отражает тему по современному состоянию проблемы. Для обработки качественных данных использовалась программа анализа и визуализации качественных и смешанных данных MAXQDA.

Результаты и дискуссия

На основе проведенного количественного анализа видна динамика в приоритетах изучения разных аспектов и конкретного опыта участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. Обобщенные результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Научные публикации за 2009-2019 гг.

Период	Вид	Направленность
2009	Статьи (16), пособия (1), сборники конференций (1)	Определение участия детей, основы социокинетики, учебное самоуправление, воспитание, социализация,
2010	Статьи (10), тезисы (2), пособия (1), сборники конференций (1), монографии (1).	воспитание, социализация,
2011	Статьи (19), авторефераты (1).	правовое обучение, здоровый образ жизни, проектная деятельность.
2009-2011	Статьи - 45 (85%), сборники конференции - 2 (3,8%), тезисы - 2 (3,8%), пособия - 2 (3,8%), автореферат - 1 (1,8%), монография - 1 (1,8%)	
2012	Статьи (11)	Социальная активность, правовая защита, детское движение, объединение, ретроспективный анализ
2013	Статьи (10), пособия (1)	
2014	Статьи (19), методические рекомендации (1)	
2012-2014	Статьи - 40 (95,2%), пособие - 1 (2,4%), методические рекомендации - 1 (2,4%)	
2015	Статьи (14), авторефераты (1)	Детское движение в России, детское самоуправление, общественные объединения, социализация, воспитание, права ребенка, определение сущности процесса участия детей, зарубежный опыт.
2016	Статьи (17)	
2017	Статьи (39), монографии (1), методические рекомендации (1), пособия (1)	
2015-2017	Статьи - 70 (94,6%), монографии - 1 (1,35%), методические рекомендации - 1 (1,35%), учебное пособие - 1 (1,35%), автореферат - 1 (1,35%)	
2018	Статьи (26), сборники конференций (1), доклады (1)	Учебное самоуправление, детское движение, детские объединения, социальная активность, механизмы участия детей, проектная деятельность, волонтерство.
2019	Статьи (9), монографии (1)	
2018-2019	Статьи - 35 (92,2%), сборник конференции - 1 (2,6%), доклад - 1 (2,6%), монография - 1 (2,6%)	

Все материалы разбивались по временным периодам: 2009-2011; 2012-2014; 2015-2017; 2018-2019 гг.

Результаты количественных показателей показаны на графиках.

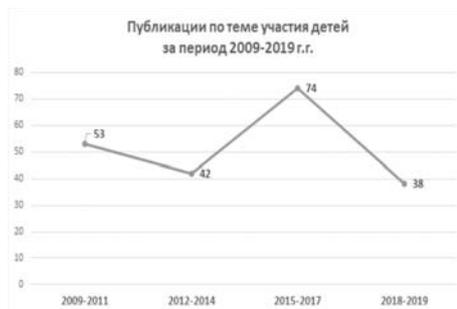

Рис. 1. Публикации по временным периодам.

Рис. 2. Публикации за 2009-2019 гг.

Основной массив публикаций по проблематике формируется в период 2015-2017 гг., что соотносится с задачами реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг. (далее – Национальная Стратегия), а также возникающими общественными обсуждениями. После завершения реализации этой стратегии, в связи с отсутствием в Плате основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства отдельного пункта - дети участники [11], всплеск внимания к проблеме снижается, но дискуссионность острых вопросов, связанных с правами

детей на участие в жизни общества остается.

Расширяется география исследований в этой метапредметной области, появляются научные школы, в частности, на базе Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Выделяются ключевые эксперты из научного сообщества: И.Е. Калабихина, О.В. Кучмаева, Г.В. Семья, И.И. Фришман и другие. Выносятся обсуждения обозначенной проблемы и на публичные площадки, так тема детского движения и самоуправления становится одним из тех направлений, которое объединяет ученых на соответствующих тематических конференциях, где представляется и опыт практической работы учителей, организаторов детского движения и других практиков в этой области [4]. Появляется потребность в соответствующих методических материалах и программах обучения для разного профиля специалистов, работающих с детьми в системе основного и дополнительного образования, поэтому наряду с научными статьями, нами выделяются методические рекомендации и пособия [7].

Проанализировав названия публикаций, мы определили теоретические статьи, описывающие подходы, формы, принципы участия детей, историю развития детского движения, структуру самоуправления и практические, где приводятся конкретные примеры реализации принципов участия детей, в частности через ученическое самоуправление, детские движения и общественные организации.

Проведенный контент-анализ позволил проследить динамику формирования исследовательского

интереса к теме детского участия среди российских исследователей из разных областей, соотнести периоды научной активности с реализацией шестого пункта Национальной стратегии. Данный пример иллюстрирует связь науки с основными общественными институтами и ее важную функцию в обосновании и изучении инновационных процессов в современном обществе [6].

Полученные результаты количественного анализа стали основой для выделения категорий для качественного анализа. Качественный анализ позволил нам проследить как происходит формирование научного дискурса по проблеме детского участия в российских научных публикациях за 2009-2019 года.

Мы выделили 26 кодов, соответствующих 4 кластерам: теоретико-методологические основы участия детей; законодательная база; опыт участия; форматы участия, представленные в табл. 2.

В современном российском обществе участие детей в принятии решений на разных уровнях выступает приоритетным направлением государственной политики, основным документом, посвященным разработке мер, направленным на содействие в этом процессе является «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы», а также российская законодательная база и Конвенция о правах ребенка. Все эти коды составляют выделенный большой кластер: законодательство. Такие выделенные нами категории как законы субъектов РФ и локальные акты, не были представлены в отобранных для анализа научных статьях.

Таблица 2

Коды для качественного анализа в программе MAXQDA

Основы участия детей	Законодательная база
Значение участия детей	Международное законодательство
Теоретические рамки участия	Российские законы
Возрастные особенности участия	Национальная Стратегия
Защита детства	Законы субъектов РФ
Воспитание	Локальные акты
Социализация	
Опыт участия	Форматы участия
Проблемы / риски	Детские общественные движения, РДШ,
Роли ребенка	детские организации
Роли взрослого	Общественный совет
Взаимодействие детей и взрослых	Школьное самоуправление
Проектная деятельность	Военно-патриотическое воспитание
Технологии участия	Волонтерство
Средообразующий фактор	Исследования детского участия
Инклюзия (участие детей с ОВЗ, детей-инвалидов, сирот, детей-правонарушителей)	
Правовое обучение	

Пересечения в анализе были определены только между Национальной стратегией и российскими законами, а также сущностью участия детей. Это позволяет выявить соответствия между определением участия, мерами, направленными на защиту прав детей и нормами международного права, приоритетами государственной политики, федеральными законами. Практики регулирования законами субъектов РФ и локальными нормативными актами не являются распространенными.

Благодаря появлению соответствующих международных и российских документов была создана правовая основа для реализации права детей на участие в решениях, затрагивающих их интересы. В

научном дискурсе это стало важным вопросом для обсуждения эффективности реализации и возникающих рисков, а также позволило точнее определить основную терминологию и значение участия.

Ключевая категория, выделенная нами для анализа – это определение и сущность участия детей. Размытость границ в понимании феномена участия детей затрудняет его реализацию.

В научном дискурсе определение участия больше всего пересекается со школьным самоуправлением, что соотносится с популяризацией идей и развития российского движения школьников. Значение участия как интегральная категория больше всего пересекается с социализацией, воспитанием, ролями ребенка, рисками, а также взаимодействием детей и взрослых, технологиями участия, деятельностным подходом, школьным самоуправлением. Воспитание пересекается со школьным самоуправлением, социализацией, взаимодействием детей и взрослых, значением участия. Меньше всего представлены такие категории, как защита детства, пересекающаяся с категорией воспитания и конструкционистский подход, пересекаемый с воспитанием, взаимодействием детей и взрослых, проектной деятельностью, рисками участия.

Больше всего по сумме представленного материала отводится таким категориям, составляющим этот кластер, как значение участия, воспитание, взаимодействие детей и взрослых и соотносится с категорией другого кластера - школьное самоуправление.

В кластере опыт участия не была выделена такая категория как инклюзия. Хотя все дети имеют равные

права как участники, организовать участие детей с ограниченными возможностями здоровья, в современных условиях очень трудно, как и детей с девиациями. Для этого необходимы специальные программы и работа соответствующих специалистов, хотя в общем массиве публикаций упоминается данная категория, но только в отношении правовой защиты интересов детей, оставшихся без попечения родителей.

С проектной деятельностью пересекается здоровый образ жизни, правовое обучение и военно-патриотическое воспитание, что говорит об основной тематической направленности данной деятельности. Все остальные категории (роли ребенка, взрослого, их взаимодействие, технологии участия) представлены во взаимодействии между собой и с категориями воспитания, социализации, возрастными особенностями, определением участия, школьным самоуправлением.

В кластере форматов участия представлены все категории: РДШ, общественный совет, школьное самоуправление, военно-патриотическое воспитание, волонтерство, опросы. Самые значительные пересечения категорий общественный совет и школьное самоуправление с ролями ребенка, социализацией и воспитанием. В исследованиях детей один из вопросов связан с проблемой их взаимодействия с взрослыми, что и отражается в совпадении этих кодов. Более подробно система кодов для анализа проблемы участия детей представлена на рис. 3.

Теперь, можно посмотреть как проблема участия детей представлена в публикациях по периодам с 2009 по 2019 гг.

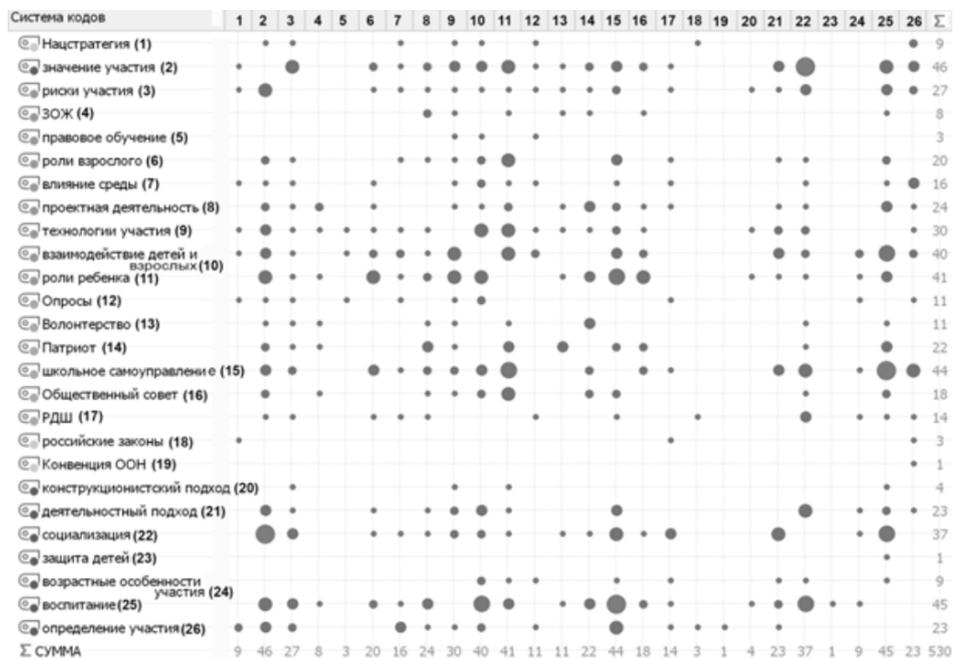

Рис. 3. Система кодов для анализа проблемы участия детей в научном дискурсе.

На схеме первого периода выделены следующие центральные категории, описывающие основное проблемное поле, актуализацию темы и сформированный научный контекст: роли ребенка и взрослого их взаимодействия; школьное самоуправление, социализация, воспитание, деятельностный подход и риски участия; законодательная база. Отсутствует эмпирическое изучение детей (категория опросы), возрастные особенности участия и защита детей.

Актуальной проблемой, обсуждаемой в период 2009-2011 гг., является развитие детского самоуправления и детских общественных объединений как форм организации детской активности.

Детское участие, описывается и анализируется через категорию школьного самоуправления, связанного со значением, формами и

опытом участия детей. В статье Д.В. Верин-Галицкого о детском самоуправлении в школах говорится о рисках перерастания детского самоуправления из реальной формы в номинальную, отраженную в отчетах по воспитательной работе в школе. Автор пишет, что при организации детской жизни в школе нельзя как идти по пути механического копирования пионерской и комсомольской организации, как и навязывать детям взрослые модели и игры. Кроме того, дети очень чувствительны к любой фальши, неискренности, формализму. «Поэтому если игра, то всё должно быть по настоящему, чтобы решения, которые дети принимают, — исполнялись, чтобы ответственность была реальной, с соответствующими санкциями за безответственность» [1].

Рис. 4. Карта кодов периода 2009-2011 гг.

При этом, подчеркивается, что надо разделять самоуправление как общественный идеал и реальную практику. Важно не сводить участие детей к симулякрам, описанным в концепции ступеней участия как манипуляция, декорация и имитация [18].

Совместная интересная деятельность и сформированный детский коллектив определяют успешность самоуправления. Самоуправление – форма педагогической работы, позволяющая детям проявлять себя, а проявляя расти.

В подобранных статьях были работы, описывающие конкретные практические примеры. Один из них – тульская городская школьная Дума как городской орган детского самоуправления [17]. Ее деятельность связана с такими направлениями, как патриотическое воспитание, волонтерство, гражданская

культура. Такая социально-значимая деятельность, дает участникам неоценимый опыт организаторской, проектной и управленческой деятельности, развивает умения принятия решений, командной работы, связана с воспитанием активной гражданской позиции личности.

Вторая форма детской активности – детские общественные объединения. С.В. Невская пишет, что участвуя в деятельности общественной организации, ребенок приобретает гражданский опыт, реализует свой творческий потенциал, самосовершенствуется. Таким образом, решается задача с воспитанием активного и культурного человека, готового в дальнейшем защищать свои права и права окружающих. Автор приводит разработанную модель по развитию самоуправления, представляющую собой научно-обоснованную систему

деятельности детских общественных организаций в современном российском обществе [9].

Выделяется также категория технологии участия, связанная с ролями детей и взрослых, а также их взаимодействиями.

Итак, участие детей в период 2009-2011 гг. изучается через особенности процесса педагогического воспитания, в рамках уровня школы и города, присутствует как практический опыт описания, так и теоретическое осмысление проблемы, связанное с развитием школьного самоуправления. Выделяется категория рисков, связанная как с внешними факторами, так и необходимостью общественного признания важности самостоятельного уча-

стия детей, обусловленного актуальными задачами современного воспитания и социализации. Во множественном пересечении категорий показан многозначный и дискуссионный характер научной дефиниции детского участия.

Во втором периоде (2012-2014 гг.) с определением участия связана категория детского движения. Ставится один из вопросов о роли взрослого в реализации участия детей в принятии решений и ролях детей, также выделяется проектная деятельность как форма реализации деятельности детей в сферах здорового образа жизни, гражданско-патриотического воспитания, развития волонтерской деятельности.

Рис. 5. Карта кодов периода 2012-2014 гг.

Роли детей и роли взрослого как выделенные категории взаимосвязаны, что становится основой для формирования научного дискурса о

роли взрослого в организации участия детей и прежде всего такой его формы, как ученическое самоуправление и общественный совет.

По мнению Е.М. Скрипниковой участие детей понимается шире, как «целенаправленный процесс между взрослыми и детьми, ориентированный на приобретение ребенком социальных знаний, получение опыта позитивных социальных отношений, самостоятельного социального действия» [12]. Ж.В. Петрочко пишет, что дети признаются благодаря участию «социальными акторами», осуществляющими положительный взнос в сообщество, изменяют отношение взрослых [10].

В самом взгляде на роль ребенка, целевой установке и форматах организации участия детей заложены риски, связанные с перерастанием

этой деятельности в симулякр. Ж.В. Петрочко приводит примеры опроса, по которому видно, что мнение детей не всегда принимают во внимание не только в школе, обществе, но и в семье. Одна из форм активизации участия детей предлагается через реализацию социальных проектов. Критерии их оценки: цель участия, среда, влияние на жизнь ребенка, значимость на уровне сообщества и готовность к участию.

Третий период 2015-2017 гг. связан с расширением проблематики детского участия, появляется такая сфера как дополнительное образование.

Рис. 6. Карта кодов периода 20015-2017 гг.

Итак, в этом периоде представлены такие отдельные взаимосвязанные коды, как проектная деятельность и ее направления; влияние среды в процессе социализа-

ции; детское движение и определение участия детей, их ролей; правовое обучение и защита; опросы по проблемам взаимодействия детей и взрослых. Это подчеркивает специ-

фику приоритетов в изучении проблемы, сужении отдельных тем и проблем до формирования научных направлений. Появляется эмпирическое изучение участия, когда респондентами становятся не эксперты, а сами дети. Процесс участия начинает рассматриваться в правовом, социальном и педагогическом аспектах. Выделяется многогранность этого социального явления: форма творческого сотрудничества детей и взрослых; способ проявления организаторских способностей; метод формирования общественного мнения; средство гармоничного развития личности.

С ролями ребенка тесно связано правовое обучение и воспитание. Н.В. Нащекина пишет, что «усилия педагогов по развитию детского самоуправления позволяют формировать активных, ответственных, деятельных граждан своей страны, обеспечивая потенциал успешного будущего нашего общества» [8].

Форма и уровень реализации детского участия – школа, школьное самоуправление, связанное с воспитательной работой, педагогической деятельностью взрослых.

Детское самоуправление с его спецификой организации может перерасти в имитационное, когда дети в действительности не являются его субъектами и организаторами деятельности. В.В. Круглов перечисляет негативные подходы, приводящие к этой ситуации: властно-ориентированный, «конкурсное самоуправление», «бумажное самоуправление». В них проявляются дисфункции, связанные с подменой основной цели детского самоуправления [3].

Одна из центральных категорий – это РДШ. Этому способствует за-

конодательная база и его новая создаваемая практика: социальное пространство взросления, оптимально значимая среда и личный опыт на основе общественных ценностей. Малиновский А.В. указывает на методическую систему подготовки взрослого организатора общественного объединения [5].

Итак, в научном дискурсе в период за 2015-2017 гг. обсуждается проблема не только развития участия детей, но и проблема подготовки соответствующих специалистов, новая платформа для реализации – дополнительное образование [13]. Описывается зарубежный опыт понимания участия детей и молодежи. Участие понимается с точки зрения права детей быть услышанными и воспринимаемыми всерьез и как процесс, ориентированный на приобретение соответствующих знаний, умений и навыков.

В последнем временном рассматриваемом периоде, представленном на рисунке 7, наблюдается взаимосвязь технологий участия со значением, взаимодействиями детей и взрослых, рисками и влиянием среды. Самоуправление связано с социализацией, воспитанием, ролью взрослого. РДШ рассматривается в тесной связи с российским законодательством и рисками. Присутствуют попытки опроса детей по проблеме и интересам участия на разных уровнях: семья, школа, общество, государство. В связи с этим, как пишет Т.В. Трухачева, главное желание детей в государстве – быть услышанными, а главная задача взрослых договориться и создать для этого оптимальные условия [15]. По-прежнему, отсут-

ствует категория инклюзия. Появляется новый практический опыт дея-

тельности, в частности кейс с общественным объединением «Гардария» г. Курска [14].

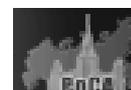

Рис. 7. Карта кодов периода 2008-2019 гг.

Выводы

Таким образом, научный дискурс по проблеме участия детей, представленный работами отечественных авторов, можно рассматривать как педагогический. Ключевые авторы, работающие в этой области, связаны с педагогической наукой. Несомненно, что для педагогов вопросы, затрагивающие новые форматы ролей детей и взрослых в различных образовательных системах, являются приоритетными и соотносятся с воспитанием и процессами социализации. Поэтому теоретические рамки, обозначенные для изучения участия детей, связаны с деятельностным подходом, психолого-педагогическими теориями воспитания и социализации. Но, на наш взгляд, эти исследования, со-

ставляют самостоятельное направление, формирующиеся под влиянием как традиционных отечественных педагогических теорий, так и зарубежных исследовательских парадигм. Существует не только теоретические описательные рассуждения в этой области, так и практический опыт работы, связанный, прежде всего, с ученическим самоуправлением. Используются как теоретические методы, так и эмпирические, в частности приводятся опросы и исследования детей психолого-педагогической направленности. Проблемное поле формируется вокруг ролей взрослого в реализации участия детей в принятии решений, средообразующего фактора, рисков, связанных с форматами реализации деятельности детей, а также ее целевыми установками, связанными, в том числе, и с

реализацией принципов государственной политики и идеологии. В меньшей степени представлено широкое общественное метапредметное обсуждение этих проблем и возможности социологического изучения детского участия. Для эффективного решения поставленных перед направлением задач, необходимо расширять изучаемое поле, должна присутствовать конвергенция, в том числе с точки зрения социологических подходов и методов.

Литература

1. Верин-Галицкий Д.В. О детском самоуправлении в школах // Народное образование. 2011. № 1 (1404). С. 241-244
2. "Конвенция о правах ребенка" (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (Дата обращения: 20.12.2019)
3. Круглов В.В. Детское самоуправление в современных условиях // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 2. № 1 (36). С. 125-130.
4. Малиновский А.В. Семинар-конференция по проблеме становления и развития научной школы исследования детского движения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15. № 5. С. 236-238
5. Малиновский А.В. Социально-психологические условия формирования качества детского движения в современной России // Вестник КГУ им. Н. Некрасова, том 23 Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, № 2, 2017 с. 178-184
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. - М.: АСТ: Хранитель, 2006.
7. Методические рекомендации по развитию участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, в муниципальных образованиях. Научный редактор д.э.н. И.Е.Калабихина / И. Е. Калабихина, О. В. Кучмаева, Е. Г. Луковицкая и др. — Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации Москва, 2014.
8. Нащекина Н.В. О детском самоуправлении // Научно-методический журнал Педагогический поиск. 2016. № 9. С. 30-35
9. Невская С.В. Развитие самоуправления детского общественного объединения в процессе социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 6 (44). С. 93-97
10. Петрочко Ж.В. Детская общественная организация как оптимальная площадка реализации права ребенка на участие в жизни общества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. Т.18. № 3. С. 214-218
11. План основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства <http://static.government.ru/media/files/sZ1Pt6qoNGaXsiXVpTXISJc3svtwE2HE.pdf> (Дата обращения 21.12.2019)
12. Скрыпникова Е.М. Роль взрослого в реализации участия детей в принятии решений // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 50-53.
13. Скрыпникова Е.М. Участие детей в принятии решений как механизм реализации концепции развития дополнительного образования //

Сибирский педагогический журнал. 2017. № 1. С. 41-48.

14. Тарасова Л.К. Самоуправление в детском общественном объединении «Гардария» // Научно-методический журнал Педагогический поиск. 2019. № 4. С. 23-25.

15. Трухачева Т.В. Последействие. Пространство общественной жизни детей и подростков и Российское движение школьников // Вестник КГУ им. Н. Некрасова, том 24 Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, № 4, 2018 с. 256-263

16. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы" Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz5zj6721hL> (Дата обращения 20.12.2019)

17. Шипинская Л.Г. Тульская городская школьная Дума – городской орган детского самоуправления // Внешкольник. 2011. № 4 (145). С. 29-33.

18. Hart Roger A. Children's Participation: From tokenism to citizenship. International Child Development Centre: Florence, 1999

The specifics of the Russian scientific discourse of the problem of child participation

Zubova O.G.

Moscow State University M.V. Lomonosov.

In the article, the author presents an analysis of Russian publications for 2009-2019, devoted to the study of the participation of children in decision-making affecting their interests. The method of content analysis is used, with the help of which the interest of the scientific community in this issue is determined, categories are formed for a qualitative analysis, which allows to identify the main focus of publications. The analysis of the selected materials allows us to describe the specifics of the formation of the

current contemporary interdisciplinary direction and to establish the features of the scientific discourse of the issues of children's participation.

Keywords: participation of children in decision-making affecting their interests; principles of participation; risks of child participation; forms of participation; children's rights; socialization; scientific discourse, scientific schools and directions; theoretical and methodological foundations of child participation.

References

1. Verin-Galitsky D.V. On children's self-government in schools // Public Education. 2011. No 1 (1404). S. 241-244
2. "Convention on the Rights of the Child" (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (Date of treatment: December 20, 2019)
3. Kruglov VV Children's self-government in modern conditions // Domestic and foreign pedagogy. 2017. Vol. 2. No. 1 (36). S. 125-130.
4. Malinovsky A.V. Seminar-conference on the formation and development of a scientific school for the study of child movement // Bulletin of KSU. ON THE. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics. 2009. Vol. 15. No. 5. P. 236-238
5. Malinovsky A.V. Socio-psychological conditions for the formation of the quality of children's movement in modern Russia // Bulletin of KSU named after N. Nekrasova, Volume 23 Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics, No. 2, 2017 p. 178-184
6. Merton R. Social theory and social structure / R. Merton. - M.: AST: Keeper, 2006.
7. Methodological recommendations on the development of the participation of children in decision-making affecting their interests in municipalities. Scientific Editor Doctor of Economics I.E. Kalabikhina / I.E. Kalabikhina, O. V. Kuchmaeva, E. G. Lukovitskaya, etc. - Support Fund for Children in a Difficult Life Situation Moscow, 2014.
8. Nashchekina N.V. About children's self-government // Scientific-methodical journal Pedagogical search. 2016. No 9. S. 30-35
9. Nevskaya S.V. The development of self-government of a children's public association in the process of socio-cultural activity // Bulletin of Moscow State

- University of Culture and Arts. 2011. No 6 (44). S. 93-97
10. Petrochko Zh.V. Children's public organization as an optimal platform for the realization of the child's right to participate in society // Bulletin of KSU named after ON THE. Nekrasov. 2012.V.18. No. 3. S. 214-218
 11. The plan of main activities until 2020, carried out within the framework of the Decade of Childhood
<http://static.government.ru/media/files/sZ1Pt6qoNGaXsiXVpTXISJc3svtwE2HE.pdf>
(Date of access 21.12.2019)
 12. Skrypnikova E.M. The role of an adult in the implementation of children's participation in decision-making // Siberian Pedagogical Journal. 2014. No. 6. S. 50-53.
 13. Skrypnikova EM The participation of children in decision-making as a mechanism for implementing the concept of the development of additional education // Siberian Pedagogical Journal. 2017. No. 1. P. 41-48.
 14. Tarasova L.K. Self-government in the children's public association "Gardaria" // Scientific-methodical journal Pedagogical search. 2019.No 4.P. 23-25.
 15. Trukhacheva T.V. Aftereffect. The space of public life of children and adolescents and the Russian movement of schoolchildren // Bulletin of KSU im. N. Nekrasova, Volume 24 Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics, No. 4, 2018 p. 256-263
 16. Decree of the President of the Russian Federation of June 1, 2012 N 761 "On the National Strategy of Actions for Children for 2012 - 2017" GARANT System [Electronic resource]. Access mode: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz5zj6721hL> (Access date 12/20/2019)
 17. Shipinskaya L.G. Tula City School Duma - the city body of children's self-government // Out-of-school student. 2011. No. 4 (145). S. 29-33.
 18. Hart Roger A. Children's Participation: From tokenism to citizenship. International Child Development Center: Florence, 1999

Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования

Иванов Роман Викторович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета. dorwardrw@list.ru

В статье приводятся результаты исследования условий противодействия экстремизму в молодежной среде. Примером анализа выступает молодежь Иркутской области. Автором подчеркивается внутренняя структура проявления экстремистских настроений, в основном обусловленная деятельностью СМИ и несколько отстающей логикой мер по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде. Выявляется внутренний ракурс анализа молодежью разных возрастов отношения к экстремизму.

Ключевые слова: экстремистские настроения, молодежь, противодействие экстремизму, социальный мониторинг

В современном мире, российском обществе, многих субъектах федерации проблема экстремизма стоит достаточно остро. В одних регионах РФ доминирует этнонациональный экстремизм, в других религиозный, в третьих политический. Разобщенность общества, отсутствие четкой идеологической линии, разрушение системы патриотического воспитания, нивелирование заявлений политиков и реальной ситуации в стране, приводит к тому, что наиболее уязвимая и одновременно мобильная социальная группа – молодежь, становится подвержена воздействию крайне радикальных политических, социальных, религиозных и этических идей.

Экстремистские идеи, укореняясь в сознании молодого человека могут способствовать совершению противоправных действий: начиная от расписывания стен домов радикальными лозунгами, заканчивая «акциями» в отношении людей иной веры или этнической принадлежности, начиная от негативного отношения к представителям какой либо социальной группы (инвалиды, ветераны, лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией), заканчивая участием в погромах и иных преступлениях против этих групп. Количество подобных групп растет как в реальной среде, так и в виртуальном пространстве.

Современный мир предлагает все новые и новые формы экстре-

мисткой деятельности. И недовольство политикой, межэтническими и межконфессиональными отношениями, конкретной группой людей может выливаться в незаконные, противоправные экстремистские формы. Об этом более подробно изложено в работах коллег О.А. Полюшкевич [4,5,6,7], В.А. Скуденкова [8,9] и других. Как уже говорилось, из-за мобильности и категоричности молодежи, именно она может быть вовлечена в экстремистскую деятельность различных организаций (активность перед выборами, флеш-мобы и иные акции против каких-либо решений) и отдельных акций (события в Керчи). Как следствие этого, среди экстремистов преобладает молодёжь.

Важно понимать, что из себя представляет экстремистская деятельность. Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», она определяется как деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций СМИ, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- подрыв безопасности Российской Федерации;
- захват или присвоение властных полномочий;
- создание незаконных вооруженных формирований;
- осуществление террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма;

- возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

- унижение национального достоинства;

- осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

- пропаганду и публичное демонстрацию нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

- финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий [1].

Профилактика является одной из основных и важнейших направлений противодействия экстремизму в Российской Федерации. Согласно ст. 2 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», принцип приоритета мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, является одним из основных принципов противодействия экстремистской деятельности [2].

Особенно важно проводить профилактическую работу по внедре-

нию идей экстремизма в молодежной среде. Из-за того, что именно в молодом возрасте преобладает максимализм и незрелость суждений, готовность увлекаться громкими идеями и идти за одиозными личностями, что могут использовать экстремистские руководители. Это может повлечь негативное отношение к представителям других народов и культур. Поэтому, профилактика экстремизма среди молодёжи становится приоритетной задачей государства. Каждый регион должен проводить собственный мониторинг профилактики идей экстремизма в молодежной среде. Результаты подобной работы уже изложены ранее автором статьи [2,3].

Цель данной статьи выявление особенностей восприятия и осмысления различными социальными группами молодежи противодействию экстремистским настроениям и специфики формирования межэтнической и международной толерантности в Иркутской области.

Выборка: 525 молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, 60% девушек и 40% юношей, проживающих в Иркутской области.

Статистическая погрешность данной выборки не превысит 4,5% порог при доверительном интервале в 95%, что будет говорить о высокой репрезентативности используемой выборки (воспроизводящей структуру генеральной совокупности, в роли которой выступает молодое население Иркутской области).

Анализ результатов исследования выявил неоднозначное понимание экстремизма среди молодежи разного пола и возраста. В таблице 1 и 2 представлено распределение ответов.

Таблица 1
Зависимость понимания экстремизма от пола респондентов (в %)

№	Определение	Всего	М	Ж
1	Насилие на основе неприязни к другой национальности	37	28	15
2	Нетерпимость во всех её проявлениях	13	5	29
3	Способ восстановить справедливость	21	10	18
4	Пропаганда насилия	16	10	17
5	Готовность применить насилие для достижения целей	8	25	10
6	Допустимость использования крайних мер	5	22	11
ИТОГО		100	100	100

Как видно из таблицы, молодые люди более предметно понимают экстремизм – как «конкретное насилие к другой национальности» (28%), «готовность принять насилие для достижения целей» (25%), «допустимость использования крайних мер» (22%) тогда как среди девушек больше тех, кто оперирует более абстрактными категориями: «нетерпимость во всех её проявлениях» (29%), «способ восстановить справедливость» (18%), «пропаганда насилия» (17%). Данное распределение можно объяснить распределением традиционных стереотипов восприятия мужчин и женщин, заложенных культурно, а также в рамках ситуативной теории, объясняющей, что молодые люди более часто вовлекаются в конфликты, в том числе и в рамках экстремистских действий, поэтому более остро могут реагировать на внешнюю угрозу и потенциально готовы сами ее проявлять.

Таблица 2
Зависимость понимания экстремизма от
возраста респондентов (в %)

№	Определение	14-17 лет	18-23 года	24-30 лет	ИТОГО
1	Насилие на основе неприязни к другой национальности	45	32	23	100
2	Нетерпимость во всех её проявлениях	42	32	26	100
3	Способ восстановить справедливость	36	33	31	100
4	Пропаганда насилия	21	36	43	100
5	Готовность применять насилие для достижения целей	48	27	25	100
6	Допустимость использования крайних мер	51	27	22	100

У молодых людей более старшего возраста больше включается рефлексивность и они менее радикально настроены, в то время как более младшая группа молодежи настроена более радикально и категорично («Насилие на основе неприязни к другой национальности» 45% в возрасте 14-17 лет и 23% в возрасте 24-30 лет или «Готовность применять насилие для достижения целей» 48% в младшей группе и 25% в старшей молодежной группе и более младшая молодежь в три раза чаще, чем старшая готова прибегать к крайним мерам (51%, 27% и 22% – соответственно). Возможно, сказывается гормональный взрыв или отсутствие четкой политики власти на идеологическом уровне по работе с молодежью по профилактике экстремизма. Тогда как такие категории как «пропаганда насилия» преобладают в старшей молодежной группе (43%) и 21% в младшей молодежной группе.

Большая часть респондентов считает проблему экстремизма актуальной для Российской Федерации (да – 83%, нет – 5%, затруднились ответить – 12%). Интересен тот факт, что чем старше молодые люди, тем более категоричны они в определении актуальности данной проблемы (см. таблицу 3).

Таблица 3
Зависимость актуальности экстремизма от
возраста респондентов (в %)

№	Определение	14-17 лет	18-23 года	24-30 лет	ИТОГО
1	Да (актуально)	0	2	98	100
2	Нет (не актуально)	97	3	0	100
3	Затрудняюсь ответить	86	2	0	100

Проблемы экстремизма обсуждает 85% молодых людей, 15% не обсуждают данные проблемы, из них 62% девушки и 38% юноши.

Важным моментом выступает частота обсуждения вопросов экстремизма, так как зачастую она может быть обусловлена новостной лентой в СМИ и тут мы можем констатировать – внешнее воздействие на поддержание интереса к данной теме, а может быть спровоцирована внутренним интересом.

Как видно в таблице 4, молодые люди «иногда» обсуждают проблемы экстремизма, раз в неделю – 68% и раз в месяц – 22%, иные периоды (раз в день раз в год) – мало проявлены.

За последний год с проявлениями экстремизма сталкивалось 70% молодых людей, 20% не сталкивалось и 10% затруднились с ответом.

Во всех возрастах молодежи примерно равное количество

«встреч» с проявлениями с экстремизма в разных источниках и местах, в основном – СМИ (24%) и интернет (58%).

Таблица 4
Частота обсуждения проблем экстремизма в кругу своих знакомых (в %)

	Каж-дый день	Раз в неделю	Раз в месяц	Раз в год	Итого
Да, всегда	0	5	5	3	13
Иногда	1	60	12	1	74
Нет, никогда	0	3	3	3	9
Затрудняюсь ответить	0	0	2	2	4
ИТОГ	1	68	22	9	100

Таблица 5
Встреча с проявлениями экстремизма за последний год (в %)

№	Определение	Всего	14-17 лет	18-23 года	24-30 лет
1	Да (сталкивались)	70	33	35	32
2	Нет (не сталкивались)	20	10	10	80
3	Затрудняюсь ответить	10	50	50	0

Таблица 6
Источники экстремистских материалов (%)

№	Определение	14-17 лет	18-23 года	24-30 лет	Всего
1	СМИ	35	33	32	24
2	Интернет	33	36	31	58
3	Общение с родственниками	15	25	60	12
4	Общение с друзьями	30	50	20	5
5	Учебное заведение / работа	25	40	35	1
6	Иное	0	0	0	0

На рисунке представлено графическое изображение источников экстремистских материалов в долевом соотношении. Как и следовало

ожидать – наиболее массовым выступает Интернет и в два раза меньше иные СМИ в силу того, что молодые люди меньше взаимодействуют и с ТВ и печатными СМИ, а прессу которую и смотрят – берут там же в сети Интернет.

Большая часть молодежи полагает, что экстремистские настроения в молодежной среде учились (53%). Причем чем более старше молодежь – тем больше это проявляется (14-17 лет – 20%, 18-23 года – 38%, 24-30 лет – 42%). Или остались такими же 38% (14-17 лет – 35%, 18-23 года – 44%, 24-30 лет – 21%).

Таблица 7
Оценка субъективного восприятия изменений экстремистских настроений в обществе

№	Определение	14-17 лет	18-23 года	24-30 лет	Всего
1	Да, усилились	20	38	42	53
2	Остались такими же	35	44	21	38
3	Уменьшились	30	30	40	2
4	Затрудняюсь ответить	60	20	20	7

В повседневной жизни мы можем не обращать внимания на какие-то общие темы, но экстремизм – то явление, которое выбивает нас из зоны комфорта и заставляет обращать на себя внимание вне зависимости от того, как мы к нему относимся, готовы агитировать «за» или «против», он в любом случае изменяет нашу повседневную реальность, поэтому очень мало тех, кто не испытывает воздействия этой тематики и этих явлений на себе.

Касаясь вопроса воздействия национальности человека на отношение к нему, мы выявили, что для 36% национальность имеет значе-

ние и влияет на отношение к человеку, для 47% не имеет значения, какой он национальности и 17% затруднились с ответом.

Для молодых людей разных возрастных групп, факторы роста экстремистских настроений отличаются. Для молодых людей 14-17 лет это «большое количество мигрантов и гастарбайтеров» (49%), для молодых людей в возрасте 18-23 года – это «пропаганда насилия в СМИ» (56%), для молодых людей в возрасте 23-30 лет это «Низкий уровень образования, культуры населения» (56%) и «Высокий уровень криминальности некоторых национальностей» (43%).

Таблица 8
Факторы роста экстремистских настроений (в %)

№	Определение	14-17 лет	18-23 года	24-30 лет	Всего
1	Пропаганда и насилие в СМИ	21	56	23	32
2	Большое количество мигрантов, гастарбайтеров	49	31	20	46
3	Низкий уровень образования, культуры населения	16	28	56	16
4	Высокий уровень криминальности некоторых национальностей	21	36	43	5
5	Пренебрежительное отношение к культуре, обычаям других народов	0	0	100	1

Факторы роста экстремистских настроений во всех группах молодежи – это «Большое количество мигрантов, гастарбайтеров» 46%, «Пропаганда и насилие в СМИ» - 32%, «Низкий уровень образования, культуры населения» - 16%, «Высокий

уровень криминальности некоторых национальностей» - 5%, «Пренебрежительное отношение к культуре, обычаям других народов» - 1%.

Молодые люди в разном возрасте не одинаково оценивают наиболее опасные проявления экстремизма. Для молодых людей в возрасте 14-17 лет – это «Унижения, оскорбления, угрозы в адрес людей других национальностей, вероисповеданий» - 44%, для молодых людей в возрасте 18-23 года – это «Осквернение, разрушение памятников, могил» - 45%, для молодых людей в возрасте 24-30 лет – это «Политические убийства, физические расправы» - 46%.

Таблица 9
Наиболее опасные проявления экстремизма (в %)

№	Определение	14-17 лет	18-23 года	24-30 лет	Всего
1	Политические убийства, физические расправы	20	34	46	40
2	Осквернение, разрушение памятников, могил	15	45	40	25
3	Унижения, оскорбления, угрозы в адрес людей других национальностей, вероисповеданий	44	34	22	18
4	Пропаганда фашизма и др.	8	29	63	12
5	Призывы к запрету существующих партий и движений	12	22	66	5

При этом, во всех группах молодежи наиболее опасными проявлениями экстремизма считают «Политические убийства, физические расправы» - 40%, «Осквернение, разрушение памятников, могил» - 25% и «Унижения, оскорбления, угрозы в

адрес людей других национальностей, вероисповеданий» - 18%, «пропаганда фашизма» только на 4 месте – 12% и «Призывы к запрету существующих партий и движений» на 5 месте – 5%.

Но 95% молодых людей, лично не сталкивалась ни с какой экстремистской группой, только 5% указали на то, что были личные встречи. И это в основном такие националистические группировки как «мы – русские», «Россия для русских».

Кроме «Россия для русских», никаких экстремистских организаций молодыми людьми не было названо (8%).

Наиболее эффективный способ борьбы с экстремизмом у юношей и девушек отличаются. Молодые люди полагают, что лучше заниматься развитием молодежного движения, спортивную и культурную работу (62%) и усиливать работу правоохранительных органов (57%), тогда как девушки считают, что следует обратить внимание на правовое и духовно-нравственное воспитание молодых людей (65%). Распределение ответов о том, что нет эффективных форм борьбы с экстремизмом распределились по-разному.

Таблица 9
Наиболее эффективный способ борьбы с экстремизмом (в %)

№	Определение	М	Ж	Всего
1	Развитие молодежного движения, спортивную и культурную работу	62	38	32
2	Правовое и духовно-нравственное воспитание	65	35	36
3	Нет эффективных форм борьбы с экстремизмом	50	50	12
4	Работа правоохранительных органов	57	43	20

Наиболее распространенным способом борьбы с экстремизмом выступает «Правовое и духовно-нравственное воспитание» - 36%, на втором месте «Развитие молодежного движения, спортивную и культурную работу» - 32%, на третьем «Работа правоохранительных органов» - 20% и тех, кто считает, что «нет эффективных форм борьбы с экстремизмом» – 12%.

Большая часть молодежи (98%) указали на то, что правовая база России не достаточна для борьбы с экстремизмом и 2% затруднились с ответом.

Но отвечая на вопрос о том, какой из видов экстремизма наиболее опасен, мнения девушек и юношей разделились. Девушки полагают, что более опасный религиозный вид экстремизма (65%), а юноши – политический 63%. По вопросам национального экстремизма оценки примерно одинаковы.

Таблица 10
Наиболее опасный вид экстремизма (в %)

№	Определение	М	Ж	Всего
1	Религиозный	35	65	21
2	Политический	63	37	38
3	Национальный	48	52	41

По мнению молодых людей наибольшую угрозу для общества несет национальный экстремизм (41%), на втором месте политический (38%) и в два раза меньше угрозу несет религиозный экстремизм – 21%.

На открытый вопрос о том, к каким национальностям вы относитесь негативно, было не так много ответов. На первом месте – «китайцы» (к ним негативно относится 43% молодых людей), на втором месте «кавказцы» (обобщенная группа) – 35% и на третьем – указывали отдельных

представителей Кавказа – «чеченцы», «осетины», «грузины» - 7%, «евреев» указывали 3% и другие – 2%. И в 10% указывали, что ко всем одинаково хорошо относятся.

На открытый вопрос о том, к каким национальностям вы относитесь позитивно – указывали «русских» в 80% и называли наравне с русскими, украинцев и белорусов в 10%. И 10% указывали – что «ко всем хорошо».

Наибольшим источником информации о чертах или качествах лиц другой национальности выступает Интернет (45%) и СМИ (35%), реже общение с родственниками (10%) и друзьями (5%) и учеба или работы также 5%. Как видно из таблицы, для девушек общение с родственниками и друзьями имеет большее значение, чем для юношей. Вероятно, потому что они больше расположены к личному взаимодействию.

Таблица 11
Источники информации о лицах другой национальности (в %)

№	Определение	М	Ж	Всего
1	СМИ	50	50	35
2	Интернет	55	45	45
3	Общение с родственниками	10	90	10
4	Общение с друзьями	20	80	5
5	Учебное заведение / работа	40	60	5

В таблице 12 представлено распределение ответов на несколько утверждений, позволяющих выявить склонность к экстремистским настроениям в молодежной среде. Среди молодых людей больше тех, кто более радикален в экстремистских настроениях (Мы должны бороться за чистоту нашей крови – 65%, Некоторые национальности ненавидят нас и готовы сделать все, чтобы нас

не стало – 68%), среди девушек меньше радикально настроенных (Представители нашей национальности должны иметь привилегии при поступлении на учебу, при приеме на работу – 64%, Представители нашей национальности жили на этой территории всегда, поэтому "чужаки" должны уйти – 56%), но они также имеют место быть.

Таблица 12
Источники информации о лицах другой национальности (в %)

№	Определение	М	Ж	Всего
1	Представители нашей национальности должны иметь привилегии при поступлении на учебу, при приеме на работу	36	64	32
2	Представители нашей национальности жили на этой территории всегда, поэтому "чужаки" должны уйти	44	56	35
3	Мы должны бороться за чистоту нашей крови	65	35	12
4	Некоторые национальности ненавидят нас и готовы сделать все, чтобы нас не стало	68	32	21

К представителям других религий положительно относится 28% молодых людей, нейтрально – 39% и отрицательно – 33%.

Наибольший негатив и неприязнь молодые люди испытывают к исламу (80%), на втором месте – секты (8%) и 2% к буддизму и еще 10% ни к кому не испытывают неприязнь. Негативное отношение вызвано позиционированием представителей данной религии в СМИ и Интернет, на личное общение с носителями данных религиозных учений никто не указал.

В таблице 13 представлены варианты ответов, показывающий предпосылки возникновения религиозного экстремизма в молодежной среде.

Таблица 13
Оценка согласия с утверждениями о представителях различных религий (в %)

№	Определение	М	Ж	Всего
1	Представители некоторых религий не должны жить в нашем регионе	54	46	24
2	Представители некоторых религий способны на любое преступление, потому что их религия им это разрешает	43	57	28
3	Те, кто верят в других Богов, глубоко ошибаются, необходимо приложить все силы, чтобы обратить их в свою веру	52	48	22
4	Представители других религий представляют угрозу для представителей моей религии	51	49	26

В общественно-политических организациях готовы принимать участие 45% молодых людей, не готовы 50%, 5% затруднились с ответом. Это позволяет нам утверждать, что занимаясь идеологической работой с молодежью можно ее привлечь в социально-активную работу. Вопрос в том, кто этим будет заниматься – если экстремистские организации, то у нас вырастет количество экстремистских акций, если идеологическая патриотическая работа – то у нас возрастет количество небезразличных, активных и инициативных молодых людей.

Косвенно эти данные подтверждает ответ на открытый вопрос о том, в чем причины распространения

экстремизма. Среди ответов молодых людей всех групп – это отсутствие идеологической политики со стороны власти – 47%, на втором месте отсутствие рабочих мест для молодежи – 31%, и низкий уровень организации досуга молодежи – 22%.

В таблице 15 представлены наиболее эффективные методы борьбы с экстремизмом. Для девушек наиболее предпочтительной выступает «выработка новой государственной идеологической политики» - 45%, для юношей – «активная работа правоохранительных и судебных органов» - 65%.

Таблица 15
Эффективные методы борьбы с экстремизмом (в %)

№	Определение	М	Ж	Всего
1	Развитие молодежного движения, работу спортивных, культурных и иных учреждений	52	48	32
2	Через активную работу правоохранительных и судебных органов	65	35	25
3	Активная деятельность администрации города по трудоустройству молодежи, ее социальной защищенности	43	37	15
4	Выработку новой государственной идеологической политики	55	45	24
5	Другое (беседы, воспитание, защита, положитель. пример и др.)	50	50	4

Выводы

Проблемы экстремизма рассматривают не только с точки зрения теории, но и для построения молодежной политики и для социальной работы с молодежью и для совершенствования блокирующего экстремизм законодательство. Рост

протестных настроений будут всё более делать проблематику молодёжного экстремизма значимой.

Важно понимать не просто сам экстремизм в молодёжной среде, а изучать и регулировать экстремистские настроения и экстремистские действия. Первые являются потенциальной угрозой (т.к. предполагают фиксацию радикальных идей в сознании молодого человека, но не предполагают активных экстремистских действий) и могут быть изменены или локализованы профилактической работой, вторые требуют более радикальных мер и комплексную работу органов власти и правопорядка, так как предполагают реальное действие против кого-либо и могут нанести ущерб человеку или группе людей по различным признакам и причинам (национальности, вере, общественном или политическом участии и т.д.).

Работа с молодёжью в области профилактики работы с экстремизмом должна проводиться по всем направлениям. Как показало наше исследование, в молодёжной среде достаточно высокий уровень неудовлетворенности и напряжённости, что может стать основой роста экстремистских организаций.

Без целенаправленной работы государства в виде формирования государственной идеологии и совершенствования правовой базы регулирования экстремистов и экстремистских организаций, активной работы правоохранительных органов и просветительской деятельности образовательных учреждений всех уровней – невозможно представить изменения в социально-политической обстановке в стране.

Более того, вопросы занятости и досуга молодёжи должны стать при-

оритетными в деятельности государственных и некоммерческих организаций и развития молодёжного движения в целом.

А также необходимо изменить информационную среду в СМИ и сети Интернет, где бы освещались не только экстремистские вопросы, но и положительная тематика досуга и занятости молодёжи, патриотизма и различных современных способов и форм самореализации. Без положительного примера молодые люди не смогут сформировать устойчивые приоритеты «должного» и «правильного» поведения.

Литература

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) / Информационно-правовой портал «Гарант». Обращение к документу: 17.12.2019. <<http://base.garant.ru/12127578/1caf b24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>>.
2. Иванов Р.В. Качество патриотизма в современной России // Социология. 2019. № 4. С. 21-26.
3. Иванов Р.В. Экстремистские настроения молодёжи: мифы и реальности провинциального региона // Социология. 2019. № 1. С. 130-135.
4. Полюшкевич О.А. Идеологические ресурсы социокультурной солидарности // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 217-230.
5. Полюшкевич О.А. Общественный договор как инструмент консолидации общества // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 75-80.

6. Полюшкевич О.А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113-117.

7. Полюшкевич О.А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293-300.

8. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118-122.

9. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82-84.

Conditions for countering extremism among young people: results of a regional study
Ivanov R.V.

Irkutsk State University

The article presents the results of a study of the conditions for countering extremism in the youth environment. An example of analysis is the youth of the Irkutsk region. The author emphasizes the internal structure of the manifestation of extremist sentiments, mainly due to the activities of the media and the somewhat lagging logic of measures to prevent and combat extremism among young people. The internal aspect of the analysis by young people of different ages of their attitude to extremism is revealed.

Key words: extremist sentiment, youth, countering extremism, social monitoring

References

1. Federal Law of July 25, 2002 N 114-ФЗ "On Counteracting Extremist Activities" (as amended) / Information and Legal Portal "Garant". Appeal to the document: 12/17/2019. <<http://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>>.
2. Ivanov R.V. The quality of patriotism in modern Russia // Sociology. 2019.No 4.P. 21-26.
3. Ivanov R.V. Extremist sentiments of youth: myths and realities of a provincial region // Sociology. 2019.No 1. S. 130-135.
4. Polyushkevich O.A. Ideological Resources of Sociocultural Solidarity // Public Administration. Electronic bulletin. 2017. No. 64. S. 217-230.
5. Polyushkevich O.A. Social contract as an instrument of society consolidation // Human Science: humanitarian research. 2012. No 1 (9). S. 75-80.
6. Polyushkevich O.A. The symbolic meaning of the territory in the consciousness of Siberians // Sociology. 2018. No. 2. S. 113-117.
7. Polyushkevich O.A. Territorial and spatial symbols of the sociocultural solidarity of Siberia // Bulletin of the Pacific State University. 2017. No. 4 (47). S. 293-300.
8. Skudencov V.A. Change of ideas about success and prosperity in the minds of Russians (from 2014 to 2017) // Sociology. 2018. No. 2. P. 118-122.
9. Skudencov V.A. Economic claims in the structure of student youth patriotism // Alma mater (Bulletin of higher education). 2018. No. 2. P. 82-84.

Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи

Малых Светлана Владимировна

кандидат исторических наук, доцент, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии иностранных языков и медиа коммуникаций Иркутского государственного университета, lana.malyx@bk.ru

В статье приводятся результаты исследования студенческой молодежи в области формирования виртуальной идентичности. Анализируется роль университетской среды в становлении идентичности и детально анализируются формы социального моделирования своего образа в молодежной среде.

Ключевые слова: виртуальная идентичность, молодежь, университет, студенчество

В современном мире социальные сети играют большую роль. Особенно это актуально для молодого поколения. «Просматривание» и «лайканье» друзей в социальных сетях становится своего рода социальным ресурсом, новой формой социального взаимодействия. Визуальный контакт становится атрибутом социального взаимодействия. И соответственно, те, кто выставляют фотографии – формируют свою собственную визуальную идентичность, т.е. фотографии выступают опосредственным способом представления себя в обществе. Фотографии подбираются для конструирования определенного образа, обусловленного некой саморефлексивностью и самопрезентацией.

Подобная тематика затрагивалась в ряде работ зарубежных авторов (А. Dahlgren [7], Р. Uimonen [8], С. Balleys [6]), среди отечественных авторов М.А. Ерофеева [2], В.Н. Киселев, А.М. Сосновская, А.А. Старцев [3], Т.С. Паниотова, М.В. Митрохина [4], О.А. Полюшкевич [5].

В данной работе мы применяли метод антропологического наблюдения, используя «профильные» фотографии списка друзей автора, в количестве 847 человек (профилей). Цифровая антропология становится одним из перспективных форм изучения новых форм идентичности в виртуальном мире. Целью нашей работы было выявление визуальных форм коммуникации у

молодежи от 18 до 35 лет. С некоторыми из них были проведены индивидуальные интервью (17 человек).

Для понимания того, насколько полученные результаты можно применять ко всем пользователям социальных сетей, необходимо проводить более масштабные исследования, но полученные данные позволяют выявить и характеризовать определенные модели поведения, которые могут найти отражение и в других социальных мирах и социальных средах наших современников.

Мы предполагали, что выбор тех или иных фотографий формирует некий образ, инсценировку он-лайн конструирования образа Я. Более того, количество «лайков» и «просмотров» фотографий друзей человека представленного в социальной сети формирует его социальный имидж, социальный капитал, также дает возможность автора отслеживать количество просмотров и лайков и тем самым становится инструментом рефлексивности. В этой связи, идеи В. Тёрнера становятся более применимы в контексте того, что рефлексивность может быть индивидуальной (формой оценки себя, своего образа), и коллективной (социальной), когда мы конструируем и подкрепляем свои миры. Представления своего Я, через фотографии в социальных сетях позволяют проследить рефлексивность и интерактивность Я, что является основой визуальной коммуникации.

Рассматривая результаты анализа полученных данных, мы можем заключить, что чем младше человек, имеющий свой социальный профиль в социальной сети vkontakte, тем больше и чаще он

пользуется данной сетью, что говорит о возрастании популярности данной социальной сетью.

По статистике вконтакте пользуется 83% населения [1]. В постах на своих страницах процентное соотношение текстовых сообщений и визуальных неравномерно (1 к 10). И из текстовых сообщений достаточно редко бывают собственные мысли и идеи, чаще цитирование «умных» мыслей или идей известными мыслителями, публичными людьми (актерами, политиками, бизнес-лидерами) и т.д.

Из всего пула фотографий в профиле автора доминируют портреты (18%), фотографии на фоне административных, культурных, религиозных зданий (университетов, церквей, музеев, театров – зачастую не из тех городов, откуда сам владелец профиля) 29%, фотографий с мест отдыха (с видами моря, гор, пляжей) – 32%, фотографий с друзьями или известными личностями (политиками, актерами, певцами) – 14%, другие фотографии – 7%.

Через фотографии молодые люди выстраивают коммуникацию: 1. Они показывают то, что они Есть; 2. что их жизнь наполнена событиями и интересными встречами и местами (замена фотографий в профиле автора); 3. Происходит сопresутствие в друзьях у кого-либо, что позволяет отмечать в комментариях и оценках свою вовлеченность в жизнь Другого (присутствие в отсутствии).

Замена фотографий в своем профиле для большей части тех, кто принимал участие в интервью выступает способом отражения тех жизненных изменений, которые происходили с ними.

Я разместил свою фотографию на фоне Ермака, когда впервые приехал в Иркутск, став студентом ИГУ, потом конечно фотографии на странице поменялись – выставил свою фотографию с Губернатором, а затем, когда был в Москве на конференции – выставил свое фото на Воробьевых горах, перед МГУ, ну и сейчас у меня фотография с концерта БИ-2. Я там размещаю далеко не все, что у меня происходит – но самое важное. По моим фотографиям – можно проследить – где я бываю, что делаю, с кем общаюсь, что мне интересно (Кирилл, 19 лет, 2 курс, государственное и муниципальное управление).

Я зарегистрирована в контакте еще с 14 лет и размещаю только те фотографии, которые показывают моли изменения во внешности: когда из брюнетки, я стала блондинкой и моя фотография поразила всех моих друзей; когда я с родителями ездила в Тайланд и загорала на пляже и купалась в океане и моя фигура просто изумительно смотрелась на этом фоне; или же когда я ходила на показ мод в Иркутске, где мне предложили принять участие с следующим показе. Это мой имидж – который определяет мою жизнь и отражен на страницах социальных сетей (Руслана, 21 год, 4 курс, история).

Респонденты подтверждают вывод автора о том, что через фотографии происходит управление впечатлениями. Фотография фиксирует значимый образ идентичности, который позволяет создать игровое пространство для самопрезентации. Социальные сети тем самым выступают способом игриализации идентичности в виртуальном мире.

Другим примером работы с визуальным профилем может стать самопрезентация себя не только через фотографии в социальных сетях, но ведение собственного блога, где они презентуют себя, отражая более развернуто свои мысли, идеи и формы работы, усложняя форму коммуникации.

Я помимо собственной странички, где размещаю свои фото, веду страничку по научной работе студентов Института, иногда дублирую информацию, размещаю интересные материалы, что могут помочь студентам в написании научных и исследовательских работ, развить навыки коммуникации и всего того, что может им помочь реализоваться (Александр, 20 лет, 4 курс, государственное и муниципальное управление).

Я размещаю фотографии и информацию о всех проводимых в университете творческих мероприятиях, сама участвую в организации многих из них, а также отдельно веду записи по культурной жизни университета, пишу отзывы и комментарии, аннотации и рекомендации к посещению тех или иных мест, отмечаю тех, кто был на этих мероприятиях через теги имен (Ярослава, 20 лет, 3 курс, психология).

Благодаря данной коммуникации происходит не только констатирование того, кем являются те, кто размещает свои фото, но и конструирование того, кем они могли бы быть, если бы принимали участие в подобных мероприятиях. Это то, что влияет на формирование представления о человеке, закрепление мнения о его убеждениях и ценностях в глазах Друзей, что отмечают и оценивают его фотографии.

Более того, имя, вписанное в фотографию создает дополнительное подкрепление у тех, кто ведет свои страницы (так как у них это отражается), подтверждая их принадлежность к определённой группе, расширение круга Своих. Фотографии с *мест событий* позволяют говорить о инсценировке подлинности и насыщенности жизни. В социальных сетях соединятся формы индивидуальной и социальной жизни, зачастую эти границы стираются или по крайней мере размываются. Также через фотографии профилей передаются жизненные смыслы – конструирующие как форму, так и содержание образа человека, внешнего и внутреннего нарратива.

Отдельным пунктом в социальных сетях состоит вовлеченность в те или иные личные отношения с представителями противоположного пола. Такие фотографии выступают доказательством наличия отношений и характеристикой их качества.

Для моего окружения важно знать, что я не одна и у меня есть молодой человек, с которым могут быть более серьезные отношения. Поэтому, всякий раз, когда мы встречаемся – я делаю фото того как мы ходим в кино, кафе или просто гуляем и потом я это выкладываю в социальную сеть (Альбина, 20 лет, 3 курс, политология).

Это достаточно важный момент в моих отношениях с девушкой – если я не буду выкладывать наши фото – она меня не поймет и я потеряю авторитет в глазах своих друзей (Михаил, 20 лет, 3 курс, геолог).

Схожим мотивом выступает выставление фотографий с друзьями,

где совместные фотографии выступают доказательством дружбы, вовлеченности в совместные события и готовности их транслировать во вне.

Мои друзья – это мой капитал. Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей. Это про меня. Все наши встречи показывают нашу активную, интересную жизнь, а те кто не с нами – пусть завидуют нам. Так как мы – настоящие пацаны! (Артем, 21 год, 4 курс, физик).

Мои подруги дают мне поводы для самосовершенствования и наши фотографии – это показатели того как я работаю с собой, сколько усилий прикладываю, насколько успешно и эффективно взаимодействую со своим окружением (Алена, 24 года, выпускница социальной работы).

Иными словами, не столько важно обладать социальным капиталом, сколько его визуально презентовать в социальных сетях. Идентичность молодых людей в социальных сетях выступает формой показать КТО Я, с КЕМ общаюсь, с КЕМ работаю и ГДЕ и КАК отдыхаю, это определяет его образ. В конструирование его вовлечены все: и те, кто выкладывает фотографии, и те, кто их оценивает. Это пространство виртуальной социальной коммуникации социальных сетей.

Социальная коммуникация в социальных сетях позволяет зримо воплотить символический капитал, найти элементы и формы его презентующие; визуально представить формы и типы социальной идентичности молодежи; подчеркнуть принадлежность к определённым группам (выделив своих и чужих); постоянно регулировать и подкреплять визуальную презентацию активной

жизни; актуализировать значимость личных отношений.

Литература

1. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России [электронный ресурс] URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата доступа 15.12.2019)

2. Ерофеева М.А. Репрезентация гендерных образов современных студентов в социальных сетях (на примере социальной сети «вконтакте») // Человеческий капитал. 2018. – № 11-2 (119). – С. 56-61.

3. Киселев В.Н., Сосновская А.М., Старцев А.А. Эффективная коммуникация в медиасфере: построение культурной идентичности // Управленческое консультирование. 2016. – № 5 (89). – С. 120-128.

4. Паниотова Т.С., Митрохина М.В. Феномен мобилографии как новая форма репрезентации идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2016. – № 1. – С. 146-156.

5. Полюшкевич О.А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. – С. 139-143.

6. Balleys C. Gestion de l'intimité et affichage d'un territoire sentimental entre adolescents sur Internet // Agora débats / jeunesses. – P., 2016. – Vol. 72, N 1. – P. 7–19.

7. Dahlgren A. Dated photographs: The personal photo

album as visual and textual medium // Photography a. culture. – Oxford, 2010. – Vol. 3, N 2. – P. 175–194.

8. Uimonen P. Visual identity in Facebook // Visual studies. – Oxford, 2013. – Vol. 28, N 2. – P. 122–135.

The formation of the virtual identity of university youth

Malykh S.V.

Irkutsk State University

The article presents the results of a study of student youth in the field of virtual identity formation. The role of the university environment in the formation of identity is analyzed and the forms of social modeling of their image in the youth environment are analyzed in detail.

Key words: virtual identity, youth, university, students

References

1. All Internet statistics for 2019 - in the world and in Russia [electronic resource] URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (access date 12/15/2019)

2. Erofeeva M.A. Representation of gender images of modern students in social networks (for example, the social network "VKontakte") // Human capital. 2018. -- No. 11-2 (119). - S. 56-61.

3. Kiselev V.N., Sosnovskaya A.M., Startsev A.A. Effective communication in the media sphere: building a cultural identity // Management Consulting. 2016. - No. 5 (89). - S. 120-128.

4. Paniotova TS, Mitrokhina M.V. The phenomenon of mobilography as a new form of representation of identity // Knowledge. Understanding. Skill. 2016. - No. 1. - S. 146-156.

5. Polyushkevich O.A. The construction of youth identity: visual presentation in social networks // Social reality of virtual space. Materials of the I International scientific-practical conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. 2019. -- S. 139-143.

6. Balleys C. Gestion de l'intimité et affichage d'un territoire sentimental entre adolescents sur Internet // Agora débats / jeunesses. - P., 2016. -- Vol. 72, N 1. - P. 7-19.

7. Dahlgren A. Dated photographs: The personal photo album as visual and textual medium // Photography a. culture. - Oxford, 2010. -- Vol. 3, N 2. - P. 175-194.

8. Uimonen P. Visual identity in Facebook // Visual studies. - Oxford, 2013. -- Vol. 28, No. 2. - R. 122-135.

Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области

Попова Марина Владимировна

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет,
marina_popova1990@list.ru

В статье рассматриваются результаты прикладного исследования развития привлекательности сельских территорий. Анализируются сельские территории Иркутской области через призму социальной и территориальной идентичности и перспектив регионального развития.

Ключевые слова: сельская территория, привлекательность территории, механизмы развития, территориальная идентичность

Сельская территория как объект маркетингового управления должна представлять собой гибкую систему, которая может быстро и эффективно приспосабливаться к изменяющейся окружающей среде и новым возможностям. Это означает, что на территории должна быть организована эффективная информационная система, а также система планирования, внедрения и контроля, которые сделают возможным производить мониторинг и своевременно реагировать на меняющиеся возможности и угрозы. При помощи процесса стратегического планирования территории может быть создано уникальное рыночное предложение.

Формирование бренда территории создает условия для развития потенциала региона, для роста эффективности его использования, повышения конкурентоспособности территории. Продвижение бренда способствует росту его узнаваемости, а, следовательно, росту числа потенциальной целевой аудитории (инвесторов, туристов, потребителей товаров и услуг, предпринимателей и т. п.).

В разработке бренда территории должны принимать участие региональные общественные организации, бизнес-сообщества и представители средств массовой информации, жители региона.

В рамках муниципального устройства, в границах административно-территориальных образований области к 1 января 2017 года образованы 466 муниципальных образований, в том числе:

- 10 городских округов: Ангарск (муниципальное образование «Ангарский городской округ») Братск (муниципальное образование города Братска), Зима (Зиминское городское муниципальное образование), Иркутск (муниципальное образование город Иркутск), Саянск (муниципальное образование город Саянск), Свирск (муниципальное образование город Свирск), Тулун (муниципальное образование город Тулун), Усолье-Сибирское (муниципальное образование города Усолья-Сибирского), Усть-Илимск (муниципальное образование город Усть-Илимск) и Черемхово (муниципальное образование город Черемхово).

- 32 муниципальных района, включающие:

- 63 городских поселения,
- 361 сельское поселение.

Сельскохозяйственные угодья области составляют 2 386,6 тыс. га, в том числе пашня – 1 612,4 тыс. га. По данным сельскохозяйственной переписи агропромышленный комплекс включает 179 сельскохозяйственных организаций, 1600 крестьянских (фермерских) хозяйств и 65 индивидуальных предпринимателей, 290,4 тысяч личных подсобных хозяйств населения, 1 090 некоммерческих объединений. Закупками излишков сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах населения занимаются 64 сельскохозяйственных потребительских кооперативов и 21 организация.

По данным Иркстата в Иркутской области на 1 января 2019 года численность населения составляет 2 397 763 человек. Из них всего 509 739 человек проживает на сельской территории. Данная цифра подтверждает отрицательный имидж сельской местности в нашем регионе.

На наш взгляд, одним из важнейших инструментов, который может способствовать устойчивому развитию сельских муниципальных образований является маркетинг территории – целенаправленная деятельность по разработке и внедрению комплекса мероприятий способствующих максимальному удовлетворению социально-экономических интересов территории, а также внешних потребителей, во внимании которых заинтересована территория. Это использование внутреннего потенциала, составяющими которого является эффективная и устойчивая деятельность сельскохозяйственных предприятий, крестьянских (фермерские) хозяйств, личных подсобных хозяйств населения (ЛПХ). Для сельскохозяйственного производства проблема устойчивости является более сложной, чем для других отраслей экономики. Это связано с тем, что продукция сельского хозяйства незаменима и спрос на нее неэластичен [1].

В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2020 г. основными целями государственной политики определены создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения селом его производственной и других общенациональных функций, устойчивый

рост сельской экономики, повышение эффективности сельского хозяйства, занятости, уровня и качества жизни сельского населения, рационализация использования природных ресурсов и охрана природной среды, сохранение и приумножение культурного потенциала села [3].

Отметим, что создание благоприятных условий, направленных на повышение устойчивости функционирования сельскохозяйственных предприятий и личных подсобных хозяйств, широкое вовлечение их в решение социальных вопросов и вопросов местного значения может стать эффективным подходом для преодоления кризисных явлений, свойственных сельским территориям РФ.

Российские ученые (академики РАСХН И. Ушачев и А. Петриков, чл-корр. РАСХН Е. Савченко, А. Миндрин и др.) в своих работах выделяют различные функции сельских поселений, рассматривая их как сложные открытые социально-экономические системы. Выделяются такие функции, как производственная (состоящая в основном в удовлетворении потребностей общества в продовольствии и сырье для промышленности); социально-демографическая (предполагающая воспроизводство сельского населения); социо-культурная (предполагающая формирование системы духовных ценностей и традиций) и прочие. В рамках рассматриваемой тематики особо следует выделить функцию социального контроля над территорией, которая помимо содействия сельского населения органам государственной и муниципальной власти в обеспечении общественного порядка и безопасности территории, на наш

взгляд включает оценку уровня удовлетворенности этого самого населения разнообразием и качеством предоставляемых ему муниципальных услуг [2, 7, 8].

Таким образом, одним из путей преодоления негативных явлений в развитии сельских территорий региона является применение маркетингового подхода. Его применение на базе развития местного самоуправления и сложившейся системы сельскохозяйственной кооперации и интеграции позволят значительно повысить привлекательность инвестиционного климата и сократить финансовую зависимость сельских административно-территориальных образований от вышестоящих структур.

Деятельность органов управления в отношении экономического развития сельских территорий смещается с прямого производства и предоставления услуг к обеспечению возможностей развития предпринимательского сектора и роста уровня качества жизни населения.

Вопросы местного значения, решение которых ложится на органы управления сельских территорий и способствует их устойчивому развитию, невозможно решить за счет традиционных технологий муниципального управления. Маркетинговый подход позволит на основе маркетинговых инструментов и стратегий разработать и систематизировано применить комплекс мероприятий направленных на эффективное и выгодное использование имеющихся ресурсов с целью повышения конкурентоспособности на основе удовлетворения спроса целевых групп потребителей.

Для проживающих на территории граждан наиболее важным яв-

ляется наличие социально-инфраструктурных объектов, общественная и экологическая безопасность, система коммуникаций и связи, возможность трудоустройства и уровень доходов.

Для инвесторов основными факторами конкурентоспособности территории выступает местное законодательство, фискальная политика, рыночная инфраструктура.

В этой связи уместно остановиться на вопросе переосмысления административных и управленческих процессов функционирования администраций сельских территорий с акцентом на повышение качества оказания муниципальных услуг и рационализацию организационной структуры управления сельской территорией и прочее.

В данном случае речь идет об ориентации не столько на функции отдельного специалиста (муниципального служащего), сколько на процессы, ключевыми моментами которых являются работа в команде, наделение работников правом принятия решения и т.д. Переход к маркетинговой концепции функционирования сельских территорий помимо традиционного статистического мышления муниципальных служащих требует развития системного и процессного мышления [5].

Использование муниципального маркетинга для экономической интеграции в аграрной сфере способно оказать комплексное положительное воздействие на возникающие ситуации в сельской местности [6]:

– экономический эффект заключается в уменьшении транзакционных издержек, создании добавленной стоимости и увеличении объемов сбыта продукции, что приводит

к повышению экономической эффективности деятельности местных предприятий;

– социальный эффект проявляется в сохранении существующих и создании новых рабочих мест, увеличении доходов местного населения;

– экологический эффект выражается в снижении нагрузки на окружающую среду в результате сокращения транспортных и производственных путей, более рационального использования природных ресурсов территории и т.д.

Для реализации маркетингового подхода к развитию сельских территорий необходим ряд условий: поддержка и понимание со стороны муниципальных служащих локального уровня и органов государственной власти субъекта РФ, поддержка их инновационного системного мышления, подбор специалистов, понимающих поставленные задачи и владеющих маркетинговыми технологиями, а также одобрение маркетингового подхода к управлению сельской территории со стороны местного населения.

Таким образом, применение маркетингового подхода в сочетании с другими механизмами может значительно снизить проявление негативных тенденций в сельской экономике и, как следствие, придать более высокие темпы устойчивого социально-экономического развития сельских территорий.

Рассматривая имидж территории в управленческом аспекте, необходимо выделить ряд его значимых характеристик:

1. Имидж территории – это не только результат или следствие политических, экономических, социально-культурных и иных факторов

локального развития, но и активный инструмент преобразований, повышение статуса и престижа той или иной территории.

2. Как коммуникативная технология имидж территории формируется целенаправленно, через комплекс социально-политических, правовых, научно-технических и других действий и акций, направленных на комплексное социально-экономическое развитие территории, выполнение общих задач развития.

3. Имидж территории призван обеспечивать ее идентификацию как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами, что предполагает узнаваемость в выгодном для территории свете и доверие ее целевых групп. В этом заключается «идеологическая консолидирующая функция имиджа» [9].

4. В силу своей управленческой природы имидж является динамической характеристикой территории, что предполагает изменение типа или сущности территориального имиджа в процессе его формирования, продвижения или репозиционирования территории.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что отправной точкой формирования привлекательного имиджа сельской территории должна стать объективная оценка основных характеристик конкурентного преимущества территории и выбор приоритетов при дальнейшем формировании имиджа.

Исследователи сходятся во мнении, что управление формированием имиджа территории любого уровня, в том числе и сельских территорий, возможно лишь при условии системного стратегического подхода к его развитию [3, 10, 11].

Предлагаемая нами технология управления формированием имиджа сельской территории определяет последовательность и содержание пяти этапов (рис. 1).

Организационный этап предполагает выявление круга субъектов маркетинга территории, заинтересованных в ее успешном продвижении, построение системы коммуникаций, выявление финансовых ресурсов, обеспечивающих деятельность в рамках позиционирования данной территории. В сельских условиях в качестве таковых субъектов могут выступить представители не только местной администрации, но и бизнеса, малого предпринимательства, активной общечественности.

Рис. 1. Формирование имиджа территории

В ходе аналитического этапа проводится конкурентный анализ и работа по определению потенциала сельской территории, включая выявление наиболее существенных имиджеобразующих факторов для разных целевых аудиторий. В рамках данного этапа должны проводиться так же полевые исследования (анкетирование, интервьюирование, опрос и проч.), нацеленные

на оценивание потенциальными потребителями выявленных факторов.

В рамках стратегического этапа осуществляется постановка целей и задач формирования привлекательного имиджа, включая определение роли и связи имиджевой концепции с комплексной социально-экономической стратегией развития территории. Данный этап предполагает также разработку и смысловое наполнение желаемого образа сельского муниципального образования (с точки зрения установленных стратегических целей) для каждой целевой аудитории.

Этап реализации имиджевой концепции предполагает разработку и реализацию программы действий по достижению желаемого имиджа. На этом этапе разрабатываются программные документы и планы мероприятий по достижению поставленных целей по всем приоритетным направлениям. Результатом этапа должен стать конкретный информационный продукт, формирующий образ места как наиболее привлекательного для проживания, ведения деятельности, инвестиционных вложений, рекреации.

Этап контроля и оценки эффективности является завершающим в данной технологии и осуществляется, как правило, органами местной администрации по результатам проведенных мероприятий.

Учитывая специфику сельской местности, исходными точками и концептами формирования привлекательного имиджа сельской территории могут стать:

– особенности природно-ресурсного потенциала, уникальные природные объекты, расположенные на данной территории;

– культурно-историческое наследие;

– традиционные отрасли, тип производства и освоения ресурсов, уникальные возможности для ведения деятельности;

– принципы размещения населения;

– бытовые особенности местной жизни (в том числе укрепление за территорией оригинальных характеристик, житейских мифов или стереотипов);

– выдающиеся личности, персоналии, проживавшие или имеющие прямое отношение к данной территории, известные имена.

Все перечисленные характеристики обладают потенциалом для продвижения и позиционирования сельских муниципальных образований (районов, поселений).

Не вызывает сомнения тот факт, что наиболее простым процессом управления формированием привлекательного имиджа становится для крупных, экономически развитых территориальных образований, обладающих заведомо узнаваемыми комплексами указанных имиджеобразующих факторов – регионов, городов. Значительно сложнее выстраивать и реализовывать стратегию продвижения имиджа в экономически депрессивных малых городах, районах, поселениях, сельских территориях. Вместе с тем, именно для последних практически невозможно обеспечить реализацию программы комплексного социально-экономического развития без изменения имиджа.

По мнению исследователей, процесс управления имиджем начинается не с разработки конкретных технологий, а осуществляется на основе уже сформулированных фи-

лософии, миссии и стратегии развития территориального образования [12], то есть возможен лишь в процессе стратегического управления развитием муниципальных социально-экономических систем.

Для оценки маркетингового потенциала сельской территории была разработана методика, основанная на рейтинговом подходе. Предлагаемый алгоритм определения маркетингового потенциала сельской территории в общем виде может быть представлен в виде совокупности следующих этапов:

1. Сбор исходных показателей, представление их в абсолютных величинах.

2. Стандартизация показателей.

3. Суммирование стандартизированных показателей.

4. Обобщение и представление результатов исследования.

Нами был проведен сравнительный анализ сельских территорий по четырем направлениям, в которых дана оценка следующим группам показателей: ресурсной составляющей, трудовым компонентам, предпринимательским инициативам, результативной составляющей маркетингового потенциала (табл. 1).

Таблица 1
Сравнительный анализ муниципальных районов

Шифр показателя	Показатель	Муниципальный район		
		Усольский район	Баяндаевский район	Иркутский район
1. Ресурсная составляющая				
1.1	Общая площадь земель муниципального образования, гектар	625161,5	373219,6	1167281,9
1.2	Площадь земель сельхозугодий	102559	35846	117697

	муниципального образования, гектар			
1.3	Средний запас древесины в расчете на 1 гектар покрытых растительностью земель лесного фонда, куб. м	135	130	170
2. Результативная составляющая				
2.1	Индекс производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году), процент	97,3	105,8	102,8
2.2	Поголовье скота и птицы на конец года	12006	23704	17473
2.3	Производство продуктов животноводства, тонн	23392,91	5125,95	5261,79
2.4	Валовые сборы сельскохозяйственных культур, центнер	498083		211036
2.5	Урожайность сельскохозяйственных культур	22,3		17,3

	(в расчете на убранный площадь), центнер с гектара убранный площади)			
2.6	Производство молока	27657,39	37474,48	30754,47
2.7	Производство яиц	592306	1727	8816
3. Трудовые компоненты				
3.1	Численность сельского населения	22263	10988	95412
3.2	Среднемесячная заработная плата работников организаций в сельском хозяйстве	51593,4	24931,9	20021,1
3.3	Число безработных человек	270	135	339
4. Предпринимательские инициативы				
4.1	Число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 000 чел. населения, единиц	120	273	231

Для сравнения мы взяли три муниципальных района нашего региона, которые занимаются сельским хозяйством – Усольский район, Иркутский район и Баяндаевский район. Анализирую ресурсную со-

ставляющую муниципальных районов, необходимо отметить, что показатели оценки ресурсов маркетингового потенциала характеризуются существенной дифференциацией. Представленные районы имеют достаточные площади сельскохозяйственных угодий, позволяющие организовать деятельность в данных отраслях. При анализе трудовых показателей сельских территорий мы отмечаем низкую плотность населения районов и сложную демографическую обстановку на исследуемых территориях. Численность жителей с каждым годом снижается. Население сельских муниципальных районов идет на убыль за счет миграции на другие территории (механическое движение), а также постепенного старения населения и, соответственно, высокой смертности (естественное движение).

При анализе исходных значений результативной составляющей для проведения рейтинговой оценки маркетингового потенциала сельских муниципальных районов необходимо отметить крайне низкие значения исследуемых показателей, что говорит о малой эффективности результатов деятельности администраций в развитии производственной сферы на исследуемых территориях.

Относительно стабильными являются показатели результативной составляющей маркетингового потенциала муниципальных районов. Это может быть связано, прежде всего, с низким уровнем освоения ресурсов в исследуемых районах, что свидетельствует о возможных перспективных направлениях развития данных территорий.

Результаты проведенного анализа маркетингового потенциала сельских территорий подтверждают тот факт, что для формирования инвестиционной привлекательности необходимо реагировать на угрозы совместно с местным бизнесом путем совершенствования подготовки

кадров, улучшения условий проживания, совместно решая ряд социальных и экономических проблем.

На основе результатов исследования маркетингового потенциала предложена модель развития сельских территорий (рис.2).

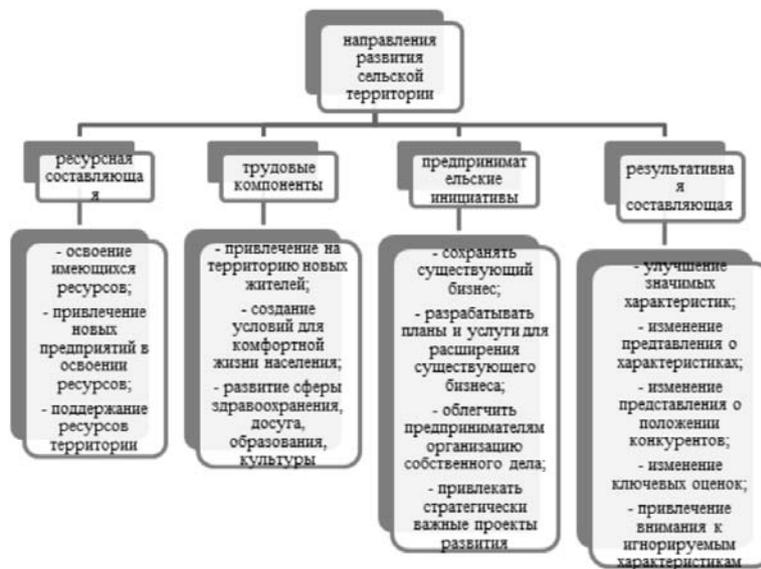

Рис. 2. Модель развития сельских территорий

С учетом представленной схемы одним из основных направлений экономической политики администраций районов должно стать более полное использование потенциала развития малого бизнеса и увеличение его вклада в совокупный экономический рост района. Вторым моментом должно стать развитие территории, в котором основным является комплексный подход укрепления ресурсного комплекса. Развитие трудовых компонентов может быть обеспечено за счет привлечения на территорию новых жителей и создание условий труда для

проживающих на данной территории жителей. Обеспечение развития результативной составляющей возможно посредством улучшения имеющихся характеристик муниципальных районов.

Предлагается, что спроектированная маркетинговая стратегия развития сельских территорий будет включать в себя следующие составляющие:

1. Маркетинг имиджа предполагает проведение коммуникационных мероприятий (статьи и информация о природных ресурсах и предпринимательском климате) во внешних и внутренних СМИ,

направленных на формирование имиджа территории.

При министерстве сельского хозяйства Иркутской области существует отдел развития сельского хозяйства. Отдел занимается реализацией подпрограммы «Устойчивое развитие сельских территорий». Мы считаем, что одним из ключевых показателей повышения имиджа территории является своевременное освещение мероприятий, проводимых данным отделом. На май 2019 года на сайте министерства во вкладке новости отдела развития сельского хозяйства последняя публикация от 17.04.2018 г.

2. Маркетинг привлекательности состоит в возрождении старобитной культуры и местного колорита преимущественно путем развития сельского и исторического туризма. С каждым годом сельский туризм в России становится популярнее. Существует масса проектов по развитию сельского туризма. Одним из примеров можно привести проект «На село». В рамках данного проекта был создан информационный ресурс, который направлен на продвижение сельской местности как для туристов, так и для желающих постоянно жить и работать в сельской местности. На портале любая сельская территория может предоставить информацию о себе, а именно: места отдыха, туры и маршруты, календарь событий, рабочие вакансии, недвижимость.

3. Маркетинг персонала/ населения на территории предполагает привлечение на территорию квалифицированных кадров путем создания новых производств, а также привлечение на территорию новых жителей при позиционировании территории как экологически чистой

зоны для проживания и ведения сельского хозяйства.

4. Маркетинг инфраструктуры будет реализован путем создания и поддержания производственной, транспортной инфраструктуры для развития предпринимательских инициатив, а также посредством создания и обеспечения социальной инфраструктуры, включающей в себя обустройство социальных объектов для обслуживания населения.

5. Инвестиционный маркетинг должен быть направлен на разработку как целевых инвестиционных программ развития сельских территорий, так и готовых инвестиционных проектов развития сельских территорий относительно выбранных «точек роста».

Литература

1. Андреев С. Н. Маркетинг территорий: теория и практика / С. Н. Андреев // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2010. – № 3. – С. 178-185.
2. Анхолт С. Брендинг: дорога к мировому рынку / С. Анхолт. – М.: Кудиц-Образ, 2004. – 272 с.
3. Баженова Е. Ю. Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах/ Е. Ю. Баженова// Terra ecomoticus. – 2013. - №3-2. – С. 11-20.
4. Балдерьян И. Маркетинг территории: учебное пособие / под науч. ред. д-ра экон. наук, профессора Г.Л. Багиева. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – 344 с.
5. Важенина И. С. О сущности бренда территории/ И. С. Важенина// Экономика региона. – 2011. – №3. – С. 18-23.

6. Визгалов Д. В. Брендинг города/ Д. В. Визгалов.- Москва: Институт экономики города, 2011. – 155 с.

7. Малых С. В. Восприятие территории Иркутской области через новостные телекоммуникации // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Сборник научных материалов. Хабаровск. 2018. – С. 643-646.

8. Полюшкевич О.А. Территориальная идентичность и проблемы топонимики в Иркутске // Социология. 2019. – № 2. – С. 250-256.

9. Полюшкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. – № 11 (107). – С. 80-94.

10. Попова М. В. Бренд территории как ресурс развития (на примере Байкальского региона) // Социология. 2018. – № 3. – С. 118-125.

11. Попова М.В. Позиционирование территории как фактор городского развития // Культура и Взрыв: Социальные смыслы в трансформирующемся обществе: VII всерос. науч. интернет-конф./ Под общ. ред. О.А. Кармадонова, О.А. Полюшкевич. – Иркутск: Изда-во ИГУ, 2015. – С.52-57.

12. Попова М.В. Современное развитие территориального брендинга (на примере сибирских городов) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы научно-практ. интернет-конф. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – С. 81-88.

Mechanisms for the development of rural attractiveness in the Irkutsk region

Popova M.V.

Irkutsk State University,

The article discusses the results of an applied research on the development of rural

attractiveness. The rural territories of the Irkutsk region are analyzed through the prism of social and territorial identity and regional development prospects.

Key words: rural territory, attractiveness of the territory, development mechanisms, territorial identity

References

1. Andreev S. N. Marketing of territories: theory and practice / S. N. Andreev // Marketing and marketing research. - 2010. - No. 3. - S. 178-185.
2. Anholt S. Branding: the road to the world market / S. Anholt. - M.: Kudits-Obraz, 2004 -- 272 p.
3. Bazhenova E. Yu. Brand of the territory: content, formation models, design practice in Russian regions / E. Yu. Bazhenova // Terra economicus. - 2013. - No. 3-2. - S. 11-20.
4. Balderyan I. Marketing of the territory: a training manual / under the scientific. ed. Dr. econ. sciences, professors G.L. Baglyev. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics and Economics, 2007. -- 344 p.
5. Vazhenina I. S. On the essence of the brand of territory / I. S. Vazhenina // Economy of the region. - 2011. - No. 3. - S. 18-23.
6. Vizgalov D.V. Branding of the city / D.V. Vizgalov.- Moscow: Institute of Urban Economics, 2011. - 155 p.
7. Malykh S.V. Perception of the territory of the Irkutsk region through news telecommunication technologies: Actualization and solution of the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. Collection of scientific materials. Khabarovsk 2018. -- S. 643-646.
8. Polyushkevich O.A. Territorial identity and problems of toponymy in Irkutsk // Sociology. 2019. - No. 2. - S. 250-256.
9. Polyushkevich O. A. The symbolic construction of territorial identity (on the example of the toponymics of Irkutsk) // Management Consulting. 2017. - No. 11 (107). - S. 80-94.
10. Popova M.V. Brand of the territory as a development resource (on the example of the Baikal region) // Sociology. 2018. - No. 3. - S. 118-125.
11. Popova M.V. The positioning of the territory as a factor in urban development // Culture and the Blast: Social meanings in a transforming society: VII vseros. scientific Internet Conf. / Under total. ed. O.A. Karmadonova, O.A. Polyushkevich. - Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2015. -- P.52-57.
12. Popova M.V. Modern development of territorial branding (on the example of Siberian cities) // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: materials of scientific and practical. internet conf - Vologda: ISEDT RAS, 2016. -- S. 81-88.

Оптимисты и пессимисты в современном мире

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета, okwook@mail.ru

В данной работе рассматриваются особенности изучения оптимизма и пессимизма в разных сферах социальной жизни. А также анализируются результаты эмпирического исследования оптимизма и пессимизма в современном российском обществе. Автор пришел к выводу о том, что оптимизм и пессимизм формируются в обществе через различные социальные институты, закрепляются через обычаи и присвоенные адаптивные формы социализации, как на индивидуальном, так и на социальном уровне.

Ключевые слова: оптимизм, пессимизм, социальные практики, социальные институты, повседневность, социальные ожидания, социальный мир

В современном мире, изучение оптимизма и пессимизма как эмоциональных состояний индивида и группы мало изучено и может иметь интерес не только для социальной практики, но и теории. Оптимизм и пессимизм в повседневной жизни обусловлен психологическими, историческими, социокультурными рамками. Он влияет на социальные отношения на уровне принятия политических и экономических решений, на взаимодействие с друзьями и в семье, на личное самочувствие и самооценку, на оценку жизненных перспектив как в личном, так и в групповом аспектах.

Термин «оптимизм» («optimus» – наилучший) впервые был использован Лейбницем в работе «Теодицея» (1711 г.), где раскрывалась идея о том, что наш мир – лучший из миров. Оптимизм в целом – это взгляд на мир, угол зрения, который позволяет видеть позитивные перемены в любых личных и социальных событиях в прошлом, настоящем и будущем. Именно в это время идеи пессимизма (от лат. «pessimus» – наихудший) набирают обороты, так как пессимизм предлагает обратную картину – возможность видеть негативные ситуации и последствия в жизни. Сложно говорить об оптимизме, когда вокруг все плохо. Столетие спустя, Шопенгауэр использовал эти идеи, провозглашая принципы доминирования зла и страдания.

Выбор оптимизма или пессимизма зависит как от индивидуальных особенностей человека, его опыта социализации, особенностей преодоления трудностей, так же и от функционирования социальных институтов, конструирующих нормы оптимизма или пессимизма (религия, образование, политика, медицина). Рассматриваемые категории всегда имеют индивидуальные особенности проявления, подчеркивает уникальные ценности и формы конструирования идентичности. Оптимизм и пессимизм – это не только когнитивные, но и эмоциональные составляющие общественного воспроизводства.

Оптимизм в эпоху Просвещения подвергался сомнению и верующими людьми, так как лучшего мира созданного Богом в своей жизни они не наблюдали и светские доктрины не предлагали позитивных перспектив развития. Вместе с тем, благодаря идеям Грамши, стало формироваться убеждение что человек и человечество само создает лучший мир. В современных интерпретациях это звучит так, как хорошее случается чаще, чем плохое, главное это хорошее замечать.

Но XX век принес пессимистические оценки настоящего и будущего человечества, рациональность сводилась к суммированию негативных перспектив, а не возможных положительных вариантов выхода из ситуации. Разочарование в социальном прогрессе, его последствиях стало формой общественного развития.

Во второй половине XX века пессимистические взгляды на будущее переместились и в другие сферы жизни – экологических катастроф (как от глобального потепления, так же как и от глобального похолодания; наводнений; землетрясений;

столкновения с метеоритом и проч.); политологии (разрушение целостности государств, разрушение границ и действующих договоров); экономике (глобализации, виртуализации); культурологии (стиранию культурных особенностей, массовой культуры). Прогресс с ликами отчаяния и бессилия что-либо изменить. Пессимизм стал постоянной практикой и нарративом общественного развития.

Оптимисты на этом фоне воспринимались как представители человеческого страдания. Но без оптимизма не было возможно социальное и культурное воспроизводство общества. Благодаря оптимизму сохраняется общество. Оптимизм, как и пессимизм, зависит от ценностей и мировоззрения представителей разных возрастов и культур.

Отдельно стоит говорить о масштабности или малой значимости данных категорий. В первом случае, мы говорим о том, что касается множества людей (курс валюты, войны, победа в выборах), во втором – носит локальный индивидуальный характер, имеет установку на личные события (поступление / не поступление в университет, повышение по служебной лестнице или нет). Иными словами, рассматривается макро и микроуровень данных состояний индивида и общества.

Следует различать оптимизм и пессимизм как установки, включающие эмоциональные и когнитивные компоненты и как установки, определяющие образы будущего (это форма будущего, которая может не совпадать с содержательным разнообразием, так как оно относится к неопределенному будущему одного человека или всего человечества). Но и в том и в другом случае – происходит

формирование траекторий жизненного пути индивида, выявление его внутреннего стержня, что находит отражение в повседневной деятельности и социальных ожиданиях.

Классиком изучения оптимизма и пессимизм в психологии признан М. Селигман [13]. Он на большом количестве примеров пришел к выводу о том, что оптимизм связан с субъективным благополучием. Негативные установки не дают выйти за рамки ограничивающих убеждений, тогда как оптимизм предлагает больше вариантов решения задач.

Таблица 1
Характеристика стилей мышления по М. Селигману

Оптимизм	
Успехи	Неудачи
Приписываются себе (я это сделал сам, это моя заслуга)	Приписываются стечению обстоятельств (не повезло, не по моей вине, так сложились обстоятельства)
Широко в пространстве (если очень захотеть – успех обеспечен в любом месте)	Локально в пространстве (в этом месте случайно оказались не очень хорошие условия)
Широко во времени (всегда так было и будет)	Локально во времени (время оказалось не очень удачным, надо попробовать еще раз)
Пессимизм	
Успехи	Неудачи
Стечение обстоятельств (случайно сложились обстоятельства, повезло, по воле случая и других людей)	Приписываются себе (это произошло закономерно, я это сделал сам, сам виноват)
Локально в пространстве (в этом месте случайно сложились благоприятные для меня обстоятельства)	Широко в пространстве (при любых обстоятельствах, в любой стране неудачи мне обеспечены)
Локально во времени (время оказалось удачным, вряд ли когда-нибудь еще так повезет)	Широко во времени (и раньше так было и в будущем так будет – неудачи преследуют меня всегда)

Такие ученые как М. Шейер и Ч. Карвер [12] рассматривали диспозиционный оптимизм, который предполагает, что произойдут скорее хорошие события, чем плохие; и данные ожидания устойчивы во времени и по содержанию.

М. Цукерман [14] изучал биологические аспекты оптимизма и полагал, что на генетическом уровне оптимизм связан с экстравертностью, а пессимизм с интравертностью и склонностью к неврозам. Иными словами, изучаемые нами черты оптимизма и пессимизма являются зависимыми переменными личности.

Другие ученые полагали, что оптимизм – это природный эволюционный механизм, характерный для всех культур, опирающийся на нейрофизиологическую и химическую основу. Будущее могут конструировать (придумывать) только оптимисты, так как пессимисты не верят в его по определению. Это экспериментально доказано в исследованиях при притуплении действия отдельных участков мозга, что было выявлено при помощи магнитно-резонансной томографии [11]. Соответственно, развитие общества, его эволюция, происходила благодаря оптимистам.

Условием психологического здоровья выступает поддержание *позитивных иллюзий* и наоборот, рациональная оценка событий приводит к ухудшению здоровья (давлению, сердечным болезням, гастритам и язвам). Позитивные иллюзии касаются, как правило, собственных качеств и достоинств, при параллельном нивелировании слабостей, а также уверенностью в том, что они контролируют события и более оптимистично смотрят в будущее (т.е. хорошее случается с ними, а не с их

окружением; что они более счастливы, чем их окружение и т.д.). Статистически данные показатели невозможны, поэтому Их можно назвать *позитивными иллюзиями* и соответственно сам *оптимизм иллюзорен*. Но в рамках микропрактик, микроистории – люди, проживающие в позитивных иллюзиях более здоровы и счастливы, ценят то, что имеют и наслаждаются жизнью чаще, чем те, кто более трезво и рационально оценивает свое прошлое, настоящее и будущее. Например, оптимисты меньше рефлексируют над своими болезнями, реже заражаются инфекциями. Оптимисты более здоровы, так как делают правильные вещи – реализуется «повседневная поведенческая траектория». Оптимизм позволяет достигать больших социальных и личных успехов в политике, экономике, образовании, бизнесе, т.к. они вырабатывают более успешные стратегии реализации поставленных задач и эффективные стратегии решения проблем. Оптимисты видят всю ситуацию, а пессимисты только ее часть. Медики статистически подтверждают данные о том, что помимо лечения (вне зависимости от диагноза), необходима вера пациента в положительный исход лечения. Безусловно, нельзя однозначно оценивать как оптимистов, так и пессимистов, и взгляды первых могут быть разрушительны, и подход вторых оправдан и эффективен. Однозначно можно сказать лишь то, что оптимизм выполняет социально-защитные функции.

Поведенческая психология обосновала необходимость существования оптимистов – во имя (для) достижения светлого будущего, развития,

блага, счастья и так далее. Экзистенциальная психология ставила акценты на жизненных обстоятельствах, которые смещают личность индивида или группы людей в сторону оптимизма или пессимизма. Когнитивисты формировали свои идеи, опираясь на положительные или отрицательные представления о своей жизни, что приводило к формированию оптимистов или пессимистов.

Рассматривая особенности изучения оптимизма и пессимизма в рамках социологии XX века, стоит сказать о том, что в советском обществе оценивались не перспективы развития, не уверенность в будущем и уровень удовлетворенности настоящим (от семьи до работы, от места жительства до досуга), не субъективное благополучие и счастье, а формальные показатели соответствия идеям, мыслям и действиям, соответствующим советской идеологии строительства «светлого будущего» (Кемпбел и др. [10], Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. [2]).

Значительно чаще оптимизм и пессимизм стал изучаться при исследованиях потребительского спроса, проводимых ВЦИОМ [7] уже после перестройки. Изучение оптимизма / пессимизма в разных регионах страны, социальных группах стали проводиться регулярно и позволяют проследить общую динамику социальных настроений россиян. Но механизмы и структурные особенности формирования данных состояний обычно ускользают от интереса исследователей. Так как благодаря им формируется не индивидуальное восприятие оптимизма / пессимизма, а форма распространения данных установок на

целые социальные группы и все общество.

По мнению Беннета [9], Ахерна [8] и других оптимизм, как пессимизм передается через работу социальных институтов и представляет собой стратегию культурной политики многих государств. При этом, травматические события (революции, войны, природные катастрофы) могут разрушать сложившиеся нормы культуры оптимизма и пессимизма. Также, особенности нормы отношения к жизни следует воспринимать через специфику индивидуалистических и коллективных культур.

Символическая легитимность власти, культурный и исторический порядок предаются через неявную культурную политику через установки оптимистического или пессимистического характера в воспроизводстве общества. Существуют социальные рамки, защищающие индивида от внешних негативных условий или наоборот, подчеркивающие их необходимость, что формирует определенные стратегии адаптации и поведения в реальных условиях социального взаимодействия. Эти нормы поддерживаются в обществе, передаются из поколения в поколение в семьях. То, что в современном мире растет количество депрессий, у людей из разных социальных групп, говорит о том, что семья перестала быть стабилизирующим, защитным механизмом от внешнего воздействия и адаптации к внешним вмешательствам. Это можно объяснить тем, что старшие члены семьи сами не справляются с негативными рамками и условиями жизни, в которые помещены.

Также в рамках виталистской социологии (Дитяев А.Ю. [1]) формируется представление о формировании оптимизма и пессимизма через жизненные перспективы: ближайшая (планирование средств достижения цели), средняя (постановка жизненных целей), дальняя (мотивы – ради чего достигается жизненная цель). Отсутствие долгосрочных планов на жизнь, отсутствие жизненных целей – указывает на доминирование пессимистических установок и наоборот – наличие разнообразных планов и возможностей – указывает на оптимистические настроения. Социальные условия и сложившиеся формы адаптации к ним будут накладывать основной отпечаток при их реализации. Воля к жизни, социальной реализации является условием оптимизма и наоборот – смирение и апатия, ожидание решений проблем от кого-то говорит о пессимистических настроениях.

В рамках теории выученной беспомощности (Селигман [13]), через призму когнитивно-атрибутивной модели пессимизм формируется как условие ожидания от Других (органов власти, социальных институтов, членов семьи и т.д.), каких-то действий, которые смогут изменить жизнь человека или группы людей. На этом формируется «социальный паразитизм» (не желание проявлять инициативу, преодолевать трудности в работе, создание семьи, реализации с оговоркой на то, что кто-то или что-то должно «дать мне»). Во многом такая позиция является наследием социальной политики советского времени, когда базовые нормы в обязательном медицинском обслуживании, образо-

вании, трудоустройстве – представлялись априори. Отсутствие таких условий сегодня, формирует потребность в том, чтобы быть иждивенцем государства, членом семьи и так далее. В целом, это формирует пессимистические социальные установки в отношении себя самого, своей семьи и общества в целом.

Другим подходом, с позиции социальной динамики выступает «теория разбитых окон». Она исходит из того, что не участие в благоустройстве пространства в котором живем (от граффити на стенах и разбитых окон в домах, до неоплаты проезда в общественном транспорте и мелкого хулиганства), приводит к еще большему разрушению, росту преступности и увеличению негативных оценок своего будущего. Чем больше безразличия к тому, что творится у соседа, тем больше неудовлетворенности своей жизнью [3]. Это становится нормой формирования пессимистичных оценок в оценках своей жизни и жизни общества.

Также стоит учитывать, что в рамках влияния социальных институтов поддерживаются не одинаковые стратегии развития оптимизма или пессимизма. Например, возможность получения образования (или определенного образования) дает различные жизненные старты для выпускников. В Западных странах, получение образования в Гарварде, Оксфорде, Йеле или Сорбонне позволяет выходить на работу с более высокой заработной платой, нежели чем выпускников других вузов (не менее профессиональных). В России такая практика также прослеживается, но в более мягкой форме – дифференциация существует для выпускников

МГИМО, Шанинки, НИУ ВШЭ, МГУ и, например, региональных вузов.

Принадлежность к тем или иным религиозным или национальным организациям позволяет получать больше социальных и экономических благ, в отличие от тех, кто к ним никак не относится – определяет оптимистичную или пессимистичную оценку своего будущего и будущего значимых людей. Участие в политических или некоммерческих организациях, волонтерском или добровольческом движении в определенных сферах государственной или общественной деятельности создает «имидж» человека, который в последующем запускает его успешные оптимистические или неуспешные пессимистические модели встраивания в социум [4].

Таким образом, идеи оптимизма и пессимизма становятся ключевым лейтмотивом в изучении социальной динамики и выстроены в эти процессы жизненных траекторий индивидов. Оптимизм и пессимизм выступают точкой пересечения индивидуальных ощущений и социальных оценок и соответственно, влияют как на личность конкретного человека, так и на общество в целом. Оптимизм и пессимизм могут рассматриваться как ценностная ориентация, как состояние, как процесс и цель развития индивида и общества, подкрепляемая индивидуальным опытом и социальным контекстом, культурным наследием и коллективными представлениями.

Эти позиции оптимизма и пессимизма становятся объектами внимания для аналитиков в области политики и экономики, культуры и рекламы, для воздействия на аудиторию, усиления уже существующих стратегий и тактик поведения, через

социальное подтверждение и подкрепление из СМИ и сети Интернет. Общественное мнение становится регулируемым инструментом в сторону оптимизма или пессимизма.

Анализ результатов исследования

Рассмотренные нами подходы при изучении оптимизма и пессимизма тесно переплетаются, хотя в отдельных моментах и противостоят друг другу. Мы использовали контент-анализ в интерпретации интервью (28 человек) и фокус-групп (9 фокус-групп, всего 84 человека), который позволил выявить оценку и отношение к различным жизненным событиям, касающимся как их личного жизненного мира, так и внешних социально-политических и экономических изменений в обществе. Помимо этого был проведен анкетный опрос, в котором приняло участие 3600 человек в разных регионах РФ. Для всех участников применялся тест жизненных ориентаций, для выявления субъективной склонности к оптимизму или пессимизму.

В ходе исследования выяснилось, что среди россиян 47% пессимистов, 41% оптимистов и 12% неопределившихся.

Среди молодых людей (18-25 лет) больше оптимистов, чем пессимистов (70% на 30%), среди людей среднего возраста (26-45 лет) 55% оптимистов и 45% пессимистов; в 46-60 лет 35% на 65%, среди представителей старшего поколения (61-75 лет) картина прямо противоположная (27% на 73%). Чем старше становятся респонденты, тем больше пессимистических установок появляется (неоправданные ожидания, нереализованные мечты

и понимание, что они никогда уже не воплотятся в жизнь).

Безусловно, соблюдается традиционное соотношение того, что молодые люди более оптимистичны, чем пожилые. Но в то же время, резкие социальные разрывы приводят к тому, что стирание границ между группами становится более очевидным, что приводит к новым формам социальной дифференциации.

В оценках своего будущего мнения респондентов разошлись. На вопрос «Как вы полагаете, ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется тем же в ближайшее время?» мы получили следующие ответы. 18% знают, что положение ухудшится, еще 26% предполагают, что такое может произойти, для 25% положение останется таким же и только 12% полагают, что улучшится и 16% надеются на улучшение. Остальные 3% затруднились с ответом.

Каждый второй молодой человек ожидает улучшения своего материального положения, среди людей среднего возраста – каждый третий, среди респондентов старшего возраста каждый пятый. В младшем возрасте больше иллюзий и надежд, в старшем – безысходности и разочарованности.

Оценка внешних и внутренних условий развития общества также неодинакова среди представителей различных поколений. Среди старшего поколения доминируют страхи экономических и политических потрясений, среди среднего экономического и культурные, среди младшего экологические и экономические. Иными словами, для всех поколений внешние условия развития общества, зависящие от экономических условий являются доминирующими.

Таблица 2
Оценка внешних условий развития общества

Сфера	Форма реализации	Младшее поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
Экологические катастрофы	Глобальное потепление	8,9	7,4	6,2
	Глобальное похолодание	8,9	7,2	5,5
	Наводнения	8,7	6,4	6,8
	Пожары	8,4	6,9	6,9
	Землетрясения	8,1	6,6	6,2
	Столкновение с метеоритом	8,0	6,1	5,4
Политические катастрофы	Революции и бунты	8,1	8,9	8,7
	Войны	8,2	9,2	9,5
	Разрушение государств	7,5	8,8	8,1
	Разрушение договоров	7,4	7,7	7,6
Экономические катастрофы	Глобализация	7,7	8,1	8,2
	Виртуализация	6,5	7,7	8,3
	Финансовые кризисы	8,5	9,5	9,8
Социокультурные трансформации	Массовая культура	6,5	8,9	8,5
	Разрушение религий	5,4	8,3	8,0
	Стирание национально-культурных особенностей	5,1	8,2	7,3
	Захват инопланетян	4,8	6,1	5,9

Таким образом, пессимизм в разных формах стал постоянной практикой и нарративом общественного развития. Более того, анализируя внутренние условия развития общества и человека, мы видим неготовность людей брать на себя ответственность за то, что происходит вокруг. Жизнь проходит мимо их, кто-то осуществляет события, в которые они вовлекаются, а не сами участники этих событий. И чем старше респонденты, тем более это проявлено.

Таблица 3
Оценка внутренних условий развития общества и человека

Внутренняя позиция	Сфера	Младшее поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
Я могу повлиять	Экологические катастрофы	7,2	5,4	4,3
	Экономические катастрофы	7,8	5,2	4,1
	Политические катастрофы	7,1	4,9	5,3
	Социокультурные катастрофы	6,5	5,1	5,4
	Экологические катастрофы	6,3	5,3	4,2
Я не могу повлиять	Экономические катастрофы	5,3	5,1	4,1
	Политические катастрофы	5,1	4,4	3,7
	Социокультурные катастрофы	4,2	3,6	3,1
	Экологические катастрофы	4,2	3,6	3,1

Сравнивая ответы оптимистов и пессимистов, то можем утверждать, что пессимисты по всем представленным внешним и внутренним критериям оценивают свою жизнь более негативно (от 62 до 84%), среди

оптимистов такие оценки в разы меньше (от 12 до 19 %).

По нашим данным, оптимизм положительно коррелирует с жизнестойкостью ($r = 0,62$) и позитивным будущим ($r = 0,32$), и отрицательно с негативным прошлым ($r = - 0,36$), трагичным настоящим ($r = - 0,25$). Пессимизм положительно коррелирует с нигилизмом ($r = 0,51$), апатией ($r = 0,58$), негативным настоящим ($r = 0,72$) и отрицательно с позитивным будущим ($r = - 0,39$) и позитивным прошлым ($r = - 0,43$).

Также мы прослеживали индикаторы субъективного благополучия через изучение оценки своей жизни. Отличия между старшим и младшим поколением не существенны.

Таблица 4
Оценка своей жизни среди оптимистов и пессимистов (% от численности каждой группы)

Индикаторы субъективного благополучия		Оптимисты	Пессимисты
Настроение в последние дни?	Хорошее	48,5	30,4
	Плохое	51,5	69,6
Счастливы ли вы в настоящее время?	Да	67,4	17,9
	Нет	32,6	82,1
Удовлетворены ли вы своей жизнью в настоящее время?	Да	64,4	12,1
	Нет	35,5	87,9
Удовлетворены ли вы материальным положением в настоящее время?	Да	41,3	11,4
	Нет	58,7	88,6
Удовлетворены ли вы состоянием здоровья в настоящее время?	Да	49,1	12,4
	Нет	50,9	87,6
Чувствуете ли вы усталость?	Да	24,5	83,7
	Нет	75,5	16,3
Чувствуете ли вы себя отвергнутым, забытым?	Да	2,5	73,9
	Нет	97,5	26,1

Как видно из таблицы у оптимистов только уровень удовлетворения здоровьем (49,1 и 50,9) примерно

одинаков и в оценке уровня удовлетворенности материальным положением больше тех, кто не удовлетворен (58,7). В остальных категориях оптимисты более позитивно оценивают свою жизнь и жизненные перспективы. Среди пессимистов доминируют во всех сферах те, кто не удовлетворен ни своей жизнью, ни обществом, ни своими жизненными шансами.

Оптимисты более адаптивны, ориентированы на успех и готовы быть гибкими и именно это позволяет им быть на шаг впереди. Условия, среда, внешняя ситуация для всех одинакова, но в каждой трудности оптимисты видят возможности, а пессимисты преграды.

По нашим данным, оптимисты ориентированы на настоящее (54%) и будущее (46%), тогда как пессимисты на прошлое (59%), либо не имеют четкой временной ориентации (41%). Для пессимистов настоящее всегда негативно, из них только половина видит позитивные моменты в прошлом, вторая половина и там видит негативные моменты. Постоянная усталость (83,7%) и жалобы на здоровье (87,6) – основные критерии узнавания пессимистов в социуме, среди оптимистов 24,5 и 50,9% соответственно. Также среди них много тех, кто чувствует себя отчужденным и ненужным (73,9), среди оптимистов таких лишь 2,5%.

В исследовании мы выявили культурные практики, поддерживающие нормы оптимизма и пессимизма в обществе.

Первый тип культурных практик задан массовой культурой, транслирующей через СМИ ценности, нормы и ориентиры недоступные для большей части населения. Примеры «красивой», «богатой»,

«успешной» жизни в фильмах и историях жизни публичных людей. В повседневной реальности обывателя – это становится примером и ориентиром личного развития. При этом оптимисты видят для себя пути и возможности постепенного приближения к эталону (68%), тогда как пессимисты ограничивают свои возможности не готовностью рисковать, менять и реализовывать себя (79%).

Второй тип культурных практик передается через семейную историю, традиции и нормы социальной адаптации, передаваемые из поколения в поколение, чтимые традиции и ритуалы семьи, и совсем забытые истории и легенды про предков, предсказания о будущем детей и внуков и так далее. Семейная история как личная история становится культурной практикой вписанной в социальную реальность [6]. Для оптимистов семья выступает опорой и поддержкой (66%), ресурсом, для которого многое достигается (44%), для пессимистов семья выступает сферой вытягивания ресурсов (37%), эмоциональным и материальным источником потерь (63%).

Третий тип культурных практик опосредован повседневной публичной средой, создающей обыденную реальность участников исследования. Сюда относятся повседневные практики перемещения в транспорте, взаимодействия в магазинах и иных общественных местах, посещение публичных мест города, таких как парки, набережные, кафе, библиотеки и прочее. Это те пространства – где обыватели либо снимают, либо одевают маски «приличности» или «неприличности» и

конструируют себя и Другого как образ, включенную в социокультурную среду города [5]. Для оптимистов публичные пространства дают возможности для развития (57%), новые идеи (27%), новые социальные связи (социальные сети или социальный капитал) 16%. Для пессимистов публичные пространства выматывают силы (56%), наполняют негативом и тревожностью (44%).

Оптимизм и пессимизм – это не столько эмоциональные состояния, сколько способ мышления, способ интерпретации реальности, в которую погружен человек. И что он видит вокруг и внутри себя – зависит от его акцентуации. Оптимизм как форма некой внутренней и внешней активности, а пессимизм как форма апатии и замирания, неготовности включаться в процессы. Оптимизм проявляется не просто в словах, но и в реальных действиях, тогда как пессимизм – это способ пассивного восприятия себя и жизни, которая со мной случается, но не творится мной.

Также мы можем обозначить следующие механизмы передачи состояний оптимизма и пессимизма в обществе, обусловленные историческими событиями, традициями и индивидуальными и общественными стратегиями адаптации к ним.

Социокультурные механизмы обуславливаются мировоззренческими ценностями заложенными культурой и религией, определяющие общие ритмы уклада, представления и верования, жизненную философию людей, проживающей на определенной территории в определенное время.

Для 72% оптимистов привычный уклад жизни, религиозные нормы и

ценности предков помогают чувствовать себя в безопасности и с уверенностью смотреть в будущее. Для 84% пессимистов, представления и взгляды родителей и других родственников воспринимаются как прожитки прошлого, которые мешают и тормозят развитие.

Социально-исторические механизмы обусловлены экономическими, политическими и социальными переменами в разные исторические периоды, изменяющими повседневный уклад многих социальных групп.

Среди оптимистов 56% верят в то, что социально-исторические трансформации приведут к всеобщему благу, и 79% полагают, что последние точно приведут к их личному благу. Среди пессимистов 78% полагают, что социально-исторические перемены приведут к разрушению общества, страны, государства и что лично их в этих условиях ждет крах, поражение, неудачи – 92%.

Социально-психологические механизмы опираются на индивидуальные и коллективные стратегии преодоления кризисных и радостных ситуаций, объясняющие стратегии правильного и ложного, доброго и злого, формирующие определенные типы социально-психологической адаптации личности к общественной эволюции.

Среди оптимистов 87% тех, кто ориентирован на успех, на достижение личных и социальных целей. Среди пессимистов 93% тех, кто ориентирован на избежание неудачи.

Нами выявлен индивидуальный и коллективный характер усвоения и применения состояний оптимизма

и пессимизма в обществе. Он обусловлен личностными и социальными (заложенными исторически и культурно) мнениями, настроениями и представлениями, отражающими позитивные или негативные ожидания себя, других людей, событий в прошлом, настоящем и будущем.

Среди пессимистов нами выявлено 38% скептиков (критически и недоверчиво относящихся к чему-либо людям и социальным процессам), 34% нигилистов (отрицательного восприятия мировоззренческих установок в отношении себя и мира), 28% безразличных или неопределившихся.

Таким образом, оптимизм и пессимизм зависят не только от личностных стратегий адаптации и социализации, но и от социальных и культурных норм, политических и экономических рамок развития личности и всего общества. Оптимизм и пессимизм выступают социальной практикой и личным выбором в условиях социальной неопределенности. Механизм социального подражания актуализирует воздействие внешних условий, тогда как личные внутренние установки позволяют реализоваться или заглушить этим процессам.

Сегодня многообразно внедряются в повседневный опыт культурные практики, поддерживающие нормы оптимизма и пессимизма в обществе, расширяются механизмы и технологии передачи данных состояний в публичной сфере на социальном уровне. Различия оптимизма и пессимизма, выявленные у представителей различных поколений являются результатом усвоенных культурных практик и вынуж-

денных стратегий адаптации к социальным изменениям, ожиданиям и реальным возможностям у представителей различных поколений.

Литература

1. Дитятев А.Ю. Концепция жизненных сил человека как методологическая основа социологического изучения феноменов оптимизма и пессимизма в современном обществе // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4-2 (29). С. 198-203.

2. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1-2. С. 39-54.

3. Кучурян А.В. Применение теории разбитых окон как способ повышения качества жизни в г. Обнинске // Теория и практика современной науки. 2017. № 12 (30). С. 402-406.

4. Мареева С.В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365-385.

5. Полюшкевич О.А. Креативность и открытость публичного пространства Иркутска // Социология. 2019. № 43. С. 143-149.

6. Полюшкевич О.А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88-92.

7. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. М.: ВЦИОМ - Аспект-Пресс, 1993-1997.

8. Ahearne J. Between cultural theory and policy: The cultural policy thinking of Pierre Bourdieu, Michel de Certeau and Régis Debray. Coventry: Univ. of Warwick press, 2004. 148 p.

9. Bennett O. Cultures of optimism // Cultural sociology. L., 2011. Vol. 5, N 2. P. 301-320.

10. Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. The quality of American life: Perceptions, Evaluations and Satisfaction. New York: Russel Sage Foundation, 1976.

11. Neural mechanisms mediating optimism bias / Sharot T., Riccardi A.M., Raio C.M., Phelps E.A. // Nature. L., 2007. Vol. 7166, N 1. P. 102-105.

12. Scheier M., Carver C., Bridges M.W. Optimism, pessimism and psychological well-being // Optimism and pessimism: Implications for theory, research and practice / Ed. by E.C. Chang. Wash.: American psychological association, 2001. P. 189-216.

13. Seligman M. Learned optimism. N.Y.: Pocket books, 1998. P. 207.

14. Zuckerman M. Optimism and pessimism: Biological foundations // Optimism and pessimism: Implications for theory, research and practice / Ed. by E.C. Chang. Wash.: American psychological association, 2001. P. 177-183

Optimists and pessimists in the modern world

Polyushkevich O.A.

Irkutsk State University

This paper discusses the features of the study of optimism and pessimism in different areas of social life. It also analyzes the results of an empirical study of optimism and pessimism in modern Russian society. The author came to the conclusion that optimism and pessimism are formed in society through various social institutions, reinforced through customs and the appropriated adaptive forms of socialization, both at the individual and social levels.

Key words: optimism, pessimism, social practices, social institutions, everyday life, social expectations, social world

References

1. Dityatev A.Yu. The concept of human vitality as a methodological basis for the sociological study of the phenomena of

- optimism and pessimism in modern society // World of science, culture, education. 2011. No. 4-2 (29). S. 198-203.
2. Keselman L.E., Matskevich M.G. Individual economic optimism / pessimism in a transforming society // Sociological Journal. 1998. No. 1-2. S. 39-54.
 3. Kuchuryan A.V. Application of the theory of broken windows as a way to improve the quality of life in Obninsk // Theory and practice of modern science. 2017. No. 12 (30). S. 402-406.
 4. Mareeva S.V. Life chances of residents of capitals and provinces in the mass consciousness // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2018. No. 6. S. 365-385.
 5. Polyushkevich O.A. Creativity and openness of the public space of Irkutsk // Sociology. 2019.No 43.P. 143-149.
 6. Polyushkevich O.A. Family history as a social practice // Sociology. 2019.No 3. S. 88-92.
 7. Economic and Social Change: Monitoring Public Opinion: Newsletter. M.: VTsIOM - Aspect-Press, 1993-1997.
 8. Ahearne J. Between cultural theory and policy: The cultural policy thinking of Pierre Bourdieu, Michel de Certeau and Régis Debray. Coventry: Univ. of Warwick press, 2004.148 p.
 9. Bennett O. Cultures of optimism // Cultural sociology. L., 2011. Vol. 5, N 2. P. 301-320.
 10. Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. The quality of American life: Perceptions, Evaluations and Satisfactions. New York: Russel Sage Foundation, 1976.
 11. Neural mechanisms mediating optimism bias / Sharot T., Riccardi A.M., Raio C.M., Phelps E.A. // Nature. L., 2007. Vol. 7166, N 1.P. 102-105.
 12. Scheier M., Carver C., Bridges M.W. Optimism, pessimism and psychological well-being // Optimism and pessimism: Implications for theory, research and practice / Ed. by E.C. Chang. Wash.: American Psychological Association, 2001. P. 189–216.
 13. Seligman M. Learned optimism. N.Y.: Pocket books, 1998. R. 207.
 14. Zuckerman M. Optimism and pessimism: Biological foundations // Optimism and pessimism: Implications for theory, research and practice / Ed. by E.C. Chang. Wash.: American Psychological Association, 2001. P. 177-183

Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России

Скуденков Владимир Алексеевич
соискатель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета. vskudenkov@mail.ru

В статье рассматриваются особенности взросления и социализации молодых людей под влиянием введенных экономических санкций против России. Анализируются результаты исследования 2014 и 2019 годов, где показываются изменения в образовательных и профессиональных ориентациях молодых людей, увеличении значимости традиций и поддержки семьи, возврата в родительскую семью после обучения.

Ключевые слова: молодежь, жизненные цели, жизненные ценности, экономический кризис, экономические санкции, социальная политика.

В современных социальных науках существует множество теорий объясняющих изменение современных моделей взросления, вызванных удлинением и расширением жизненных траекторий юности (увеличением во времени и пространстве вхождения во взрослую жизнь), отложенного взросления, нелинейного развития и т.д.

Удлинение процессов вхождения во взрослую жизнь выражается через процессы удлинения получения образования, отложенного периода вступления в трудовую жизнь, поздних браков и позднего рождения ребенка и уменьшения количества детей в семье.

Нелинейность развития выражается в нарушении традиционной последовательности жизненного уклада (обучение – получение навыков по специальности – выход на рынок труда – экономическая независимость – уход из родительского дома – вступление в брак – рождение ребенка). Сегодня молодые люди могут пойти работать, потому учиться или создавать семью не обладая финансовой независимостью и так далее [4].

Изменение траекторий жизни современной молодежи приводит к изменению понимания истинности жизненных целей. Мнимое разнообразие приводит к реальной невозможности (а порой и сложности) принятия того или иного жизненного сценария, неопределенности или

постоянному метанию из одной в другую крайность. С одной стороны общество требует справляться с поставленными социальными вызовами и структурными ограничениями, с другой стороны насаждает все новые и новые рамки и требования к предъявлению себя.

Формально, предлагаемые ресурсы и социальные гарантии, которыми могут воспользоваться молодые люди, ограничены их собственной средой, семьей, местом жительства и так далее. Лишь немногие могут выйти за рамки ограничивающих их условий. Экономические и социальные рамки все еще задают контекст выбора жизненных траекторий и условий возможности социальной адаптации в мире.

Безусловно, социальная политика в отношении молодежи накладывает свой отпечаток. Например, приоритеты получения образования (правда, с перекосами в сфере высшего образования или получения «модной» специальности, но, обладая реальными знаниями и навыками в ней) [2,3].

Социально-экономические притязания состоят из представлений людей о нормальном и должном, реальном и желаемом качестве и условиях жизни. Социально-экономические притязания не имеют временных, социальных, профессиональных или каких-то еще ограничений, они присутствуют в любом возрасте и в любом месте жительства.

При этом, социально-экономические притязания имеют гендерные отличия. Данные особенности заложены

в культурных рамках и стратегиях поведения, отражаются в гендерных стереотипах и социальных условиях социализации. Поэтому, говоря о стратегиях социальной адаптации к новым условиям, необходимо учитывать гендерные особенности социально-экономического поведения и мышления.

В нашем исследовании, предполагается, что социально-экономические притязания это основной ориентир общественного развития на обывательском, повседневном уровне. При этом, социально-экономические притязания могут отличаться на разных территориях. Поэтому, в качестве объекта изучения нами выбрана одна территория – территория Иркутской области.

Экономические санкции, введенные в 2014 году против России, усилили данные тенденции. Ежегодно нами проводится лонгитюдное исследование с 2014 года относительно экономических притязаний молодых людей, в которые в том числе и входит изучение жизненных траекторий¹.

И все больше молодых людей надеются на поддержку семьи при обучении и последующей жизни. Если в 2014 году таких молодых людей было 43%, то в 2019 их уже 72%. Также увеличилось количество тех, кто работает во время обучения (в 2014 году их было 32%, то в 2019 году их уже 47%). Причем, на первом месте выступает необходимость наличия дополнительных средств (33%), на втором – желание независимости от семьи (30%), на

¹ В 2014 году в исследовании приняло участие 670 человек в возрасте от 18 до 35 лет, 60% женщин и 40% мужчин, с разным уровнем до-

хода и образования. В 2019 году в исследовании приняло участие 1272 человека в том же возрасте, гендерном, профессиональном, финансовом и социальном статусе.

третьем реализации (27%) и 10% другое.

Большая часть молодежи и даже их родители предполагают, что они не будут работать по той специальности, по которой получают образование (44%). Образование необходимо «для галочки», а не для реальных навыков, которые пригодятся на рабочем месте. Растущая безработица порождает также потребность в минимальных гарантиях, которыми все еще выступает образование. Подтверждается идея мнимости обучения и ложности получаемых навыков. В тоже время включается социальная обусловленность необходимости образования. И тем самым формируется круговая зависимость неэффективного знания.

Массовая культура предлагает образцы «красивой и успешной жизни», которые не согласуются с реальными возможностями большей части молодежи. Молодые люди все чаще чувствуют «свою ущербность» и «ограниченность» (в 2014 году – 23% и 29% – соответственно, а в 2019 году – 34% и 42%). Это может стать основной общественных беспорядков и социальной нестабильности. Об этом более подробно изложено в работах О.А. Полюшкевич [1].

Мечты о «красивой жизни» и реальная невозможность их воплотить выступают инструментом социальной стагнации и формируют негативные стратегии социальной адаптации. Возможно, они могут спровоцировать и социальные беспорядки, и иные формы социальной аномии.

Потеря работы приводит к тому, что молодые люди идут повторно

учиться. Подтверждается идея о нелинейности жизненного пути. И в 2014 году таких было 26%, то в 2019 году их уже 62%.

Более того, молодые люди чаще стали возвращаться в родительскую семью после обучения. В 2014 году таких было 18%, то в 2019 году их уже 33%. Также увеличилось количество тех, кто расстался со своим партнером и вернулся к родителям (в 2014 году – 8%, в 2019 году – 16%).

Для молодых людей в 2019 году более правильно говорить о минимизации жизненных рисков, а не о разнообразии жизненных сценариев (возможность выбора ограничена как внешними условиями в виде экономических санкций, так и внутренними рамками, сформированными страхами за свою жизнь). Нарушение линейности приводит к усилению традиционности и семейственности (когда в родительской семье продолжают социализацию). Неблагоприятная экономическая ситуация на рынке труда и слабая поддержка молодежи со стороны государства заставляют ее отложить на неопределенное время реализацию своих жизненных планов и амбиций в качестве взрослых членов общества и попытаться накопить необходимые для этого ресурсы (образовательные, экономические, социальные), оставаясь под кровом родителей.

Литература

1. Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в городском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований Материалы XVII Всероссийской научной конференции

молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженакова. 2019. – С. 171-174.

2. Скуденков В.А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. – № 3. – С. 250-255.

3. Скуденков В.А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. – № 1. – С. 280-283.

4. Скуденков В.А. Экономические притязания в кризисном обществе // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых. 2017. –С. 171-173.

Transformation of the life goals of youth under the influence of economic sanctions against Russia

Skudenkov V.A.

Irkutsk State University

The article discusses the features of growing up and socializing young people under the influence of the introduced economic sanctions against Russia. The results of a study in 2014 and 2019 are analyzed, which shows changes in the educational and professional orientations of young people, an increase in the importance of traditions and family support, and return to the parent family after training.

Key words: youth, life goals, life values, economic crisis, economic sanctions, social policy.

References

1. Polyushkevich O.A. Public discontent in the urban space // Actual problems of humanitarian and social research Materials of the XVII All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences. Editorial Board: V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persian, A.A. Sanzhenakova. 2019. -- S. 171-174.
2. Skudenkov V.A. The role of economic sanctions in changing the quality of life and socio-economic claims of Russians (on the example of the Irkutsk region) // Sociology. 2018. - No. 3. - S. 250-255.
3. Skudenkov V.A. Social Symbols of Cash in Everyday Life // Sociology. 2019. - No. 1. - S. 280-283.
4. Skudenkov V.A. Economic claims in a crisis society // Actual problems of humanitarian and social research. Materials of the XV Interregional Scientific Conference of Young Scientists. 2017. –S. 171-173.

Ресурсность высшей школы для социализации личности

Тетерин Василий Васильевич

преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Института социальных наук, Иркутского государственного университета, vasiliiy.teterin.87@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования личных и социальных ресурсов у студентов. Доказывается тот факт, что ресурсность высшей школы становится условием и формой социализации личности. Анализируются уникальные и традиционные черты становления личности молодого человека обучающегося в вузе, его социальный и личный капитал.

Ключевые слова: высшая школа, социализация, ресурсность, развитие, социальный капитал, личный капитал

Актуальность развития социальных и личных ресурсов студентов ВУЗов не вызывает сомнений. В современном мире мало обладать знаниями и навыками, необходимо найти среду их применения, устанавливать социальные связи, выстраивать коммуникации и только тогда, молодой человек может рассчитывать на успех. Более того, в течение жизни эти условия приращения социального и личного капитала могут меняться, заставляя получать новый опыт, знания, формы взаимодействия.

Современное общество все больше внимания уделяет такой неуловимой и сложной в измерении составляющей как социальные отношения, поскольку они могут выступать источниками повышения эффективности корпораций и правительств, горизонтальной и вертикальной мобильности индивидов. Учет такого фактора как социальный капитал в разных его формах и проявлениях оказывается важным при изучении вопросов благосостояния общества, уровня развития экономики, общественного развития, функционирования институтов и т.п. В работах классиков социальный капитал (введённый П. Бурдье) позволяет через нематериальные сферы усиливать позиции человека или группы людей [1].

Социальный капитал можно воспринимать как идентификацию аспектов социальной структуры с их функциями, иначе говоря, выявляет ценность аспектов социальной

структуры для акторов как ресурсов в достижении своих целей. Социальные отношения, возникающие в университете, лежащие в основе ресурсов индивида: обязательства и ожидания, которые зависят от надежности социальной среды, способность социальной структуры к передаче информации и норм, сопровождаемых санкциями; виды социальной структуры, формирующие развитие некоторых форм социального капитала (такие ее свойства, как замкнутость, апроприативность социальных организаций).

Рассматривая особенности обучения студентов в ВУЗах мы можем говорить о формировании личного и социального капитала. Иными словами, та информация, что молодые люди черпают во время обучения, которая напрямую относится к рабочим программам по их специальности, производственным практикам, неформальным связям и коммуникациям – может стать основой их успешной реализации в будущем.

Социальный капитал студента, формирующийся во время обучения в вузе, является важным ресурсом наряду с получаемой профессиональной квалификацией. Рассматриваются социальные сети дружбы и сети помощи по учебным вопросам у первокурсников университета: исследуется структура сетей, рассчитываются их характеристики и оценивается взаимосвязь. Взаимодействия студентов на разных факультетах идентичны по характеру, что подтверждается схожей структурой, как сетей дружбы, так и сетей взаимопомощи. Выявлены статистически значимые корреляционные связи между сетевыми характеристиками входящих и

исходящих связей, а также между успеваемостью студента и его положением в социальной сети однокурсников. Дружеские социальные связи более многочисленные, устойчивые и взаимные, чем связи помощи. В каждой сети есть учащиеся, занимающие ключевые позиции с точки зрения посредничества и популярности. Значимым фактором, влияющим на положение студента в сети взаимопомощи по учебе, является успеваемость. Авторы высказывают предположение, что учащиеся, занимающие ключевые позиции в сети как с точки зрения посредничества, так и с точки зрения популярности, имеют наилучшие возможности в использовании социального капитала.

Изменения в приоритетах мотивации и обучения, ценностных и мировоззренческих установках молодых людей отражены в ряде публикаций автора и коллег (И. А. Журавлевой [2,3,4], О. А. Полюшкевич [7]). Инструменты и механизмы развития университетского пространства как условия развития будущего нашли отражение в работах С. В. Малых [6], Ю. В. Заварзиной [5] и других. Поэтому, мы можем утверждать, что важность распределения приоритетов между выделенными в ходе исследования факторами является основной в стратегическом плане развития образования. Она имеет значение в формировании приоритетов, мотивов и целей получения образования и дальнейшего применения полученных знаний на практике в различных сферах жизни.

Наше исследование проходило в 2017 и 2019 году, в нем приняли участие по 1200 студентов (всего 2400) различных специальностей и

ВУЗов Иркутской области, в возрасте от 18 до 24 лет, из них 65% девушки и 35% юноши.

Уровень удовлетворенности обучением напрямую влияет на ресурсность обучения в ВУЗе, напрямую связан с социальным и личным капиталом и может восприниматься как вторичный показатель ресурсности высшего образования. Уровень удовлетворенности за рассматриваемые три года в отдельных сферах остались такими же (удовлетворенность студенческой средой в 2017 г. удовлетворенность 55,6% в 2019 г. 55,9%; неудовлетворенность в 2017 г. 44,4%, в 2019 г. 44,1%), в отдельных ухудшились (знания по специальности (в 2017 г. удовлетворены 43,2%, в 2019 г. – 36,6%; не удовлетворены 56,2% в 2017 г. и 63,4% в 2019 г.) и материальными условиями (в 2017 г. удовлетворены 44,3%, в 2019 г. – 38,7%; не удовлетворены 55,7% в 2017 г. и 61,3% в 2019 г.), а в отдельных улучшились (уровнем преподавания в 2017 г. удовлетворенность 58,3% в 2019 г. 66,4%; неудовлетворенность в 2017 г. 41,7%, в 2019 г. 33,6%).

Таблица 1
Уровень удовлетворенности обучением в ВУЗе (в %)

Уровень удовлетворенности	Знаниями по специальности		Уровнем преподавания		Студенческой средой		Материальными условиями обучения	
	2017 г	2019 г	2017 г	2019 г	2017 г	2019 г	2017 г	2019 г
Высоко удовлетворен	18,4	16,8	24,7	32,1	24,7	25,7	17,6	16,3
Достаточно удовлетворен	23,9	19,8	33,6	34,3	30,9	30,2	26,7	22,4
Не очень удовлетворен	23,8	23,9	28,3	21,5	26,7	25,4	29,9	35,8
Не удовлетворен	32,4	39,5	13,4	12,1	17,7	18,7	25,8	25,5

То, что удовлетворенность знаниями падает, а оценка уровня преподавания растет, является противоречием, которое мы можем объяснить тем, что в ВУЗ приходят школьники имеющие более низкий уровень знаний, чем раньше и поэтому общий уровень знаний более низкий, тогда как преподаватели в силу реформ высшей школы, постоянного обучения и переобучения поставлены в такие условия, что вынуждены регулярно обновлять свои знания и поэтому показывают высокий уровень компетентности.

Среди ответов респондентов можно выделить следующие.

Положительные: *Я знаю, где и как можно применять полученные знания в ВУЗе и наши преподаватели – высокопрофессиональные специалисты, идут в ногу со временем, даже при ограниченных возможностях, дают нам представления о современных исследованиях и разработках* (М. А., микробиолог, 21 год, 2019 г.). *Я очень ценю то место, где сейчас учусь – тут не только дают знания, востребованные на практике, но и сама атмосфера заставляет дышать по новому, развивать новые навыки, раскрывать таланты в КВН, в танцах, интеллектуальных играх и многом другом* (А. В., социальный работник, 20 лет, 2017 г.).

Отрицательные: *То, чему нас сегодня учат в университете, завтра уже не будет никому нужно. Я учусь, чтобы мама была спокойна. А то, что мне понадобится на работе, меня не научат этому в ВУЗе* (А. Н., экономист, 21 год, 2019 г.). *Старые здания, слабенький ремонт, преподаватели так себе, а одногруппники вообще отстали от жизни и я нахожусь тут, потому что пока не могу*

уехать, но как только появится возможность – я уезжаю из этой страны навсегда! (С. В., рекламщик, 20 лет, 2019 г.).

За три года доля тех студентов, кто планирует работать по специальности и в смежных с ней возросла, но уменьшилась доля тех, кто планирует работать не по специальности, одновременно при этом расширился сектор тех специальностей, по которым они планируют работать и немного увеличилась группа тех, кто нигде не хотел бы работать (в 92% это девушки, в остальных группах распределение равное).

Таблица 2
Планы на трудоустройство после завершения обучения (в%)

Уровень удовлетворенности	Годы	
	2017 г	2019 г
По специальности	26,9	29,7
По смежной специальности	21,4	24,4
Работа никак не связана со специальностью	45,2	38,3
Нигде не работать	6,5	7,6

Хочу попробовать устроиться по специальности, а там – как пойдет. Не зря же я столько лет училась. Не по специальности всегда можно найти место (М. Ю., историк, 20 лет, 2017 г.). Я хочу найти работу по смежной специальности, не чистая психология, но чтобы можно было применять полученные знания, например в управлении персоналом или корпоративной культурой на крупном предприятии (П. В., психолог, 2019 г.). Я совсем не планирую работать по специальности – за году учебы я понял одно, социология – это не моя тема, вот досуг и развлечения – это моя стихия и я хотел бы быть ведущим свадеб и юбилеев, давать свои концерты в клубах. Моя жизнь – это музыка, а не

цифры (О. Г., социолог, 22 года, 2019 г.).

Таблица 3
Факторный анализ социального и личного капитала студента вуза

Фактор	Переменные	Коэффициент
Знания – Умения – навыки Вес фактора – 16,7. Объяснительная дисперсия – 27,6%	Знать базовые основы, историю и современные особенности своей специальности.	0,764
	Уметь применять на практике основные подходы и методы своей специальности.	0,732
	Обладать навыками систематизации и анализа информации по своей специальности и смежным отраслям знания.	0,687
Социально-коммуникабельный Вес фактора – 13,3. Объяснительная дисперсия – 23,4%	Уметь устанавливать доброжелательную среду для выполнения поставленных задач.	0,697
	Снимать напряженность и конфликтные ситуации в учебном и рабочем коллективе	0,651
	Создавать условия для эффективного взаимодействия с учетом человеческих особенностей членов группы	0,587
Социально-сетевой Вес фактора – 11,8. Объяснительная дисперсия – 20,4%	Устанавливать полезные знакомства и связи на практике для последующей реализации социальных коммуникаций	0,614
	Проходить стажировки в различных структурах и организациях, способных повысить уровень компетентности в своей сфере	0,602
	Выстраивать межличностное взаимодействие с разными кругами профессионалов	0,565
Общекультурный Вес фактора – 9,7. Объяснительная дисперсия – 16,7%	Обладать общим уровнем образовательной культуры, широким кругозором, эрудицией	0,599
	Быть осведомленным о последних новинках и изменениях в области культуры и искусства, экономики и политики, экологии и науки в целом	0,565
	Постоянно читать новые книги и смотреть развивающие фильмы	0,523

При социализации личности в высшей школе актуализируются различные группы факторов, способствующие формированию социального и личного социального капитала студентов, которые в последующем могут стать основой для профессиональной, социальной реализации. Объяснительный потенциал общей дисперсии 88,1%.

Фактор *Знания – Умения – Навыки* – раскрывает те знания, умения и навыки, которые должны получить студенты, обучаясь на той или иной специальности. Благодаря ему можно судить о квалификации, уровне подготовки, возможности развития и применения своих способностей в разных профильных сферах деятельности. Как ресурс социального и личного капитала он является основой формирования профессионала, специалиста, мастера своего дела. Среди респондентов он имеет максимальное значение.

Ответы респондентов раскрывают данный фактор следующим образом: *без знания основ специальности маловероятно, что куда-то можно устроиться, хотя на практике учат иному, но мы хотя бы азбуку уже знаем* (О. А., психолог, 20 лет, 2019 г.), *умения и навыки, полученные в вузе – бесценны, так как они дают основу от чего можно оттолкнуться, чтобы развиваться дальше* (Л. А., маркетолог, 21 год, 2017 г.).

Социально-коммуникабельный фактор позволяет регулировать социально-психологический климат в учебной группе и коллективе, снимать напряженность, стрессовые моменты, решать и заниматься профилактикой конфликтов. Как ресурс социального и личного капитала он

является способом и навыком, позволяющим решать любые вопросы, связанные с работой, семьей, друзьями. Он универсален и позволяет легко и открыто входить в новые пространства, проекты и регулировать отношений с новой средой на равных. Его доля также достаточно значима для многих опрошенных студентов.

Важность данного фактора прослеживается в следующих ответах: *умение договариваться, решать споры и конфликты – это способность, которая помогает в любой ситуации, в любое время, если ты знаешь основные способы ухода от конфликта, можешь манипулировать другими участниками, через опробованные на парах упражнения – ты получаешь плюшки для себя* (М. А., государственный и муниципальный служащий, 20 лет, 2019 г.), *хорошие коммуникативные навыки еще никому не были лишними, в вузе помогли лично мне их раскрыть, через публичные выступления, ведение аргументации при беседе, уважение к оппоненту и так далее, это то, чем я буду пользоваться всю жизнь* (Л. А., социолог, 20 лет, 2019 г.).

Социально-сетевой фактор позволяет выстроить необходимые связи для успешной карьеры, достойной зарплаты, хорошего опыта работы для реализации профессиональных навыков и качеств. Как ресурс социального и личного капитала им пользуются не все студенты, одни не пользуются из-за того, что не развит предыдущий фактор (*социально-коммуникабельный*) – нами прослежена значимая корреляция ($p = 0,005$); другие из-за того, что ограничены собственными страхами или страхами своего окружения (*родите-*

лей, друзей), срабатывают социально-негативные установки (меня не возьмут никуда на приличное место, ведь я из простой семьи (А. М., технолог, 20 лет, 2017 г.), я не смогу найти хорошую работу, так как ни у меня, ни у моих родителей нет нужных связей (П. О., экономист, 21 год, 2019 г.).

Те же, кто пользуются им и выделяют как значимый, говорят обратные вещи: я смог себя зарекомендовать на практике самым лучшим образом, там ведь тоже смотрят, чтобы голова была на плечах и чтобы говорить мог нормально (С. В., аналитик, 22 года, 2019 г.), я хорошо себя показала на одном месте практики, а потом меня пригласили на оплачиваемую стажировку на все лето туда же и как закончу ВУЗ, я уезжаю в их главный офис работать – я смогла себя зарекомендовать (М. Ю., химик, 22 года, 2017 г.).

Общекультурный фактор позволяет сформировать общий уровень культуры и эрудиции, быть вхожим в любые круги, быть в курсе последних актуальных, новых, модных открытий, изобретений, проектов.

Важность этого фактора социального и личного капитала ценят не все, но все же и он есть среди ответов молодых людей. Они отмечают следующее: я получил много знаний о том, что к моей специальности не имеет прямого отношения, но это обогатило мой личный багаж, я могу рассказать интересные истории в компании, заинтересовать девушек каким-то необычными фактами, я прямо чувствую, как данные знания работают на меня (П. Н., менеджер, 19 лет, 2019 г.), я узнал интересные вещи на общих предметах и на конференциях, которые проводятся у

нас – это стало моим багажом и уже несколько раз себя ловил на том, что рассказываю друзьями истории, которые рассказывали мои преподаватели, говорю их словами и это создает какой-то интерес и уважение ко мне со стороны знакомых и даже неизвестных мне людей, случайно попавших в нашу компанию (А. В., юрист, 22 года, 2017 г.).

Выделенные нами факторы позволяют очертить формы успешной социализации молодого человека. При гармоничном сочетании всех четырех базовых факторов – возможна успешная социализация после завершения обучения в ВУЗе, при доминировании одного или нескольких факторов – могут быть сложности при реализации, но они могут компенсироваться большей выраженностью отдельных факторов.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что ресурсность высшей школы обладает высоким потенциалом для современных молодых людей. Уровень удовлетворенности обучением и планы на работу по специальности являются одними из ключевых показателей роста социального и личного капиталов. Развитие данных направлений деятельности приведет к развитию не только человеческого капитала в регионе и в стране в целом, но и позволит развивать территории Российской Федерации через кадры, обученные на местах.

Литература

1. Бурдые П. Homo academicus. М.: Издательство ИЭП, 2018. 464 с
2. Журавлева И.А. Образование в ресурсном пространстве молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований Материалы XVII Всероссийской

научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санжениакова. Новосибирск, ИЦ РАН, 2019. С. 136-139.

3. Журавлёва И.А. Образовательный контекст трудовой реализации российской молодёжи // DIXI – 2019 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 71-78.

4. Журавлева И.А., Тетерин В.В. Стратегия модернизации российского образования (социально-философский аспект) // Трансгрессия социокультурного пространства Материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, ИГУ. 2017. С. 35-43.

5. Заварзина Ю.В., Батьянова Л.Н., Москвитина Н.В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия // Социальная реальность виртуального пространства материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, ИГУ. 2019. С. 315-318.

6. Малых С.В. Социальная ответственность университета в развитии территории // Социология. 2019. № 3. С. 75-79.

7. Полюшкевич О.А. Социальное образование как технология социальных лифтов // Социальное образование в современной России: смена парадигм и поиск новых решений научно-методические мате-

риалы : К 25-летию социологического образования в России. Иркутск, ИГУ. 2014. С. 96-99.

Resource of higher education for the socialization of personality

Teterin V.V.

Irkutsk State University

The article discusses the features of the formation of personal and social resources among students. It is proved that the resource of higher education becomes a condition and a form of socialization of a person. The unique and traditional features of the formation of the personality of a young man studying at a university, his social and personal capital are analyzed.

Key words: higher school, socialization, resource, development, social capital, personal capital

References

1. Bourdieu P. Homo academicus. M.: IEP Publishing House, 2018. 446 p.
2. Zhuravleva I.A. Education in the youth resource space // Actual problems of humanitarian and social research Materials of the XVII All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences. Editorial Board: V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persian, A.A. Sanzhenakova. Novosibirsk, SC RAS, 2019. S. 136-139.
3. Zhuravlyova I.A. The educational context of the labor realization of Russian youth // DIXI - 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian studies, a collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 71-78.
4. Zhuravleva I.A., Teterin V.V. The modernization strategy of Russian education (socio-philosophical aspect) // Transgression of the socio-cultural space Materials of the V All-Russian Scientific Internet Conference. Irkutsk, ISU. 2017. S. 35-43.
5. Zavarzina Yu.V., Batyanova LN, Moskvitina N.V. Social and resource support for the competitiveness of the territory in the space of network interaction // Social reality of the virtual space materials of the I International scientific and practical conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. Irkutsk, ISU. 2019. S. 315-318.
6. Malykh S.V. Social responsibility of the university in the development of the territory // Sociology. 2019. No 3. P. 75-79.
7. Polyushkevich O.A. Social education as a technology of social elevators // Social education in modern Russia: a paradigm shift and the search for new solutions, scientific and methodological materials: On the 25th anniversary of sociological education in Russia. Irkutsk, ISU. 2014. S. 96-99.

Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе

Трескин Петр Андреевич

преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет. treskin-ne@ya.ru

В статье анализируются результаты исследования вовлеченности общественных организаций в социально активное пространство Иркутска. Исследование опирается на экспертные интервью, проводимые с лидерами общественных некоммерческих организаций города Иркутска и Иркутской области. Выявляются как ключевые проблемы, так и перспективные точки роста некоммерческого сектора региона.

Ключевые слова: экспертное сообщество, общественные организации, некоммерческие организации, публичное пространство, гражданская активность

Общественные организации занимают ключевую роль в воспроизводстве социального капитала региона. Более того, значимость общественных организаций в регулировании норм и форм функционирования гражданского общества достаточно велика и многообразна. Они выступают связующим звеном между властью, бизнесом, ответственностью, учитывая и принимая интересы каждой из сторон. При этом прослеживается справедливость как социальная и правовая категория, регулирующая общественную активность города [4].

Законодательством Российской Федерации деятельность общественных организаций регламентируется ФЗ «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ [1] и ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ [2], а также ФЗ № 121 «Об иностранных агентах» от 20.07.2012 [3]. Данные законы регулируют правовое поле общественных и некоммерческих организаций России, определяя рамки и нормы легитимности применяемых практик взаимодействия.

Говоря о теоретической рамке изучения включенности общественных организаций в регулирование общественных отношений в Иркутске, которое затронуто в других работах автора [7,8,9], мы использовали неинституциональную теорию Д. Норта и Н. Флигстина, для операционализации формальных и не-

формальных норм и правил регулирующих работу общественных организаций, а также концепцию Ш. Арнштейна «лестница человеческого участия», которая позволяет выявить уровни вовлеченности граждан в акции и иные мероприятия общественных организаций и особенностей проявления и реализации формальных (соблюдение правил придуманных людьми, регламентирующийся какими-либо нормативными актами) и неформальных практик (общепринятые условности и кодексы поведения) участников мероприятий, организованных некоммерческими организациями (НКО).

Эмпирической основой¹ исследования послужили 18 полуструктурированных интервью (продолжительность от 40 до 150 минут) с участниками общественных и некоммерческих организаций, активно участвующих в акциях, касающихся публичного пространства города. Среди респондентов два члена общественной палаты Иркутской области, президент женской некоммерческой организации, президент ассоциации инвалидов, президент автономного некоммерческого реабилитационного центра, президент благотворительного фонда, два представителя спортивных организаций (один – инвалид, второй – пенсионеров), два активиста экологических организаций, восемь активистов из различных районов города.

В ходе исследования выявили однозначно высокую оценку роли обще-

ственных некоммерческих организаций в социальном пространстве города Иркутска. Несмотря на высокий уровень общественного недовольства и социальной напряженности, о чем более подробно изложено в исследованиях О.А. Полюшкевич [5,6], мы говорим о наличии социально активной группы, способной влиять на социальное самочувствие и социальную активность горожан. Все 100% респондентов указывали на весомый общественный вклад как организаций, так и отдельных их членов в регулировании социальной жизни Иркутска.

Без общественных организаций не было бы легитимных институтов противостояния властям, интересам бизнеса, да и отстаивания прав граждан. Общественные организации – это опора и надежда нашей страны на гражданское общество (С.С., представитель спортивной организации пенсионеров).

Общественные организации, да и отдельные члены этих организаций – стали синонимами нашего города. Например, Байкальский региональный союз женщин «Ангара» и его президент Альбина Широкова или «Возрождение Земли Сибирской» и руководитель Елена Творогова, или «Клуб молодых ученых «Альянс» и Алексей Петров и этот список можно бесконечно продолжать (Л.Н., представитель активистов от Первомайского района).

На основе анализа интервью, мы выявили наличие нескольких уров-

¹ В работе используются материалы исследования «Публичное пространство Иркутска», проводимого под руководством О.А. Полюшкевич в 2019 году. Для полуструктурированного

интервью выбирались представители НКО активно участвующие в публичной жизни города Иркутска (более 6 раз за последний год выступали в СМИ с заявлениями или комментариями по общественно значимым вопросам).

ней взаимоотношений представителей общественных организаций и представителей других социальных институтов включенных в процесс общественных отношений в регионе.

Первый – манипулятивный. Зачастую применяется представителями власти для формального учета интересов горожан и всех заинтересованных институтов.

По факту, властям участие общественных объединений в обсуждении социально значимых вопросов городского развития только мешает, так как не позволяет сразу принять то, что выгодно им. И поэтому они приглашают фиктивных (или мало осведомленных в вопросе) представителей общественности или НКО, формально соблюдая правила, но реально их игнорируя (А.Ш., президент женской некоммерческой организации).

Властям надо соблюдать протокол и процедуру, а суть, качественный разбор – только тормозит и усложняет дело. Поэтому, приглашают иногда фиктивных представителей, кому проплатили и те говорят, что надо им, а не то, что есть на самом деле (общественный активист из Октябрьского района Иркутска).

Также включаются неформальные практики, через замену участия простых граждан представителями провластных организаций, для создания нужного фона и пространственного заполнения зала.

Неоднократно такое уже было, когда например на общественных слушаниях – зал забит непонятно кем, а простым гражданам не пройти и соответственно – их слово никто не услышит (С.В.,

член общественной платы Иркутской области).

Второй – *информационный*. Используется различными группами интересов для нагнетания или наоборот умалчивания информации, о какой либо проблеме или вопросе.

Так как формы представления информации слушаниях о каких-либо важных вопросах законодательством не регламентируются, только есть обязательство информировать население и общественные институты, но не указано как. Тайны нет, но если ты не хочешь узнать – то просто так не узнаешь. Только если не НКОшники. Они как глашатаи правды и вестники истины помогают слышать, слушать и действовать... зная свои права и обязанности в интересах народа ... (Ю.К., Президент благотворительного фонда).

Информация властями где-то в вестниках администрации указывается, которые простые люди то и в глаза отроду не видали, если не общественники, которым реально не все-равно – то и правду никто не узнает (О.Д., общественный активист от Ново-Ленинского района).

Практически все представители общественных организаций указывают на высокий уровень апатичности населения, которым активно пользуются заинтересованные группы.

Да и народ то у нас инертный, ему говоришь, пишешь – приходите, говорите свое мнение, а ему все-равно, так как веры нет в силу свою и возможность отстаивать правду за собой (С.Ю., общественный активист от Свердловского района).

Веры у людей поубавилось в свою силу. Да может в суете, повседневных задачах совсем не верят ни в себя, ни во власть. А это страшно. Если народу все равно кто и как им управляет, то им попутать и притеснять будут все кому не лень (Г.Ж., президент автономного некоммерческого реабилитационного центра).

В общественных проектах и мероприятиях всегда звучит забота о гражданах, забота горожанам, о социальной инфраструктуре, о ЖКХ, об экологии и других важных вопросах. И обывателю трудно понять, что это забота не о нем конкретно, а забота о чьих-то интересах, прикрытых интересами общественности. И по мнению активистов, только за ними и остается спасение – в информировании населения.

В выступлениях чиновников часто звучат общеизвестные данные, которые есть на сайтах или других общедоступных информационных ресурсах. И формально к ним не придерешься, но по факту – льют воду, только представители общественных организаций могут отстаивать интересы общественности, реально лоббируя и говоря о существующих проблемах и возможных вариантах их решения (О.А., активист экологической организации).

Громко говорить о проблеме, не значит ее решать. А у нас всегда так – кто больше всех говорит – тот ничего не делает для ее решения, а кто реально работает – того и не слышно и общественность не в курсе – кому спасибо говорить, а кого подальше знать надо. Так если не мы – то никто реальную работу и реальные проблемы не увидит (Л.Н., президент

общественной организации инвалидов).

В рамках неформальных практик на данном уровне активизируются социальные рычаги воздействия через социальные сети и ресурсы взаимодействия. В нашем городе в виде кумовства или иных личных форм знакомства.

Третий – консультационный. Привлечение экспертов по проблеме или вопросу или создание комиссии, которая вынесет вердикт.

Комиссии, съезды и созывы – выступают нишей прикрытия для лоббирования или наоборот прикрытия различных решений на городском уровне. Это инструмент действенный, для властей – снятие ответственности с себя, для бизнеса – группа с кем нужно и можно выстроить диалог, для общественности – размытое сообщество... в итоге – получает все тот, в чьих интересах она действует, хотя всегда прикрывается интересами общественности ... (А.П., активист экологического движения).

На этом уровне неформальные практики играют ключевую роль, так как позволяют связать воедино социальный капитал тех, кто заинтересован в вопросе или проблеме и тех, кто им противостоит или является представителем других не менее заинтересованных, но обладающих меньшим социальным капиталом групп интересов или социальных институтов. Умение договариваться – выступает ключевым маркером данного уровня.

В различных регионах РФ усиливается роль и значение некоммерческого сектора. Общественные некоммерческие организации занимают все больше ниш в сфере оказания услуг: от образовательных до

правовых, от экологических до досуговых, от религиозных до медицинских и многих других. Некоммерческие организации (далее – НКО) своим существованием гарантируют получение качественных социальных услуг населением вне зависимости от их статуса и положения.

Таким образом, общественные организации вовлечены во многие социально важные процессы развития города Иркутска. Далеко не всегда это участие формально регламентировано, зачастую строится на неформальных практиках и может активизировать различные уровни взаимодействия с различными представителями и целыми социальными институтами.

На всех уровнях взаимоотношений общественных организаций в социально значимых отношениях в городском пространстве присутствуют неформальные практики отношений. Также, каждый уровень отношений характеризуется своим форматом, уровнем погруженности и активизации личных и социальных связей, то есть социальное взаимодействие через социальные сети и социальный капитал выступает основным ресурсом участников.

Литература

1. ФЗ № 82 «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 // КонсультантПлюс [электронный ресурс] URL:

<http://www.consultant.ru/document/> (дата доступа 28.05.2019)

2. ФЗ № 7 «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 // КонсультантПлюс [электронный ресурс] URL:

<http://www.consultant.ru/document/> (дата доступа 28.05.2019)

3. ФЗ № 121 «Об иностранных агентах» от 20.07.2012 // КонсультантПлюс [электронный ресурс] URL:

<http://www.consultant.ru/document/> (дата доступа 28.05.2019)

4. Дружинин Г.В. Справедливость правосудия в России // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. М.: МГУ, 2018. С. 870-872.

5. Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в социальных и естественных рамках // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 182-187.

6. Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в социальном воспроизводстве // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений Материалы III международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях. 2018. С. 63-68.

7. Трескин П.А. Роль некоммерческих организаций в построении диалога с органами власти // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований Материалы XVI Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. 2018. С. 170-176.

8. Трескин П.А. Роль некоммерческих организаций в социально-политическом пространстве Байкальского региона // Социология. 2018. № 2. С. 131-137.

9. Трескин П.А. Системное воздействие некоммерческих организаций на социальные настроения в Иркутской области // Социальная консолидация и социальное воспро-

изводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полишкевич. Иркутск, 2019. С. 163-166.

The participation of public organizations in the regulation of public relations in the region

Treskin P.A.

Irkutsk State University

The article analyzes the results of a study of the involvement of public organizations in the socially active space of Irkutsk. The study is based on expert interviews conducted with leaders of public non-profit organizations in the city of Irkutsk and the Irkutsk region. Both key problems and promising growth points for the non-profit sector of the region are identified.

Key words: expert community, public organizations, non-profit organizations, public space, civic activism

References

1. Federal Law No. 82 "On Public Associations" dated 05/19/1995 // ConsultantPlus [electronic resource] URL: <http://www.consultant.ru/document/> (access date 05/28/2019)
2. Federal Law No. 7 "On Non-Profit Organizations" dated 12.01.1996 // ConsultantPlus [electronic resource] URL: <http://www.consultant.ru/document/> (access date 05/28/2019)
3. Federal Law No. 121 "On Foreign Agents" dated 07/20/2012 // ConsultantPlus [electronic resource] URL: <http://www.consultant.ru/document/> (access date 05/28/2019)
4. Druzhinin G.V. Justice in Russia // Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world. Collection of materials. M.: Moscow State University, 2018.S. 870-872.
5. Polyushkevich O.A. Social dissatisfaction in the social and natural framework // The problem of the ratio of natural and social in society and man. 2018. No. 9. S. 182-187.
6. Polyushkevich O.A. Public discontent in social reproduction // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions Materials of the III international scientific and practical Internet conference: in 2 parts. 2018.S. 63-68.
7. Treskin P.A. The role of non-profit organizations in building a dialogue with authorities // Actual problems of humanitarian and social research Materials of the XVI All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences. 2018.S. 170-176.
8. Treskin P.A. The role of non-profit organizations in the socio-political space of the Baikal region // Sociology. 2018. No. 2. P. 131-137.
9. Treskin P.A. The systemic impact of non-profit organizations on social moods in the Irkutsk region // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects collection of scientific papers. FSBEI HE "IGU"; under the general. ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2019.S. 163-166.

Table of Contents

THEORY AND METHODOLOGY

- Kravchenko A.I. Statics and dynamics of social action 4
 Museve O.Kh. The concepts of "elderly population" and "aging population" in the context institutional analysis 40
 Sinelnikov A.B. Is it possible to complete freedom to choose a life path? 51

To the 75th anniversary of the GREAT VICTORY

- Vasetskiy N.A. Apology of the Great Victory. 1941-1945: Civilization factor 66
 Ostashkin V.N. The content, main directions and forms of activity of cultural institutions during the Great Patriotic War of 1941-1945. 78

SOCIOLOGY OF CULTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Volodkin P.P., Umanets I.F., Lazarev V.A., Panchuk N.N., Filatova O.A. The Formation of an Online Learning System at Pacific State University: A Sociological Aspect .. 93
 Garnaga A.F. Directions of modern city and urban research 102
 Goncharova T.A., Grosheva G.V. Sociocultural portrait of a modern memoirist (on the example of the authors of personal texts on the history of Tomsk villages of the twentieth century) 108
 Drozdov D.I. Customer needs, as a key factor in the transformation of traditional business models in modern markets by the example of the banking sector 118
 Ren Huanhuan, Jiang Sui. Comparative analysis of employment regimes Chinese and Russian retirees 126
 Igunnov O.A. The development of organizational social capital: theoretical hypothesis 136
 Kozhevnikov A.M., Maslikov V.A. Modern studies of the impact of Internet communications on the formation of value youth orientations 149
 Maksimov V.V. Methodological problems sociological study of civilizational identification of Russian youth 159
 Mesropyan M.G. Sociological analysis of telemedicine implementation practice with limited resources 165
 Matyushina Yu.B., Petrov D.S., Petrova V.D. Revenues in the budget of a modern Russian student 173
 Ryazantsev I.P., Gridina V.V. Traditions and values of the modern technical university 186
 Chernyshev V.P., Chernysheva L.G., Yurechko O.V., Bobina O.N., Matsko A.I. Modern sport as a refuge from ontological fear and the construction of a temporary security gap 196

THEORY AND HISTORY OF CULTURE. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

- Appolonov A.V. The concept of "religio" in the works of Marsilio Ficino 202
 Garipova N.M. About the meanings of "meaning" and his hypostases 210
 Pozharsky S.D., Bober J. Problems of formation and development of philosophical studies of the category "Marginality" 221
 Musica O.A., Popov V.V. Relevance problems of inclusive formation Culture: Scientific Discourse 232
 Ravochkin N.N. The inclusion of D. North theory into a synthetic methodology for studying the ideological determination of political and legal institutional transformations .. 238
 Rotkin N.V. The defense consciousness of society as a socio-philosophical category 248
 Sadikhonov M.T. Maktubat Imam Rabbani and Tatar ulama 259
 Sizintsev P.V. The concept of personality in the philosophical and social social heritage of Russian thinker P.Ya. Chaadaeva ... 266

EMPIRICAL RESEARCH

- Ardashev R.G. The role of pralagic thinking in modern ideas about alternative methods of treatment 273
 Zhuravleva I.A. Resource and educational potential of modern youth 279
 Zubova O.G. The specifics of Russian scientific discourse of children's problems participation 287
 Ivanov R.V. Conditions for countering extremism among young people: results of a regional study 301
 Malykh S.V. The formation of a university's virtual identity youth 312
 Popova M.V. Development mechanisms attractiveness of rural areas in the Irkutsk region 317
 Polyushkevich O.A. Optimists and pessimists in the modern world..... 328
 Skudenkov V.A. The transformation of the life goals of youth under the influence of economic sanctions against Russia 341
 Teterin V.V. Resource of higher education for the socialization of personality 345
 Treskin P.A. The participation of public organizations in the regulation of public relations in the region 352

